Цѣна 1 руб.

Собраніе сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Критически провѣрен. текстъ, біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія, два портрета и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда

Томъ седьмой

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій проспектъ, собств. домъ, № 75

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе".
С.-Петербургъ, Забалканскій просп., собств. домъ № 75.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

II-ая серія:

Собраніе сочиненій

Д. Я. АЙЗМАНА.

Съ портретомъ автора.

5 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. перепл. 8 р. 75 к.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

С. А. АН—СКАГО.

Подъ наблюденіемъ автора.

5 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. перепл. 8 руб. 75 коп.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

Б. А. ЛАЗАРЕВСКАГО.

Съ портретомъ автора.

5 томовъ по 1 руб., въ изящныхъ переплетахъ 7 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

Н. А. Добролюбова.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ *автора;*
Л. Н. Андреева, со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера;*
Ѳ. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ *автора;*
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ *автора.*

II серія.

Д. Я. Айзмана, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. А. Ан-скаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Н. Златовратскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
А. И. Левитова, со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ *автора;*
Вас. И. Немировичъ-Данченко, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Ф. Олигера, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. М. Осиповича, подъ наблюденіемъ *автора.*

III серія.

А. С. Пушкина, подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. *Арс. И Введенскаго;*
Н. В. Гоголя, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
И. А. Крылова, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
А. В. Кольцова, подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
С. Т. Аксакова, подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
А. Н. Островскаго, подъ ред. *М. И. Писарева;*
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. *Н. А. Благовѣщенскаго;*
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ *автора;*
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. В. Максимова, со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
И. С. Никитина, подъ ред. *А. Г. Ѳомина* и *Ю. И. Айхенвальда;*
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ *автора.*

IV серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго;*
Элизы Оржешко, подъ ред. *С. С. Зелинскаго;*
Г. де Мопасана, съ критико-біографич. очеркомъ *З. А. Венгеровой;*
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ *М. А. Энгельгардта;*
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями *Ѳ. Д. Батюшкова* и *Е. В. Аничкова;*
Георга Брандеса, съ предисловіемъ *М. В. Лучицкой.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

112/54-7

Собраніе сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Критико-біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія, библіографическій указатель, два портрета и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Н. Добролюбовъ.

Томъ VII.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій просп., д. № 75.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе тома VII.

Стр.

Предисловіе редактора къ тому VII 1

Народное дѣло. Распространеніе обществъ трезвости („Современникъ“ 1859, № 9) 11

Робертъ Овэнъ и его попытки общественныхъ работъ 81

Непостижимая странность („Современникъ“ 1860, № 11) 149

Изъ Турина („Современникъ“ 1861, № 3) 263

Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура („Современникъ“ 1861, № 6 и 7) 315

Отъ редактора.

Предисловіе къ тому VII.

Статья Добролюбова «Народное дѣло» («Распространеніе обществъ трезвости») представляетъ большой интересъ, но отнюдь не фактическимъ своимъ содержаніемъ. Съ нашей, современной, точки зрѣнія факты, собранные здѣсь Добролюбовымъ главнымъ образомъ изъ газетной хроники, не могутъ не представляться незначительными. Дѣйствительно, инициатива общества трезвости въ Россіи принадлежитъ крестьянскому населенію. Отчасти вслѣдствіе трудностей, связанныхъ съ нашими полицейскими условіями, отчасти по другимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь распространяться неумѣстно, общества трезвости въ нашихъ городахъ появились очень поздно. Первое городское общество трезвости было учреждено въ Петербургѣ только въ 1890 г. Въ другихъ городахъ подобныя общества возникали очень медленно, такъ что, напр., въ 1894 г. во всей Россіи ихъ насчитывалось только 15. А между тѣмъ въ деревняхъ такого рода общества пользовались большой популярностью еще въ эпоху откуповъ, вызванныя къ жизни, главнымъ образомъ, дороговизною и недоброкачественностью вина.

Въ 1858 г. движеніе въ пользу трезвости охватило всю Ковенскую и часть Виленской губ.; въ 1859 г. къ нему присоединилась и вся Гродненская губ. Одновременно съ этимъ возникли общества трезвости и среди крестьянъ губерній Саратовской, Тверской, Екатеринославской, Тульской, Владимирской и др. Конечно, это явленіе въ свое время заслуживало полнаго вниманія со стороны русской журналистики, и Добролюбовъ, заявившись имъ, только лишній разъ показалъ свою чуткость къ общественнымъ вопросамъ. Однако, тѣ выводы, къ которымъ пришелъ Добролюбовъ изъ обзора этого трезвеннаго крестьянскаго движенія, едва ли могли найти себѣ оправданіе въ фактахъ.

Подобно Катону Старшему, упорно, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, твердившему: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam», Добролюбовъ съ такимъ же упорствомъ твердилъ о необходимости разрушенія отечественнаго Карѳагена, — крѣпостного права и связанныхъ съ нимъ политическихъ и соціальныхъ формъ русской жизни. Свобода будетъ, потому что народъ просыпается и возьметъ ее. Въ 1860 г. объ этомъ пробужденіи народа, объ освободительныхъ стремленіяхъ молодой Россіи нашептываютъ ему дивныя сказки героя и героини Марка Вовчка и Катерина Островскаго. До Катерины эти же грезы навѣвали ему газетные отчеты о трезвенномъ крестьянскомъ движеніи.

Впрочемъ, Добролюбовъ преисполненъ такой глубокой вѣры въ народъ и въ его пробужденіе, что факты изъ этой области едва ли и нужны ему. Еще раньше чѣмъ подойти къ фактамъ, онъ оперируетъ съ такимъ неотразимымъ, съ его точки зрѣнія, ар-

гументомъ: «Нѣтъ такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть безконечно; дойдя до извѣстнаго предѣла, она непремѣнно изломится или оборвется. Такъ точно нѣтъ на свѣтѣ человѣка и нѣтъ общества, котораго нельзя было бы вывести изъ терпѣнія . . .». И критикъ увѣренъ, что русскій народъ доведенъ до этого предѣла. Мы уже знаемъ, какъ возмущался впослѣдствіи Писаревъ тѣмъ, что Добролюбовъ призналъ *лучъ свѣта* въ невѣжественной Катеринѣ. Но уже и въ данной статьѣ, написанной за годъ до «Луча свѣта», Добролюбовъ не считаетъ отсутствіе образованія препятствіемъ къ освободительному народному движенію. Не только школа или литература, но и сами жизненные факты, — утверждаетъ онъ, — обладаютъ воспитательной силой. Образованіе даетъ умѣніе формулировать то, что сознается. Но и неформулированное страданіе — все-таки страданіе: «есть предѣлъ, за которымъ оно можетъ ярко обозначиться, и тогда безъ всякихъ книгъ . . . оно проявится на дѣлѣ. Дѣйствительный фактъ, отразившись въ практической жизни дѣятельнаго рабочаго человѣка, породитъ тоже дѣйствительный фактъ, тогда какъ книжныя теоріи и предположенія образованныхъ людей, можетъ быть, такъ и останутся только теоретическими предположеніями».

Добролюбовъ былъ увѣренъ въ близости катастрофы. Онъ опасался даже, что она наступитъ слишкомъ скоро и застанетъ неподготовленными подрастающее поколѣніе интеллигентныхъ друзей народа. Это опасеніе выражено имъ въ слѣдующемъ анонимномъ обращеніи:

О подожди еще, желанная, святая!
Немедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!

Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
И лучшіе друзья не приподнимутъ рукъ.

Неудивительно, что съ этой вѣрой въ просыпающіяся моральныя силы народа Добролюбовъ отнесся къ фактамъ трезвеннаго движенія съ преувеличеннымъ оптимизмомъ, для котораго на самомъ дѣлѣ они не давали поводовъ.

О статьѣ, посвященной Овэну (Owen), можно повторить то же, что сказано и о предыдущей статьѣ. Цѣнность ея — не въ фактическомъ содержаніи и не въ оцѣнкѣ дѣятельности этого соціалиста-утописта. Въ концѣ статьи Добролюбовъ и самъ отмѣчаетъ неполноту и незаконченность своей работы, ссылаясь на цензурныя стѣсненія. Впрочемъ, для своего времени статья Добролюбова и въ этомъ незаконченномъ ея видѣ имѣла большое значеніе. По признанію его институтскаго товарища М. И. Шемановскаго, сдѣланному подъ впечатлѣніемъ только что прочитанной статьи Добролюбова, — журналистика, знакомя съ ученіями такихъ людей, какъ Овэнъ, оказываетъ большую услугу обществу, она поднимаетъ русскихъ Обломовыхъ (къ нимъ Шемановскій причислялъ и себя), даетъ имъ огонь и бодрость, которые они теряютъ при своей первой борьбѣ со зломъ.

Во всякомъ случаѣ статья объ Овэнѣ съ полной несомнѣнностью вскрываетъ соціалистическія симпатіи Добролюбова. Къ утопизму ученія Овэна авторъ остается нечувствителенъ, — вѣрнѣе, Добролюбовъ его не замѣчаетъ, потому что русская дѣйствительность того времени, въ условіяхъ крѣпостническаго хозяйства, и не могла бы дать матеріала для соціалистическихъ построеній не-утопическаго типа. Правда, и въ началѣ и въ концѣ статьи

онъ прямо говоритъ объ установившейся за Овэномъ репутаціи, какъ «утописта, мечтателя, романтика, непрактичнаго и даже прямо безразсуднаго человѣка», при чемъ критикъ «во многомъ» соглашается съ такой оцѣнкой. Но, во-первыхъ, въ этомъ согласіи нельзя не усмотрѣть ироніи Добролюбова по адресу хулителей и противниковъ Овэна, и во-вторыхъ, утопизмъ Овэна лежитъ совсѣмъ не въ той плоскости, на которую иронически указываетъ Добролюбовъ.

Утопизмъ соціалистической системы Овэна опредѣляется отрицательнымъ его отношеніемъ къ политическимъ реформамъ и къ классовой борьбѣ. Свою попытку «превратить этотъ сумасшедшій домъ въ разумный міръ» Овэнъ цѣликомъ строилъ на энергіи отдѣльныхъ выдающихся личностей. На конгрессѣ своихъ послѣдователей въ 1832 г. онъ даже заявилъ, что «деспотическія правительства нерѣдко оказываются лучшими, чѣмъ такъ называемыя демократическія» и что «по отношенію къ кооперативной системѣ не имѣетъ ровно никакого значенія, деспотично ли правительство или нѣтъ».

Какъ первый зачинатель современнаго кооперативнаго движенія, какъ духовный отецъ фабричнаго законодательства, Робертъ Овэнъ не можетъ не интересовать современнаго читателя, и поэтому статья объ Овэнѣ, при всемъ ея некритическомъ отношеніи къ системѣ этого соціалиста, сохраняетъ свое значеніе и понынѣ. О значеніи этой статьи для характеристики самого Добролюбова распространяться, послѣ сказаннаго, нѣтъ надобности.

Статьи Добролюбова, касающіяся событій итальянской жизни въ періодъ борьбы за объединеніе Италіи («Непостижимая странность», «Изъ Турина»

и «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура») прежде всего обращаютъ вниманіе страстнымъ отношеніемъ къ затрагиваемымъ въ нихъ фактамъ и дѣятелямъ. И вѣдь не только этими статьями откликнулся Добролюбовъ на итальянскія событія, онъ реагировалъ на нихъ и въ «Свисткѣ», помѣстивъ тамъ на эту же тему цѣлый рядъ замѣтокъ, пародій и стиховъ. Чувствуется, что событія, происходившія на Аппенинскомъ полуостровѣ, волновали его такъ, какъ будто ихъ развитіе и исходъ могли непосредственно отразиться на судьбахъ Россіи.

Надобно замѣтить, впрочемъ, что и вся вообще русская журналистика того времени отнеслась къ итальянскимъ событіямъ съ большой горячностью и удѣляла имъ много вниманія и энергіи. Похоже было, какъ будто Италія заняла теперь въ сознаніи русскаго образованнаго общества такое же мѣсто, какое раньше, на исходѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, занимала въ немъ, по свидѣтельству Щедрина, Франція.

«Въ Россіи, — характеризовалъ Щедринъ настроеніе своего поколѣнія, — мы существовали лишь фактически или, какъ въ то время говорилось, имѣли образъ жизни... Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собою область какъ бы застланную туманомъ, въ которой даже такое дѣло, какъ опубликованіе «Собранія русскихъ пословицъ», являлось прихотливымъ и предосудительнымъ; напротивъ того, во Франціи все было ясно какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками... Всякій эпизодъ изъ общественно-политической жизни Франціи затрагивалъ насъ за живое, заставлялъ радоваться и страдать» («За рубежомъ»).

Усиленный интересъ русской журналистики къ итальянскимъ событіямъ точно также въ значительной мѣрѣ объясняется «туманомъ», застилавшимъ собою отечественную дѣйствительность: цензура наканунѣ крестьянской реформы сдѣлалась особенно нервной и придирчивой, и журналистамъ приходилось затрачивать много энергіи для того, чтобы разными правдами и неправдами протаскивать черезъ цензуру статьи по вопросамъ внутренней жизни.

Возвращаясь въ частности къ итальянскимъ статьямъ Добролюбова, надобно сказать, что онѣ находятся въ самой тѣсной связи со всѣми другими его статьями періода 1859—61 гг. «Живая гробница мертваго народа», какъ называлъ Италію, смирившуюся подъ гнетомъ чужеземнаго ига и туземной тиранніи, поэтъ Джузеппе Джусти, захватила вниманіе Добролюбова главнымъ образомъ какъ лабораторія, въ которой онъ опытнымъ путемъ могъ, казалось, провѣрить осуществимость своихъ завѣтнѣйшихъ грезъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Только что разсматривая статью «Народное дѣло», я указалъ на ея близкое идейное родство съ послѣдними *критическими* статьями Добролюбова. Продолжая эту параллель дальше, легко убѣдиться, что то же «Народное дѣло» (написанное въ 1859 г.) находится въ такомъ же тѣсномъ родствѣ и съ первой итальянской статьей «Непостижимая странность» (написанной въ 1860 г.).

Въ «Народномъ дѣлѣ», какъ мы уже видѣли, Добролюбовъ высказываетъ положеніе, что есть предѣлы человѣческому страданію и терпѣнію, и что за этими предѣлами народъ непремѣнно возъ-

метъ свою судьбу въ собственныя руки. Поскольку позволяли цензурныя рамки, критикъ и въ этой статьѣ и въ другихъ вполнѣ опредѣленно указывалъ, что крѣпостная Россія дошла до этихъ предѣловъ.

Въ статьѣ «Непостижимая странность», анализируя итальянскія событія, Добролюбовъ прямо говоритъ о цѣли своей статьи: «Намъ хотѣлось показать читателю, что за годъ, за два, даже за нѣсколько мѣсяцевъ до гарибальдійскаго движенія никому не приходило въ голову, чтобы бурбонское правительство и его система могли быть такъ легко уничтожены въ Неаполѣ».

И дальше, на протяженіи многихъ страницъ, онъ развертываетъ передъ читателемъ яркую картину дореволюціонной жизни Италіи. Народъ былъ забитъ и запуганъ и въ полномъ смиреніи несъ иго своего двойного рабства. Все было направлено къ тому, чтобъ потушить въ народѣ послѣднія искры національнаго самосознанія. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовала религія, учившая народъ смотрѣть на враговъ абсолютизма какъ на враговъ Бога и церкви. Въ этомъ же смыслѣ вліяла литература, которую іезуиты не только цензировали, но и сочиняли. На публичныхъ собраніяхъ, тщательно охраняемыхъ полиціей, подавлялось всякое живое слово, и т. д. и т. д. «И между тѣмъ революція такъ быстро, такъ легко сокрушила тронъ Бурбоновъ!..»

Вотъ эта именно «непостижимая странность», завѣренная экспериментальнымъ путемъ въ живой соціальной лабораторіи, и привлекла вниманіе Добролюбова къ итальянскимъ событіямъ.

Само собою разумѣется, что въ борьбѣ партій, развернувшихъ свои силы въ годы освободительнаго

движенія, Добролюбовъ становится всецѣло на сторону Гарибальди, полагавшаго, что для созданія итальянскаго единства и величія надобно дѣйствовать революціоннымъ путемъ. Къ Кавуру, который считалъ необходимымъ держаться только въ предѣлахъ, допускаемыхъ французскимъ императоромъ, Добролюбовъ, напротивъ, относится съ чувствомъ самаго живого негодованія. Въ превосходно написанной корреспонденціи «Изъ Турина», касаясь личной характеристики этого итальянскаго дѣятеля, Добролюбовъ рѣшительно не въ состояніи сохранить объективность стройнаго наблюдателя. «Есть, — выражается онъ здѣсь, напримѣръ, — сортъ личностей симпатичныхъ для своей партіи, но несносныхъ до омерзѣнія для противниковъ. Таковъ представляется мнѣ графъ Камилло Бензо Кавуръ... Видѣвши и слышавши его нѣсколько разъ, я понимаю, что этакой человѣкъ можетъ, несмотря на свое видимое добродушіе и мягкость, довести до бѣшенства своихъ противниковъ...»

Итальянскія статьи Добролюбова обращали на себя вниманіе и создавали вокругъ себя атмосферу полемическаго возбужденія. Добролюбова обвиняли въ томъ, что, осуждая Кавура, онъ дѣлалъ будто бы политическую безтактность по отношенію къ гражданскимъ интересамъ Россіи; что онъ своими статьями оскорбляетъ итальянскій народъ и проч. Чернышевскій, — который велъ въ «Современникѣ» особый отдѣлъ «Политики» и здѣсь, занявъ положеніе объективнаго наблюдателя, болѣе или менѣе спокойно отмѣчалъ всѣ перипетіи итальянскихъ событій, — вполнѣ раздѣлялъ, однако, взгляды и настроенія своего молодого товарища. И когда «Отечественныя Записки» (№ IV) обрушились на автора

«Письма изъ Турина» рядомъ злостныхъ обвиненій, Чернышевскій (въ «Полемическихъ красотахъ») выступилъ на его защиту, обнаруживъ полную солидарность съ Добролюбовымъ въ оцѣнкѣ итальянскихъ событій.

Вл. Кранихфельдъ.

Народное дѣло.

Распространеніе обществъ трезвости.

Много разъ приходилось намъ слышать отъ людей, искренно желающихъ народнаго блага, выраженіе сожалѣнія о томъ, что народъ нашъ живетъ такъ разрозненно, такъ мало проникнутъ сознаніемъ общихъ интересовъ. Не менѣе горькія сѣтованія слышатся часто и о томъ, что масса простого народа отдѣлена у насъ китайскою стѣною отъ образованныхъ классовъ общества и вслѣдствіе того почти не можетъ пользоваться благодѣтельными указаніями науки и литературы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ много представляется пессимистами фактовъ и соображеній, которыя приводятъ къ чрезвычайно мрачнымъ заключеніямъ о бытѣ и характерѣ народныхъ массъ и заставляютъ почти отчаяться въ возможности ихъ успѣховъ на поприщѣ нравственныхъ и общественныхъ интересовъ.

«Народонаселеніе наше, — говорятъ пессимисты, — раскинуто по безконечной равнинѣ, и во всей Европейской Россіи едва составляетъ 500 человѣкъ на квадратную милю, т. е. въ восемь и въ десять разъ меньше населенности всей остальной Европы. Средства сообщенія между обитателями

разныхъ концовъ этого 4,000-верстнаго протяженія чрезвычайно неудобны и затруднительны, а потребность и обычаи ихъ слишкомъ разнообразны. Суровый климатъ и неблагодарная почва большей половины этого пространства требуютъ изнурительныхъ и долгихъ трудовъ для того, чтобы человѣкъ могъ безбѣдно удовлетворить всѣмъ своимъ естественнымъ потребностямъ. А между тѣмъ трудъ и богатство распредѣлены съ гораздо большимъ неравенствомъ, нежели въ какой бы то ни было другой странѣ. Почти весь производительный трудъ приходится на долю простонародья, почти всѣ выгоды его достаются образованнымъ классамъ. На обязанности земледѣльца лежитъ не только забота о своемъ собственномъ прокормленіи, но и содержаніе, — да не просто содержаніе, а богатое, роскошное содержаніе — и другихъ классовъ общества. Когда тутъ думать о высшихъ потребностяхъ собственной натуры, когда хлопотать о средствахъ для улучшенія своего собственнаго быта? Да если и успѣетъ, и захочетъ простолюдинъ позаботиться о своемъ нравственномъ и матеріальномъ усовершенствованіи, то какъ онъ за это возьмется, если только онъ не мошенникъ, а честный человѣкъ? Вокругъ него, передъ нимъ и за нимъ, вверху и внизу — вездѣ затрудненія и препятствія. Промышленность развита у насъ мало, да и то составляетъ большею частью монополію капиталистовъ, у которыхъ бѣдному простолюдину можно быть только батракомъ и поденщикомъ; денежный курсъ все мѣняется къ невыгодѣ бѣдняка: дороговизна увеличивается годъ отъ году, вмѣстѣ съ роскошью тѣхъ классовъ, которые безотчетно бросаютъ направо и налѣво не ими нажитыя деньги. Куда ни поди бѣд-

никъ, что ни задумай пріобрѣсти себѣ, — ни къ чему приступу нѣтъ, и на всемъ онъ долженъ потерпѣть страшный изъянъ. На какія же средства будетъ онъ улучшать свое нравственное и матеріальное положеніе? Откуда возьметъ онъ досугъ для пріобрѣтенія образованія? Откуда возьмется у него вкусъ къ участію въ общественныхъ интересахъ? Онъ не знаетъ, какъ ему справиться и съ своими домашними нуждами, какъ удовлетворить физически-настоятельнымъ потребностямъ. А тутъ говорятъ: общее дѣло! Да какъ же до него добраться, если бы кто и захотѣлъ? Когда и какимъ образомъ астраханскій промышленникъ, казакъ изъ Ставрополя, горнозаводскій работникъ изъ Перми, рыболовъ изъ Колы — сойдутся хоть бы въ Петербургѣ, въ которомъ централизована вся государственная жизнь наша и который отъ каждаго изъ этихъ людей отстоитъ слишкомъ на 2,000 верстъ? А если и сойдутся, то какъ они станутъ разсуждать съ людьми образованными и учеными? У нихъ вѣдь нѣтъ никакой подготовки къ занятію общественными интересами, да и быть не можетъ при настоящемъ порядкѣ вещей. Образованность составляетъ у насъ такую же монополію, какъ и промышленность; и какъ наши фабрики заняты чуть не исключительно изготовленіемъ предметовъ роскоши, такъ и наша литература хлопочетъ болѣе всего объ удовлетвореніи празднаго воображенія и казуистической любознательности. Насъ занимаютъ вопросы о вавилонской письменности, о слогѣ С. Т. Аксакова, о законахъ и терминахъ органической критики, о неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ, о психологической невѣрности характера Калиновича, и т. п. Мы нарочно создаемъ для себя задачи и ломаемъ надъ ними го-

лову, воображая, что ихъ рѣшеніе чрезвычайно важно. Напримѣръ: «Какую физіономію нужно состроить при видѣ почтеннаго человѣка, бѣгающаго что есть силы по палубѣ парохода, для того чтобы скорѣе пристать къ берегу?» — Или: «Какъ найти средства вознаградить дѣтей вора за украденныя покойнымъ отцомъ ихъ вещи, когда вещамъ этимъ находится настоящій хозяинъ?» Подобныя задачи занимаютъ насъ цѣлые годы. Но что до нихъ за дѣло народной массѣ? Ей нужны другіе предметы, другой методъ ихъ разработки, другая логика... А этого-то и не даютъ ей произведенія нашего образованнаго ума, направленныя для нашего услажденія, а отнюдь не для блага народнаго. Поневолѣ и по необходимости остается простолюдинъ въ темнотѣ своей, и поневолѣ бредетъ онъ ощупью за другими, самъ не зная, куда и зачѣмъ ведутъ его. И,— что всего ужаснѣе, — никакого исхода изъ этого печальнаго положенія нельзя предвидѣть. Всѣми средствами образованности, всѣми преимуществами новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній владѣютъ неработающіе классы общества, которымъ нѣтъ никакой выгоды передавать оружіе противъ себя тѣмъ, чьимъ трудомъ они до сихъ поръ пользовались даромъ. Слѣдовательно, безъ участія особенныхъ, необыкновенныхъ обстоятельствъ нечего и ждать благотворнаго распространенія образованія и здравыхъ тенденцій въ массѣ народа. Пройдутъ вѣка, и все будетъ по-старому: по вѣковой рутинѣ новые успѣхи цивилизаціи будутъ только помогать туземнымъ монополистамъ въ эксплоатаціи рабочихъ людей; и по той же рутинѣ — рабочіе будутъ обращаться за совѣтомъ и судомъ къ своимъ эксплоататорамъ. А что изъ этого выйдетъ, угадать не трудно: нужно

только посмотрѣть вокругъ себя. И теперь, что встрѣчаетъ простолюдинъ, когда нужно заставить его войти въ соотношеніе съ образованностью? Тутъ съ него беретъ взятку грамотный писарь, тутъ его обсчитываетъ ученый хозяинъ, здѣсь обмѣриваетъ землемѣръ, тамъ у него на перепутьѣ стоятъ разные нѣмецкіе промышленники и всякіе иноземные изобрѣтатели, тамъ виснятъ надъ нимъ бюджеты, кредиты, конвенціи, мобилизаціи и другія изобрѣтенія новѣйшей государственной цивилизаціи, безпрестанно отзывающіяся на его спинѣ и карманѣ... И куда онъ ни обратится, — все говоритъ ему о безконечномъ, безысходномъ продолженіи той же исторіи. Въ школѣ его учатъ «не разсуждать, а исполнять»; въ дѣлѣ сердца и высшихъ стремленій онъ слышитъ безпрестанно суевѣрныя аллегоріи отъ разныхъ мистификаторовъ; въ юридическихъ отношеніяхъ онъ натыкается всюду или на помѣщичью власть, или на окружнаго и становаго; въ частныхъ житейскихъ дѣлахъ онъ встрѣчаетъ — кулака, конокрада, знахаря, солдата на постъ, купца-барышника, подрядчика... Наконецъ — на каждомъ перекресткѣ въ городѣ, на каждой сходкѣ въ селѣ, на каждой станціи въ дорогѣ встрѣчаетъ онъ цалованьика и откупщика, и, полный горькаго отчаянія, предается имъ тѣломъ и душой, съ семьей, съ имѣньишкомъ, даже съ будущимъ трудомъ своимъ, за который еще только задатокъ полученъ».

Такъ говорятъ пессимисты и на основаніи своихъ мрачныхъ соображеній отрицаютъ возможность какого бы то ни было общаго, самостоятельнаго движенія въ народѣ. Мнѣнія ихъ неутѣшительны и, главное, обидны для образованныхъ людей, къ которымъ мы съ вами, читатель, конечно и

себя причисляемъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что мы съ пессимистами никакъ не должны соглашаться, а напротивъ, должны возстать на нихъ съ чрезвычайно мрачнымъ видомъ. Но воздержимъ на минуту наше негодованіе и попробуемъ потолковать съ пессимистами кротко и разумно: можетъ быть, намъ удастся заставить ихъ взглянуть на дѣло нѣсколько съ другой точки. Чтобы не слишкомъ далеко расходиться, мы готовы даже принять на время, что всѣ факты, выставляемые пессимистами, совершенно вѣрны, и что всѣ ихъ основанія справедливы. Положимъ, что народъ нашъ дѣйствительно страждетъ разъединенностью; положимъ, что онъ слишкомъ обремененъ физическими трудами, отбивающими у него охоту помышлять объ общихъ интересахъ; положимъ, что самые успѣхи цивилизаціи нерѣдко обращаются у насъ въ средства къ болѣе тонкой эксплоатаціи народа. Но даже принимая всѣ эти факты, мы надѣемся, при помощи нѣкоторыхъ дополнительныхъ соображеній, придти не къ отчаянію въ жизненныхъ силахъ народа, не къ убѣжденію въ безконечности его апатіи и неспособности къ общественнымъ дѣламъ, а къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Вотъ какія соображенія желали бы мы предложить пессимистамъ.

Нѣтъ такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть безконечно: дойдя до извѣстнаго предѣла, она непремѣнно изломится или оборвется. Такъ точно нѣтъ на свѣтѣ человѣка и нѣтъ общества, котораго нельзя было бы вывести изъ терпѣнія. Вѣчной апатіи нельзя предположить въ существѣ живущемъ; за летаргіею должна слѣдовать или смерть, или пробужденіе къ дѣятельной жизни. Слѣдовательно, ежели правда, что нашъ народъ совершенно

равнодушенъ къ общественнымъ дѣламъ, то изъ этого вытекаетъ вопросъ: нужно ли считать это признакомъ близкой смерти націи, или нужно ждать скораго пробужденія? Пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть цѣлое племя славянское; но по нашему глубокому убѣжденію — они крайне несправедливы. Ихъ обманываетъ временная летаргія, и они не хотятъ видѣть признаковъ жизненности, по временамъ обнаруживающихся въ нашемъ народѣ. А между тѣмъ существованіе этихъ признаковъ не только подтверждается внимательными наблюденіями, но даже оправдывается нѣкоторыми соображеніями a priori. Говоря о народѣ, у насъ сожалѣютъ обыкновенно о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія и что онъ поэтому не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать права личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности, и пр. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь — путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо. Факты жизни не пропускаютъ никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе пер-

выхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка — всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительнѣе, нежели самыя громкія и высокія фразы о правдѣ и чести. Точно такъ и наоборотъ: матеріальное довольство и полное признаніе всѣхъ нравственныхъ правъ человѣка успокаиваетъ его несравненно болѣе, нежели рѣчь глубокомысленныя внушенія о кротости и благодушномъ терпѣніи. Поэтому, если розовое настроеніе духа, развивающееся въ богатомъ лежебокѣ, мы не можемъ принять за доказательство того, что и для рабочаго бѣдняка очень весело жить на свѣтѣ; такъ отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ противномъ случаѣ нельзя было сдѣлать заключенія обратно. Напротивъ, если богатый и свободный отъ дѣлъ человѣкъ жалуется на то, что тяжело жить на свѣтѣ, то изъ этого именно можно заключить, что бѣдному труженику еще тяжелѣе, хотя онъ, можетъ быть, и не умѣетъ такъ краснорѣчиво изобразить свои страданія, по недостатку образованности. Образованность именно ведетъ къ большей или меньшей степени ясности сознанія и затѣмъ къ умѣнью формулировать то, что сознается... Но и неформулированное страданіе все-таки страданіе. Пусть оно таится, пусть не принимаетъ опредѣленнаго выраженія, это не должно обманывать насъ: есть предѣлъ, за которымъ оно можетъ ярко обозначиться, и тогда безъ всякихъ книгъ, безъ всякихъ отвлеченныхъ соображеній, не говоря никакихъ фразъ, даже не принимая особаго имени для себя, оно проявится на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительный фактъ, отразившись въ практической жизни дѣятельнаго, рабочаго человѣка, породитъ тоже дѣйствительный фактъ, тогда какъ книжныя теоріи и предположенія образован-

ныхъ людей, можетъ быть, такъ и останутся только теоретическими предположеніями.

Пессимисты (а изъ нашихъ читателей есть кое-кто, наклонный къ пессимизму въ отношеніи къ намъ) могутъ подумать, что мы «далеко метнули» и ушли совсѣмъ въ сторону отъ того предмета, о которомъ обѣщали говорить въ заглавіи нашей статейки. Но мы, напротивъ, все время вертѣлись въ нашихъ соображеніяхъ около него, и теперь ужъ вплоть подошли къ нему. Пьянство и трезвость, борьба народа съ откупомъ — вотъ фактъ, который на этотъ разъ можетъ послужить намъ доказательствомъ жизненности народныхъ массъ въ Россіи. «Ужъ сколько разъ твердили міру», что русскій мужикъ — пьяница, что онъ съ горя пьетъ и съ радости пьетъ, пьетъ на родинахъ, на свадьбѣ и на похоронахъ, пьетъ въ рабочій день — отъ усталости, вдвое пьетъ и въ праздникъ, по случаю отдыха. Люди, повидимому хорошо знавшіе народъ, готовы были до слезъ спорить, что нашъ мужикъ скорѣе съ жизнью разстанется, нежели съ сивухой, скорѣе дѣтей уморитъ съ голоду, нежели перестанетъ обогащать откупщика. И трудно было не вѣрить этимъ людямъ; факты такъ сильно говорили за нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ огромны, какъ непреодолимы, повидимому, тѣ побужденія, которыя влекутъ народъ къ пьянству!.. И слова князя Владиміра, что «Руси есть веселіе пити», и вѣковой обычай, и суровый климатъ, и недостаточное питаніе, и тяжкій физическій трудъ, и безпрерывная нужда и скорбь, и недостатокъ образованности, и отсутствіе невинныхъ развлеченій, доступныхъ народу, — все способствуетъ развитію въ мужикѣ наклонности къ водкѣ... Не говоримъ ужъ о при-

манкахъ, искусственно поставляемыхъ откупщиками и цаловальниками, которые, какъ извѣстно, отличаются въ этомъ дѣлѣ рѣдкою изобрѣтательностью... Напомнимъ только, что кромѣ средствъ приманки, возможныхъ для всякаго купца, винные откупщики имѣютъ въ своихъ рукахъ особенную силу, по своимъ отношеніямъ къ мѣстному чиновничеству. Кто живалъ въ провинціи, тотъ самъ можетъ припомнить множество фактовъ, въ которыхъ выражалась сила откупщиковъ. Недавно обнародовано было пять-шесть фактовъ въ этомъ родѣ, и мы приводимъ изъ нихъ два или три, попавшіеся намъ подъ руку въ газетахъ; по нимъ можно судить о томъ, что дѣлается вообще по откупнымъ дѣламъ.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», № 62 (13 марта), напечатанъ слѣдующій разсказъ о дѣйствіяхъ откупа и полиціи, по случаю крестьянскаго зарока не пить водки.

Въ С. губерніи Б. уѣзда мужики дали зарокъ не пить вина, что чрезвычайно смутило откупщика, а въ особенности его управляющаго. Послѣдній, наконецъ, не выдержалъ и *объяснился* съ исправникомъ. Исправникъ хотя и дѣйствовалъ постоянно въ пользу откупа, но на этотъ разъ не рѣшился помогать непосредственно, а передалъ все временному отдѣленію, снабдивъ его необходимыми совѣтами, и временное отдѣленіе отправилось. Намѣревались во что бы то ни стало склонить крестьянъ къ путешествію по кабакамъ. Это было за недѣлю передъ масленицей. Прибывъ въ имѣніе какого-то графа, „начальство" собрало крестьянъ и спросило ихъ, почему не пьютъ вина. При этомъ былъ и самъ управляющій питейными сборами. „Такъ, не желаемъ!" отвѣчали крестьяне. — Отчего жъ не желаете? — „Очувствовались, — отвѣчаютъ снова крестьяне, — это вино — одинъ разворъ хозяйству: шутка сказать: 8 рублей за ведро! сколько нужно возовъ хлѣба, чтобы купить одно ведро, а хлѣбъ у насъ дешевый!" — При томъ же, — замѣтилъ одинъ крестьянинъ побойчѣе, украшенный ме

дълью или какимъ-то другимъ знакомъ отличія: — вино-то больно плохо, хуже нашей хоперской воды! — „Какъ плохо?“ — воскликнулъ управляющій, подступивъ къ крестьянину. — „Да такъ, плохо; какъ бываетъ плохо, животъ только пучитъ!“ — Какъ ты смѣешь говорить? — зашумѣлъ управляющій, по извѣстной принятой методѣ дѣйствовать съ мужиками такимъ образомъ, — и съ этимъ словомъ баиъ! Вѣдь затѣмъ и съ физіономіей управляющаго случилось то же самое, что угрожало случиться съ Чичиковымъ, когда Ноздревъ кликнулъ Павлушку. Произошло смятеніе. Носились слухи, что предложены были изъ кармана откупщика деньги, чтобы все было шито да крыто. Убѣдили управляющаго имѣніемъ собрать мужиковъ и выставить имъ даровую бочку вина, но къ чести мужиковъ надо сказать, — ни одинъ не дотронулся. Сколько ни хлопотали отдѣленіе и управляющій винными сборами, соединенно съ управляющимъ имѣніемъ, ничего не могли сдѣлать. Исторія распространилась мгновенно по всему Б. уѣзду, который, не мѣшаетъ замѣтить, прославленъ въ окрестности исторіями всякаго рода. Скоро стали говорить и въ другихъ уѣздахъ, и дѣло дошло до нашего, сосѣдняго, а изъ нашего я сообщаю вамъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ.

Значеніе этого разсказа, конечно, парализуется тѣмъ, что губернія и уѣздъ означены только первыми буквами, самъ разсказчикъ подписался маленькимъ азомъ, откупщикъ, повѣренный, исправникъ и членъ отдѣленія *не названы вовсе*, такъ что желающій можетъ, пожалуй, объявить, что считаетъ себя въ правѣ не вѣрить подобнымъ безыменнымъ сообщеніямъ, за справедливость которыхъ ничто не ручается. Но кто видалъ исправниковъ и управляющихъ откупомъ, тому подобный разсказъ можетъ напомнить дѣйствительность и, вѣроятно, не возбудитъ въ немъ слишкомъ сильныхъ сомнѣній. Впрочемъ, есть разсказы и болѣе опредѣленные, по крайней мѣрѣ относительно личныхъ именъ. Напримѣръ, въ «Русскомъ Дневникѣ», № 35 (февраля 12), напе-

чатано извѣстіе о рѣшеніи не пить вина, состоявшемся у казенныхъ крестьянъ села Хотунки, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи. Къ извѣстію этому прибавлено слѣдующее:

По полученіи объ этомъ свѣдѣній въ ближайшихъ административныхъ инстанціяхъ, цѣлопроизводители, охотники до ухи, какую, по замѣчанію Крылова, горюютъ откупщики даютъ секретарямъ, нашли въ этомъ проявленіи народной самобытности очевидное отступленіе отъ правилъ сельскаго устава, покушеніе на собственность казны сокомъ, личную обиду откупщика, и въ этомъ тонѣ подготовили доклады.

Если и это извѣстіе неудовлетворительно, потому что все-таки неизвѣстно, *кто* сообщаетъ его, то хоть еще свидѣтельство о силѣ откупа, свидѣтельство официальное, относящееся не къ маленькой мѣстности, а къ цѣлой губерніи. Извѣстно, что полиціи предписано наблюдать за точнымъ выполненіемъ откупныхъ условій откупщиками. Предписанія эти неоднократно подтверждены были въ нынѣшнемъ году особыми циркулярами. Несмотря на то, дѣйствіе ихъ было весьма ничтожно, по крайней мѣрѣ въ Самарской губерніи, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующій циркуляръ г. начальника губерніи, напечатанный въ № 24 «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»:

Циркулярными предписаніями отъ 6 апрѣля, за № 5, и 18 мая, за № 3070, вмѣнено въ обязанность городскимъ и земскимъ полиціямъ наблюдать, чтобы продажа откупныхъ винъ производилась только въ узаконенное время и чтобы обыкновенное и улучшенное полуштофное вино опускалось покупателямъ по цѣнѣ, опредѣленной откупными условіями. Между тѣмъ, въ виду моемъ *есть положительные факты, которые убѣждаютъ меня, что обо сіи предписанія исполняются весьма неудовлетвори-*

тельно, и что полиціи смотрѣть вообще на распоряженія начальства, касающіяся посредственно или непосредственно откупщиковъ, какъ на одну лишь форму, не требующую дѣйствительнаго исполненія. Вслѣдствіе сего, я считаю нужнымъ вновь подтвердить городскимъ и земскимъ полиціямъ о точномъ исполненіи вышеозначенныхъ циркуляровъ за №№ 5 и 3070, и предваряю, что если бы я опять получилъ свѣдѣніе объ оставленіи оныхъ безъ вниманія, то, не взирая на мое отсутствіе изъ губерніи, виновные будутъ подвергнуты строгому взысканію. *При чемъ не могу не замѣтить, что всѣ предписанія начальства имѣютъ по закону равную обязательную силу для посторонныхъ лицъ и мѣстъ, не исключая и предписаній, касающихся откупа.*

Итакъ, это не фраза, что откупъ составляетъ государство въ государствѣ, что онъ поставляетъ себя внѣ законовъ: не только сами откупщики, но и тѣ, кому слѣдуетъ наблюдать за ними, «смотрѣть на распоряженія, касающіяся откупа, *какъ на одну лишь форму, не требующую дѣйствительнаго исполненія*».

Мало этого: откупъ полагаетъ, что полиція существуетъ именно затѣмъ, чтобы защищать его незаконныя дѣйствія и чтобы преслѣдовать и карать всѣхъ, кто вздумаетъ имъ противиться. Въ этомъ отношеніи любопытно письмо г. Розанова, помѣщенное въ № 135 «Московскихъ Вѣдомостей» (іюня 9).

М. Г. 31 мая я остановился проѣздомъ въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ и случайно попалъ въ бывающую тамъ сегодня въ Троицынъ день большую ярмарку. Послѣ обѣдни я былъ свидѣтелемъ одного изъ новыхъ подвиговъ откупщиковъ и спѣшу подѣлиться съ публикой описаніемъ этого происшествія.

Недавно, по предписанію г. министра, крестьянамъ былъ прочитанъ публично циркуляръ, по которому было подтверждено, что они имѣютъ право требовать во всѣхъ

кабакахъ простого полугара надлежащей крѣпости по 3 рубля серебромъ за ведро. Крестьяне, пріѣхавшіе на ярмарку, стали требовать такого полугару, имъ продавали, но въ незапечатанной посудѣ. Замѣтивъ, что продаваемое такимъ образомъ вино имѣло всѣ свойства воды съ примѣсью чего-то тошнотворнаго, крестьяне стали требовать чтобы имъ отпустили нѣсколько склянокъ этого такъ называемаго полугара въ посудѣ за печатью винной конторы, чтобы, какъ они говорили, отправить это вино по дорожкѣ въ Бѣлокаменную для изслѣдованія тамъ высшимъ начальствомъ, такого ли качества вино должно быть продаваемо за эту цѣну. Повѣренные отказали имъ въ этомъ требованіи и продавали запечатанными только спеціальныя водки по 7 рублей серебромъ за ведро, увѣряя, что дешевое вино имъ некогда печатать. Послѣ этого отказа между крестьянами начался ропотъ, *повѣренные хотѣли было доказать свою справедливость силою, но по въ отвѣтъ имъ упало нѣсколько камней, перебившихъ немного посуды и слегка зацѣпившихъ одного сидѣльца. Прибывшей на мѣсто земской полиціи удалось скоро успокоить народъ, схвативъ нѣсколькихъ крестьянъ, шумѣвшихъ болѣе другихъ.* Впрочемъ, г. управляющій откупомъ нашелъ, что безопаснѣе, забравъ всѣ вырученныя деньги, закрыть выставку и уѣхать.

Около того же времени было и въ другихъ кабакахъ того же уѣзда нѣсколько манифестацій противъ уже очень дурного качества трехрублеваго вина.

Надѣюсь, м. г., что вы не откажете помѣстить въ газетѣ, издаваемой вами, описаніе одного изъ выраженій, *конечно не законнаго, но вызваннаго беззаконнымъ же поступкомъ откупа*, отношенія нашего народа къ откупамъ.

Примите и пр.

Ник. Розановъ.

1859 года, 3 іюня.

И этого мало: откупщики находятъ средство скрыть отъ крестьянъ постановленія правительства относительно откупа и, выведши мужиковъ изъ терпѣнія, стараются представить ихъ требованія въ ви-

дѣ бунта, свои же собственные поступки умѣютъ очень ловко скрыть, при посредствѣ подручныхъ людей. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, изъ котораго видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне даже и не знаютъ навѣрное о министерскихъ предписаніяхъ относительно указанной цѣны вина. Разсказъ этотъ нашли мы въ письмѣ г. Гржеголевскаго, которое напечатано въ № 150 «Московскихъ Вѣдомостей» (26 іюня).

Недавно разсказалось вездѣ и будто объявлено на сходкахъ офиціально, что во всѣхъ кабакахъ должно продаваться вино по 15 к. за $^1/_{20}$ часть ведра. Крестьяне, столь претерпѣвшіе, бросились толпами въ кабаки требовать по этой цѣнѣ вина, но имъ не отпустили. Въ это время вѣроятно явились подстрекатели, можетъ быть и для смѣлости купили имъ и вина, и толпа хлынула въ кабаки съ новыми требованіями; но получивъ опять отрицательный отвѣтъ, начала бить посуду и, придя въ изступленіе, нарушила всякое благочиніе. Все это, какъ говорятъ, происходило въ Пензенской губерніи и въ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи; прибавляютъ, будто одинъ изъ исправниковъ, руководимый душевными чувствами, описывая одно подобное происшествіе начальнику губерніи, изложилъ подробно и причину его, но не успѣлъ онъ донесеніе это переписать и подписать, какъ явились предстатели и откупные чины съ ходатайствами: *исправникъ отмѣнилъ свое донесеніе. Да и кто можетъ устоять и кто устоя̀лъ противъ откупного ходатайства.*

Но всѣмъ этимъ происшествіямъ, какъ носятся слухи, отправились производить изслѣдованіе временныя отдѣленія земской полиціи и жандармскіе штабъ-офицеры. Я не оправдываю самовольныхъ поступковъ крестьянъ, но долженъ и обязанъ сказать нѣсколько словъ въ защиту несчастныхъ по чувству ближняго, и еще потому, что здѣсь страдаетъ человѣкъ, который, по своимъ понятіямъ, не знаетъ, какъ себя защитить, что говорить въ оправданіе себя предъ слѣдователемъ и что ему предпринять. Если справедливо, что произошли эти буйства, то что тому причиною, какъ не возвышеніе

цѣнъ и недостатокъ наблюденія за этимъ? Мужикъ желалъ законнаго, требованія его не исполнили, никто его въ этомъ не поддержалъ и никто не защитилъ, и онъ прибѣгнулъ къ незаконнымъ средствамъ. Конечно, онъ виновенъ, но нельзя оправдать и другой стороны ни по закону, ни по совѣсти. Одна сторона можетъ подвергнуться наказанію, а откупщики и исполнители закона остаться безъ наказанія, даже неприкосновенными къ дѣлу.

Надѣемся, что помѣщики и окружные по государственнымъ имуществамъ употребятъ всѣ средства, чтобы судьба несчастнаго мужика, насколько это можно, была облегчена въ этомъ дѣлѣ, и чтобы виновники были подвергнуты законному взысканію. Вступитесь за ближняго, и Всевышній вознаградитъ васъ!

Иг. Гржеголевскій.

11 іюня 1859 г.
Темниковъ.

Если вамъ мало и этихъ образчиковъ откупныхъ дѣйствій, то припомните, что откупъ имѣетъ свою кордонную стражу и въ пограничныхъ мѣстахъ можетъ доѣхать мужиковъ одними осмотрами да подозрѣніями въ корчемствѣ. Эта отрасль откупной администраціи доведена во многихъ мѣстахъ до восхитительной виртуозности. Вотъ, напримѣръ, анекдоты, сообщенные изъ Харьковской губерніи, въ № 51 «Русскаго Дневника» (7 марта):

Предводитель ватаги кордонщиковъ, дюжій, трехъаршинный дѣтина Москальцевъ, изъ желанія доказать фактически, что онъ недаромъ хлѣбъ ѣстъ и беретъ жалованье, придумалъ слѣдующую, открытую впослѣдствіи сдѣлку: въ мѣшокъ, наполненный овсомъ, вложилъ онъ большую склянку корчемной водки и бросилъ его поодаль отъ кордона, на проселочной дорогѣ. Былъ въ ближайшемъ городѣ Ч. базарный день, и утромъ много мужиковъ уже стали проѣзжать по этой дорогѣ въ городъ. И вотъ первому, ѣхавшему съ грузомъ нѣсколькихъ мѣшковъ ржи, попался на глаза валяющійся мѣшокъ. Мужикъ, перекре-

сунувшись, поднялъ, развязалъ его и, увидавши, что въ немъ былъ овесъ, положилъ на возъ и ѣхалъ себѣ дальше по дорогѣ, полагая, что найденный имъ мѣшокъ потерялъ кто-нибудь изъ проѣхавшихъ прежде. Вотъ онъ ужъ приблизился къ кордону. Стража не дремлетъ: она очень знаетъ, что подброшенная вода поднята. Тутъ мужика остановили и начали его кляжу усердно, притворно обыскивать. Всѣ мѣшки были освидѣтельствованы; остался еще одинъ, и въ немъ, къ ужасу мужика, находятъ корчемную водку. Мужикъ оговаривается, доказываетъ свою правоту, плачетъ — ничѣмъ пощады: скоро его, связаннаго, уложили между мѣшковъ и представили на судъ полиціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужикъ потерялъ все, что везъ въ городъ для продажи, и, кромѣ того, большую часть изъ своего ограниченнаго имущества.

Этотъ же самый В. прославилъ себя и въ въ другой подобной операціи; но счастье на этотъ разъ ему не помогло: стѣлка была случайно открыта. Богатый поселянинъ въ въ селѣ Мал. собирался къ свадьбѣ сына своего и въ кругу родственниковъ, пріятелей-друзей, провожалъ въ веселѣ предсвадебный вечеръ. Сосѣдъ его, бѣднякъ, пользуясь отсутствіемъ всякой наблюдательности въ гуляющемъ, рѣшился поздно ночью на его гумно и тамъ набрать мѣшокъ молоченаго зерна, сѣяннаго въ извѣстномъ ему мѣстѣ. Вотъ ужъ этотъ воришка принялся за работу. Робость, обыкновенно овладѣвающая человѣкомъ въ подобныхъ случаяхъ, не бросала его: каждый шорохъ, каждый порывъ вѣтра приводилъ его въ трепетъ и дѣлалъ готовымъ къ побѣгу. Вдругъ слышится невдалекѣ людской говоръ, который становится слышнѣе, все болѣе и болѣе. Воръ принужденъ былъ опрометью бѣжать и спрятаться въ недалеко стоящій клунь, за дверью. Разговаривающіе уже на этомъ гумнѣ. Ихъ нѣсколько человѣкъ остановилось около одного хлѣбнаго скирда. Одинъ изъ нихъ что-то держалъ въ рукахъ и началъ вести диктацію такого рода: „Ну, братцы, заромъ этотъ бочонокъ въ скирдъ, а завтра въ обѣдъ, давши знать расправѣ, придемъ его грузить, надуемъ, будетъ десятому поколѣнію о насъ заказывать; да глядите, братцы, осторожнѣе. Сначала все обыщемъ въ домѣ, а тогда уже сюда двинемъ; да и здѣсь сейчасъ не бросаться къ этой скирдѣ, а тогда, какъ нѣсколько по-

нѣмъ". Дѣйствующіе скрылись. Мужикъ, спрятавшійся въ клунь, выслушавъ такія рѣчи, догадался въ чемъ дѣло, прибѣжалъ къ безпечному своему сосѣду, открылъ и свои поступокъ и сообщилъ слышанный имъ заговоръ противъ его благосостоянія. Не замѣшкали убѣдиться въ дѣйствительности сказаннаго: бочекъ водки, по указанію, былъ отысканъ. На слѣдующій день хозяинъ съ гостями рѣшилъ найденную водку выпить, а обыскиковъ, если придутъ, ни подъ какимъ видомъ не пускать, развѣ согласятся заплатить 500 рублей, когда водка не будетъ найдена. Въ полдень, точно, являются эти соглядатаи; но мужикъ-хозяинъ и всѣ его гости единодушно говорятъ: „Не дамося ни за що, хиба заплатите намъ 500 рубливъ, якъ не найдете водки; найдете, мы вамъ заплотимо". Долго разъѣздчики усиливались приступить къ дѣлу; но ихъ! — настойчивость хозяина и гостей была непобѣдима. Главный предводитель разъѣздчиковъ, М., зная навѣрное объ успѣхѣ, скоро согласился на условія, предложенныя хозяиномъ. Деньги, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, отданы были нарочно избраннымъ для этого посредникамъ. Затѣмъ разъѣздчики бросились искать свою добычу. Въ домѣ все формально привели въ хаосъ и ничего не нашли. Пробовали поискать и на гумнѣ. Не получивъ отказа, устремились сюда. Всѣ скирды хлѣба были обысканы, остался еще одинъ надежа. Обыскиваютъ и тотъ: о ужасъ — здѣсь тоже ничего не было. Долго они въ горести копались здѣсь и, наконецъ, принуждены были объявить, что обыскъ ихъ неудаченъ, что условленныя деньги хозяинъ имѣетъ получить. Открывшій этотъ заговоръ мужикъ былъ награжденъ хлѣбомъ и деньгами. Заговорщикъ же М., по доказу какъ этого мужика, такъ и другихъ, отданъ подъ судъ. Чѣмъ онъ кончился, еще покуда не знаемъ.

И едва ли узнаемъ, чѣмъ кончится это дѣло! Съ откупными служителями трудно тягаться!..

Недавно также сообщены были въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и оттуда перепечатаны во всѣхъ газетахъ (см., напр., «Московскія Вѣдомости» № 128, 24 іюня) факты откупныхъ осмотровъ, изъ которыхъ оказывается, что экипажъ и вещи проѣзжихъ

тыкаютъ желѣзными щупами, ломаютъ, бросаютъ, самихъ проѣзжихъ оскорбляютъ всячески... Редакторъ «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», г. Соколовъ разсказываетъ, какимъ образомъ, въ проѣздъ его съ семействомъ изъ Мстиславля въ Могилевъ, кордонный осмотръ, послѣ Чаусской заставы, перепугалъ больного ребенка, который вслѣдъ затѣмъ и умеръ. Разсказъ г. Соколова довольно сантиментальный, и его нельзя прочесть безъ улыбки, но фактъ тѣмъ не менѣе возмутителенъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что обращеніе откупныхъ досмотрщиковъ съ проѣзжающими ничего еще не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ съ крестьянами. Изъ многихъ примѣровъ мы приведемъ одинъ, разсказанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 34, 8 февраля), и потомъ уже нарисованный въ карикатурѣ, въ одномъ московскомъ журналѣ. Приводимъ все письмо, имѣющее заглавіемъ: «Новыя придирки откупа».

М. Г. Въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго (1858) года мнѣ случилось быть въ одномъ имѣніи Нижегородской губерніи, находящемся на границахъ Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Въ этомъ уѣздѣ старый откупъ, вслѣдствіе несогласія съ новымъ, долженствовавшимъ занять его мѣсто съ 1 января, рѣшился залить своего преемника и пустилъ въ распродажу вино по 3 р., 2 р. 30 к. и подъ конецъ по 2 р. за ведро. Для огражденія смежныхъ частей Нижегородской губерніи отъ соблазна дешевой водки, нижегородскій откупъ выставилъ съ своей стороны кордонъ. Кордонъ этотъ гонялся, ловилъ, хватали встрѣчныхъ и поперечныхъ. Пойманные съ контрабандой подвергались болѣе или менѣе произвольнымъ взысканіямъ, въ основаніи которыхъ преимущественно лежала денежная сдѣлка (одинъ извѣстный мнѣ крестьянинъ, попавшійся съ ½ ведромъ вина, опущенъ былъ за 30 р.). Тамъ, гдѣ подобная сдѣлка по какимъ-либо причинамъ не

могла состояться, употреблялись наказанія довольно оригинальныя. *Такъ, напримѣръ, село К. было свидѣтелемъ такого зрѣлища: ѣдутъ сани повѣреннаго на рысяхъ пары лошадей, за санями рысью же бѣжитъ на веревкѣ мужикъ (вѣроятно злостный контрабандистъ), на плечахъ у мужика сидитъ, какъ въ чехардѣ, самъ повѣренный.* Такое примѣрное наказаніе придумано было, должно полагать, съ цѣлью устрашенія и для спасительнаго примѣра.

Этого мало. Къ крайнему своему удивленію, всѣ жители околотка Ардатовскаго уѣзда, расположеннаго по близости кабака с. Розоватаго (Симбирской же губерніи), были схватываемы кордономъ въ одномъ мѣстѣ пути подъ предлогомъ завоза вина въ чужую губернію. Какъ такъ? спросите вы. Очень просто: извѣстно, что зимнія проселочныя дороги наши прокладываются самыми фантастическими зигзагами — гдѣ покажется не такъ снѣжно первому проѣзжему, тутъ по его слѣду и образуется дорога. Одинъ-то изъ этихъ зигзаговъ и задѣлъ, вовсе не подозрѣвая всѣхъ грустныхъ послѣдствій такого дерзкаго вторженія, клочекъ нижегородской земли, и понятно, что на этомъ клочкѣ вся Симбирская губернія могла попасть подъ обвиненіе въ контрабандномъ провозѣ вина.

Не найдете ли вы, м. г., любопытнымъ и поучительнымъ сообщить эти факты во всеобщее свѣдѣніе?

Примите и пр.

Одинъ изъ вашихъ подписчиковъ.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ, едва ли составляющихъ мильонную долю того, что дѣлается и пропадаетъ безъ огласки, можно составить себѣ приблизительное понятіе, — хотя о нѣкоторой степени того могущества, которымъ вооруженъ откупъ противъ крестьянина. Но и это еще не все. Теперешнее положеніе крестьянскихъ дѣлъ чрезвычайно благопріятствуетъ, повидимому, процвѣтанію откуповъ. Съ одной стороны крестьяне, ожидая свободы, надѣются на многія небылицы, какъ, напримѣръ, на то, что цѣна на вино повышена затѣмъ, чтобы

по цѣлковому съ ведра или на ихъ выкупъ. Это именно случилось въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи («Московскія Вѣдомости», № 1). А въ другомъ мѣстѣ откупъ заплатилъ за крестьянъ 85 цѣлковыхъ недоимки, чтобы только склонить ихъ къ покупкѣ вина («Русск. Вѣсти.», № 4). Съ другой же стороны, помѣщики теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе заботятся о благосостояніи и нравственности своихъ крестьянъ, слѣдуя нѣкоторымъ своекорыстнымъ разсчетамъ. Объ одномъ изъ помѣщиковъ вотъ что разсказано въ «Русскомъ Дневникѣ» (№ 124, 13 іюня):

Кажется, что господа откупщики сильно разсчитывали на распространеніе пьянства въ народѣ, по случаю уничтоженія крѣпостного состоянія. Оправдались ли надежды ихъ, основанныя на знаніи сердца человѣческаго, покажутъ послѣдствія. Хотя, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, они восточные сердцевѣды не совсѣмъ удачно разгадали русскаго крестьянина, но зато, какъ бы въ вознагражденіе за неполную удачу съ одной стороны, они, кажется, пріобрѣли сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Разскажу по этому случаю одинъ фактъ, въ истинѣ котораго да не усумнится... — по крайней мѣрѣ тѣ, которые въ послѣднюю зиму имѣли случай проѣзжать по дорогѣ отъ Нижняго до Казани. Хотя помѣщичье село, про которое я хочу разсказать, занимаетъ одну лишь ничтожную точку на показанномъ мною пространствѣ, но я нарочно выбралъ протяженіе небольшое, чтобы никого не оскорбить; а во-вторыхъ, очень можетъ быть, что на такомъ пространствѣ проѣзжіе замѣтятъ не единственное фактическое доказательство сочувствія нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ откупщикамъ... Въ этомъ, неопредѣленномъ съ географическою точностью, селѣ внезапно появился въ февралѣ нынѣшняго года кабакъ, котораго никогда тамъ не бывало. Въ этомъ селѣ не только не было никогда кабака, но помѣщикъ, какъ я и прежде наслышался, строжайшимъ образомъ преслѣдовалъ даже тѣхъ, которые на дому имѣли водку въ количествѣ болѣе того, сколько можно ее выпить

за-разъ, не переводя духу, почему, говорятъ, крестьяне этого села пріучились выпивать за-разъ, не переводя духу, громадное количество. Однимъ словомъ, помѣщикъ былъ такой человѣкъ, который не могъ никогда хладнокровно видѣть, когда другіе бывали пьяны. Проѣзжая по большой дорогѣ пятнѣшней зимой мимо описываемаго селенія, я до крайности удивился, увидѣвъ на самой дорогѣ кабакъ. Любопытство мое такъ было велико, что заставило нѣсколько изслѣдовать причины такой несообразности. Причины оказались слѣдующія. Когда повсюду распространилась утѣшительная вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, тогда та немногочисленная партія помѣщиковъ, которую и туземцы даже называютъ раскольниками, сильно опечалилась этимъ извѣстіемъ; скоро печаль уступила мѣсто гнѣву; а такъ какъ, собственно, гнѣваться-то было не на кого, то они и переложили гнѣвъ свой на крестьянъ, которые хотя и неумышленно, но все-таки выскальзываютъ изъ-подъ ихъ власти. Случилось, слѣдовательно, и здѣсь то же самое, что обыкновенно случается при переложеніи податей, которыя окончательно всегда падаютъ на земледѣльца. Помѣщикъ, о которомъ идетъ рѣчь, — человѣкъ раздражительнаго темперамента; онъ болѣе сутокъ не могъ находиться въ грустномъ настроеніи духа: у него всякое чувство быстро превращалось въ гнѣвъ. Въ этотъ-то благопріятный моментъ предсталъ предъ него, какъ бѣсъ предъ грѣшникомъ, повѣренный по откупамъ, съ предложеніемъ двухсотъ рублей за одно только дозволеніе построить въ его селѣ кабакъ. Хитеръ врагъ рода человѣческаго; и въ этомъ случаѣ и онъ промахнулся: моментъ былъ избранъ такъ удачно, что помѣщикъ и за пять рублей далъ бы свое позволеніе. „Стройте хоть десять кабаковъ, — сказалъ онъ, принимая деньги. — Крестьяне теперь все равно, что не мои: пусть пропьютъ послѣднюю рубашку, пусть обопьются хоть до смерти — мнѣ какое дѣло! Они не мои — и мнѣ на нихъ наплевать!" На основаніи этой чисто-раскольничьей логики, откупщикъ построилъ въ селѣ его хотя и не десять кабаковъ, какъ говорилось сгоряча, а всего одинъ, — впрочемъ, такой величины, что и за десять послужитъ. Эксперты по кабацкой части разсказывали, что дѣло у откупщика идетъ отлично. Крестьяне праздновали открытіе кабака съ необыкновеннымъ торжествомъ, подобно тому,

какъ празднуютъ открытіе памятника какого-нибудь великаго человѣка. Крестьяне смотрятъ на кабакъ какъ на вѣрный признакъ приближающейся свободы. Зацвѣли, вѣроятно, отъ радости, лица и носы у подданныхъ приверженца трезвости; но краснота еще бы ничего: худо то, что не одна уже тысяча рубей перешла изъ холщевыхъ кармановъ мужиковъ въ шелковые карманы откупщика. Помѣщикъ, не кстати погорячившись, не успѣлъ размыслить даже о томъ, что чѣмъ бѣднѣе будутъ его крестьяне, тѣмъ труднѣе собрать съ нихъ выкупъ, слѣдовательно, тѣмъ бѣднѣе будетъ и самъ онъ. Не мѣшало бы ему, хотя на время, считать крестьянъ *своими людьми;* а тамъ, послѣ выкупа, бросилъ бы ихъ на съѣденье: авось бы они сумѣли тогда справиться съ возвращенными тѣламъ ихъ душами, безъ отеческой заботливости помѣщика.

Итакъ, — по всѣмъ соображеніямъ пьянство должно бы процвѣтать и распространяться въ народѣ... Все влекло его къ вину, а онъ и безъ того до вина охотникъ... Самая дороговизна, казалось, не должна была устрашить крестьянина: «лучше не доѣсть, не одѣться, подати не заплатить, — только бы выпить», — такъ вѣдь разсуждаетъ пьяница. А что русскій народъ пьяница, — въ этомъ убѣждены были столь же крѣпко, какъ и въ томъ, что онъ терпѣливъ и податливъ на все. На этомъ-то основаніи откупщики и наддали 40 милліоновъ на торгахъ; по этимъ-то соображеніямъ они и рѣшили въ послѣдній откупной терминъ высосать, вытянуть послѣднюю копейку, послѣднія капли крови изъ мужика... И вотъ, съ прошлаго года, — литература начала ополчаться противъ откуповъ, откупщики стали возвышать цѣну на вино, разбавленное болѣе нежели когда-нибудь, начальство стало подтверждать и напоминать указную цѣну, откупщики изобрѣли спеціальную водку, народъ сталъ требовать вина по указной цѣнѣ, цаловальники давали ему

отравленную воду, народъ шумѣлъ, полиція связывала и укрощала шумящихъ, литература писала обо всемъ этомъ безыменныя статейки... Словомъ — все шло какъ слѣдуетъ, откупщики были довольны, полиція довольна, литераторы тоже довольны, что могутъ пользоваться безыменною гласностью, — народъ... но кто же заботился о народѣ? Развѣ только одинъ г. Кокоревъ, хлопотавшій о томъ, чтобы народъ нашъ «встрѣтилъ праздникъ тысячелѣтія Россіи доброю чаркою водки»... Такъ и тутъ на первомъ планѣ все-таки была водка же, а не народъ... Казалось, что самое понятіе о народѣ нельзя у насъ отдѣлить отъ представленія водки и пьянства... Сколько ни издавали назидательныхъ книжекъ, въ родѣ: «Берегись первой чарки», или «Сорокъ лѣтъ пьяной жизни», и т. п., сколько ни принимали полицейскихъ мѣръ, — ничто не помогало... Не далѣе какъ въ прошломъ году читали мы въ одномъ журналѣ: «Мѣры къ прекращенію пьянства плохо исполняются сельскою полиціею, потому что лица, составляющія сельское начальство, сами подвержены этому пороку; а затѣмъ дѣйствительное пособіе въ этой болѣзни народа можетъ оказать духовенство и правительство: первое — вліяніемъ на нравственность, второе — измѣненіемъ откупныхъ условій» («Отечественныя Записки» 1858, № 4). Но откупныя условія и до сихъ поръ тѣ же (если не считать количественнаго измѣненія — въ сорока милліонахъ надбавки откупной суммы), духовенство — то же, какъ и прежде; а между тѣмъ въ разныхъ концахъ Россіи одновременно образуются общества трезвости, и держатся, несмотря на противодѣйствія со стороны откупщиковъ. Какое странное, необъяснимое явленіе для

тѣхъ, кто привыкъ отчаиваться въ русскомъ народѣ и всѣ явленія его жизни приписывать единственно требованіямъ и велѣніямъ внѣшнихъ силъ, чуждыхъ народу! . . Многіе не хотѣли вѣрить, когда въ журналахъ и газетахъ было объявлено, что ковенскіе крестьяне отказались пить водку. Трудно пересказать, до какихъ тонкихъ соображеній доходили люди, не желавшіе вѣрить распространенію трезвости. Ихъ разсужденія очень сильно напоминали остроуміе и сообразительность жителей того города, въ которомъ Чичиковъ покупалъ мертвыя души и собирался увезти губернаторскую дочку . . . Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ соображеній, высказанное *печатно* г. Герсевановымъ («Сѣверн. Пчела», № 32). По его мнѣнію — слухъ о трезвости есть не что иное какъ шутки откупа, придумавшаго этотъ слухъ собственно на томъ основаніи, что для него очень тяжелою оказалась надбавка 40 милліоновъ на послѣднихъ торгахъ. «Этотъ неожиданный обѣтъ (трезвости), не предвидѣнный комбинаціями откупа, — говоритъ г. Герсевановъ, — направленъ будто бы прямо на карманы откупщиковъ; противъ него грѣшно дѣйствовать, но изъ него можно извлечь огромную пользу, — и тотъ распущенъ слухъ, что обѣтъ не пить водки, данный вѣроятно небольшимъ числомъ крестьянъ, распространился на всю губернію, *что дастъ полное право* (?!) просить и *надѣяться* (!) собавки, которыя могутъ спасти отъ банкротства и во всякомъ случаѣ есть чистый выигрышъ для откупщиковъ». Вотъ до какихъ удивительныхъ результатовъ доходятъ иные господа: слухъ о трезвости, видите ли, — распущенъ откупщиками, съ тою цѣлью, чтобы вытребовать отъ правительства собавку откупной суммы! . . Ско-

рѣе этакая нелѣпость могла помѣститься въ головахъ нѣкоторыхъ людей, нежели мысль о томъ, что народъ способенъ отказаться отъ водки!..

Впрочемъ, въ литовскихъ губерніяхъ находили одно обстоятельство, которое могло объяснить рѣшимость крестьянъ: это — религіозный фанатизмъ. Все дѣло приписано было проповѣди ксендзовъ, и даже на нихъ прежде всего хотѣли дѣйствовать тѣ, кому не понравилось рѣшеніе крестьянъ — не пить... И дѣйствительно, — общества трезвости възападныхъгуберніяхъ имѣли характеръ религіозный. Въ концѣ прошлаго года (мѣсяца черезъ три послѣ перваго зарока, даннаго въ Ковенской губерніи, въ августѣ) вышла въ Вильнѣ книжка «О братствѣ трезвости», изъ которой видно, что братство трезвости есть дѣйствительно религіозный институтъ, находящійся подъ покровительствомъ папы. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ братствѣ, сообщенныя, по виленской брошюрѣ, «Экономическимъ Указателемъ» (1859, № 2, янв. 10):

Братство трезвости установлено папою Піемъ IX, подъ покровительствомъ Св. Богородицы.

Епископъ Самогитскій есть первый представитель братства трезвости во всей Самогитской епархіи. Всякій священникъ, принадлежащій къ этому братству, есть представитель его въ своемъ приходѣ. Онъ избираетъ себѣ изъ прихожанъ нѣсколько благонадежныхъ лицъ въ помощники.

Всякій приходскій священникъ долженъ вести книгу для внесенія именъ и фамилій лицъ, вступающихъ въ это братство. Заглавіе слѣдующее: „Книга воздержимыхъ братьямъ и сестрамъ". Настоятель прихода или другой какой-нибудь священникъ, причислившись къ этому братству, можетъ принимать въ оное и другихъ лицъ ежедневно, а въ особенности въ дни торжественные и праздничные. Каждое лицо, въ день вступленія въ братство, обязано исповѣдываться и причащаться св. Таинъ. При принятіи

новозачислившихся въ это братство, священникъ въ священномъ облачении ведетъ новоступающихъ членовъ въ церковь, претъ алтарь св. Богородицы, гдѣ они на колѣняхъ должны повторять каждое слово обѣта, произнесеннаго священникомъ.

Обязанности членовъ братства трезвости. 1) Всякій, зачислившійся въ это братство, во всю жизнь свою не долженъ употреблять водки, рому и араку, и всего того, что изъ нихъ можетъ быть приготовлено. 2) Употребленіе спиртуозныхъ напитковъ позволяется только въ маломъ количествѣ, по назначенію лѣкаря, въ случаѣ болѣзни. 3) Каждое лицо братства можетъ употреблять только виноградное вино, пиво и медъ, и то не до опьяненія. 4) Всѣ члены обязаны увѣщевать другихъ лицъ и склонять ихъ ко вступленію въ это братство. 5) Члены должны въ каждый праздничный день читать особую молитву. 6) Всѣ члены сего братства въ день Срѣтенія Господня обязаны возобновить обѣтъ, данный ими при вступленіи въ братство. 7) Второе число февраля, въ день поминовенія усопшихъ, священникъ обязанъ говорить собраннымъ членамъ увѣщевательную рѣчь и отслужить панихиду за упокой души умершихъ членовъ. 8) Если кто изъ членовъ этого братства станетъ употреблять водку, то такого члена приходскій священникъ обязанъ, если слова его не подѣйствуютъ, исключить вовсе изъ братства; всѣ же члены обязаны пренебрегать имъ и не принимать его въ свое общество. Лицо, такимъ образомъ исключенное изъ братства, однако должно исполнять данный Богу обѣтъ.

Членамъ братства трезвости дается при томъ отпущеніе грѣховъ, совершенное или несовершенное.

Извѣстія о распространеніи трезвости въ литовскихъ губерніяхъ подтверждали, что главными двигателями народнаго дѣла явились тамъ католическіе ксендзы. О Ковенской и Виленской губерніи писали въ началѣ февраля, что здѣсь все дѣлалось одною проповѣдью ксендзовъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ («Русск. Дн.», № 35, 13 февр.). Вслѣдствіе этого, въ «Русскомъ Дневникѣ», въ началѣ мая

(№ 96), была помѣщена похвала мѣстному начальству, которое «*не препятствуетъ проповѣди священниковъ*, строго наказавъ не употреблять принудительныхъ мѣръ и не задерживать распространенія воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ». — Особенно хвалить за такое «*просвѣщенное великодушіе*» конечно и не было надобности: нельзя было бы, если бъ было поступлено иначе... Но сначала многіе опасались, какъ бы не было преслѣдованій отъ начальства за трезвость: до такой степени здравый смыслъ затемненъ былъ мыслью о силѣ откупа!.. Да, правду сказать, были, съ другой стороны, и такіе господа, которые полагали подобное преслѣдованіе необходимымъ! Въ свое время мы сообщили «Письмо купеческаго сына Бадейкина» («Свистокъ», № 1), въ которомъ переданы были разсужденія этихъ ревнителей порядка. Основаніемъ ихъ мнѣній было то же пренебреженіе къ народу, которое заставляло многихъ не вѣрить справедливости извѣстій о трезвости. То же самое пренебреженіе къ нравственной силѣ народа заставило многихъ приписать все дѣло ксендзамъ, когда фактъ оказался несомнѣннымъ и прочнымъ. Въ бывшей газетѣ «Slowo» вотъ что писали, напр., изъ Жмуди. «Въ первыхъ числахъ октября и наши простой народъ, убѣжденный пастыремъ нашего прихода съ каѳедры, началъ и самъ поговаривать объ отреченіи, и дѣйствительно — довольно было одного слова религіи: сѣмя нравственнаго исправленія, имъ заронённое, взошло въ сердцахъ народа, и польза его стала возрастать очевидно. Входя въ церковь, народъ никакъ не могъ предвидѣть, насколько лучшимъ и исправленнымъ онъ выйдетъ изъ нея», и пр. То же писали изъ Виленской и Гродненской губерніи въ

другихъ номерахъ «Slowa». И судя по разсказамъ, дѣйствительно духовенство имѣло здѣсь огромное вліяніе на рѣшимость крестьянъ отказаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Вотъ, напр., разсказъ, сообщенный изъ Вильны въ «Указатель Политико-Экономическомъ» (№ 10, 1859, марта 14):

Въ воскресенье, 1 марта, во всѣхъ римско-католическихъ костелахъ въ *Вильнѣ* произнесены были проповѣди о воздержаніи, съ цѣлью распространенія братства воздержанія или трезвости. Объяснены были правила братства и порядокъ вступленія въ оное, и представлены гибельныя слѣдствія пьянства. Въ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава говорилъ гамошній викарій, ксендзъ Тукальскій, въ костелѣ св. Іоанна мѣстный вице-настоятель ксендзъ Гунціусъ. Оба эти постоянные патеры произвели самое глубокое и трогательное впечатлѣніе, и благородныя ихъ усилія, а равно и многихъ другихъ благочестивыхъ священниковъ, уже увѣнчались полнымъ успѣхомъ; ибо въ тотъ же день, въ каѳедральномъ соборѣ и Остробрамскомъ костелѣ св. Терезіи уже начали вступать въ братство. Въ каѳедральномъ соборѣ первые подали примѣръ члены виленскаго капитула, за ними многіе помѣщики и чиновники и тысячи народа. Записывались до 9 часовъ вечера. Сегодня во множествѣ вступаютъ въ братство и въ другихъ костелахъ и исполняютъ условія трезвости на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ Ковенской губерніи. Говорятъ, много шинковъ будетъ закрыто: по крайней мѣрѣ это вѣрно касательно тѣхъ, которые помѣщаются въ домахъ, находящихся въ завѣдываніи духовенства, и которые совершенно уничтожены. Такъ точно, кажется, поступаетъ католическое духовенство и во всей Виленской епархіи, заключающей въ себѣ, кромѣ Виленской, и губернію Гродненскую.

Радуясь успѣхамъ духовенства и опять-таки оставляя въ сторонѣ народъ, на который его внушенія дѣйствовали, многіе увѣрялись сначала, что фактъ отреченія отъ водки только и могъ возникнуть на поч-

въ католическаго фанатизма и долженъ ограничиться западными губерніями... Не хотѣли обратить вниманія на то, что столь общее и внезапное движеніе не могло быть слѣдствіемъ одного краснорѣчія, а должно было имѣть причину въ своей жизни... Не хотѣли видѣть и того, что опыты отреченія отъ водки начались во многихъ мѣстахъ еще прежде, чѣмъ проповѣдь ксендзовъ получила столь торжественное сочувствіе и организовалась повсемѣстно во что-то систематическое. Тотъ же корреспондентъ, который разсказываетъ объ успѣхѣ виленской проповѣди, сообщаетъ въ томъ же письмѣ слѣдующее:

Еще прежде, нѣкоторые здѣшніе цехи, въ особенности сапожный и столярный, сдѣлали между собою добровольное условіе слѣдить другъ за другомъ и всѣми мѣрами отвращать пьянство. Они рѣшили, между прочимъ, что всякій нарушившій обѣтъ въ первый и во второй разъ долженъ уплатить денежный штрафъ, а въ третій разъ лишается званія; такъ, наприм., мастеръ поступаетъ въ подмастерья, подмастерье въ ученики, а ученики на извѣстное время совсѣмъ удаляются изъ цеха.

Уже и изъ подобныхъ извѣстій можно бы видѣть, что народное движеніе въ пользу трезвости происходило, или могло происходить, и независимо отъ ксендзовъ. Но для невѣрующихъ нужны были доказательства болѣе очевидныя. Народъ не замедлилъ представить ихъ, по своему обыкновенію — не на словахъ, а на дѣлѣ.

Изъ газетныхъ извѣстій оказалось, что въ то самое время, когда общество трезвости образовалось въ Ковенской губерніи, то же самое начиналось въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, на разстояніи слишкомъ полуторы тысячи верстъ

отъ Ковно. Но тамъ дѣло не пошло въ ходъ: откупъ на первый разъ обманулъ и соблазнилъ крестьянъ увѣреніемъ, что излишекъ цѣны, платимой ими за вино, идетъ на выкупъ ихъ отъ помѣщиковъ (что, какъ извѣстно, дѣйствительно предлагаемо было г. Кокоревымъ). Однакоже на этомъ дѣло не остановилось: фактъ немилосерднаго возвышенія цѣнъ и пониженія качества вина, вмѣстѣ съ общимъ увеличеніемъ дороговизны на всѣ предметы, не былъ мѣстнымъ явленіемъ, а тяготѣлъ равно надъ всею Россіею. Фактъ этотъ былъ уже слишкомъ тяжелъ и беззаконенъ, чтобы не вызвать себѣ противодѣйствія, и дѣйствительно вызвалъ его... Въ половинѣ января узнали мы о зарокѣ не пить вина, сдѣланномъ въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи («Ук. Пол.-Ок.», № 3). Въ то же время получено извѣстіе изъ Нижняго — о томъ, какъ тамъ крестьяне праздновали Крещенье. Приведемъ объ этомъ нѣсколько строкъ изъ «Русскаго Дневника» (№ 20):

На крещенскомъ торгу нынѣшняго года пріѣзжихъ изъ окрестныхъ селеній крестьянъ было, какъ увѣряютъ, до 10,000 человѣкъ; но откупщики, всегда разсчитывавшіе на этотъ день какъ на день благостыни, на этотъ разъ горько обманулись. Бывало, въ эти дни къ вечеру весь народъ болѣе или менѣе навеселѣ; теперь не то: трезвые пріѣхали на торгъ, трезвые и уѣхали по-своей. Сходятъ въ питейный домъ, приложатся къ водкѣ, да видя, что сильно взгорожала, тотчасъ и домой. И все тихо, спокойно, безъ шуму. Говорятъ, что откупщики терпятъ большой убытокъ. Народъ это знаетъ, и въ деревняхъ и на базарахъ такъ толкуетъ: „такъ не будемъ же пить, — дадимъ зарокъ; пускай ихъ откупщики да кабальники сами выпьютъ все вино, а мы не хотимъ, не станемъ". То же явленіе повторяется и по другимъ мѣстамъ Нижегородской губерніи, и въ сосѣднихъ. Надо ожидать, что это заста-

вить откупщиковъ понизить цѣны на вино. Слухи, расходящіеся по народу о томъ, что тамъ перестали пить, въ другомъ мѣстѣ перестали пить, — привѣтствуются съ живою радостью и поддерживаютъ рѣшимость и бодрость юныхъ зародышей обществъ трезвости.

Въ этомъ извѣстіи очень ясно рисуется весь ходъ дѣла: мужики вовсе и не думаютъ постничать, идутъ по обыкновенію въ питейный, но останавливаются тѣмъ, что вино очень дорого... И прежде оно имъ недешево обходилось, но все еще было сносно; теперь послѣдняя капля перелила черезъ край, невтерпежъ стало... Мужикамъ бы пріятнѣй было заставить откупщика понизить цѣну, — какъ они и пытались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, узнавъ, что и начальство того же хочетъ [1]. Но тягаться съ откупомъ трудно; мужикъ знаетъ это и рѣшается на самую крайнюю форму протеста, какая только осталась въ его волѣ, — не покупать вина... Тутъ присоединяется и давно затаенная злоба къ откупу, и сознаніе тѣхъ непріятностей и бѣдъ, какія, можетъ быть, не разъ пришлось испытать отъ кабака, и рѣшеніе все крѣпнетъ. Слухъ о томъ, что и другіе такъ дѣлаютъ, еще болѣе убѣждаетъ мужика, что его намѣреніе очень естественно и законно... И вотъ, даже безъ торжественнаго уговора, безъ составленія общества, народъ во многихъ мѣстахъ отказывается отъ вина... Жалобы откупщиковъ на недоборъ слышались даже и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе не было обществъ трезвости. Безмолвная, фактическая протестація противъ откупа обнаружилась почти повсемѣстно тотчасъ послѣ новаго года, когда установилась по

---

[1] См. „Моск. Вѣд.", №№ 15 и 17, письма съ Троицкой ярмарки въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, и изъ Гомишкова.

вая цѣна водки (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и ранѣе); а общества трезвости стали организоваться въ великорусскихъ губерніяхъ уже позже, хотя тоже довольно скоро. Въ половинѣ января было уже извѣстіе о попыткѣ образованія общества трезвости въ Курской губерніи («Ук. Пол.-Эк.», № 2); къ концу января напечатано было извѣстіе о подпискѣ не пить вина, предпринятой въ Саратовѣ; въ началѣ февраля увѣдомляли объ образованіи общества въ Балановѣ; въ половинѣ февраля писали о зарокѣ, даномъ крестьянами села Хотуши въ Тульской губерніи. Къ концу февраля общества трезвости существовали уже во многихъ уѣздахъ губерній Владимірской, Пензенской, Екатеринославской, Тверской... Тутъ только самые невѣрующіе убѣдились въ прочной несомнѣнности факта и перестали увѣрять, что это минутная вспышка, которая ничего не значитъ. Дѣло принимало слишкомъ обширные размѣры, и уже невозможно стало игнорировать его... Но какъ же объяснить такое непонятное явленіе? Вѣдь невозможно, чтобъ народъ рѣшился противодѣйствовать откупу просто потому, что почувствовалъ его тяжесть? Какъ же объяснить?

Въ Великороссіи нельзя было указывать на ту причину, которой объяснялось народное движеніе въ литовскихъ губерніяхъ. Никакой систематической проповѣди, никакого религіознаго института для распространенія трезвости у насъ не было. Напротивъ, при нѣсколькихъ случаяхъ церковнаго участія въ рѣшимости крестьянъ не пить, — было нѣсколько случаевъ и совершенно въ другомъ родѣ. Напримѣръ, изъ Крапивинскаго уѣзда Тульской губерніи сообщали («Моск. Вѣд.», № 97): «Въ селѣ Лапотковѣ согласились не пить вина, подъ страхомъ

5 руб. сер. штрафа; одно духовное лицо этого села преступило нечаянно это положеніе и должно было уплатить двойной штрафъ, т. е. 10 рублей».

За неимѣніемъ одного объясненія, стали прискивать другое, и нашли!.. Въ западныхъ губерніяхъ, видите ли, — ксендзы дѣйствуютъ словесно проповѣдью; а въ Великороссіи — такъ какъ грамотность и любовь къ чтенію повсемѣстно распространены въ народѣ, литература исправляетъ роль ксендзовъ... Въ прошломъ году стали писать противъ откуповъ, — вотъ крестьяне-то и вразумились да и отказались отъ водки... Совершенно понятное и естественное дѣло! Намъ, впрочемъ, не пришло бы въ голову такое открытіе, если бы мы не отыскали его въ двухъ, весьма ученыхъ и почтенныхъ журналахъ, — въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Указателѣ Политико-Экономическомъ». «Отечественныя Записки» (№ 2, 1859) говорятъ: «Обличительныя статьи подкопали авторитетъ многаго, что прежде считалось чѣмъ-то неприкосновеннымъ, привели общественное мнѣніе къ сознанію... и пр. *Мало этого:* онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *вызвали даже демонстрацію со стороны общества. Возьмите, напримѣръ, откупа.* Откупная система введена не со вчерашняго дня, она существуетъ многіе десятки лѣтъ, и *всѣ и вся* [остроуміе!?] шли всякую бурду, какую угодно было, по какой угодно цѣнѣ, давать откупщикамъ, созидали себѣ на этой бурдѣ великолѣпныя палаты, зимніе сады и милліоны. Никому и въ голову не приходило дѣлать противъ такихъ порядковъ какія-нибудь фактическія протестаціи. *Но вотъ литература* вывела на свѣжую воду разбогатѣвшихъ вдовою водкою откупщиковъ, указала на весь вредъ откупной системы, раскрыла хитрость

и тонкости, употребляемыя сильными (по деньгамъ) міра сего для спаиванія своихъ меньшихъ братій: *заговорили о томъ въ обществѣ, заговорили въ простомъ народѣ, и этотъ говоръ не остался безъ послѣдствій*» (Совр. хрон., стр. 73). Замѣчаете ли, какъ прекрасно понимаютъ народъ «Отечественныя Записки»? Онъ, видите, такъ глупъ, что по необразованности своей не знаетъ даже, что онъ пьетъ и ѣстъ: вкуса не имѣетъ, значитъ, — все по необразованности! Литераторы трудятся надъ тѣмъ, чтобы растолковать мужику, вкусно или нѣтъ для него то, что онъ пьетъ, — дорого или дешево обходится ему то, что онъ покупаетъ! Сколько лѣтъ бѣдный мужикъ пилъ бурду, по какой угодно цѣнѣ, и все молчалъ да пилъ! А заговорили объ откупахъ въ литературѣ, — онъ сейчасъ и смекнулъ, что вино для него и дорого, и не пьяно... Зато литераторы и рѣшили, давно ужъ впрочемъ, что русскій народъ отличается особенной понятливостью и переимчивостью!

Но кто же началъ рѣчь объ откупахъ? Кому обязаны бѣдные мужички познаніемъ добра и зла въ откупной водкѣ? Боже мой! Какъ же вамъ не стыдно не знать этого! Вы знаете всѣхъ этихъ Кальцоляри, Дебасини, — а не знаете нашего извѣстнаго статистика и экономиста! По крайней мѣрѣ теперь узнайте и почтите его, — за то, что онъ «первый поднялъ вопросъ о трезвости и былъ причиною распространенія этого отраднаго явленія въ разныхъ областяхъ великаго отечества нашего». Такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ самъ онъ, знаменитый г. И. Вернадскій, докторъ и статскій совѣтникъ, какъ расписывался онъ на «Экономическомъ Указателѣ». Послушайте, что онъ говоритъ: «Мы

первые подняли вопросъ о трезвости, первые дали гласность замѣчательному факту, совершающемуся въ западныхъ губерніяхъ нашихъ, — полагаемъ, что *отчасти* [это *отчасти* — вѣрно изъ скромности?] были причиною распространенія этого отраднаго нравственнаго явленія и въ другихъ областяхъ великаго отечества нашего» («Ук. Пол.-Эк.», 1859, № 22, стр. 495). Не правда ли, какъ убѣдительно это скромное сознаніе собственныхъ заслугъ! Итакъ, г. Вернадскій сдѣлалъ въ Великороссіи то, что въ Литвѣ произвела проповѣдь ксендзовъ; г. Вернадскій — нашъ Чаннингъ и патеръ Мэтью! Преклонитесь предъ г. Вернадскимъ всѣ вы, почитающіе его «Указателя», не подвергающіеся изумительной силѣ его логики и вслѣдствіе того, можетъ быть, еще до сихъ поръ пьющіе водку!

Итакъ, дѣло совершенно ясно: мужички наши начитались «Экономическаго Указателя» и вслѣдствіе того перестали пить... Если бы знали это откупщики, — то-то бы задали «Указателю». Не будь его, такъ обществъ трезвости и не было бы вовсе, или по крайней мѣрѣ (принимая буквально скромное «отчасти» г. Вернадскаго) были бы въ гораздо меньшемъ количествѣ... Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было догадаться народу, что вино стало хуже и дороже, если бы благодѣтельная литература не вразумила его!.. Правда, литераторамъ и во сны не грезилась такая радикальная мѣра, на какую рѣшился народъ, правда, что они никогда не говорили ни одного слова о противодѣйствіи откупу со стороны самого народа, а все возлагали свои надежды на посторонніе силы... Но вѣдь мало ли о чемъ вовсе не думали литераторы, мало ли чего они не понимаютъ! Все-таки они люди ученые, а иногда даже и

чиновные, — и если въ народѣ что-нибудь сдѣлается, такъ ужъ это вѣрно отъ нихъ! Въ противномъ случаѣ они будутъ протестовать, и если ихъ не послушаютъ, то они «возвысятъ свой голосъ» *противъ* народа; что тогда будетъ?

Къ удивленію нашему, поводъ къ протестаціи представился «Экономическому Указателю» и въ дѣлѣ трезвости, которой причиною онъ самъ былъ, по крайней мѣрѣ отчасти. Оказывается, что мужики слишкомъ уже усердно взялись за дѣло и приняли даже то, чего вовсе не было въ видахъ «Указателя». Они и становили штрафы и наказанія тѣмъ, кто нарушитъ обязательство трезвости. Это значитъ, что они не совсѣмъ хорошо поняли тенденціи доктора и статскаго совѣтника П. Вернадскаго, который, какъ извѣстно, всякое вмѣшательство общественной власти въ дѣла гражданъ считаетъ личною для себя обидою. Чтобы вразумить недогадливыхъ мужиковъ, г. Вернадскій счелъ долгомъ *протестовать* противъ принудительныхъ мѣръ, употребляемыхъ ими въ дѣлѣ трезвости. «Нравственное улучшеніе, — говоритъ онъ, — происходитъ, по нашему мнѣнію, только нравственнымъ путемъ, и насиліе, принужденіе въ дѣлѣ трезвости, по нашему мнѣнію, такъ же мало можетъ истинно исправить народъ, какъ и крѣпостное право... Возставая противъ всего насильственно-искусственнаго и грубаго и сочувствуя только тому, что истинно-нравственно и чуждо всякаго страха, мы *считаемъ своею обязанностью возвысить голосъ* свой *за* добровольныя общества трезвости и *противъ* насильственныхъ мірскихъ приговоровъ объ этомъ предметѣ, подкрѣпляемыхъ розочными ударами. Всякіе штрафы запрещены».

«Какой смыслъ имѣетъ послѣдняя фраза»? спросите вы. Мы сами не доискались въ ней смысла, тѣмъ болѣе, что она заканчиваетъ статейку, — далѣе ничего уже нѣтъ. Кѣмъ запрещены, гдѣ, когда запрещены, — мы не могли добиться... Но какъ же г. Бернадскій говоритъ о запрещеніяхъ и возвышаетъ голосъ *противъ*, когда онъ самъ безпрестанно проповѣдуетъ laissez-faire? — Да, конечно, — laissez-faire, дозволяйте дѣлать что угодно,— но только знайте, кому дозволить... Народу никакъ невозможно даровать этого права... Мы съ докторомъ Бернадскимъ можемъ другъ другу laisser faire; но ежели въ народѣ составится общество, и члены этого общества, принявъ на себя какія-нибудь обязанности, согласятся положить штрафъ или наказаніе за нарушеніе этихъ обязанностей, то тутъ уже ne laissez pas faire, тутъ уже «всякіе штрафы запрещены». Тутъ ужъ мужикъ съ нами совѣтуйся и соображайся съ нашими гуманными воззрѣніями, — потому что мы смотримъ на предметы не просто, а возвышенно. «Для насъ дорогъ не столько актъ отказа отъ вина, сколько то *нравственное побужденіе къ самоусовершенствованію, то сознаніе вреда отъ вина*, которое служило поводомъ къ этому акту». Такъ объявляетъ «Указатель Политико-Экономическій», и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не подивиться идеальной чистотѣ и высотѣ его воззрѣній! По его мнѣнію, народъ не то чтобъ испугался дороговизны, не то чтобъ вышелъ изъ терпѣнія отъ дурного качества вина, — а просто-напросто проникся «стремленіемъ къ самоусовершенствованію и сознаніемъ вреда отъ вина», — и все это, безъ всякаго сомнѣнія, вслѣдствіе изученія статеекъ «Указателя»! Такъ эти-то высокія нравственныя при-

чины и старается сохранить г. Вернадскій, возставая противъ принудительныхъ обязательствъ. Тутъ ужъ и laissez faire въ сторону! Если бы «Указателю» дали власть въ руки, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалъ бы вотъ что. Онъ сочинилъ бы замысловатый циркулярчикъ, съ краснорѣчивыми фразами и гуманными взглядами, въ такомъ смыслѣ: «трезвость, дескать, очень похвальна, и препятствовать ей не слѣдуетъ; но личность человѣка священна, и потому дѣлать какія-нибудь обязательныя постановленія относительно трезвости не дозволяется; вслѣдствіе чего, дескать, и предлагается, кому слѣдуетъ, — наблюдать за тѣмъ, чтобы распространеніе трезвости совершалось само собою, а не вслѣдствіе обязательныхъ мірскихъ приговоровъ, стѣсняющихъ и насилующихъ свободную волю человѣка». Бумажку эту «Указатель» разослалъ бы по всей Россіи, какъ недавно разсылалъ онъ карту желѣзныхъ дорогъ, на которой (кстати замѣтимъ) Ярославль поставленъ чуть не сѣверьѣ Петербурга. А что сдѣлали бы съ этой бумажкой тѣ, кому такое наблюденіе принадлежитъ у насъ, — до этого «Указателю» повидимому очень мало надобности... Хотя бы это вело къ рѣшительному уничтоженію возможности обществъ трезвости, — ему что за дѣло! Для него вѣдь дорогъ «не самый актъ отказа отъ вина», а совершенно другія обстоятельства, изобрѣтенныя его высоконравственною фантазіей.

Но, къ несчастію, мужики внимали «Экономическому Указателю» только до тѣхъ поръ, пока у нихъ не было трезвости. А какъ только трезвость явилась, совѣты «Указателя» потеряли всякое значеніе для крестьянъ. До сихъ поръ газеты безпрестанно сообщаютъ новые мірскіе приговоры, въ

которыхъ полагается штрафъ и тѣлесное наказаніе (почти вездѣ — 25 ударовъ) нарушителю общаго обычая .. Мало этого, почти во всѣхъ извѣстіяхъ причиною зарока выставляется непомѣрная дороговизна и дурное качество вина. Самъ «Указатель» напечаталъ (№ 10) извѣстіе изъ Калуги, въ которомъ корреспондентъ между прочимъ говоритъ слѣдующее:

На-дняхъ случилось мнѣ быть въ одной изъ лучшихъ въ Калугѣ лавокъ, въ которой продаются иностранныя вина. Смотрю, — входятъ человѣкъ пять крестьянъ и требуютъ сантуринскаго четвертями ведра и полуведрами. Это обстоятельство меня заинтересовало, и я вступилъ съ крестьянами въ разговоръ. Оказалось, что одни изъ нихъ пріѣхали изъ селыца Локачева, въ 55 верстахъ отъ Калуги, а другіе изъ села Карамышева, въ 25 верстахъ. На мой вопросъ, почему они покупаютъ сантуринское, а не водку, я получилъ въ отвѣтъ, что отъ употребленія хлѣбнаго вина, *по причинѣ его непомѣрной дороговизны и недоброкачественности*, они отказались всѣмъ міромъ, и что въ случаяхъ свадебъ и пр. они покупаютъ сантуринское. Разсчетъ мужичковъ понятенъ: отъ нынѣшняго хлѣбнаго вина пьянъ не будешь, также какъ и отъ сантуринскаго; но послѣднее не имѣетъ по крайней мѣрѣ вреднаго вліянія на здоровье, а по цѣнѣ сходнѣе водки: оно продается у насъ въ Калугѣ съ небольшимъ 1 р. с. за ведро. Между прочимъ я полюбопытствовалъ у помянутыхъ крестьянъ спросить: долго ли же они не будутъ употреблять горячихъ напитковъ. „Мы сговорились до сентября". — А послѣ? „Послѣ, если вино не подешевѣетъ, мы снова порѣшимъ не употреблять его". Итакъ, *и въ нашемъ краѣ, какъ и въ большей части мѣстъ*, гдѣ народъ рѣшился не пить хлѣбнаго вина, *побудительная причина къ тому — дороговизна полугара и недоброкачественность его.*

Такъ вотъ каковы «нравственныя побужденія къ самоусовершенствованію», которыя такъ дороги г. доктору Вернадскому! На нихъ указываетъ самъ

«Указатель», указываютъ и другія газеты. Выше мы привели изъ «Русскаго Дневника» разсказъ о нижегородскихъ мужикахъ, *пристрастившихся* къ водкѣ и не купившихъ ея въ Кременьѣ. Приведемъ еще замѣчанія одного помѣщика, г. Фролова, высказанныя имъ въ № 153 «Московскихъ Вѣдомостей» (30 іюня). Г-нъ Фроловъ тоже не одобряетъ тѣлесныхъ наказаній, полагаемыхъ крестьянами за невоздержаніе, и передаетъ совершенно основательныя убѣжденія свои на этотъ счетъ, высказанныя имъ крестьянамъ. Но мотивы его чрезвычайно различны отъ мотивовъ г. Вернадскаго: г. Фроловъ просто убѣжденъ въ ненужности наказаній для успѣха самаго дѣла. По его словамъ, крестьяне его *всѣ* очень обрадовались, когда открылась возможность *всѣмъ* отказаться отъ водки . . . Слѣдовательно, тутъ нечего было и толковать о наказаніяхъ за нарушеніе зарока. Вотъ что говоритъ г. Фроловъ:

И дѣйствительно, къ чему всѣ эти штрафы? Стоитъ только хорошенько вникнуть въ причину, почему крестьяне съ такою радостью цѣлыми селеніями отказываются отъ покупки вина: да это для нихъ единственный способъ, чтобы поправиться въ денежныхъ обстоятельствахъ; болѣе тридцати лѣтъ я почти постоянно живу въ деревнѣ, знаю бытъ крестьянъ въ совершенствѣ; въ началѣ моего хозяйства крестьяне мои никогда въ деньгахъ не нуждались; но съ постепеннымъ возвышеніемъ цѣны на вино постепенно начали чувствовать недостатокъ въ деньгахъ и теперь нерѣдко прибѣгаютъ къ моей помощи; причина ясная: въ теченіе 30 лѣтъ доходы ихъ не увеличились, а расходы умножились; въ здѣшнихъ мѣстахъ цѣны на коноплю, пеньку, извозы, плотничныя работы и другіе источники крестьянскихъ доходовъ почти одни и тѣ же; на хлѣбъ же съ нѣкотораго времени возвысились, и рѣдкій крестьянинъ обходится своимъ хлѣбомъ; но главное для нихъ разореніе — вино, не потому, чтобы они были къ нему пристрастны, вовсе нѣтъ: людей, которые могутъ обходиться безъ него

по нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ, грѣшно подвергать такому нареканію; но у нихъ, по заведенному изстари обычаю, бываетъ нѣсколько въ году случаевъ, когда каждый изъ нихъ поставленъ въ необходимость покупать вино, а именно: къ Рождеству, Святой недѣлѣ, къ Масленой, престольнымъ праздникамъ, сверхъ того на свадьбы, крестины и похороны; количество вина покупаютъ они одно и то же теперь, какое покупали, когда оно было вполовину дешевле: сколько ни убѣждалъ я ихъ, чтобы покупали вполовину менѣе, все было напрасно, у нихъ одинъ отвѣтъ: невозможно, недостанетъ, лучше совсѣмъ не покупать, чѣмъ недостанетъ, а этого нельзя сдѣлать безъ того, чтобы вся деревня не покупала; вотъ настоящая причина, почему цѣлыми селеніями отказываются отъ вина.

Нѣтъ никакой надобности доказывать, что причиною общаго движенія въ пользу трезвости въ разныхъ концахъ Россіи было не внезапное угрызеніе совѣсти за многолѣтнее пьянство, и даже не «желаніе встрѣтить въ трезвомъ видѣ зарю освобожденія» (какъ предполагаетъ г. Кошелевъ въ № 90 «Московскихъ Вѣдомостей»), а просто дороговизна и дурное качество водки. Доказательство этого находимъ мы не только въ извѣстіяхъ разныхъ газетныхъ корреспондентовъ, но даже и въ самыхъ приговорахъ, подписанныхъ крестьянами. Письменные приговоры эти, впрочемъ, не должны быть принимаемы за крестьянское произведеніе: всѣ они написаны, очевидно, рукою какого-нибудь грамотѣя-писаря или другого молодца, не жалѣющаго фразъ. Тѣмъ не менѣе сущность ихъ (то есть самый зарокъ, правила общества, мѣры противъ нарушителей, а отчасти и причины зарока) выработана прямо крестьянскими обществами, вслѣдствіе предшествовавшихъ фактовъ жизни, а никакъ не навязана имъ извнѣ. Приведемъ для примѣра одно постановленіе, напечатанное въ № 71 «Московскихъ Вѣдомостей»

Къ сожалѣнію, въ немъ не вполнѣ обозначены имена деревень, составившихъ это опредѣленіе. Что дѣлать? Такова ужъ наша хваленая гласность! . .

1859 года марта 15-го дня, мы нижеподписавшіеся, избранные отъ міра старшины, рядовые крестьяне и дворовые села II ва съ деревнями Кр -ною и Пог вою, бывъ на мірской сходкѣ, *по случаю возвышенія содержателемъ Болховскаго питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣнъ, что мы для себя и семействъ своихъ почитаемъ разорительными,* во избѣжаніе чего *и для распространенія въ насъ и отцахъ нашихъ доброй нравственности, и чтобы мы были исправными во всѣхъ своихъ обязанностяхъ,* сдѣлали между себя сію добровольную подписку, которою семъ обязуемся: вино отнынѣ впредь въ питейныхъ домахъ не пить и на вынось въ свои дома, кромѣ какихъ-либо необходимыхъ случаевъ, не покупать, затѣмъ обязуемся другъ за другомъ смотрѣть и о нарушителяхъ сего, чрезъ выбранныхъ нами старшинъ, доносить вотчинному начальству для поступленія съ таковыми, какъ съ вредными для нашего общества, а именно: ослушниковъ штрафовать въ пользу прихожской нашей церкви 10 руб. сер. за каждое взятое ведро, и 5 руб. сер., если кто выпьетъ въ питейномъ домѣ, а при безденежьи наказывать розгами согласно общему приговору старшинъ; въ случаѣ же если откроется какая надобность купить вина, то испросить всякій разъ на то разрѣшенія избранныхъ нами старшинъ и брать въ количествѣ, ими дозволенномъ; разрѣшеніе одного старшины не есть дѣйствительное; необходимо общее дозволеніе всѣхъ старшинъ въ присутствіи вотчинной конторы, гдѣ имѣется книга для вписыванія всякаго приговора старшинъ. Старшина, имѣющій надобность купить вино, обязанъ испросить разрѣшеніе міра и брать въ количествѣ, опредѣляемомъ мірскимъ приговоромъ. Всѣ эти признанныя нами условія для утвержденія между нами доброй нравственности обязательны и для всѣхъ посторонихъ живущихъ въ нашемъ селѣ. *Подлинная подписана всѣми крестьянами, бывшими на сходкѣ.*

При чтеніи этого приговора, не трудно видѣть, какъ фразы въ немъ перемѣшаны съ дѣломъ, до

брая нравственность прилетена къ дороговизнѣ, и пр. Но сущность дѣла остается та же: крестьяне отказываются покупать хлѣбное вино... Какая бы ни была причина этого, фактъ имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что доказываетъ способность народа къ противодѣйствію незаконнымъ притѣсненіямъ и къ единодушію въ дѣйствіяхъ. Пріятнѣе, конечно, было бы, если бы мужики наши побуждены были къ отреченію отъ водки не внѣшнимъ обстоятельствомъ — безсовѣстностью откупа, а внутреннимъ, нравственнымъ сознаніемъ. Но внезапныя нравственныя перерожденія бываютъ только въ раздирательныхъ романахъ, и отъ русскаго мужика, живущаго въ дѣйствительности, а не въ мечтѣ, неестественно было бы требовать такой нельпости. Ни съ того, ни съ сего не могъ онъ вдругъ перемѣнить свои наклонности. А тутъ дѣло происходило очень просто: мужикъ любилъ выпить, но не до такой крайней степени, какъ увѣряли многіе; прежде онъ покупалъ вино потому, что хотя оно и было дорогонько, но все еще можно было выносить; а тутъ вдругъ поднялась цѣна до того безобразная, что мужикъ махнулъ рукой да и сказалъ себѣ: «пить, лучше не стану пить; дорога больно, окаянная». Сказалъ да и сдѣлалъ — не сталъ пить: потому что онъ — не то, что мы, образованные господа, — не станетъ тратить слова попустому.

Мы убѣждены, что газетныя извѣстія не сообщили и четвертой доли всего числа обществъ трезвости, образовавшихся у крестьянъ. Но и по тому, что обнародовано, можно насчитать уже сотни тысячъ крестьянъ, отказавшихся отъ водки. У насъ очень плохо слѣдятъ за судьбою этихъ обществъ, и большею частью, извѣстивши объ ихъ образова-

нiи, не заботятся болѣе о сообщеніи извѣстiй, *какъ исполняются зароки*, данные крестьянами. Поэтому только о западныхъ губерніяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, продолжающіяся спустя уже довольно значительное время послѣ первыхъ проявленій трезвости. Въ великорусскихъ губерніяхъ почти всѣ извѣстія относятся только къ первому образованію обществъ, почему и до сихъ поръ еще нерѣдко можно услышать въ обществѣ мнѣніе, что все это движеніе *непродолжительно и непрочно*. Разумѣется, оно и не должно быть слишкомъ продолжительно; этого даже и желать не нужно: будучи порождено дикими отношеніями откупа къ народу, оно должно прекратиться вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ отношеній. И сами крестьяне не даютъ *вѣчныхъ* зароковъ; большею частью уговариваются не пить въ теченіе года, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — до осени, до весны, иные — на неопредѣленное время. Мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь подробный перечень всѣхъ мѣстностей, о которыхъ мы нашли въ газетныхъ извѣстіяхъ, что въ нихъ распространяется трезвость.

Началось движеніе въ пользу трезвости въ Ковенской губерніи и оттуда разошлось по Виленской и Гродненской. Вскорѣ потомъ одновременно обнаружилось движеніе въ пользу трезвости въ Поволжьѣ и въ центральныхъ замосковскихъ губерніяхъ. Вслѣдъ за извѣстіями о трезвости въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, получены были свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ губерніяхъ Тульской, Владимірской, Московской, Орловской и Калужской. Съ другой стороны трезвость, проявившаяся въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, распространилась вверхъ по Волгѣ, въ

разныхъ мѣстностяхъ Самарской, Рязанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и Тверской губерній. Нѣсколько позже получены извѣстія объ образованіи обществъ трезвости въ четвертомъ краю Россіи, въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Воронежской. Такимъ образомъ въ настоящее время распространеніе пойдетъ теперь еще быстрѣе, чѣмъ шло до сихъ поръ (предполагая, разумѣется, что она не встрѣтитъ какихъ-нибудь особенныхъ препятствій).

О трехъ западныхъ губерніяхъ, показавшихъ первый примѣръ трезвости, есть свѣдѣнія довольно положительныя. Въ февралѣ мѣсяцѣ писали изъ Ковно въ «Slowo»: «Едва лишь нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ перестали употреблять водку, а благіе плоды этой счастливой перемѣны въ народѣ уже чувствуются самымъ осязательнымъ образомъ: цѣна жизненныхъ продовольствій понизилась значительно, нищенство стало гораздо меньше, казенныя повинности уплачиваются исправнѣе, населеніе нашей губерніи находится въ самомъ вожделѣнномъ здоровьѣ. Замѣчательно, что въ теченіе этого времени у насъ не появилось ни одной общей болѣзни, которыя прежде бывала обыкновенною гостьею нашею въ эту пору года, особенно при такой безпрестанно мѣняющейся, туманной, сырой погодѣ, какая стоитъ у насъ» («М. Вѣд.», № 42). Изъ этого извѣстія, не представляющаго опредѣленныхъ фактовъ, а говорящаго общими мѣстами, видно однакоже, что обѣтъ трезвости строго былъ соблюдаемъ. Болѣе положительныя свѣдѣнія представлены въ письмѣ г. Рудзкаго («Указ. Пол.-Эк.», № отъ 22 февр.), который разсказываетъ о томъ, какую борьбу и какъ твердо выдерживаютъ

крестьяне. Между прочимъ очень характеристиченъ анекдотъ, разсказанный имъ объ одномъ помѣщикѣ Поневѣжскаго уѣзда. Помѣщикъ этотъ, переставшій получать отъ корчмы послѣдніе гроши своихъ крестьянъ, вздумалъ зазвать къ себѣ ксендза, успѣлъ какъ-то напоить его, и пьянаго вывелъ предъ толпу, которую увѣщевалъ образумиться, представляя ей несостоятельность убѣжденій человѣка, склонившаго ихъ дать обѣтъ воздержанія. «Надо отдать справедливость общественному мнѣнію, — прибавляетъ г. Рудзскій: — оно заклеймило безчестіемъ имя человѣка, такъ грязно посягнувшаго на общее благо».

О стараніяхъ самого откупа соблазнить крестьянъ — нечего и говорить. Въ половинѣ февраля писали, что откупщики въ Виленской губерніи ставили сначала 8 грошей за кварту вина, вмѣсто прежнихъ 14; потомъ вино подешевѣло въ шесть разъ; наконецъ — передъ корчмами выставляли иногда даже даровое вино... Ничто не помогало («Русск. Дн.», № 35). Въ концѣ того же мѣсяца сообщались вотъ какія свѣдѣнія изъ Жмуди: «Въ мѣстечкахъ, въ ярмарочное время расходилось, бывало, ведеръ до 40 водки, а теперь выходитъ ея едва нѣсколько гарнцевъ (штофовъ). Въ уѣздномъ нашемъ городѣ (корреспондентъ не говоритъ въ какомъ) еженедѣльный расходъ водки доходилъ среднимъ числомъ до 30 ведеръ; со времени же появленія трезвости(кромѣ отпускаемаго на войска, да еще кромѣ того, что потребляетъ людъ разныхъ вѣръ) количество его уменьшилось до одной третьей доли. На большихъ дорогахъ около Ковно расходъ этого напитка тоже уменьшился, даже болѣе чѣмъ на двѣ трети противъ прежняго; но и то, что потребляется,

идетъ на прохожихъ солдатъ, на проѣзжающихъ обитателей Царства Польскаго, на пруссаковъ и т. д. («Моск. Вѣд.» отъ 3 марта, № 53). Въ этомъ письмѣ есть положительное свидѣтельство и о томъ, что на Жмуди, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, трезвость нигдѣ не была нарушена, — т. е. цѣлымъ обществомъ, частныя же нарушенія всегда наказывались общественнымъ мнѣніемъ. Въ письмѣ г. Рудзскаго есть, между прочимъ, разсказъ о томъ, какъ въ одномъ мѣстечкѣ наказывали сгорѣвшаго крестьянина.

Въ м. Лукишкахъ, Шавельскаго уѣзда, одинъ государственный крестьянинъ, несмотря на произнесенный имъ обѣтъ, напился пьянъ; узнавъ объ этомъ, все село подхватило измѣнника, невольника привычки, — ему прикрепили къ спинѣ вывѣску: *„пьяница"* и съ барабаномъ впереди обвели два раза кругомъ села. Не знаю, исправился ли опозоренный крестьянинъ, но дѣло въ томъ, что этотъ случай навѣрно удержитъ другихъ, и главное, служитъ доказательствомъ прочности общаго увлеченія.

Относительно численнаго распространенія братства трезвости г. Рудзскій свидѣтельствуетъ (отъ 12 февр.), что къ братству этому пристала почти вся Ковенская губернія. Вотъ его слова («Указ. Пол.-Эк.», стр. 178):

Успѣхъ братства былъ огроменъ: къ концу минувшаго года по всей губерніи, за исключеніемъ части Новоалександровскаго и Вилькомірскаго уѣздовъ, смежныхъ съ Виленскою губерніею, каждому священнику удалось причислить къ своему братству всѣхъ почти прихожанъ своихъ. Потомъ газеты сообщили, что дѣйствія братства съ успѣхомъ перешли въ Виленскій уѣздъ изъ Вилькомірскаго; если это извѣстіе справедливо, то въ настоящее время, по всей Ковенской губерніи гуземцы почти поголовно приступили къ братству, дѣйствующему во имя просвѣщенной любви къ человѣчеству.

Извѣстіе это оказалось вполнѣ справедливымъ. Въ № 22 «Русск. Дневника» напечатано:

Общество трезвости уже стало распространяться въ Виленской губерніи, — именно въ трехъ приходахъ Виленскаго уѣзда, гдѣ 800 прихожанъ исполнили клятву не употреблять во всю жизнь крѣпкихъ напитковъ. Они были поощрены къ тому жителями Вилькомірскаго уѣзда.

Черезъ три мѣсяца послѣ этого, въ началѣ мая, мы находимъ о Вильнѣ слѣдующее извѣстіе:

«Двѣ трети губерніи, и даже $^{3}/_{4}$ пристали уже къ обществу трезвости, и мы совершенно убѣждены, что черезъ мѣсяцъ и $^{9}/_{10}$ пристанутъ» («Ук. Пол.-Эк.», № 19).

Обѣтъ трезвости распространился здѣсь не только въ однихъ селеніяхъ, но и въ городахъ. Какіе размѣры приняли братства трезвости среди городскихъ жителей, можно видѣть изъ примѣра города Опмянъ, о которомъ сообщено въ «Русск. Дневникѣ» (№ 74), что изъ 1,725 жителей городка 900 человѣкъ изъявили желаніе быть членами братства, лишь только будетъ имъ представленъ проектъ его.

Изъ Гродненской губерніи еще въ февралѣ писали, что братства трезвости распространились *по всей губерніи,* и что трудно уже было тогда встрѣтить пьянаго въ гродненскихъ деревняхъ («Моск. Вѣд.», № 42). Недавно читали мы извѣстіе, что въ Бѣлостокскомъ приходѣ изъ 4,000 прихожанъ къ обществу трезвости принадлежитъ 3,000 («Экон. Указ.», № 27).

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ считается до милліона крестьянъ и мѣщанъ мужского пола. Если половина ихъ отказалась отъ водки, то и тутъ выйдетъ 500,000 человѣкъ . . . Но по всѣмъ извѣстіямъ, — въ обществахъ трезвости гораздо болѣе половины

населенія. Съ этимъ совершенно сходятся и свѣдѣнія о количествѣ вина, проданнаго и оплаченнаго акцизомъ въ Ковенской губерніи. Вотъ что напечатано въ № 96 «Русскаго Дневника» (2 мая):

Съ 1 января настоящаго года оплачено 55,931 $^{5}/_{100}$ ведеръ вина и 1,295 ведеръ спирта, тогда какъ въ этотъ же періодъ времени 1857 г. было оплачено 169,160 $^{60}/_{100}$ ведеръ спирта; а въ 1858 г. 202,538 $^{70}/_{100}$ ведеръ вина и 866 ведеръ спирта. Въ періодѣ производства винокуренія на заводахъ въ 1858—59 г. производилось оно только на 275 заводахъ; но въ каждомъ изъ нихъ пропорція выкуривалась вполовину, на нѣкоторыхъ и того меньше, чѣмъ могли эти заводы выкурить на самомъ дѣлѣ. При томъ, по признанію заводчиковъ, если куреніе ими и производилось, то главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы добыть барды для корма скота, такъ какъ, вслѣдствіе прошлогоднихъ неурожаевъ травъ, эти кормы сильно подорожали. Изъ числа заводовъ, дѣйствовавшихъ въ прошлую зиму, 87 закрыты владѣльцами. Въ періоды винокуренія 1856—57 и 1857—58 годовъ всѣ заводы, въ числѣ 362, дѣйствовали и выкуривали вино въ полномъ опредѣленномъ количествѣ. Свидѣтельствъ на право держать питейныя заведенія въ 1857 г. взято было 2,207, а въ 1858 — 2,191, въ нынѣшнемъ же году только 1,898. При томъ, главнымъ образомъ въ этихъ заведеніяхъ продаются только пиво и медъ. Винная продажа еще кое-какъ идетъ по городамъ, въ мѣстечкахъ она слабѣе, но по деревнямъ и селамъ совершенно прекратилась.

Цифры эти даютъ намъ полную возможность судить о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ дѣйствуютъ братства трезвости въ Ковенской губерніи, и заставляютъ предполагать то же самое и въ двухъ другихъ названныхъ нами. Къ сожалѣнію, о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространилась трезвость, не обнародовано свѣдѣній столь опредѣленныхъ, и потому мы принуждены ограничиться простымъ перечнемъ этихъ мѣстностей.

По западному краю трезвость обнаружилась еще въ губерніяхъ Подольской, Смоленской, Новгородской и Петербургской.

Въ *Подольской* губерніи, въ Литинскомъ уѣздѣ, отказались отъ водки крестьяне графа Кушелево-Безбородко, въ Багриновецкомъ его имѣніи, съ деревнями Стасьевымъ и Савинымъ Майданами и селеніями Дубовой и Кусиковцами. Это было въ началѣ февраля. («Русск. Дн.», № 66).

Въ *Смоленской* губерніи, Вяземскаго уѣзда, согласились не пить вина крестьяне графини Рибопьеръ, въ числѣ 2,144 душъ («Русск. Дн.», № 91).

Въ *Новгородской* губерніи, Старорусскаго уѣзда, въ Коростынской волости, крестьяне, въ числѣ 6,000, дали зарокъ не пить вина. Въ Новгородѣ также, по извѣстіямъ, замѣтно опустѣли питейныя заведенія. По слухамъ, — затѣвались общества трезвости (въ апрѣлѣ) и въ другихъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи («Русск. Дн.», № 79).

Близъ *Петербурга* дали зарокъ не пить водки крестьяне деревни Коломяги («Моск. Вѣд.», № 68) и Новой Деревни («Русск. Дн.», №66). Въ самомъ Петербургѣ дали зарокъ не пить вина плотничьи артели у *одного подрядчика*, имени и фамиліи его не сообщили сообщить № 27 (14 іюля) «Указателя Пол.-Эк.», въ которомъ помѣщено это извѣстіе...

Въ *Екатеринославской* губерніи, Александровскаго уѣзда, крестьяне села Петровскаго, принадлежащаго гр. Строгоновой, перестали ходить въ свой сельскій шинокъ только потому, что онъ съ новаго года взятъ у помѣщицы въ аренду откупщикомъ-евреемъ. Когда надобно, крестьяне покупаютъ водку изъ помѣщичьихъ шинковъ, верстъ за 15—20; а въ Петровскомъ шинкѣ, вмѣсто прежнихъ двухъ

бочекъ вина ежемѣсячно, продается теперь не болѣе 10 ведеръ, и то однимъ проѣзжимъ, хотя водка у еврея-откупщика не дорога и хорошаго качества («Русск. Дн.», № 44). —

Въ *Харьковской* губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, отказались отъ водки крестьяне *одной изъ волостей Южнаго поселенія* этого уѣзда, состоящей изъ семи селеній (такъ скромно объявляетъ объ этомъ г. Михаилъ Гаршинъ, въ № 121 «Моск. Вѣд.»).

Въ *Курской* губерніи, въ Щигровскомъ уѣздѣ, крестьяне Стакановской волости, видя неурядицу, происходящую всегда при попойкахъ во время храмовыхъ праздниковъ и при хожденіи по селу съ иконами, — составили между собою полюбовный договоръ: не брать иконъ и не пить вина; а желающіе помолиться могутъ собраться на первый день праздника, отслужить молебенъ въ храмъ и принести посильное пожертвованіе, — что они и сдѣлали, при чемъ собрано приношеній до 40 руб. въ пользу церкви, и 3 руб. сер. на уплату за служеніе молебна. Изъ двухъ священниковъ одинъ уклонился отъ исполненія желанія прихожанъ, но младшій исполнилъ просьбу ихъ («Моск. Вѣд.», № 123).

Въ маѣ мѣсяцѣ рѣшились отказаться отъ водки крестьяне нѣсколькихъ волостей въ Коротоякскомъ уѣздѣ *Воронежской губерніи*, въ числѣ 20,000. Вотъ извѣстіе о нихъ, помѣщенное въ № 142 (17 іюня) «Моск. Вѣдомостей»:

Въ маѣ мѣсяцѣ этого года въ Коротоякскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, государственные крестьяне волостей Анпиенской, Давыдовской и Коротоякской, въ числѣ слишкомъ 20,000 душъ, дали клятву впредь не употреблять водки ни подъ какимъ предлогомъ. Смущенные этимъ

обстоятельствомъ, откупщики употребляли всевозможныя мѣры, чтобы склонить народъ къ трезвой жизни, воспѣвая, какъ это пріятно и полезно; но народъ не внялъ пустымъ словамъ. Такъ откупщики поставили жителямъ въ селѣ Трескуковѣ нѣсколько штофовъ хорошей водки даромъ; напились шалуны-ребята, которые ее выпили, и то потому только, что даромъ, но, поблагодаривъ за угощеніе, сказали, что покупать все-таки не будутъ, затѣмъ и разошлись; потомъ откупщики задабривали значительныхъ поселянъ, предлагали жертвы на храмы, и много, много было придумываемо ими средствъ, но народъ рѣшительно отвергъ всѣ ихъ искательства. И вотъ уже другой мѣсяцъ, какъ крестьяне свято и нерушимо хранятъ обѣщаніе; примѣръ ихъ находитъ много подражателей. — Въ Острогожскомъ уѣздѣ уже готовятся такія общества.

Въ томъ же мѣсяцѣ изъявили желаніе отстать отъ горячихъ напитковъ крестьяне *Воронежской* губерніи, Бирюченскаго уѣзда, Старооскольской вотчины помѣщицы Муравьевой, съ народонаселеніемъ изъ малороссіянъ, въ количествѣ 2,169 душъ мужскаго пола («Моск. Вѣд.», № 121).

Въ центральныхъ губерніяхъ распространеніе трезвости обнародовано изъ слѣдующихъ мѣстностей:

Въ *Орловской* губерніи:

1) Крестьяне села П—ва, съ деревнями Кр—ною и Ног—вою, въ Болховскомъ уѣздѣ (полныхъ названій деревень не разсудилъ сообщить г. К., приславшій извѣстіе объ этомъ въ № 71 «Моск. Вѣд.»), видя чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ на вино и дурное качество послѣдняго, положили на мірской сходкѣ — воздержаться отъ употребленія хлѣбнаго вина.

2) Въ Мценскомъ уѣздѣ — крестьяне села Алисова на Неручи (138 душъ), принадлежащаго г. Скарятину, мірскимъ приговоромъ постановили — не пить вина по будиямъ («Моск. Вѣд.», № 75).

3) Елецкаго уѣзда, въ имѣніи г. Вадковскаго, въ селѣ Петровскомъ и въ деревняхъ Ѳедоровой, Елизаветиной, Выселкѣ, Лопуховкѣ, Самохваловкѣ, Сухониной, Льняной и Бродковѣ, 5 апрѣля въ воскресенье, крестьяне и дворовые люди отказались отъ употребленія водки, по совѣту помѣщика. То же сдѣлало духовенство села Петровскаго, купцы и мѣщане, проживающіе въ имѣніи г. Вадковскаго отставные и безсрочно-отпускные солдаты съ солдатками («Русск. Дн.», № 92).

4) Въ тотъ же самый день, 5 апрѣля, отказались отъ водки крестьяне сельца Аленое, Болховскаго уѣзда, видя чрезвычайное возвышеніе цѣнъ на вино содержателемъ Болховскаго питейнаго откупа и дурное его качество, вредное для здоровья («Моск. Вѣд.», № 90).

5) Въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Касиновѣ, деревнѣ Кульчевѣ, въ селѣ Новоникольскомъ, Алымовѣ тожъ, и въ деревнѣ Фроловѣ, принадлежащихъ г. Фролову, крестьяне и дворовые отказались отъ крѣпкихъ напитковъ, не связавъ себя никакими штрафами и позорными наказаніями («Моск. Вѣд.», № 153).

Въ *Тульской* губерніи также во многихъ мѣстностяхъ образовались общества трезвости.

1) Каширскаго уѣзда, села Хотуни, крестьяне казеннаго вѣдомства постановили: брать водку изъ питейныхъ заведеній на домъ, въ количествѣ, всякій разъ опредѣленномъ мірскимъ приговоромъ; ослушниковъ штрафовать 25 руб. за каждое ведро, а при безденежьи наказывать тѣлесно («Русск. Дн.», № 35).

2) Въ Чернскомъ уѣздѣ, въ селѣ Спѣшневѣ, принадлежащемъ кн. П. В. Долгорукову, крестьяне на сходкѣ положили «по причинѣ дороговизны вина

не пить его, и кто выпьетъ хоть чарку, тотъ платитъ міру 6 руб. сер.» («Русск. Дн.», № 52).

Жители самаго города Черни и подгородныхъ слободъ Козацкой, Стрѣлецкой и Пушкарской условились между собою не пить вина и ни подъ какимъ видомъ не держать его дома. Къ этому обѣту приступили и ямщики («Русск. Дн.», № 92).

Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Доробинѣ, принадлежащей графу Татищеву, въ имѣніяхъ гг. Тургенева, Левицкаго, Крюкова, г-жи Свѣчиной и Власовой, и въ имѣніи г. Скарятина — Марьинѣ, крестьяне дали зарокъ на годъ — не пить вина («Моск. Вѣд.», № 64). По другому извѣстію, первый примѣръ трезвости въ Ефремовскомъ уѣздѣ показало село Галица. Потомъ отказались отъ водки ефремовскіе ямщики, по призыву содержателя почтовой станціи Я—ва. Затѣмъ перестали пить — Кадно, Закопы, Старыя Гальскія Карчажки, Медовая Большая, и *много-много другихъ богатыхъ и многолюдныхъ селъ*. Названіе ихъ однакоже не заблагоразсудилъ сообщить почтенный корреспондентъ, скрывшій и свое собственное имя и подписавшійся подъ своимъ извѣстіемъ: «Ефремовскій житель» («Моск. Вѣд.», № 94).

4) Въ Крапивинскомъ уѣздѣ, въ селахъ Колединѣ, Трасинѣ и Лопотковѣ, крестьяне на сходкѣ положили не пить вина («Моск. Вѣд.», № 97).

Въ томъ же уѣздѣ, въ Царевской вотчинѣ, принадлежащей г-жѣ Скарятиной, крестьяне еще въ концѣ прошлаго года рѣшились не пить и замѣчательнымъ образомъ выдерживали себя предъ исправникомъ. Вотъ вполнѣ описаніе всего дѣла, какъ оно помѣщено въ «Моск. Вѣд.» (№ 75):

Крестьяне Тульской губерніи, Крапивинскаго уѣзда, Царевской вотчины, принадлежащей женѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маріѣ Павловнѣ Скарятиной и заключающей въ себѣ 1,336 душъ, въ концѣ прошлаго года, на мірской сходкѣ постановили не пить вина, исключая свадебъ и храмовыхъ праздниковъ. Испуганный цаловальникъ (въ селѣ Царевѣ есть питейный домъ) бросился къ откупщику и объявилъ ему, что къ царевскому питейному дому приставлень крестьянами карауль. Откупщикъ жаловался на это исправнику. Исправникъ, вытребовавъ старосту означеннаго села и узнавъ отъ него, что никакого караулу къ питейному дому не приставлялось, а сдѣлано крестьянами постановленіе не пить вина, спросилъ, внесены ли подушныя и поставлены ли по дорогамъ тычки, и затѣмъ отпустилъ старосту, подтвердивъ ему, чтобы карауль къ питейному дому отнюдь ставить не смѣли. Тогда крестьяне, на вторичномъ мірскомъ сходѣ, постановили: ни въ какомъ случаѣ, даже на свадьбы и въ храмовые праздники, вина на домъ не брать и вообще отъ употребленія его отказаться. Исключеніе сдѣлано для больныхъ, и въ этомъ случаѣ берется вино съ разрѣшенія старшинъ; также для находящихся въ дорогѣ или на заработкахъ на сторонѣ, очевидно по невозможности имѣть за ними надзоръ. Замѣчательнѣе всего, что крестьяне дѣйствовали въ этомъ случаѣ рѣшительно по собственному побужденію: помѣщица, г-жа Скарятина, живетъ постоянно въ другомъ имѣніи, и управляющаго въ это время въ вотчинѣ не было: онъ и везъ оброкъ къ новому году. Имѣніе оброчное; тягло получаетъ 10 тридцатыхъ десятинъ пашни, съ платою 3 р. 30 к. за десятину.

5) Новосильскаго уѣзда, въ селѣ Моховомъ, принадлежащемъ г. Шатилову, крестьяне положили не пить хлѣбнаго вина до апрѣля 1860 г. («Моск. Вѣд.», № 128).

Свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ *Калужской* губерніи были помѣщены въ «Указателѣ Политико-Экономическомъ», № 20. Приведемъ ихъ здѣсь вполнѣ.

Трезвость въ Калужской губерніи распространяется съ замѣчательною быстротою, и дай Богъ дальнѣйшихъ успѣховъ доброму дѣлу. По настоящее время трезвость установилась въ слѣдующихъ селеніяхъ: *Тарусскаго уѣзда:* въ Сашкинскомъ сельскомъ обществѣ съ деревнями Клишино, Жиливки, Черкасово, Жалично и Селиверстово, вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ имѣніяхъ гг. Миллера и Дурново и при чугуноплавильномъ Бибарсовскомъ заводѣ; *Калужскаго:* въ селѣ Бобровѣ — г. Головина (1,200 душъ м. п.), въ деревняхъ: Жарокъ, Песочнѣ, Семеновскомъ, Гридневѣ, Фетининѣ, Маматовѣ и Бобрихѣ — княгини Вяземской, въ селѣ Дмитріевскомъ — г. Кикшина, въ деревняхъ Мужачи, Русинѣ, Масловѣ, Филипповой г-жи Фрейгангъ, и въ селѣ Желовижъ — г. Скворцова; *Медынскаго:* въ селѣ Карамышевѣ — князя Меньшикова (1,880 д.), во всѣхъ селеніяхъ князя Кочубея, подвѣдомственныхъ кожуховской вотчинной конторѣ (510 д.), въ селѣ Троицкомъ — г. Сабанѣева (642 д.), въ селѣ Кондровѣ — г-жи Мещериновой (121 д.), и въ сельцѣ Михайловскомъ — гг. Спафарьевыхъ (60 д.); *Масальскаго:* въ сельцѣ Новоалександровскомъ хуторѣ — малолѣтнихъ гг. Нарышкиныхъ; *Малоярославецкаго:* въ сельцѣ Дѣтчиновѣ и въ деревняхъ Кульневѣ и Желудовкѣ — г. Атрыганьева (248 д.), въ деревняхъ Огубѣ, Кадникахъ, Росляковѣ, Величковѣ и Лыковѣ — княгини Голицыной (581 д.); *Лихвинскаго:* въ селеніяхъ: Князищевѣ — г. Чернова, Говоренкахъ — г. Сухотина, Труфановѣ — г. Плужникова, Титовѣ — г. Евдокимова, Аниковкѣ — г. Цемирова, Дуглы — г-жи Виштъ, Плюсковѣ — г. фонъ Вернера и Ханинѣ; *Перемышльскаго:* въ помѣщичьихъ селеніяхъ: Крутыхъ-Верхахъ, Самойловѣ и Толстиковѣ — князя Грестерова, Зябкахъ — г-жи Воронцовой, Кримeневѣ — князя Оболенскаго, Григоровскомъ и Константиновскомъ — г-жи Чертковой, Матинѣ — г-жи Бенардаки-Покровскомъ и Куровскомъ — г. Рихтера, Ридовкѣ — г. Коробкова; въ селеніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ: Зимницахъ, въ деревняхъ Полянахъ, Хохловкѣ, Слободкѣ, Жашковѣ, Гордаковой, Алоповой (236 д.), Петровскомъ, Погорѣльскомъ, Кузьминкахъ, Рожествинѣ и Егоровѣ, въ селахъ — Варваренкахъ (99 д.), Михайловскомъ (136 д.) и Никольскомъ (134 д.). Сверхъ того, гово

рять, крестьяне села Грабцова — г. Чернова, въ Калужскомъ уѣздѣ, и сельца Локачева — г. Годейна, въ Медынскомъ, также отказались отъ употребленія горячихъ напитковъ. Такимъ образомъ, трезвость существуетъ въ 52 помѣщичьихъ селеніяхъ и 21 казенномъ, всего въ 73 селеніяхъ, находящихся въ семи уѣздахъ. Калужскаго уѣзда въ сельцѣ Дмитріевскомъ она установилась еще въ ноябрѣ прошлаго года, Тарусскаго уѣзда въ селѣ Сашкинѣ съ деревнями — въ масленицѣ нынѣшняго, во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ только недавно — въ мартѣ и апрѣлѣ. Крестьяне означенныхъ мѣстъ, кромѣ, сколько мнѣ извѣстно, Полянскаго сельскаго общества въ Перемышльскомъ уѣздѣ, *словесно* порѣшили не пить хлѣбнаго вина; Полянское же сельское общество составило *письменныя* условія воздержанія. Въ однихъ селеніяхъ крестьяне дали зарокъ не употреблять водки при крестномъ цѣлованіи, а въ другихъ — безъ соблюденія подобныхъ обрядовъ. Но, такъ, или иначе, условія воздержанія вездѣ соблюдаются строго.

Изъ всѣхъ этихъ селеній, въ одномъ Карамышевѣ, съ прилежащими къ нему деревнями, потреблялось вина на 40,000 р. с. въ годъ . . . Можно судить по этому, сколько трудовыхъ копеекъ сберегается крестьянамъ по всей губерніи отъ ихъ зарока. Въ «Русскомъ Дневникѣ» извѣщали, между прочимъ, что «откупщикъ въ отчаяніи пріѣзжалъ въ Карамышево и предлагалъ пустить вино по 3 р. с., если мужики согласятся пить; но ему единодушно отвѣчали, что они нарушатъ обязательство только въ такомъ случаѣ, если откупъ будетъ продавать вино повсюду по 1 р. 50 к.» («Русск. Дн.», № 92).

Въ *Рязанской* губерніи, въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ самомъ началѣ нынѣшняго года образовалось одно изъ первыхъ по времени обществъ трезвости въ великорусскихъ губерніяхъ. Первый примѣръ поданъ былъ крестьянами казеннаго села Макѣева (200 душъ) и помѣщичьяго — Кобыльска (150 душъ).

Въ половинѣ февраля извѣщали, что въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи чрезвычайно ослабѣло употребленіе водки («Моск. Вѣд.», № 44). Въ концѣ марта г. Кошелевъ, помѣщикъ Рязанской губерніи, писалъ, что общества трезвости существовали уже въ уѣздахъ Зарайскомъ, Данковскомъ, Ряжскомъ, Сапожковскомъ и *другихъ* («Моск. Вѣд.», № 99).

Были неопредѣлительныя извѣстія объ обществахъ трезвости и въ *Тамбовской* губерніи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ (см. «Русск. Вѣстн.», № 3).

Января 28, во *Владимірской* губерніи, въ Гороховецкомъ уѣздѣ, «по случаю возвышенія содержателемъ питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣнъ, а также и для распространенія въ семействахъ доброй нравственности», — отказались отъ водки крестьяне села Нижняго Ландеха, съ 85 деревнями, въ числѣ 5,000 душъ («Моск. Вѣд.», № 49).

Въ *Московской* губерніи трезвость начала распространяться въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое общество образовалось въ селѣ Говоровѣ, Московскаго уѣзда, вотчины княгини Голицыной («Моск. Вѣд.», № 80). Въ апрѣлѣ крестьяне села Спасскаго и деревни Изоповой, тоже Московскаго уѣзда, принадлежащихъ кн. Юсупову (86 душъ), тоже дали зарокъ не пить вина на одинъ годъ («Моск. Вѣд.», № 139). Почти въ то же время, но нѣсколько ранѣе, общества трезвости образовались въ трехъ вотчинахъ графа Панина — Мароинской, Кіевской и Спасской, въ числѣ 1,018 душъ («Моск. Вѣд.», №151).

Изъ прочихъ уѣздовъ Московской губерніи даны зароки не пить вина: въ Звенигородскомъ, въ деревнѣ Ивашковой, графа Кушелева-Безбородко («Моск. Вѣд.», № 97); въ Подольскомъ — въ Рождественской вотчинѣ кн. Голицыной, въ числѣ 345

душъ («Русск. Дн.», № 95), въ селахъ Тифонкѣ и Дуловѣ, съ деревнями, принадлежащими кн. Юсупову и находящимися въ Подольскомъ (525 душъ) и Серпуховскомъ (189 душъ) уѣздахъ («Моск. Вѣд.», № 123).

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Драчинѣ, крестьяне тоже согласились было не пить водки; но откупъ заплатилъ за нихъ 85 руб. недоимки, чтобъ только они пили, и крестьяне подались на это условіе («Русск. Вѣсти.», № 3).

Въ Поволжьѣ трезвость пошла снизу — изъ Саратова. Въ Сердобскомъ уѣздѣ еще осенью прошлаго года произошло рѣшеніе не пить; но было разрушено вышеупомянутою штукою откупа... Въ декабрѣ состоялось рѣшеніе не пить — въ селѣ Северкѣ, Балашовскаго уѣзда, и примѣру его послѣдовали крестьяне и въ другихъ мѣстностяхъ («Моск. Вѣд.», № 43). Въ февралѣ то же обѣщаніе дано было крестьянами села Турки («Русск. Дн.», № 42). Въ самомъ Балашовѣ мѣщане дали обѣтъ трезвости, и ихъ примѣръ подѣйствовалъ на множество артельныхъ рабочихъ, приходящихъ въ Балашовъ по веснѣ для найма на барки («Русск. Дн.», № 75). Объ этомъ случаѣ корреспондентъ «Русскаго Дневника» писалъ между прочимъ слѣдующее:

Къ сожалѣнію, нашлись люди, особенно въ уѣздѣ, которые въ рѣшимости бѣдныхъ, стремящихся къ добру людей, — видятъ опасность, пугаютъ отказывающихся отъ пьянства наказаніемъ по закону (?), за то, что они не хотятъ пить вина, и даже громко жалуются на то, что мѣщане согласились отказаться отъ пьянства безъ непрошенія на то позволенія“ („Русск. Дн.“, № 42).

Корреспондентъ въ недоумѣніи самъ поставилъ знакъ вопроса, упомянувъ о *наказаніи по закону*.

Но недоумѣніе его напрасно. По крайней мѣрѣ рьяные и краснорѣчивые *защитники* крестьянскаго рѣшенія не пить водки защищали его, между прочимъ, вотъ какъ: «общества трезвости не надобно запрещать и наказывать, потому что законъ запрещаетъ образованіе обществъ только *въ городѣ*, а мірскіе приговоры о трезвости составляются не въ городахъ, а въ селахъ» (см. «Русск. Вѣсти.», № 4, стр. 241). Слѣдовательно, по мнѣнію фразистыхъ защитниковъ, такъ ловко умѣющихъ опираться на законодательство, — что нужно было сдѣлать съ балашовскими мѣщанами? Что также нужно было сдѣлать и съ жителями Саратова, между которыми, по извѣстіямъ, открыта была частная подписка для желающихъ отказаться отъ употребленія хлѣбнаго вина въ теченіе 1859 г.? «Русск. Дн.», № 22).

Обѣщаніе не пить вина дано также въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, — крестьянами села Дивовки, имѣнія графа Сумарокова («Моск. Вѣд.», № 69).

По поводу распространенія трезвости въ Саратовской губерніи мы нашли въ одной изъ газетъ свѣдѣніе, что сумма 482,200 р. с., предложенная за откупъ въ этой губерніи на послѣднихъ торгахъ, возвышена была до цифры 1.504,488 рублей («Моск. Вѣд.», № 76).

Изъ Саратовской губерніи трезвость прошла и въ смежные уѣзды *Пензенской*, — Чембарскій и Нижнеломовскій (Русск. Дн.», № 53).

Въ *Самарской* губерніи объ обществахъ трезвости извѣщали изъ двухъ уѣздовъ: Николаевскаго, гдѣ отказались отъ водки крестьяне селенія Сулакъ, Перекопиевской волости («Русск. Дн.», № 95), — и Бузулукскаго, гдѣ обѣтъ трезвости состоялся между

крестьянами села Языкова, принадлежащаго г. Шипкову («Русск. Дн.», № 103).

Изъ *Казани* были извѣстія только въ томъ смыслѣ, что и «здѣсь мало покупаютъ вина» («Русск. Дн.», № 42, «Моск. Вѣд.», № 52).

Изъ *Нижегородской* губерніи также были очень неопредѣлительныя извѣстія. Вина здѣсь съ новаго года покупаютъ въ кабакахъ гораздо менѣе («Русск. Дн.», № 66). Въ Крещеніе мужики, пріѣхавшіе на базаръ въ Нижній, прицѣнивались къ водкѣ, но не покупали ея (Русск. Дн.», № 20). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи составляются общества трезвости (Русск. Дн.», № 48). Вотъ и все.

Въ *Костромской* губерніи общество трезвости образовалось: — въ имѣніи графа Гейдена, въ селѣ Никольскомъ на Упѣ съ деревнями («Русск. Дн.», № 66); въ селахъ Ножкинѣ и Коровьѣ, подлѣ Чухломы («Русск. Дн.», № 85); между помѣщичьими крестьянами двухъ приходовъ Галичскаго уѣзда (въ числѣ 500 человѣкъ) и между крестьянами помѣщичьими и государственными (3,500 человѣкъ) въ шести приходахъ Чухломскаго уѣзда («Русск. Дн.», № 94); между керстьянами разныхъ владѣльцевъ (344 человѣка) въ Солигаличскомъ уѣздѣ («Русск. Дн.», № 111); между рабочими на заводѣ купца Бакорина, въ Галичѣ («Моск. Вѣд.», № 112).

Изъ *Ярославской* губерніи было только одно извѣстіе — о мірскомъ приговорѣ не пить вина, состоявшемся въ селѣ Янѣ, Мологскаго уѣзда, принадлежащемъ г. Шипову («Моск. Вѣд.», № 148). Кромѣ того, писали изъ самаго Ярославля, что крестьяне очень тихо провели тамъ масленицу, и запросъ на полугаръ значительно уменьшился («Моск. Вѣд.», № 52).

Въ *Тверской* губерніи образовались общества трезвости въ Старицкомъ уѣздѣ, между крестьянами графини Зубовой («Русск. Дн.», № 97), и въ Корчевскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ князя Вяземскаго («Моск. Вѣд.», № 106).

Кромѣ исчисленныхъ мѣстностей, даже изъ *Перми* сообщали, что тамъ «водка идетъ туго» («Русск. Дн.», № 54), и изъ Сибири писали съ удовольствіемъ о закрытіи двухъ кабаковъ («Русск. Дн.», № 103) и съ ужасомъ — о разнесшемся слухѣ, что тамъ введена будетъ откупная система («Моск. Вѣд.», № 41). Такъ далеко зашло стремленіе къ трезвости при теперешнемъ состояніи откупныхъ условій.

Мы старались собрать всѣ свѣдѣнія, публикованныя въ газетахъ относительно трезвости, и расположить ихъ по губерніямъ. Но, повторяемъ, мы убѣждены, что въ газетныхъ замѣткахъ не сообщено и четвертой доли всего, что дѣйствительно происходитъ въ народѣ. Мы желали бы, чтобъ нашъ сводъ извѣстій, доселѣ напечатанныхъ о трезвости, далъ возможность людямъ, проживающимъ въ разныхъ мѣстностяхъ, дополнить этотъ перечень мѣстными извѣстіями. При этомъ особенно желательно, чтобы въ нихъ сообщалось всегда имя уѣзда, селенія и количество душъ, живущихъ въ немъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ-то дѣлѣ, совершающемся такъ явно и спокойно самимъ народомъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности въ безыменной гласности, какую позволилъ себѣ, напримѣръ, г. N, объявившій въ № 54 «Моск. Вѣдомостей», что въ В—ской губерніи, К—мъ уѣздѣ, два селенія отказались отъ питья водки. Вообразите себѣ, что это за господинъ N, боящійся прописать сполна названіе губер-

ніи и уѣзда, гдѣ крестьяне пить перестали! По нашему мнѣнію, этотъ г. N представляетъ замѣчательное явленіе въ *настоящее время, когда*, и пр.

Впрочемъ, мы никогда и не ожидали особенной храбрости отъ всѣхъ этихъ современныхъ гомерчиковъ, собирающихся пѣть разореніе Трои, но не умѣющихъ хорошенько выговорить даже имени своего Ахилла. Мы никогда не увлекались фразами обличителей, бросающихъ изъ-за угла мелкіе камешки въ какого-нибудь мальчишку, стащившаго яблоко съ лотка у торговца. Мы всегда были убѣждены, что эти люди способны только къ звонкимъ фразамъ и заугольнымъ выходкамъ противъ безсильныхъ, но никакъ не могутъ выступить на поприще серьезной дѣятельности. Если бы весь нашъ народъ былъ хоть въ половину таковъ, какъ эти господа, то нужно было бы безусловно согласиться съ безотрадными, отчаянными выводами пессимистовъ. Но къ счастью, въ народѣ, въ коренномъ народѣ, нѣтъ и тѣни того, что преобладаетъ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Въ народной массѣ нашей есть дѣльность, серьезность, есть способность къ жертвамъ. Пока мы съ г. докторомъ Вернадскимъ подымали вопросъ о трезвости и занимались писаніемъ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ статей, не отказываясь однакоже ни отъ рюмки водки передъ обѣдомъ и ни отъ одной изъ самыхъ ничтожныхъ нашихъ привычекъ, народъ, ничего не говоря, порѣшилъ не пить хлѣбнаго вина, такъ какъ оно стало, по цѣнѣ своей, совершенно несообразно съ средствами простолюдина . . . Скажемъ по совѣсти: кто изъ насъ, годъ тому назадъ, могъ, хотя бы въ предположеніи, указать такое средство противодѣйствія откупу? Мѣра, принятая крестьянами, такъ далека

отъ нашихъ цивилизованныхъ и осторожныхъ нравовъ, она такъ радикальна для златой средины нашего пониманія, что мы даже въ теоріи не могли ее придумать, даже другимъ не могли предложить ее... А ужъ, кажется, чего легче предлагать другимъ самыя неудобоисполнимыя мѣры! И чего бы стоило, вмѣсто всякихъ воззваній къ посторонними силамъ о поправкѣ дѣла, сказать: «народу нужно отказаться отъ хлѣбнаго вина, чтобы принудить откупщиковъ къ уступкѣ...». Да вотъ никто не сказалъ же! А народъ сдѣлалъ это самое, безъ всякихъ спросовъ, справокъ и глубокомысленныхъ соображеній. Теперь г. докторъ Вернадскій увѣряетъ, что эту рѣшимость *онъ* утвердилъ въ народѣ; другіе говорятъ, что вообще литература произвела такое движеніе. Но, не говоря о г. докторѣ и статскомъ совѣтникѣ Вернадскомъ, былъ ли хоть кто-нибудь изъ литераторовъ въ своихъ твореніяхъ столько дерзокъ, чтобы дойти хоть только до сознанія необходимости тѣхъ мѣръ, которыя народная сила осуществила на дѣлѣ?

Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полуобразованномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ красно говорить; оттого онѣ и не умѣютъ и не любятъ останавливаться на словѣ и услаждаться его звукомъ, исчезающимъ въ пространствѣ. Слово ихъ никогда не праздно; оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности. Сотни тысячъ народа, въ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ

разныхъ концахъ обширнаго царства, отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ! Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишка, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой-то способности приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу и заключается величіе простой народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы, со всею нашей отвлеченной образованностью и привитою гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ претензіи на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности, бываютъ такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ.

(Дополненіемъ къ этой статьѣ служитъ слѣдующая рецензія, напечатанная въ той же книжкѣ „Современника“. — Примѣч. издателя.)

О трезвости въ Россіи.

Сочиненіе *Сергѣя Шипова*. Спб. 1859.

Брошюрка г. Шипова написана подъ вліяніемъ первыхъ извѣстій о распространеніи трезвости. Считаемъ нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ, въ дополненіе къ статьѣ о томъ же предметѣ, помѣщенной въ нынѣшней же книжкѣ „Современника“. Мы придаемъ дѣлу трезвости большое значеніе потому, что здѣсь выказалась въ русскомъ народѣ гораздо большая твердость духа и гораздо меньшая степень привязанности къ свычкѣ, чѣмъ обыкновенно предполагали. Но мы вовсе не читали здѣсь ниче-

ческой картины, которую, по мнѣнію нѣкоторыхъ, намѣрены были представить нашимъ взорамъ крестьяне, долженствовавшіе прогнать вино съ лица земли навѣки, по внутреннему убѣжденію въ его вредѣ для чистоты нравовъ. Расходясь нѣсколько въ точкѣ зрѣнія съ нашимъ знаменитымъ экономистомъ, г. Вернадскимъ, мы смотрѣли на распространеніе трезвости какъ на явленіе, имѣющее чисто экономическій характеръ, а отнюдь не сантиментально-романическій. Поэтому мы не возмущались даже тѣмъ, что мужики штрафуютъ и наказываютъ тѣхъ, кто нарушаетъ обѣтъ, — противъ чего, какъ извѣстно, г. Вернадскій протестовалъ, дорожа не отказомъ мужиковъ отъ водки, а „*нравственнымъ побужденіемъ къ самоусовершенствованію*", руководившимъ будто бы крестьянъ въ этомъ случаѣ. Столь моральная экономія привела г. Вернадскаго къ убѣжденію, что дѣло трезвости будетъ унижено, ежели оно будетъ поддерживаться не внутреннимъ, глубокимъ сознаніемъ, а какимъ-нибудь внѣшнимъ вмѣшательствомъ. Вслѣдствіе того „Экономическій Указатель" (№ 22) премудро объявилъ, что „трезвость очень похвальна, и ей препятствовать не слѣдуетъ, но въ то же время — личность человѣка священна, и потому дѣлать какія-нибудь обязательныя постановленія относительно трезвости — безнравственно". Оставалось только прибавить воззваніе: „О вы, благородные послѣдователи теоріи laissez-faire! Устройте такъ, чтобы трезвость распространялась *сама собою*, и соедините ваши благонамѣренныя усилія для того, чтобы не было на этотъ счетъ никакихъ обязательныхъ мірскихъ приговоровъ, стѣсняющихъ и насилующихъ свободную волю человѣка!" И благородные послѣдователи почтеннаго экономиста приняліись бы съ усердіемъ за дѣло, и если бы, благодаря ихъ усиліямъ, ни одного общества трезвости не образовалось, они бы прославили свои подвиги на пользу народной нравственности: ибо вѣдь „дорогъ не самый актъ отказа отъ вина", а главное, нравственность, нравственность чтобы была сохранена!..

Факты уже опровергли отчасти моральныя-идиллическія мечты и опасенія экономистовъ. Народъ, вынудивши у откупа уступку, снова сталъ пить, находя, что водка собственно — ничего; бѣда еще не очень большая, а настоящая бѣда въ томъ, когда она плоха и дорога, когда для

того, чтобъ душу отвести, надо цаловальнику армякъ и шапку, и топоръ и телѣгу заложить, да когда водка такова, что отъ нея одурь беретъ, какъ отъ отравы какой... Вотъ чего не могъ вынесть народъ, вотъ для чего онъ отказался отъ водки. По послѣднимъ извѣстіямъ, откупщики принуждены были во многихъ мѣстахъ спустить цѣну водки до трехъ рублей. Первый примѣръ поданъ былъ, если не ошибаемся, пермскимъ откупомъ, и только что цѣну спустили, — черезъ мѣсяцъ же оказалось, что потребленіе вина удвоилось. Не ясно ли: съ уничтоженіемъ причины уничтожается слѣдствіе...

Явленіе это должно особенно непріятно поразить людей, занятыхъ исключительно-моральной стороной дѣла. Къ числу такихъ людей принадлежитъ и г. Шиповъ, увѣряющій, что не только пьянство, но просто рюмка водки — уже безнравственна и вмѣстѣ съ тѣмъ гибельна для здоровья. Но мы думаемъ, что онъ вдается въ большую крайность, не разобравши хорошенько положенія дѣла. Мы не станемъ съ нимъ спорить объ отвлеченной нравственности и гигіенѣ: но обратимъ вниманіе на его мнѣніе по отношенію къ русскому мужику. Онъ приписываетъ водкѣ всѣ бѣдствія русской жизни, и особено — бѣдность мужиковъ. Но не разъ уже приводимъ былъ у насъ афоризмъ Либиха, на котораго ссылается и самъ г. Шиповъ, — что „вообще не бѣдность есть слѣдствіе пьянства, а пьянство — слѣдствіе бѣдности". Если бъ г. Шиповъ припомнилъ этотъ афоризмъ, онъ бы, конечно, совершенно иначе написалъ бы тѣ страницы, въ которыхъ доказываетъ, что русскому мужику вовсе не нужна водка. Онъ говоритъ, напримѣръ, что по суровости нашего климата, мужику, часто бывающему на холодѣ, нужно согрѣться, но для этого есть много средствъ кромѣ водки: обильная пища всякаго рода, въ особенности жирная, богатая углеродомъ, баня и пр. Справедливо; но въ томъ-то и дѣло, что у мужика нѣтъ „обильной пищи, особенно жирной, богатой углеродомъ". Да и не одно это — теплая одежда, хорошее помѣщеніе, достаточный и своевременный сонъ — тоже могли бы сдѣлать ненужнымъ согрѣваніе водкой... Но гдѣ же взять этихъ благъ бѣдняку, на которомъ лежитъ столько различныхъ обязанностей и повинностей, и котораго трудъ такъ дешевъ, что никакъ не можетъ обезпечить ему безбѣднаго и ровнаго существова-

нія? Говорятъ: „находитъ же онъ деньги на водку; лучше бы ихъ употребить на улучшеніе своего быта". Да вѣдь это хорошо со стороны разсуждать человѣку, у котораго весь годовой бюджетъ такъ прекрасно распредѣленъ, который имѣетъ въ виду постоянное и свободное полученіе достаточнаго количества денегъ, и у котораго вслѣдствіе того все можетъ катиться, какъ по маслу. Бѣднякъ-крестьянинъ не можетъ такъ ровно устроить свою жизнь. Даже если онъ и зажиточенъ, и тутъ его можетъ каждую минуту сломить самая пустая случайность. Не говоря о неурожаѣ, скотскомъ падежѣ и тому подобныхъ случайностяхъ хозяйства, — его положеніе можетъ разстроить немилость старосты, гнѣвъ барина, наѣздъ станового, — какое-нибудь мертвое тѣло, оказавшееся близъ его огорода, проѣздъ его по лѣсу во время тайной порубки, совершившейся тамъ неизвѣстными людьми... Эти нравственныя причины, препятствуя ровному теченію жизни, постоянно и произволятъ то безразсчетное, разгульное расположеніе, въ которомъ человѣкъ говоритъ: „Ну ихъ всѣхъ!.. Хоть день да мой, а тамъ, что будетъ, то будетъ!.." А что же ужъ говорить о томъ, когда нравственная жизнь гнететъ человѣка обремененнаго сще и физическою нуждою! Тутъ почти нѣтъ другого выхода, какъ затопить свою тоску въ винѣ... Объ этомъ-то и не хотятъ разсудить люди, приписывающіе пьянству — и бѣдность, и развратъ, и даже хворость значительной части нашего населенія изъ низшаго класса. Безъ сомнѣнія, пьянство — и ведетъ къ преступленіямъ, и разслабляетъ, и разоряетъ человѣка; но напрасно г. Шиповъ полагаетъ, что стоитъ только прекратить пьянство, и бѣдности, болѣзней и преступленій не будетъ. Напрасно онъ воображаетъ, что злу можно помочь тѣми средствами, какія онъ предлагаетъ: „продажею водки только въ городахъ, и то не во многихъ мѣстахъ по высокой цѣнѣ, и даже наконецъ въ одинѣхъ аптекахъ, — и постановленіемъ строгихъ законовъ противъ пьянства, такъ чтобы наказывалась всякая нетрезвость, какъ гнусный порокъ, обществу вредный, хотя бы при томъ и не было совершено никакого другого проступка". Все это можетъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, если и всѣ другія условія быта низшихъ классовъ будутъ измѣнены въ пользу ихъ матеріальнаго благосостоянія. Пьянство есть *одна изъ причинъ* зла, и при томъ изъ

причинъ *ближайшихъ*... Поэтому, если мы даже предположимъ, что въ одинъ прекрасный день исполнилась мечта г. Халютина (см. № VII „Современника"), т. е. хлѣбное вино исчезло изъ вселенной, а все прочее осталось попрежнему, — и тогда не водворился бы на землѣ рай, котораго онъ ожидаетъ. До тѣхъ поръ, пока будетъ въ обществѣ продолжаться отсутствіе гражданскихъ гарантій, успокоивающихъ человѣка нравственно, и недостатокъ матеріальнаго благосостоянія въ массахъ, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться и потребность подвеселить и одурить себя, — не тѣмъ, такъ другимъ. Можетъ измѣниться форма проявленія этой потребности, самый матеріалъ для ея удовлетворенія можетъ явиться совсѣмъ другой; но много ли же въ этомъ отраднаго?..

Г-нъ Шиповъ возстаетъ противъ мнѣнія, будто образованіе, смягчая нравы, само собою уничтожитъ пьянство. Разумѣется, это мнѣніе нелѣпо, если опять образованіе разсматривать отдѣльно отъ всего другого. Не едва ли это будетъ справедливо; образованіе (только, разумѣется, не самодурное, а настоящее образованіе) имѣетъ ту силу, что заставляетъ человѣка оглянуться вокругъ себя и опредѣлить свои отношенія ко всему окружающему, а опредѣливши эти отношенія, каковы они есть и каковы должны быть, онъ начнетъ добиваться приведенія ихъ въ нормальный видъ. И если эта нормальность, вслѣдствіе общаго распространенія образованія, утвердится въ цѣломъ обществѣ, тогда между всѣми и довольство распространится. Живя въ довольствѣ и съ хорошими людьми, въ совершенно нормальныхъ, братскихъ отношеніяхъ къ нимъ, человѣкъ, разумѣется, и не подумаетъ пьянствовать!..

Роберт'ъ Овэнъ и его попытки общественныхъ работъ.

Вступленіе. — Первоначальная дѣятельность Овэна и принятіе имъ въ управленіе Нью-Лэнэркской хлопчато-бумажной фабрики. — Состояніе фабрики до него: эксплоатація работниковъ капиталистами, какъ причина дурнаго хода дѣлъ на фабрикахъ. — Идеи Овэна и мѣры, принятыя имъ для улучшенія Нью-Лэнэрка. — Возстановленіе довѣрія между хозяиномъ и работниками на фабрикѣ; училище въ Нью-Лэнэркѣ, по методѣ Овэна. — Общее вниманіе обращено на Нью-Лэнэркъ. — Временный успѣхъ Овэна, объясняемый состояніемъ англійскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія и ошибочнымъ пониманіемъ стремленій Овэна во всей Европѣ. — Адресъ Овэна Ахенскому конгрессу. — Дѣйствія Овэна въ парламентѣ, его пропаганда, борьба съ клерикальной партіей. — Путешествіе въ Америку и основаніе колоніи Нью-Гармони. — Возвращеніе въ Европу и основаніе колоніи, подъ управленіемъ Абрама Комба. — Новое путешествіе въ Америку и переговоры съ мексиканскимъ правительствомъ о Тэхасѣ. — Дѣятельность Овэна по возвращеніи въ Англію: пропаганда, участіе въ возстаніяхъ и предпріятіяхъ работниковъ; „обмѣнъ народнаго труда"; „Дружеское общество рабочихъ" въ Манчестерѣ. — Поѣздка Овэна во Францію. — Основаніе колоніи Гармони-Голль. — Представленіе королевѣ Викторіи. — Манифестъ Роберта Овэна по этому случаю. — Послѣдніе годы жизни Овэна. — Заключеніе.

Овэнъ представляетъ собою безспорно одно изъ самыхъ благородныхъ и симпатичныхъ явленій нашего столѣтія. Недавно (17 ноября 1858 г.) угасла

его жизнь, полная смѣлыхъ предпріятій и великодушныхъ пожертвованій на пользу человѣчества, и никто даже изъ враговъ его идей не отказался помянуть его добрымъ словомъ. Личность Овэна до того привлекательна своимъ умнымъ добродушіемъ и какимъ-то благодатнымъ, свѣтлымъ спокойствіемъ, его дѣятельность до того поражаетъ своимъ полнымъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальныя реформы, не могли однакоже относиться къ его личности безъ особеннаго уваженія и даже нѣкотораго сочувствія. Его обвиняли, какъ утописта, мечтающаго передѣлать все человѣчество, ему доказывали необходимость безуспѣшности его стремленій; но въ то же время большая часть противниковъ не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположенія Овэна были осуществимы. Лучшіе умы нашего столѣтія выражали свое сочувствіе Овэну; даже государственные люди, князья и правители были одно время благосклонно заинтересованы его начинаніями. Къ сожалѣнію, у насъ — не только подробности теоретическихъ соображеній Овэна, не только практическія его попытки, но даже самое имя его до сихъ поръ почти неизвѣстно большинству даже образованной публики. Вотъ почему мы считаемъ небезполезнымъ познакомить нашихъ читателей съ жизнью и мнѣніями этого замѣчательнаго человѣка, почти три четверти столѣтія, въ старомъ и новомъ свѣтѣ, безукоризненно служившаго человѣчеству.

Робертъ Овэнъ родился въ 1771 г., въ Ньютонѣ, небольшомъ городкѣ графства Монтомери. Родители его были бѣдные люди и потому не могли дать

ему хорошаго теоретическаго образованія. Заботясь только о томъ, чтобы сынъ ихъ имѣлъ возможность впослѣдствіи добывать себѣ хлѣбъ, они предназначили Роберта съ самаго ранняго возраста къ чисто практической дѣятельности. Девяти лѣтъ онъ былъ уже сидѣльцемъ въ лавкѣ одного купца и очень рано выказалъ необыкновенную практическую смѣтливость. Въ качествѣ купеческаго приказчика и повѣреннаго, онъ разъѣзжалъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ Англіи и въ этихъ поѣздкахъ и торговыхъ сдѣлкахъ пріобрѣлъ множество практическихъ свѣдѣній и даже успѣлъ составить себѣ нѣкоторый достатокъ. Восемнадцати лѣтъ Овэнъ былъ уже въ долѣ у основателя обширной хлопчато-бумажной фабрики, Дэля, на дочери котораго потомъ онъ женился. Черезъ нѣсколько времени Дэль и совсѣмъ сдалъ на руки Овэна свою фабрику, съ которой никакъ не могъ справиться. Это было въ 1789 г., и отсюда начинается блестящій періодъ практической дѣятельности Овэна.

Чтобъ оцѣнить значеніе того, что здѣсь имъ сдѣлано, нужно предварительно познакомиться съ положеніемъ фабрики въ то время, когда она попала въ руки Овэна.

Фабрика Дэля находилась въ Шотландіи, на берегахъ Клейда. Дэль основалъ здѣсь колонію Нью-Лэнэркъ и выбралъ для фабрики мѣсто, въ которомъ паденіе водъ Клейда представляло особенныя удобства для гидравлическихъ сооруженій. Это обстоятельство было чрезвычайно важно въ то время, когда приложеніе пара къ фабричнымъ производствамъ было еще неизвѣстно. Но кромѣ этого удобства, Нью-Лэнэркъ не имѣлъ никакихъ залоговъ успѣха и скоро пришелъ, подъ управленіемъ Дэля,

въ крайнее разстройство. Фабрика была основана въ обширныхъ размѣрахъ, и работниковъ на нее требовалось много; при этомъ, конечно, нельзя было дѣлать слишкомъ строгаго выбора. А между тѣмъ фабричная работа по самому существу своему не была въ то время особенно привлекательна. Индустріализмъ только что началъ тогда въ Англіи приходить въ силу, и первый принципъ, приложенный имъ къ дѣлу, былъ — эксплоатація рабочихъ силъ посредствомъ капитала. Разумѣется, работникамъ не было сладко отъ этого, и на фабрики шли люди только оттого, что имъ было некуда дѣваться. Понятно, что такіе люди, принимаясь за фабричную работу при такихъ обстоятельствахъ, не обнаруживали слишкомъ большого усердія къ своему дѣлу.

Они знали, что какъ ни работай, а все-таки много не получишь съ хозяина, который только и норовитъ, чтобы выжать изъ работника сколько можно больше выгоды для себя. Вслѣдствіе такихъ понятій и такого порядка вещей, установились почти повсюду враждебныя отношенія рабочаго класса къ подрядчикамъ и заводчикамъ, — и обратно. Хозяинъ смотрѣлъ на своихъ работниковъ какъ на вьючныхъ скотовъ, которые обязаны за кусокъ насущнаго хлѣба работать на него до истощенія силъ; работники въ свою очередь видѣли въ хозяинѣ своего злодѣя, который истощаетъ и мучитъ ихъ, пользуется ихъ трудами и не даетъ имъ ни малѣйшаго участія въ выгодахъ, ими же ему доставляемыхъ. Само собою разумѣется, что не вездѣ въ одинаковой степени проявлялась эта непріязнь, потому что не всѣ хозяева съ одинаковымъ безстыдствомъ эксплоатировали работниковъ; но основа

взаимныхъ отношеній между тѣми и другими вездѣ была одинакова. Основатель колоніи Нью-Лэнэркъ, Дэль, былъ нисколько не хуже, — и даже, можетъ быть, лучше, — многихъ другихъ фабрикантовъ; но, слѣдуя обычной системѣ обращенія хозяевъ съ работниками, онъ ничего не могъ сдѣлать съ ними. Невыгоды его положенія увеличивались еще тѣмъ, что народъ, собравшійся къ нему на фабрику, дѣйствительно былъ избалованъ и развращенъ. Это былъ всякій сбродъ изъ разныхъ странъ, невѣжественный, лѣнивый и безнравственный. Такимъ образомъ скоро Нью-Лэнэркъ даже превзошелъ въ нравственномъ безобразіи другія мануфактурныя колоніи, вообще не отличавшіяся нравственностью. Вмѣстѣ съ равнодушіемъ къ работѣ явилась наклонность къ лѣни и праздности; ничтожность заработной платы, сравнительно съ выгодами всего предпріятія, и невозможность безъ чрезвычайныхъ приключеній выбраться изъ печальной колеи наемнаго работника — производили недовольство, которое мало-по-малу переходило въ безпечность о будущемъ, равнодушіе къ своей участи и наконецъ въ тупую апатію ко всему хорошему. Когда же такимъ образомъ внутренняя опора честности и порядочности, внутренній возбудитель къ дѣятельности — исчезали, тогда уже не было возможности удержать эту массу людей, бросившуюся во всевозможные пороки и гадости. Въ Нью-Лэнэркѣ было 2,000 человѣкъ, и между ними едва можно было найти какой-нибудь десятокъ людей хоть нѣсколько порядочныхъ. Пьянство господствовало между всѣми работниками въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Ни одинъ работникъ не могъ сберечь никакой бездѣлицы изъ своего жалованія: все пропива-

лось... Если недоставало своихъ денегъ, то ничемъ было — украсть что-нибудь у товарища. Все надо было прятать подъ замки; чуть что плохо лежало, — ничему спуску не было въ Нью-Лоноркѣ. Такое милое поведеніе обезпечивало, разумѣется, вѣчные ссоры, безпокойства, жалобы и безпорядки въ колоніи. Всѣ были на ножахъ другъ противъ друга, никто не могъ ни на кого положиться, никто не считалъ безопаснымъ себя и свое имущество... Ко всему этому присоединилась путаница семейныхъ отношеній, безобразно стоявшихъ на полдорогѣ отъ формалистики пуританства къ практикѣ мормонизма или хлыстовщины. При всеобщей бѣдности и пьянствѣ работниковъ, это имѣло видъ грязный и гадкій болѣе нежели гдѣ-нибудь. Семейства не существовало; дѣти оставались не только безъ образованія, но даже безъ всякаго призора: и какъ только они немножко подростали, ихъ брали въ работу на фабрику. Чему они тутъ могли научиться, объ этомъ ужъ и упоминать нечего: но кромѣ нравственнаго вреда, — и для самаго ихъ здоровья преждевременныя, однообразныя работы на фабрикѣ были чрезвычайно гибельны. Большая часть тѣхъ, которыя не умерли во младенчествѣ изъ-за небреженія старшихъ, погибала въ раннемъ возрастѣ, среди изнурительныхъ работъ и безпорядочной жизни на фабрикѣ. Такимъ образомъ вся колонія, испорченная и разстроенная въ настоящемъ, не имѣла никакихъ шансовъ и въ будущемъ нельзя было надѣяться даже на то, что вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ подрастетъ новое поколѣніе, которое будетъ лучше предыдущаго.

Доль долго бился съ своими работниками, употребляя для ихъ исправленія обычныя средства хо

зяевъ: брань, строгія приказанія, уменьшеніе жалованія, вычеты, лишеніе мѣста, судебное преслѣдованіе. Ничто не помогало. На мѣсто прогнанныхъ поступали новые работники, и какъ бы они ни были хороши сначала, общій потокъ увлекалъ и ихъ спустя нѣсколько дней по ихъ вступленіи на фабрику. Работники, у которыхъ убавляли жалованіе, старались зато болѣе лѣниться и не чувствовали особенной разницы въ своемъ положеніи, потому что вѣдь и прежде они пропивали все, что получали: конецъ концовъ выходилъ все тотъ же. А ужъ если недоставало и на выпивку, то всегда было подъ рукою легкое средство — украсть . . . Лишенія мѣста рѣшительно никто не боялся, потому что никто не дорожилъ мѣстомъ; а брань хозяина даже намѣренно вызывалась, потому что многіе не безъ пріятности видѣли раздраженіе и безпокойство своего врага. Словомъ — не было, повидимому, никакихъ средствъ улучшить положеніе фабрики и самой колоніи, когда Дэль передалъ управленіе Нью-Лэнэркомъ Роберту Овэну.

Взявши на свои руки хлопчато-бумажную фабрику Дэля, Овэнъ нашелъ, что доходы съ нея были чрезвычайно ничтожны. Онъ немедленно принялся отыскивать причины дурного хода всей операціи. Первое, что ему бросилось въ глаза, было дурное качество товаровъ, приготовляемыхъ на фабрикѣ, и дурной ходъ всѣхъ фабричныхъ работъ. Зло, слѣдовательно, заключалось не въ посторонихъ помѣхахъ и затрудненіяхъ, а внутри, въ особенныхъ недостаткахъ фабричнаго производства. Разъ убѣдившись въ этомъ, Овэнъ рѣшился для успѣха предпріятія передѣлать организацію фабрики и всей колоніи. Онъ не хотѣлъ долго ждать, пока перемѣ-

нятся сами собою обстоятельства, пока наберутся новые люди и родятся новыя поколѣнія. Двадцатилѣтній юноша, полный энергіи и увѣренности въ себѣ, онъ полагалъ, что самъ можетъ создать обстоятельства, какія ему нужны, и съ помощью новой обстановки преобразуетъ тѣхъ же самыхъ людей, которые теперь казались ни къ чему негодными. Несмотря на молодость свою, Овэнъ въ это время обладалъ уже большою опытностью и отлично зналъ людей. Разъѣзжая по разнымъ частямъ королевства, имѣя дѣло со множествомъ разнообразныхъ лицъ, онъ особенно поражался всегда громадностью того вліянія, какое имѣютъ на человѣка окружающія его обстоятельства. Постоянныя наблюденія и размышленія привели его къ мысли, которая съ теченіемъ времени все крѣпла въ немъ и наконецъ сдѣлались девизомъ всей его дѣятельности. Мысль эта заключалась въ томъ, что человѣкъ по натурѣ своей ни золъ, ни добръ, а дѣлается тѣмъ или другимъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Въ этомъ заключеніи Овэнъ представляетъ средину между мрачными теоріями средневѣковыхъ фанатиковъ и розовымъ воззрѣніемъ Руссо. По средневѣковымъ теоріямъ, память о которыхъ не исчезла и понынѣ въ католической Европѣ, человѣкъ отъ природы — золъ, и только путемъ постояннаго самоотреченія и плотоумерщвленія можетъ выйти изъ своей природной гадости... Руссо напротивъ провозгласилъ, что человѣкъ добръ и совершенъ, выходя изъ рукъ природы, а только съ теченіемъ времени, отъ привычки къ жизни и отъ общенія съ людьми, дѣлается злымъ и порочнымъ. Овэнъ говоритъ: ни то, ни другое. Въ человѣкѣ, при рожденіи его на свѣтъ, нѣтъ ни *положительнаго* зла, ни *положи-*

тельнаго добра, а есть только *возможность*, способность къ тому и другому. Способность эта заключается въ воспріимчивости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, и такимъ образомъ нравственное развитіе человѣка совершенно зависитъ отъ того, какъ эти впечатлѣнія осаживаются внутри человѣка, образуется въ немъ и *внутренній* характеръ, который, пріобрѣтая нѣкоторую силу, можетъ потомъ и противодѣйствовать внѣшнимъ вліяніямъ, вновь привходящимъ. Но и тутъ человѣкъ не освобождается вполнѣ изъ своей зависимости отъ обстоятельствъ, и Овэнъ утверждалъ даже, что ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни крѣпко сложился его характеръ, не можетъ долго выдержать себя совершенно неизмѣннымъ при измѣненіи всей окружающей обстановки. Руководимый такимъ убѣжденіемъ, Овэнъ отважно приступилъ къ реформамъ въ Нью-Лэнэркѣ, въ твердой увѣренности, что стоитъ измѣнить обстановку быта фабричныхъ, и вся колонія приметъ другой видъ.

Какъ человѣкъ умный и практическій, Овэнъ скоро понялъ, что главной причиной дурного хода дѣлъ на фабрикѣ была взаимная недовѣрчивость и даже непріязнь, существовавшая между хозяевами и работниками. Онъ рѣшился уничтожить эту непріязнь. Самъ онъ не былъ жаденъ къ барышамъ и охотно придалъ бы всему предпріятію нѣкоторый видъ ремесленной ассоціаціи. Но онъ не одинъ владѣлъ фабрикой и потому долженъ былъ дѣйствовать въ пользу рабочихъ, не нарушая интересовъ антрепренерскихъ. Доходы съ фабрики были впрочемъ — какъ уже сказано, — невелики, и потому Овэну небольшого труда стоило уговорить компаньоновъ предоставить ему полную свободу дѣйствій, при

чемъ онъ обѣщалъ вѣрныя выгоды, а не убытокъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись распорядителемъ всей операціи, Овэнъ немедленно приступилъ къ мѣрамъ, которыя долженствовали возстановить потерянное довѣріе работниковъ къ хозяевамъ фабрики.

Онъ былъ увѣренъ, что какъ скоро рабочіе получатъ убѣжденіе въ томъ, что хозяинъ къ нимъ расположенъ и заботится объ ихъ выгодахъ, то они и сами станутъ заботиться объ интересахъ хозяина. Теорія взаимныхъ услугъ, развитая Овэномъ впослѣдствіи, уже и въ это время лежала въ основѣ его дѣятельности. Сообразно съ этой теоріей, онъ счелъ необходимымъ, прежде всякихъ другихъ перемѣнъ, позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго быта работниковъ; затѣмъ онъ имѣлъ въ виду улучшеніе ихъ нравственности, любовь къ своему дѣлу, живое участіе въ интересахъ всего предпріятія и вслѣдствіе того — возвышеніе достоинства работы и самыхъ выгодъ отъ фабрики. Четыре года продолжалась борьба Овэна съ безпорядками и развратомъ всей колоніи, и по прошествіи этихъ четырехъ лѣтъ Нью-Лэнэркъ принялъ такой видъ, что его узнать нельзя было: Овэнъ устроилъ образцовое поселеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно выгодную фабрику.

Чтобы видѣть, какъ онъ успѣлъ достигнуть такихъ результатовъ, представимъ нѣкоторыя подробности его дѣйствій.

Зная, что въ Нью-Лэнэркѣ на хозяина смотрятъ плохо, Овэнъ прежде всего постарался о томъ, чтобы какъ можно меньше напоминать рабочимъ свои хозяйскія права. Онъ выбралъ изъ среды работниковъ нѣсколько честныхъ и смышленыхъ помощниковъ себѣ, которымъ и передалъ свои идеи и на-

мѣренія. Идеи эти состояли въ томъ, что польза самаго дѣла требуетъ отъ хозяина заботливости о работникахъ, и что успѣхъ предпріятія можетъ быть обезпеченъ только полною добросовѣстностью и довѣріемъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ намѣренія Овэна были: по возможности удалить отъ работниковъ все, что до сихъ поръ неблагопріятно дѣйствовало на ихъ матеріальный бытъ, и потомъ облагородить ихъ нравственную сторону. Содѣйствіе своимъ намѣреніямъ — вотъ все, чего желалъ Овэнъ отъ своихъ помощниковъ; очевидно, что и имъ самимъ не было непріятно ему содѣйствовать. Такимъ образомъ съ самаго начала своего вступленія въ управленіе фабрикой, Овэнъ рѣшительно уничтожилъ всѣ крутыя, насильственныя мѣры, всѣ принудительныя средства, употреблявшіяся до того времени съ работниками. Онъ предпочелъ дѣйствовать лучше положительными средствами, нежели отрицательными, и принялся за употребленіе ихъ въ очень обширныхъ размѣрахъ, прилагая свои идеи не къ частнымъ случаямъ и отдѣльнымъ лицамъ, а ко всей фабрикѣ. Онъ устроилъ и отдѣлалъ обширное зданіе со всѣми удобствами для помѣщенія работниковъ и сталъ отдавать имъ квартиры въ наемъ, всего болѣе заботясь о томъ, чтобы не получить съ нихъ никакого барыша за это. «Барышъ будетъ уже отъ того, что они тутъ жить будутъ, — разсчитывалъ Овэнъ, — какъ бы ни была ничтожна наемная плата, для фабрики въ концѣ счетовъ все-таки будетъ выгода». Дѣйствительно, мало-по-малу многіе работники перешли на житье въ новое помѣщеніе, которое было несравненно дешевле ихъ прежнихъ квартиръ и представляло болѣе удобствъ. Общее ожесточеніе противъ антрепренера нѣсколько

утихло, и стало смягчаться тотчасъ, какъ только увидѣли, что онъ дѣлаетъ дѣло по совѣсти. Овэнъ пошелъ дальше. Онъ устроилъ въ Нью-Лэнэркѣ родъ рынка, закупалъ всевозможные товары, необходимые для рабочихъ, и продавалъ ихъ, опять наблюдая то же условіе: не брать себѣ ни копейки барыша съ продаваемыхъ вещей. Убытка ему не было, а между тѣмъ рабочіе увидѣли вдругъ огромную разницу въ своихъ расходахъ. Прежде въ Нью-Лэнэркѣ торговали барышники, вытягивавшіе послѣдній сокъ изъ безпорядочнаго и пьянаго населенія: что было нужно, за то просили впятеро; у кого не было денегъ, тому отпускали въ долгъ съ ужасными процентами, обманывали и обсчитывали на каждомъ шагу. Все, что не пропивалось работникомъ, шло въ руки этихъ торговцевъ. Овэнъ рѣшился избавить отъ нихъ Нью-Лэнэркъ и, чтобы вѣрнѣе достичь своей цѣли, не только сталъ продавать товары лучше и дешевле, но также открылъ и кредитъ рабочимъ. Каждому работнику дана была книжка для записи получаемаго имъ жалованія. Въ счетъ заработанной платы, а въ случаѣ надобности — и впередъ, онъ могъ брать на рынкѣ Овэна все, что ему нужно. Количество и цѣна отпущенныхъ вещей отмѣчались въ книжкѣ, а по истеченіи недѣли сводились всѣ счеты при выдачѣ заработной платы. Разумѣется, и тутъ предпріятіе Овэна не вдругъ пріобрѣло довѣріе. Однакоже вскорѣ всѣ увидѣли, что выгоднѣе покупать дешево хорошія вещи, нежели дорого дурныя. Еще немного — и всѣ убѣдились, что лучше при концѣ недѣльнаго счета получить десять копеекъ вмѣсто рубля, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, нежели получить полный рубль и тотчасъ же издержать его весь на тѣ же расходы

да еще остаться въ долгу. Мало-по-малу всѣ убѣдились, что Овэнъ не надуваетъ ихъ, всѣ обратились къ его лавочкамъ и вслѣдъ затѣмъ (что было всего важнѣе для Овэна) увидѣли, что имъ можно жить не хуже прежняго и между тѣмъ все-таки дѣлать сбереженіе изъ заработной платы. Довести работниковъ до этого убѣжденія было необходимо Овэну особенно потому, что этимъ только путемъ надѣялся онъ подѣйствовать на искорененіе пьянства въ Нью-Лэнэркѣ. Воровство и важные безпорядки уменьшились довольно скоро; удобныя и дешевыя квартиры, честная продажа товаровъ, всегда аккуратный и справедливый расчетъ съ работниками — были достаточны для того, чтобы значительно ослабить и почти уничтожить въ нихъ наклонность къ воровству, грабежу и грубому, наглому мошенничеству. Но пьянство долго не поддавалось усиліямъ Овэна, потому особенно, что продавцы вина сильно ему противодѣйствовали, всячески соблазняя рабочихъ. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ образумить работниковъ, Овэнъ рѣшился и здѣсь попробовать ту же мѣру, которою удалось ему избавить Нью-Лэнэркъ отъ барышниковъ. Онъ самъ принялся за продажу вина и устроилъ питейные дома и лавочки, гдѣ *виски* лучшаго качества продавалась на тридцать и на сорокъ процентовъ дешевле, чѣмъ у другихъ винныхъ продавцовъ. Разумѣется, посторонняя виноторговля была этимъ сильно подорвана и черезъ нѣсколько времени исчезла изъ Нью-Лэнэрка. Въ питейныхъ же домахъ, заведенныхъ Овэномъ, пьянство не могло встрѣтить благопріятныхъ условій для своего развитія. Сначала и тутъ, правда, многіе напивались, и никто не мѣшалъ имъ въ этомъ. Но во многихъ наклонность

къ пьянству ослабѣла уже отъ одного того, что не была возбуждаема и поддерживаема безпрерывными искушеніями и зазываніями, какія употреблялись прежними виноторговцами. Въ другихъ проявилась бережливость и, имѣя возможность повеселить себя чаркою виски за дешевую цѣну, они уже не считали особенно восхитительнымъ истратить весь остатокъ заработной платы для того, чтобы напиться до безчувствія. Мало-по-малу Овэну удалось довести массу работниковъ до того, что пьянство стало считаться между ними предосудительнымъ. А разъ утвердившись на этой почвѣ, онъ уже безъ особенныхъ усилій могъ искоренить остатки пьянства. Между прочимъ сильно помогло ему въ этомъ одно устроенное имъ учрежденіе для холостыхъ работниковъ, которые, разумѣется, и были самыми опасными кутилами. Онъ учредилъ для нихъ общій столъ, по самой ничтожной цѣнѣ. Пища была очень обильна, разнообразна и питательна, плату за обѣдъ можно было просто записывать въ книжку жалованья: такія благопріятныя условія привлекли многихъ, а когда они стали имѣть порядочный столъ, то у большей части самъ собою пропалъ позывъ на безпутное пьянство. Спустя нѣкоторое время Нью-Лэнеркъ сталъ на такую ногу, что пьяница поражался въ немъ общимъ порицаніемъ и презрѣніемъ, почти наравнѣ съ воромъ и мошенникомъ. Нравственныя чувства пробудились въ людяхъ, прежде столь грубыхъ и испорченныхъ, и въ Нью-Лэнеркѣ началась совершенно новая жизнь.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ быта рабочихъ измѣнялось и самое управленіе фабрикой. Врагъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, Овэнъ уничтожилъ всѣ наказанія и взысканія, до того времени употреблявъ-

шіяся на фабрикѣ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать только на убѣжденіе и на добрую волю работниковъ. Своими распоряженіями въ ихъ пользу онъ добился ихъ довѣрія, что было для него вдвойнѣ трудно, какъ для хозяина и какъ для англичанина, — потому что большинство работниковъ состояло изъ шотландцевъ, плохо расположенныхъ къ англичанамъ. Получивши же довѣріе рабочихъ и постоянно его оправдывая своими поступками, Овэнъ уже весьма легко убѣдилъ ихъ, что ихъ собственные интересы должны заставить ихъ работать усерднѣе и лучше. Онъ объяснилъ имъ кругооборотъ всей операціи такимъ образомъ: «Отъ вашего усердія и качества вашей работы зависитъ количество и качество фабричныхъ продуктовъ, которые мы можемъ изготовлять на продажу. Чѣмъ больше будетъ продуктовъ и чѣмъ выше будетъ ихъ достоинство, тѣмъ болѣе доходовъ получится съ фабрики. Увеличеніе же доходовъ дастъ мнѣ возможность болѣе сдѣлать въ вашу пользу, — возвысить задѣльную плату, сократить число рабочихъ часовъ, увеличить удобство вашего помѣщенія, и т. п. Вы видите, слѣдовательно, что, работая хорошо, вы не для моихъ однихъ барышей жертвуете своимъ трудомъ, а имѣете въ виду вашу собственную, прямую выгоду». Разсужденія эти были очень просты и здравы, и такъ какъ всѣ вѣрили, что Овэнъ не надуетъ, а дѣйствительно сдѣлаетъ, что говоритъ, то представленія его имѣли сильное дѣйствіе на работниковъ. Чтобы довершить вліяніе своихъ убѣжденій, Овэнъ отказался отъ всякаго формальнаго проявленія начальнической власти въ своихъ отношеніяхъ съ рабочими и предоставилъ ихъ собственному суду опредѣленіе степени искусства въ работѣ и личныхъ достоин-

ствахъ каждаго. Не только въ частной жизни работниковъ, но даже въ самой работѣ ихъ Овэнъ умѣлъ избѣгнуть всякихъ понужденій и взысканій; онъ никогда не поднималъ шуму изъ того, зачѣмъ человѣкъ выработалъ мало или плохо, никогда не заставлялъ работать противъ воли. Онъ сказалъ, что хорошая работа нужна для общей пользы работниковъ еще болѣе, нежели для его частной выгоды, и, помня это, онъ хотѣлъ, чтобы работники сами заботились объ исправномъ ходѣ работъ. И дѣйствительно, — они заботились: лѣнтяй и плохой работникъ подвергался порицанію и презрѣнію всего общества, неумѣющихъ учили болѣе искусные, лучшіе мастера пользовались общимъ почетомъ, во всей массѣ работниковъ явилось чувство живого соревнованія, добросовѣстность въ работѣ возвышалась все болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ упроченіемъ нравственныхъ началъ въ Нью-Лэнаркѣ. Всякій чувствовалъ себя отвѣтственнымъ уже не передъ эксплоататоромъ-хозяиномъ, котораго и обмануть не грѣхъ, не передъ начальственной властью, на которую всегда смотрятъ съ нѣкоторой недовѣрчивостью и даже враждебностью, а передъ цѣлымъ обществомъ своихъ товарищей, во всемъ между собою равныхъ и имѣющихъ одни и тѣ же интересы. Такого рода отвѣтственность, соединенная съ чувствомъ правильно-настроеннаго, здороваго самолюбія, была самымъ лучшимъ двигателемъ всего хода дѣлъ на фабрикѣ. Всѣ старались быть и все дѣлать какъ можно лучше, не ожидая за это ни хозяйской похвалы, ни прибавки на водку, такъ какъ Овэнъ, уничтоживши взысканія, уничтожилъ и награды въ Нью-Лэнаркѣ. Единственную дань внѣшнимъ отличіямъ принесъ онъ,

допустивши дощечки разнаго цвѣта, которыя давались каждому работнику и означали достоинство работы каждаго. Дощечки были четырехъ цвѣтовъ: *бѣлыя*, означавшія, что работа хороша, *желтыя* — довольно хороша, *синія* посредственна, *черныя* — дурна. Замѣчательно, что, по отзывамъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Нью-Лэнэркъ, весьма у немногихъ работниковъ находились синія дощечки, а черныя ни у кого.

Въ своихъ мастерскихъ работники также не могли укрыться отъ общественнаго контроля, который былъ гораздо дѣйствительнѣе надзора хозяина. И здѣсь Овэнъ умѣлъ достигнуть того, чего ему хотѣлось, всего болѣе тѣмъ, что оставилъ всякое прямое вмѣшательство въ частныя дѣла фабричныхъ. До вступленія его въ управленіе работники Нью-Лэнэрка безпрестанно враждовали между собою изъ-за національностей и изъ-за различныхъ оттѣнковъ вѣроисповѣданій. Хозяева и надсмотрщики считали своимъ долгомъ разрѣшать ихъ ссоры по своему крайнему разумѣнію; само собою разумѣется, что сторона, обиженная рѣшеніемъ, воспламенялась еще больше прежняго и раздоръ усиливался. Овэнъ объявилъ, что онъ ни къ кому особеннаго расположенія не питаетъ и никому не намѣренъ — ни мѣшать, ни помогать въ дѣлахъ вѣры и личныхъ убѣжденій. Для него было рѣшительно все равно, шотландецъ, англичанинъ или ирландецъ былъ работникъ и держался ли онъ чисто католическаго вѣроисповѣданія, принадлежалъ ли къ епископальной или пресвитеріанской церкви, былъ ли методистъ или анабаптистъ. Равнодушіе и полнѣйшая, безграничная терпимость Овэна подѣйствовали и на работниковъ: раздоры землячества и сектаторства затих-

ли и мало-по-малу совсѣмъ прекратились, такъ что когда Овэнъ устроилъ училище для дѣтей фабричныхъ, то приверженцы самыхъ враждебныхъ между собою сектъ неусомнились отдать туда дѣтей своихъ.

Училище, устроенное Овэномъ въ Нью-Лэнаркѣ, было торжествомъ его системы. Обыкновенно дѣти фабричныхъ не получали въ это время никакого воспитанія. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ они начинали ходить на фабрику и тамъ — по мѣрѣ силъ помогали взрослымъ и по мѣрѣ возраста пріучались къ ихъ грубости и разврату. Получить возможность взять дѣтей для ученья отъ фабричной работы, — и это уже было шагомъ впередъ. Овэнъ добился этой возможности, убѣдивши работниковъ, что ранѣе десяти лѣтъ не слѣдуетъ посылать дѣтей на фабрику, и ограничивши срокъ дѣтской работы десятью часами въ день — maximum. Въ училищѣ же своемъ Овэнъ вздумалъ приложить тѣ же начала, посредствомъ которыхъ онъ такъ удачно преобразовалъ Нью-Лэнаркъ, и совершенный успѣхъ оправдалъ его систему. Отправляясь отъ той мысли, что человѣкъ весь есть созданіе обстоятельствъ и что слѣдовательно на него не можетъ падать отвѣтственность за то, уменъ онъ или глупъ, скроменъ или дерзокъ и т. п., Овэнъ считалъ рѣшительной нелѣпостью всякія условныя награды и наказанія не только для взрослыхъ, но даже и для дѣтей. Поэтому въ училищѣ его никакихъ наградъ и никакихъ наказаній не было положено. Къ ученью дѣти возбуждались интересомъ самаго знанія, которое имъ никогда не старались навязывать противъ ихъ воли. Что касается до внѣшняго порядка и такъ называемаго *поведенья* учениковъ, то Овэнъ никогда не считалъ нарушеніемъ порядка и дурнымъ по

веденіемъ маленькія дѣтскія шалости, неистребимыя при томъ никакими строгостями. Большихъ же преступленій не могло быть въ училищѣ Овэна уже и потому, что тутъ почти исключительно находились дѣти моложе десятилѣтняго возраста. Да ежели и встрѣчались проступки дѣйствительно нехорошіе, то они находили свое осужденіе и наказаніе въ самихъ же дѣтяхъ. Посѣщавшіе Нью-Ланаркъ съ удивленіемъ разсказываютъ о томъ порядкѣ, благородствѣ и единодушіи, какіе господствовали между дѣтьми, находившимися въ училищѣ Овэна. Если сильный хотѣлъ обидѣть слабаго, остальные дѣти вступались за обижаемаго; если кто замѣченъ былъ въ плутовствѣ, съ нимъ не хотѣли имѣть дѣла; кто солгалъ, тому переставали вѣрить. . . Въ играхъ, занятіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ дѣтей между собою господствовала совершенная откровенность, справедливость и взаимное уваженіе и расположеніе. При этомъ вовсе не исключалось соревнованіе учениковъ между собою; но такъ какъ наградъ и наказаній не было, то оно возбуждалось не завистью и корыстью, а искреннимъ желаніемъ дѣйствительнаго совершенствованія. Проистекая изъ такихъ началъ, соревнованіе учениковъ Овэна было тихо и добродушно; оно никогда не могло дойти до такого неистовства, до какого доходило, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ ланкастерскихъ школахъ, искусственно возбуждавшихъ его до такой степени, что соревнующіе ученики стали наконецъ пырять ножами другъ друга. У Овэна дѣти и не ссорились за ученье, и учились хорошо. Замѣтимъ здѣсь, что училище его по своимъ размѣрамъ не уступало многимъ изъ ланкастерскихъ школъ и что способъ обученія Ланкастера и Белля былъ отчасти усвоенъ Овэномъ. За-

лы училища его могли вмѣщать до 400 воспитанниковъ. Всѣ дѣти распредѣлены были по различнымъ классамъ; самые маленькіе учились читать и писать; въ старшихъ классахъ преподавались высшія правила счисленія, механики и физики. Старшіе обыкновенно не только сами учились, но и руководили младшихъ. На десятилѣтнемъ возрастѣ ученье обыкновенно оканчивалось, потому что съ десяти лѣтъ дѣти начинали уже ходить въ мастерскія на работу. Но и до этого времени они успѣвали пріобрѣтать довольно много свѣдѣній, благодаря тому, что все ученье было совершенно наглядно и чуждо всякихъ схоластическихъ замашекъ и ненужныхъ формальностей. Принято было за правило — непремѣнно *показывать* ученикамъ самый предметъ, о которомъ говорилось, или по крайней мѣрѣ рисунокъ его. Такимъ образомъ естественная исторія изучалась обыкновенно во время прогулокъ въ полѣ; изученіе географіи начиналось съ разсматриванія карты и продолжалось въ видѣ путешествія по ней отъ даннаго пункта и т. д. Избѣгать всякой сухости и мертвой формальности и поддерживать въ дѣтяхъ живой интересъ ко всему, что имъ преподавалось, — было главною заботою Овэна. Благодаря такой системѣ, мальчики въ короткое время своего пребыванія въ школѣ пріобрѣтали у него довольно основательныя познанія въ геометріи, механикѣ и естественной исторіи. Дѣвочекъ учили меньше, и вмѣсто спеціальныхъ знаній, прилагаемыхъ въ фабричномъ мастерствѣ, ихъ обучали разнымъ рукодѣльямъ, преимущественно шитью.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить одно замѣчательное обстоятельство, которое показываетъ, съ какимъ такомъ умѣлъ Овэнъ вести дѣло и пользо-

ваться своимъ положеніемъ. Мы упоминали выше о множествѣ различныхъ сектантовъ, бывшихъ въ Нью-Лэнэркѣ. Принимаясь учить дѣтей, Овэнъ долженъ былъ въ религіозномъ обученіи или выбрать какую-нибудь одну изъ сектъ, или приноровляться къ каждой изъ нихъ. И то и другое было не хорошо: первое могло возстановить противъ Овэна приверженцевъ другихъ сектъ, второе значило играть комедію, проповѣдуя то, чего вовсе не одобряешь. Овэнъ блестящимъ образомъ выпутался изъ этого затрудненія, сохранивши доброе согласіе въ колоніи и не пожертвовавъ ни іотой изъ своихъ личныхъ убѣжденій. Онъ совершенно отказался отъ религіознаго обученія, сказавши, что не хочетъ стѣснять никого и предоставляетъ родителямъ полную свободу наставлять своихъ дѣтей, какъ имъ внушаютъ ихъ благочестивыя вѣрованія. «Въ семейной жизни и воспитаніи, — прибавлялъ Овэнъ, — правила вѣры гораздо лучше усвоиваются, нежели въ школѣ, и потому дѣтямъ не будетъ никакого ущерба оттого, что религіозное обученіе не войдетъ въ число учебныхъ предметовъ школы».

Въ 1797 г., уже сдѣлавши нѣсколько преобразованій въ Нью-Лэнэркѣ, Овэнъ женился на дочери своего главнаго компаньона, Дэля, и съ этихъ поръ получилъ еще болѣе вліянія на всѣ дѣла фабрики. Доходы ея быстро увеличивались, итоги доходили до милліоновъ, и всѣ компаньоны убѣдились въ справедливости и благоразуміи распоряженій Овэна. Необыкновенная честность его и рыцарская правдивость во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ еще болѣе увеличили всеобщее довѣріе къ Овэну и подняли значеніе Нью-Лэнэркской фабрики. Овэнъ доводилъ до того свою честность, что если получалъ заказъ

въ то время, когда товары были въ очень высокой цѣнѣ, то писать заказчику, не хочетъ ли онъ подождать немного, такъ какъ черезъ нѣсколько времени цѣна товара должна понизиться. Сначала всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на такой образъ дѣйствій и со дня на день ждали, что Нью-Лэнэркъ разорится и обанкрутится. Но прошло 20 лѣтъ, фабрика пришла въ цвѣтущее положеніе, владѣльцы ея получали отличные доходы, и вся колонія Нью Лэнэрка пользовалась полнымъ благосостояніемъ.

Слухъ о чудесахъ, произведенныхъ Овэномъ, распространился въ Англіи и вскорѣ потомъ во всей Европѣ. Всеобщее вниманіе было обращено на Овэна и его удивительную реформу въ жизни фабричныхъ; тысячи любопытныхъ посѣтителей ежегодно бывали въ Нью-Лэнэркѣ и съ восторженнымъ удивленіемъ разсказывали объ эдемской идилліи, осуществленной на берегахъ Клейда стараніями Овэна. Только нѣкоторые скептики рѣшались увѣрять, что тутъ что-нибудь да не такъ, и что во всякомъ случаѣ изъ успѣха частнаго опыта ничего нельзя заключить о достоинствѣ всей системы, приложенной Овэномъ къ нью-лэнэркскимъ фабричнымъ. Тогда Овэнъ рѣшился изложить нѣкоторыя изъ общихъ основаній своихъ дѣйствій, придать нѣсколько систематическій видъ своимъ общимъ воззрѣніямъ и объяснить практическіе результаты, достигнутые имъ посредствомъ соображеній теоретическихъ. Съ этой цѣлью издалъ онъ въ 1812 г. свое первое сочиненіе — «Объ образованіи человѣческаго характера» («New views of society, or essays upon the formation of human character»). Въ этомъ сочиненіи уже очень ясно высказывается взглядъ Овэна на природу человѣка и на условія ея развитія въ ту

или другую сторону. «Человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ зависитъ отъ окружающихъ его обстоятельствъ. Полной, абсолютной свободы не существуетъ и никогда не существовало. Поэтому человѣкъ не можетъ нести отвѣтственности за то, что у него дурной характеръ или ложныя убѣжденія. Равнымъ образомъ и всѣ практическія послѣдствія дурного развитія ума или воли не должны быть относимы прямо къ винѣ отдѣльной личности, а должны быть приписаны дѣйствію тѣхъ же обстоятельствъ. Измѣненіе человѣческаго характера возможно, слѣдовательно, только при перемѣнѣ той общественной обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Эта послѣдняя перемѣна должна быть совершена посредствомъ улучшенія матеріальнаго быта массъ и посредствомъ воспитанія новыхъ поколѣній на совершенно новыхъ началахъ». Таковы общія положенія, провозглашенныя Овэномъ въ первомъ своемъ опытѣ. Въ нихъ ясно уже его безкорыстное стремленіе къ улучшенію положенія массъ народныхъ, ясно сочувствіе къ этой, въ то время униженной, забитой части общества. Несмотря на то, многіе не умѣли понять истинныхъ намѣреній Овэна, и нѣтъ сомнѣнія, что значительной долей временнаго успѣха своихъ идей въ первое время онъ былъ обязанъ именно тому, что его плохо поняли. Какъ скоро онъ высказался съ большей опредѣлительностью, его немедленно всѣ оставили, и идеи его не только не возбуждали уже прежняго восторга, но даже поступили въ разрядъ вредныхъ и опасныхъ мечтаній. Для объясненія этого любопытнаго факта надо припомнить положеніе англійскаго общества и общее движеніе идей въ первую четверть нынѣшняго столѣтія.

Въ концѣ XVIII вѣка въ промышленности Англіи произведенъ былъ переворотъ изобрѣтеніями Уатта и Эркрайта. Пока не было машинъ и все производилось руками, возможно было существованіе множества частныхъ ремесленниковъ, зарабатывавшихъ себѣ хлѣбъ своими трудами по одиночкѣ. Ихъ произведенія были тогда въ хорошей цѣнѣ, потому что при ручной работѣ производство никогда не могло достигать такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ при существованіи машинъ. Усовершенствованный Эркрайтомъ механическій ткацкій станокъ и примѣненіе къ машинамъ парового двигателя, сдѣланное Уаттомъ, дали совершенно новый видъ промышленности Англіи и всей Европы. Съ одной стороны — производительность фабричная страшно усилилась; хлопчато бумажное производство сдѣлалось одною изъ главныхъ отраслей промышленности Англіи[1]. Среднее сословіе возвышалось въ своемъ значеніи и было уже въ состояніи тягаться съ земледѣльческой аристократіей. Но съ другой стороны — это же самое распространеніе машинъ опредѣлило совершенно иначе прежнія отношенія средняго сословія къ работникамъ. При существованіи машинъ одиночная ручная работа перестала быть выгодною; мало-по-малу она совершенно была подорвана машиннымъ производствомъ, которое при своей простотѣ и дешевизнѣ давало производителямъ средство значительно понижать цѣну на товары. Большая часть ремесленниковъ не имѣла

[1] До изобрѣтенія машинъ во всей Великобританіи считалось только 800 ремесленниковъ и мастеровъ, занятыхъ хлопчато-бумажнымъ производствомъ; нынѣ по дѣлу занимается въ Англіи 1½ милліона народа. Цѣнность бумажныхъ тканей, уже по исчисленію 1833 г., простиралась въ Англіи слишкомъ до 200 милліоновъ рублей; въ настоящее время цифра эта болѣе чѣмъ удвоилась.

средствъ на то, чтобы завести у себя машины; для этого нужны были капиталы, которыхъ у нихъ не было. Духъ ассоціаціи не проникъ еще тогда въ промышленность, и оттого вскорѣ ремесленники очутились въ необходимости сдѣлаться наемниками у людей, имѣвшихъ средства пріобрѣтать машины и заводить обширныя фабрики. Сначала, пока машинъ было немного и совокупность ремесленниковъ могла выдерживать съ ними соперничество, положеніе работниковъ на фабрикахъ было очень сносно. Но соперничество не могло долго продолжаться; скоро работники въ избыткѣ стали являться на фабрики, не имѣя возможности кормиться произведеніями одиночной своей работы, сильно упавшими въ цѣнѣ. Тогда, разумѣется, заработная плата понизилась, и вскорѣ работники увидѣли себя въ совершенной зависимости отъ капиталистовъ, безъ всякихъ средствъ для противодѣйствія съ своей стороны. Положеніе ихъ было до того безпомощно, безвыходно, что возникшая вскорѣ конкуренція между капиталистами-промышленниками не только не послужила къ улучшенію положенія рабочаго класса, но даже сдѣлала его еще хуже. Конкуренція выражалась тѣмъ, что производство старались улучшить и удешевить. Такимъ образомъ товары все упадали въ цѣнѣ, а сообразно съ тѣмъ понижалась и заработная плата. О томъ же, чтобы привлечь къ себѣ работниковъ предоставленіемъ имъ какихъ-нибудь преимуществъ, никто и не думалъ: объ этой дряни не стоило заботиться; капиталисты знали, что нужда заставитъ придти къ нимъ какихъ-нибудь работниковъ даже за самую ничтожную плату.

Кромѣ небрежности и лѣни, между всѣми работ-

никами господствовало чувство непріязни и скрытнаго озлобленія противъ капиталистовъ-хозяевъ. Такое расположеніе рабочаго класса много вредило успѣшному ходу дѣлъ на фабрикахъ и еще болѣе внушало хозяевамъ какой-то неопредѣленный страхъ предъ недовольными массами. Они чувствовали, что безпощадная эксплоатація рабочихъ силъ можетъ имѣть конецъ не совсѣмъ пріятный для самихъ капиталистовъ; но несмотря на это сознаніе, имъ никакъ не хотѣлось поступиться, даже временно, какою-нибудь частью своихъ барышей для увеличенія матеріальныхъ средствъ рабочаго класса. Имъ бы хотѣлось какъ-нибудь пріискать средство эксплоатировать работника такъ, чтобы имъ было отъ этого очень хорошо, а ему не было дурно. Надобно было изобрѣсти игру, въ которой бы всѣ играющіе оставались въ выигрышѣ. Такую именно игру увидѣли эти люди въ проектахъ Оуэна, и въ этомъ заключается тайна его первыхъ успѣховъ въ среднемъ классѣ общества.

Но еще болѣе сочувствія встрѣтилъ Оуэнъ въ государственныхъ людяхъ, въ аристократическихъ кругахъ Англіи и всей Европы. И тутъ было то же недоразумѣніе. Англійская аристократія вступила въ антагонизмъ съ буржуазіей съ самаго начала сильнаго развитія промышленности Англіи. Съ одной стороны была поземельная собственность и родовыя привилегіи, съ другой — капиталъ и индустріальныя стремленія. Но аристократія была ужасно встревожена демократическими тенденціями французской революціи и даже опасалась, чтобы что-нибудь подобное не повторилось и въ Англіи. Въ своей боязливой предусмотрительности она не замѣтила, что опасность угрожаетъ ей совсѣмъ съ

другой стороны, и заботилась всего болѣе о томъ, чтобы не допустить въ народъ якобинскихъ идей, за которыя считалось тогда всякое предъявленіе своихъ правъ лицами низшаго сословія. Принимая такой принципъ въ отношеніи къ народу, аристократія поземельныхъ владѣльцевъ незамѣтно для себя самой помогала неотвратимому усиленію значенія промышленниковъ-капиталистовъ. Скоро сдѣлалось замѣтнымъ преобладаніе индустріальныхъ интересовъ предъ земледѣльческими, сельское населеніе переходило въ городъ, огромныя массы бѣднаго народа группировались въ промышленныхъ центрахъ, значеніе поземельной аристократіи падало, и коттонъ-лорды, владѣльцы большихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, сдѣлались наконецъ опасными соперниками лэндъ-лордовъ, поземельныхъ владѣльцевъ. Не вдругъ поняли лэндъ-лорды весь смыслъ и послѣдствія для нихъ индустріальнаго развитія страны въ ущербъ благосостоянію низшихъ классовъ. Ихъ все ослѣплялъ и стращалъ кровавый призракъ французской революціи. Наконецъ реставрація ихъ успокоила; они увидѣли, что народа бояться нечего, и вздумали дѣйствовать противъ буржуазіи. Торійское министерство до 1822 г. представляетъ рядъ стѣснительныхъ и обременительныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью ограничить развитіе гражданской свободы преимущественно въ среднихъ классахъ. Ограниченія эти все-таки, разумѣется, не имѣли въ виду пользу народа; но аристократы и государственные люди сильно уже задумывались о томъ, какъ бы дисциплинировать массы и, давши имъ право на кусокъ хлѣба, сдѣлать за то послушными орудіями въ своихъ рукахъ. Не зная, какъ бы это сдѣлать безъ всякихъ пожертво-

ваній и существенныхъ уступокъ съ своей стороны, государственные люди были пріятно поражены опытами и планами Овэна. Онъ не требовалъ никакихъ правительственныхъ реформъ, у него не находили крайнихъ демократическихъ принциповъ, которыхъ такъ страшились. Напротивъ, въ его общинѣ видѣли патріархальное устройство: онъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ добродѣтельнаго праотца, въ своей особѣ соединявшаго всѣ гражданскія власти, а работники являлись его покорными дѣтьми, готовыми всѣмъ жертвовать для его пользы и спокойствія. Растолковавши себѣ такимъ образомъ положеніе Овэна, аристократы и государственные люди никакъ не хотѣли допустить мысли о томъ, что стремленія Овэна могутъ быть совершенно безкорыстны. На его планы они тоже смотрѣли какъ на игру, въ которой никто, можетъ быть, не останется въ большомъ проигрышѣ, а самый большой выигрышъ долженъ выпасть на ихъ долю.

Въ такомъ положеніи засталъ Овэнъ англійское общество, и немудрено, что его идеи были приняты съ восторгомъ даже такими людьми, отъ которыхъ всего менѣе можно было ожидать какихъ-нибудь доброжелательныхъ расположеній къ народу. Преимущественно были въ ходу идеи Овэна отъ 1815 до 1830 г., когда во всей Европѣ проводились предначертанія Священнаго союза, а въ Англіи была во всей силѣ борьба буржуазіи съ аристократіей. Изъ всѣхъ партій, выказывавшихъ тогда наклонность къ непонятнымъ теоріямъ Овэна, едва ли еще не искреннѣе всѣхъ были капиталисты-фабриканты, видѣвшіе въ этихъ теоріяхъ легкое средство получать съ фабрики болѣе барышей, безъ отягощенія и даже съ облегченіемъ участи рабочихъ. Они тѣмъ

искреннѣе принимали мысли Овэна, что дѣйствительно въ это время чувствовали нужду въ поддержкѣ массъ для успѣха въ борьбѣ своей съ аристократіей. Такое колебаніе продолжалось у нихъ до самаго билля о реформѣ 1832 г., придавшаго имъ довольно прочное значеніе въ парламентѣ и тѣмъ обезпечившаго ихъ и со стороны аристократіи, и со стороны массъ работниковъ, о которыхъ впрочемъ на словахъ они и послѣ того не переставали заботиться. Что же касается до аристократической партіи — не только въ Англіи, но и въ цѣлой Европѣ, то она, въ отношеніи къ пониманію Овэна, была гораздо менѣе близка къ истинѣ, нежели партія промышленная. Овэнъ все представлялся имъ въ родѣ какого-то укротителя звѣрей, смирителя анархическихъ порывовъ, мудраго старца, на половину бургомистра и на половину школьнаго учителя, — и только. Они видѣли, что онъ желаетъ, чтобы многочисленнѣйшій производительный классъ народа могъ жить мирно и спокойно, и за это они хвалили его: имъ тоже хотѣлось, чтобъ народъ жилъ мирно и спокойно. Но чего хочетъ Овэнъ отъ нихъ самихъ, — они этого и знать не хотѣли. Имъ вовсе не казалось нужнымъ вникнуть въ то, что для достиженія возможнаго благосостоянія массъ имъ нужно самимъ немножко побезпокоить себя и рѣшиться на нѣкоторыя пожертвованія. Это непріятное обстоятельство они отстраняли отъ своего разсудка и, видя въ Овэнѣ только отличнаго укротителя и ловкаго организатора работниковъ, очень желали научиться его мудрости. Въ этихъ видахъ очень интересовался Овэномъ герцогъ Кентскій, братъ короля, нѣсколько разъ присутствовавшій на митингахъ овэновой партіи и рекомендовавшій его

иден всей англійской аристократіи. Въ этихъ же видахъ покровительствовали теоріи Овэна и другіе прославленные люди того времени, столь же мало понимавшіе всю чистоту его намѣреній. Въ 1818 г. онъ высказалъ нѣсколько опредѣленные свои предположенія насчетъ рабочаго класса, въ двухъ «адресахъ», представленныхъ имъ, одинъ — монархамъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, другой — всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Онъ положительными фактами и цифрами доказывалъ здѣсь, что изобрѣтеніе механическихъ ткацкихъ станковъ и паровыхъ машинъ, въ 12 разъ увеличивши промышленную производительность Великобританіи, имѣло однакоже для рабочаго класса одно послѣдствіе — страшное увеличеніе бѣдности. Затѣмъ онъ представлялъ очень ясные выводы, что если все пойдетъ и впередъ такъ же, какъ шло доселѣ, то пролетаріатъ долженъ быстро усиливаться и ему не помогутъ никакія частныя мѣры. Анализируя значеніе *таксы для бѣдныхъ*, Овэнъ утверждалъ, что она съ каждымъ годомъ должна увеличиваться и что наконецъ обществу должно будетъ насильственно отнять у бѣдныхъ большую часть прежняго достоянія (что и случилось). Для того, чтобы выйти изъ такого горестнаго положенія, возможно было, по мнѣнію Овэна, одно средство: отказаться отъ огромныхъ, исключительно-мануфактурныхъ центровъ, служащихъ мѣстомъ игры громадныхъ капиталовъ и имѣющихъ развращающее, унижающее и разоряющіе вліяніе на массу рабочаго населенія. Вмѣсто ихъ Овэнъ предлагалъ завести небольшія общины, устроенныя ихъ на основаніи выработанныхъ имъ началъ, въ видѣ промышленно-земледѣльческихъ ассоціацій. Этой радикальной мѣрой Овэнъ

думалъ отвратить бѣдствіе пролетаріата, избавивши массу населенія отъ необходимости отдавать свой трудъ въ распоряженіе богатыхъ спекулянторовъ. Въ подтвержденіе возможности успѣшнаго существованія такихъ общинъ Овэнъ указывалъ на Нью-Іоркъ. Ахенскій конгрессъ слишкомъ былъ занятъ высшими государственными соображеніями, чтобы имѣть досугъ для разсмотрѣнія такого незначительнаго дѣла, какъ улучшеніе быта ремесленныхъ классовъ, и потому проекты Овэна остались безъ послѣдствій на конгрессѣ. Тѣмъ не менѣе общее вниманіе высшихъ государственныхъ сановниковъ было благопріятно обращено на англійскаго филантропа. Самъ Меттернихъ не безъ похвалы отозвался о немъ; а король прусскій прислалъ ему золотую медаль. Въ Англіи тотъ же успѣхъ встрѣтилъ Овэна: его первое сочиненіе «Объ образованіи человѣческаго характера» — было теперь разослано къ разнымъ лордамъ, прелатамъ, членамъ палаты депутатовъ, во всевозможные университеты. Лордъ Сидмутъ официально объявилъ Овэну, что правительство одобряетъ его идеи и постарается примѣнить ихъ, какъ только общество будетъ къ тому приготовлено. Все это совершилось въ пятилѣтіе 1812—1817 г., и сами труды Овэна сознаются, что если бъ онъ захотѣлъ въ это время воспользоваться общимъ энтузіазмомъ для своихъ личныхъ цѣлей, то могъ бы сдѣлать славную аферу. Спекуляціи на филантропію рѣдко бываютъ неудачны, а филантропическіе планы Овэна были такъ обширны и такъ успѣли зарекомендовать себя предъ цѣлой Европой, что даже при самомъ добросовѣстномъ и человѣколюбивомъ мошенничествѣ могли доставить много милліоновъ смѣлому аферисту. Многіе ожидали

что Овэнъ воспользуется своимъ положеніемъ для собственныхъ выгодъ, — и всѣ ошиблись.

Съ 1818 г. начинается для Овэна жестокая борьба, вмѣсто того блестящаго тріумфа, какимъ онъ пользовался нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Борьба эта ведена была съ безукоризненной честностью и благородствомъ со стороны Овэна; но при всемъ томъ нужно согласиться съ его противниками, что борьбу свою предпринялъ онъ совершенно безразсудно и въ продолженіе ея выказалъ много разъ свое наивное добродушіе. Этотъ чудакъ вздумалъ преобразовать Англію, Европу, цѣлый міръ, — и въ чемъ же? въ дѣлѣ самомъ священномъ, самомъ милломъ для человѣческихъ сердецъ, въ дѣлѣ личнаго интереса! Онъ хотѣлъ бездѣлицы: чтобъ лѣнтяи и плуты не имѣли возможности обогащаться на счетъ чужого труда и чтобъ дураки не могли записывать въ преступники людей, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями! И наивный упрямецъ никакъ не хотѣлъ убѣдиться, что подобное предпріятіе безумно, что тутъ никакого успѣха нельзя ожидать и что вообще противъ интересовъ сильныхъ міра сего идти никогда не слѣдуетъ, «потому — сила . . .» Онъ не только ничего этого не хотѣлъ понять, но даже не хотѣлъ пользоваться и тѣми недоразумѣніями, которыя остались въ большей части его покровителей послѣ первыхъ его опытовъ. Увѣренный въ справедливости своихъ началъ, радуясь на свою Нью-Лэнэркскую фабрику и колонію, онъ сочинилъ между прочимъ слѣдующій, можетъ быть и справедливый, но нѣсколько странный силлогизмъ: «Что могло однажды образоваться и осуществиться въ логическихъ построеніяхъ мысли человѣка, то не можетъ уже быть признано невозможнымъ въ мірѣ и должно,

рано или поздно, непремѣнно найти свое осуществленіе и въ фактахъ дѣйствительной жизни». Подкрѣпляемый такой мыслью, Овэнъ смѣло и открыто вступилъ въ борьбу за свои идеи, все болѣе и болѣе раскрывая ихъ предъ глазами противниковъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ опредѣленнѣе и строже высказывалъ свои виды, исчезала его популярность. Въ продолженіе семи лѣтъ, 1817—1824, онъ не только не успѣлъ сдѣлать ничего существеннаго, но даже возстановилъ противъ себя всѣ партіи и почти напрасно истратилъ значительную часть своего состоянія, которое нажилъ до того хлопчато-бумажной фабрикой.

Въ 1817 г. онъ оставилъ Нью-Лэнэркъ для того, чтобы искать себѣ болѣе обширный кругъ дѣятельности. Такъ какъ имя его пользовалось значеніемъ между членами парламента, то ему удалось провести вопросъ объ общемъ ограниченіи работы дѣтей на фабрикахъ. Согласно его убѣжденіямъ рѣшено было, чтобы дѣтямъ не работать болѣе десяти часовъ въ день и чтобы не поступать на фабричную работу ранѣе 10 лѣтъ. Добившись этого, Овэнъ поднялъ вопросъ о воспитаніи и обученіи дѣтей рабочихъ классовъ. Тутъ постигло его первое пораженіе. Еще ранѣе этого сдѣлались извѣстны мысли Овэна о началахъ воспитанія и возбудили негодованіе преимущественно въ высшемъ духовенствѣ Англіи. Выступивши на общественную дѣятельность, Овэнъ не думалъ прикрывать своихъ тенденцій, а напротивъ старался всячески распространить ихъ и растолковать какъ можно яснѣе всѣмъ и каждому. Для этого онъ писалъ множество журнальныхъ статей, сочинялъ воззванія и манифесты, обращенные ко всѣмъ классамъ общества, печаталъ безчислен-

ное множество статеекъ (tracts), которыя раздавались всѣмъ даромъ на улицахъ... Издержки его на пропаганду этого рода высчитываются до милліона франковъ. При такой громадной *гласности*, о которой такъ хлопоталъ самъ Оуэнъ, трудно было кому-нибудь ставаться въ оскорбленіи насчетъ его плановъ. И вотъ — клерикальная партія поднялась первая. Полная терпимость и невмѣшательство школы въ дѣло религіознаго обученія, провозглашенныя Оуэномъ, подали поводъ къ нападеніямъ. Затѣмъ объявлены еретическими и безнравственными многія мнѣнія Оуэна объ образованіи человѣческаго характера, приведенныя нами выше. Утверждали, что своимъ ученіемъ объ обстоятельствахъ Оуэнъ подрываетъ всѣ начала нравственности и снимаетъ съ человѣка всю отвѣтственность за его поступки. Нѣкоторые доходили до того, что видѣли въ Оуэнѣ послѣдователя пелагіанской ереси... Оуэну собственно не было никакого дѣла до теоретическихъ началъ, принимаемыхъ разными сектами: онъ ко всѣмъ имъ былъ одинаково равнодушенъ. Но ему очень важно было вліяніе обученія, предположеннаго имъ, на перевоспитаніе будущаго человѣчества, и потому онъ никакъ не хотѣлъ допустить — ни того, чтобы разногласія сектъ вторгались въ мирное святилище его школы, ни того, чтобъ одна изъ сектъ исключительно завладѣла религіознымъ обученіемъ, насильно связавши такимъ образомъ совѣсть дѣтей нравственными путами. Высказываясь все съ большей рѣшительностью, Оуэнъ наконецъ прямо обвинилъ все клерикальное направленіе въ безсиліи и пустотѣ за то, что оно, толкуя о нравственности и о добрѣ, на дѣлѣ оказывалось слугою сильныхъ міра и не заботилось о томъ

чтобъ извлечь изъ бездны нищеты и разврата милліоны людей, погибавшихъ подъ гнетомъ своихъ притѣснителей. Это обвиненіе вызвало громы противъ Овэна. Онъ принужденъ былъ отступиться отъ своихъ требованій по вопросу объ обученіи.

Въ это самое время умеръ герцогъ Кентскій, бывшій искреннѣе другихъ аристократовъ расположеннымъ къ Овэну. Послѣ смерти его и послѣ достаточнаго раскрытія теоріи Овэна, аристократія значительно охладѣла къ нему. Такимъ образомъ въ двухъ, самыхъ сильныхъ въ Англіи, классахъ общества Овэнъ не могъ надѣяться ни на какую поддержку.

Оставалось ему примкнуть къ одной изъ политическихъ партій, и всѣхъ ближе къ его стремленіямъ были радикалы. Но и тутъ Овэнъ не умѣлъ заставить себя польстить имъ. Въ это время шли страшные толки о реформѣ *гнилыхъ мѣстечекъ*, отъ которой радикалы ждали совершеннаго обновленія общества. Овэнъ въ простотѣ души имѣлъ смѣлость объяснить имъ, что замышляемыя ими мѣры вовсе не такъ важны, что онѣ даже недостаточны и что отъ нихъ весьма мало будетъ толку для благосостоянія народныхъ массъ. Радикалы возненавидѣли и лишили Овэна своего довѣрія. Прямодушіе и рѣшительность и тутъ повредили наивному чудаку!

Видя, что теорія принимается плохо, Овэнъ рѣшился опять дѣлать пропаганду фактами. Съ этой цѣлью онъ между прочимъ открылъ подписку на увѣковѣченіе новой колоніи и первый самъ подписалъ 500 фунтовъ стерл. Черезъ нѣсколько времени составилась довольно значительная сумма, на которую было куплено въ Шотландіи, въ Мотервилѣ, 500 акровъ земли и сдѣланы были первыя пригото-

вленія для заведенія колоніи... Не довольствуясь Шотландіей и Англіей, Овэнъ отправился въ Ирландію, чтобъ и тамъ возбудить общее участіе къ жалкой участи несчастныхъ простолюдиновъ. Въ Дублинѣ три раза составлялъ онъ собранія, подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра, — въ которыхъ положено было основаніе филантроническому обществу, окончательно организовавшемуся нѣсколько позже. Въ это же время удалось ему учредить въ Лондонѣ *кооперативное общество* (Cooperative society), которое черезъ нѣсколько лѣтъ чрезвычайно расширилось, но сначала все-таки не удовлетворяло Овэна. Ему тяжело было встрѣчать безпрерывныя ограниченія и стѣсненія своихъ стремленій; онъ хотѣлъ болѣе простора для своей дѣятельности и, недовольный Европою, сталъ помышлять о поѣздкѣ въ Америку. Въ 1824 г. онъ дѣйствительно отправился туда, съ намѣреніемъ основать тамъ колонію наподобіе Нью-Лэнэрка.

Прибывши въ Сѣверную Америку, Овэнъ вскорѣ нашелъ очень удобное мѣсто для своихъ опытовъ. Въ Индіанскомъ округѣ Соединенныхъ-Штатовъ, на берегахъ рѣки Вобаша, существовала уже съ 1803 г. колонія такъ называемыхъ *гармонистовъ*, представлявшая собою родъ религіозной секты, съ суровыми, почти аскетическими правилами, подъ управленіемъ нѣмца Рапа. Колонія эта, равно какъ и самая мѣстность, называлась Гармонія. Тутъ же по близости нашелъ удобное мѣсто для своего предполагаемаго поселенія и Овэнъ. Онъ пріобрѣлъ здѣсь деревеньку, въ которой могло поселиться до 2,000 душъ, и при ней — 30,000 акровъ земли. Сдѣлавши покупку земли, Овэнъ отправился въ Вашингтонъ, имѣлъ свиданіе съ президентомъ и получилъ

дозволеніе изложить свои мнѣнія и предположенія предъ конгрессомъ. Съ обычною простотою и свободою представилъ онъ конгрессу свои намѣренія и былъ выслушанъ съ чрезвычайною внимательностью и уваженіемъ. Предоставляя полный просторъ для всякой пропаганды, Соединенные Штаты не воздвигали противъ Овэна такихъ офиціальныхъ препятствій, какія встрѣтилъ онъ въ Англіи. Поэтому, заявивши всенародно и открыто свои убѣжденія, онъ свободно могъ предаться своимъ идеямъ и стремиться къ осуществленію своихъ замысловъ. Въ скоромъ времени около него сгруппировалась масса людей, изъявившихъ полное сочувствіе къ его принципамъ. Новая колонія, названная Овэномъ Нью-Гармони, — наполнилась поселенцами. Поселенцы эти представляли замѣчательное разнообразіе въ своихъ идеяхъ, побужденіяхъ, степени развитія, въ характерѣ, знаніи, даже въ вѣрѣ и національности. Одно только было общее всѣмъ или почти всѣмъ: *бѣдность*. Богачи и люди достаточные не откликнулись на призывы Овэна, и это было уже не совсѣмъ хорошимъ признакомъ для реформатора. Это подавало поводъ подозрѣвать, что къ нему присоединяются болѣе изъ корыстныхъ видовъ, нежели по чистому убѣжденію. И подозрѣніе оказалось въ самомъ дѣлѣ справедливымъ. Изъ толпы, собравшейся къ Овэну, очень немного было людей истинно порядочныхъ. Большая часть шла съ тѣмъ, чтобы пожить безъ нужды и безъ заботъ, на счетъ благотворителя, наивно мечтающаго о всеобщемъ благоденствіи. Такимъ образомъ уже съ самаго начала Нью-Гармонія находилась въ положеніи гораздо болѣе затруднительномъ и неблагопріятномъ для плановъ Овэна, чѣмъ каково было положеніе Нью-Лэ-

норка. Тамъ реформы Овэна произошли совершенно естественно изъ предшествующаго порядка дѣлъ на фабрикѣ; тамъ не люди пришли къ нимъ, а они были приложены къ людямъ; тамъ сами люди эти понимали, что ихъ трудомъ и ихъ честностью должна обезпечиваться для хозяина возможность продолжать для нихъ свои благодѣтельныя мѣры. Здѣсь ничего подобнаго не было: здѣсь люди шли на ключъ къ Овэну, приступали къ нему съ надеждами и требованіями, а онъ давалъ имъ обѣщанія и какъ бы обязательство въ томъ, что они будутъ благополучны подъ его руководствомъ. Очевидна вся невыгода положенія, въ какое поставилъ себя Овэнъ въ виду этой толпы грубыхъ, невѣжественныхъ и развращенныхъ нищихъ, изъ какихъ состояло большинство людей, собравшихся въ Нью-Гармони. Если бы Овэнъ имѣлъ менѣе энтузіазма къ своимъ идеямъ и болѣе осторожности, то онъ самъ, конечно, при самомъ началѣ своей новой колоніи понялъ бы, что тутъ нельзя ожидать полной удачи. Но онъ такъ вѣрилъ въ могущество своихъ принциповъ, что даже при самыхъ дурныхъ шансахъ не могъ отказаться отъ попытки. Онъ принялся за дѣло организаціи новой общины, и нужно еще удивляться, какъ много успѣлъ онъ сдѣлать при обстоятельствахъ столь неблагопріятныхъ. Вотъ нѣсколько строкъ о Нью-Гармони изъ Луи Рейбо, который очень не долюбливаетъ идей Овэна и старается изобразить ихъ не только химерическими, но даже отчасти и вредными. Несмотря на свое глубокое убѣжденіе, что попытка Нью-Гармони была совершенно-пустая чепуха и ни при какихъ условіяхъ не могла удаться, онъ не можетъ однакоже не сознаться въ слѣдующемъ: «Нельзя впрочемъ не отдать Овэну

справедливости въ томъ, что онъ и здѣсь по возможности умѣлъ возобновить и продолжать благодѣтельныя учрежденія Нью-Ланорка. Дѣти, составлявшія главную надежду Овэна, обращали на себя особенное его вниманіе. У него были усовершенствованы всѣ методы воспитанія, и онъ умѣлъ отъ юношей добиться того, къ чему напрасно старался пріучить людей зрѣлыхъ лѣтъ, — дружной и старательной земледѣльческой работы. Въ главномъ центрѣ колоніи учреждены были общества земледѣлія и механическихъ искусствъ, и горсть порядочныхъ людей, послѣдовавшихъ Овэну, принялась по его внушеніямъ образовывать и смягчать грубость этого, почти дикаго, населенія. Здѣсь давали балы, концерты, вечера; самыя низкія работы перемѣшивали съ занятіями самыми деликатными. Такъ напримѣръ, убравши коровій хлѣвъ, молодыя женщины садились у себя за фортепьяно, что не мало забавляло герцога Саксенъ-Веймарскаго, когда онъ посѣтилъ Нью-Гармони. Придуманъ былъ особенный костюмъ, для всѣхъ одинаковый: для женщинъ — платья нѣсколько античнаго покроя, для мужчинъ— греческія туники и широкія шаровары. Сколько было возможно, Овэнъ старался отучить своихъ колонистовъ отъ тысячи условныхъ тонкостей, которыя наше тщеславіе вынесло въ нашу общественную жизнь и которыхъ корень кроется — отчасти въ привычкахъ всѣхъ вообще, отчасти же и въ претензіяхъ немногихъ. Помѣщеніе было одинаково у всѣхъ расположено и меблировано; одежда была однообразна, пища — общая всѣмъ». Сдѣлавши это описаніе, Рейбо заключаетъ, что община Овэна, можетъ быть, и могла бы существовать съ успѣхомъ, если бы въ ней не было «рокового принципа

общинности», т. е. если бы она была устроена не на тѣхъ началахъ, на которыхъ дѣйствительно устроена. — «Но Овэнъ, желая составить *человѣческую* общину, требовалъ для нея *ангельскаго* населенія», — остроумно замѣчаетъ Рейбо, забывая, что Овэнъ именно отличался отсутствіемъ всякой требовательности въ отношеніи къ людямъ, вступавшимъ въ его общину. Людей, сдѣлавшихся полу-скотами, онъ хотѣлъ сдѣлать полными людьми, и не разъ это удавалось ему. Онъ полагалъ, что можетъ всѣхъ людей возвратить къ жизни истинно-человѣческой, не ангельской и не скотской, — и въ этомъ самонадѣянномъ мнѣніи была огромная ошибка. Онъ вѣрилъ, напримѣръ въ то, что человѣкъ здоровый и обезпеченный въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, не станетъ лежать на боку, брезговать работой и поѣдать плоды чужихъ трудовъ; ему казалось, что всѣмъ людямъ очень легко внушить понятіе о полной солидарности ихъ правъ и обязанностей, и что легко провести эту солидарность во всей практической дѣятельности общины. Судя по себѣ и по нѣкоторымъ избраннымъ натурамъ, Овэнъ думалъ, что трудъ самъ въ себѣ заключаетъ много привлекательности и что жизнь на чужой счетъ тяжела и отвратительна *для всякаго* человѣка. Это уже было, разумѣется, дѣтски-ошибочно. Правда, въ членахъ своей общины Овэнъ успѣвалъ обыкновенно пробудить сознаніе въ справедливости его началъ; но отъ сознанія еще слишкомъ далеко до практической дѣятельности. Не клочекъ земли, не мѣсяцы и не годы нужны были для того, чтобы пересоздать общественныя привычки. Все производя изъ обстоятельствъ, Овэнъ надѣялся, что привычки эти легко

будутъ забыты при новой общественной обстановкѣ, созданной имъ. Но и тутъ онъ былъ слишкомъ легковѣренъ и самонадѣянъ: онъ выступалъ на борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ, противопоставляя свои, вновь изобрѣтенныя условія жизни — тѣмъ всемірнымъ условіямъ, которыми до того опредѣлялась жизнь человѣческая. Онъ считалъ нелѣпыми всѣ эти условія; но онъ самъ былъ нелѣпъ, воображая, что эти освященныя вѣками нелѣпости можно разрушить экспромтомъ. Еще можно бы имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ, предлагая замѣнить эти нелѣпости другими, равномѣрно безсмысленными; но чего же могъ надѣяться общественный реформаторъ, воюющій противъ нелѣпостей — даже не во имя высшихъ туманныхъ абстракцій, а просто во имя здраваго смысла, во имя первыхъ, насущныхъ потребностей здоровой человѣческой природы? . .

Овэнъ самъ замѣтилъ свою опрометчивость, когда увидѣлъ, что въ Нью-Гармони образовалась ватага лентяевъ, старавшихся только воспользоваться преимуществами общинной жизни и отклонить отъ себя всѣ труды и обязанности. Работы въ Нью-Гармони вообще пошли очень дурно; оказался большой дефицитъ въ приходахъ противъ расходовъ, и Овэнъ, признавшись, что «характеры еще мало приготовлены для его системы», счелъ за лучшее опять обратиться къ теоріи и пропагандѣ. Въ Сѣверной Америкѣ ученіе его распространялось очень быстро, и въ 1827 г. считалось уже до 30 общинъ, основанныхъ по началамъ его системы. Многое изъ нея было принято и въ маленькихъ религіозныхъ общинахъ, подобныхъ «Гармоніи» Рапа. Но въ то же время воздвиглась про-

тивъ него и вражда партій. На первомъ планѣ явилась, разумѣется, и здѣсь — партія клерикальная. Овэну пришлось выдержать ожесточенную борьбу съ однимъ фанатикомъ-методистомъ, Комбелемъ, который путешествовалъ по Соединеннымъ Штатамъ, проповѣдуя крестовый походъ противъ Овэна и его послѣдователей. Проповѣди этой Овэнъ не боялся: но ему непріятно было встрѣтить и здѣсь то же ожесточеніе противъ себя, какое видѣлъ онъ въ Европѣ. Всего же болѣе огорчило его то, что въ Нью-Гармони чрезвычайно слабо принимались его идеи. Онъ нетерпѣливо желалъ произвести въ своей общинѣ братство и трудолюбіе, и принужденъ былъ видѣть лѣнь, эгоизмъ и разъединеніе, постоянно противившіеся всѣмъ его усиліямъ. Надѣясь, что время поможетъ упроченію его системы, Овэнъ рѣшился между тѣмъ употребить свое время и труды на поприщѣ болѣе обширномъ. Оставивши управленіе Нью-Гармонійской колоніей и отказавшись отъ всякаго права на вознагражденіе за свои капиталы, затраченные на эту общину, Овэнъ отправился въ Европу, чтобы тамъ распространять свое ученіе.

Въ Европу призывало Овэна и сильное сочувствіе, выраженное многими образованными людьми къ его идеямъ. Возвратившись въ Англію, Овэнъ нашелъ, что основанное имъ кооперативное общество чрезвычайно дѣятельно и энергично стремилось къ распространенію и осуществленію его теорій. Въ Дублинѣ, Брайтонѣ, Ливерпулѣ, Глазговѣ, Эдинбургѣ, Бирмингамѣ, Манчестерѣ и другихъ городахъ учреждены были секціи этого общества. Повсюду готовились публичныя собранія его послѣдователей, повсюду въ комитетахъ изыскивали сред-

ства пропаганды. Въ Лондонѣ Овэнъ нашелъ митингъ изъ 2,000 человѣкъ, сочувствовавшихъ начинаніямъ общества. Основанъ былъ журналъ «Cooperative Magazine», посвященный исключительно распространенію, разъясненію и защитѣ доктринъ, принятыхъ обществомъ. Наконецъ, въ большей части членовъ общества замѣчалось горячее желаніе осуществить въ новой реальной попыткѣ теоріи, проповѣданныя Овэномъ. Почти въ каждомъ изъ частныхъ собраній общества предлагалась подписка на основаніе новой колоніи на началахъ, выработанныхъ въ теоріи Овэна. Одна такая колонія дѣйствительно и была основана въ Орбистонѣ, селеніи близъ Эдинбурга, на земляхъ господина Гамильтона, бывшаго однимъ изъ главныхъ подписчиковъ на учрежденіе колоніи въ Мотервиллѣ. Управленіе этой общиной ввѣрено было Аврааму Комбу, одному изъ замѣчательныхъ послѣдователей ученія Овэна. Комбъ сдѣлалъ въ Орбистонѣ нѣкоторыя отступленія отъ чисто-общиннаго начала, принятаго Овэномъ. Въ Орбистонѣ, кромѣ арендаторовъ, пользовавшихся общинными владѣніями, допущены были и собственники, и даже дозволено одному и тому же лицу быть и арендаторомъ общины и въ то же время имѣть свою собственность. Этой уступкою Комбъ думалъ примирить капиталистовъ съ возможностью принять общинное начало. Но само собою разумѣется, что подобная уступка была слишкомъ жалка и ничтожна для капиталистовъ и вообще для людей зажиточныхъ. Въ Орбистонскую общину, такъ точно какъ и въ Нью-Гармони, столпились бѣдняки, желавшіе только пользоваться удобствами ея. Здѣсь нашли они готовое помѣщеніе, — опрятные домики, фермы, огороды, сады, по

которымъ не безъ пріятности можно было прогуливаться, и они были очень довольны, и дѣйствительно прогуливались, не отказывая между прочимъ и въ своей благодарности тому, кто все это устроилъ. Но работали они лѣниво, говоря, что ежели убивать себя надъ работой, такъ и вездѣ можно жить довольно сносно, а что овэновскія общины тѣмъ-то и должны отличаться, чтобы въ нихъ безъ всякаго труда можно было жить въ свое удовольствіе. Попробовали этимъ людямъ говорить о нравственномъ совершенствованіи: они пришли въ недоумѣніе. Имъ казалось, что они и такъ достаточно хороши и нравственны, и они объявили, что нравственнѣе быть не желаютъ. Съ такимъ народомъ сладить было довольно трудно; но Комбъ смѣло пошелъ навстрѣчу всѣмъ затрудненіямъ. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и изумительнымъ тактомъ принялся онъ за исправленіе нравственнаго характера орбистонскихъ поселенцевъ, и труды его у увѣнчались подъ конецъ его жизни значительнымъ успѣхомъ. Въ колоніи водворилась тишина и взаимная услужливость, мужчины сдѣлались трезвыми и дѣятельными, женщины стали стыдиться сплетенъ и также принялись за дѣло; во всемъ населеніи проявилась любовь къ труду и доброму порядку въ жизни. Производительность мастерскихъ Орбистонской колоніи значительно усилилась, и Комбъ уже не сомнѣвался, что въ Орбистонѣ скоро повторится то же, что представляетъ собою Нью-Лэнаркъ при Оуэнѣ. Но въ 1827 г. Комбъ умеръ, и съ его смертью розстроилось все дѣло, которое онъ умѣлъ вести съ такимъ успѣхомъ.

Посѣтивши многія мѣстности Англіи, въ которыхъ были собранія его послѣдователей, произнес-

ши нѣсколько публичныхъ рѣчей, напечатавши нѣсколько статей, Овэнъ во второй разъ отправился въ Америку, чтобы и тамъ продолжать свое дѣло. Здѣсь посѣтилъ онъ Нью-Гармони и нашелъ здѣсь, вмѣсто общиннаго поселенія, обыкновенное учрежденіе, въ которомъ работники забраны были въ руки людьми, имѣвшими въ своихъ рукахъ капиталы, и гдѣ господствовали — обычное недовольство рабочихъ и обычное угнетеніе со стороны капиталистовъ. Видя, что тутъ уже дѣла нельзя поправить, Овэнъ обратился въ другое мѣсто. Мексиканское правительство предложило ему для его поселеній Тэхасъ. Начались переговоры; но когда Овэнъ объявилъ непремѣннымъ условіемъ совершенную свободу совѣсти и религіознаго обученія, духовенство и тутъ возстало на него и еще разъ помѣшало его намѣреніямъ. Въ 1829 г. Овэнъ опять возвратился въ Англію.

На этотъ разъ онъ явился не вовремя. Борьба средняго сословія съ аристократіей явно склонялась уже въ пользу перваго. Парламентская реформа была уже рѣшена въ общественномъ мнѣніи; коттонъ-лорды принимали на себя представительство рабочихъ массъ, и всякая попытка эмансипаціи работниковъ казалась имъ враждебною и опасною для ихъ политическаго значенія. Поэтому общество очень холодно встрѣтило теперь пропаганду Овэна, и съ 1830 г. онъ является уже почти исключительно въ союзѣ съ работниками: его имя стоитъ во главѣ нѣкоторыхъ предпріятій, въ которыхъ рабочее сословіе вступало въ борьбу съ своими хозяевами. Самъ онъ не могъ теперь начинать большихъ предпріятій, потому что огромное состояніе его было большею частью растрачено въ прежъ-

ныхъ попыткахъ разнаго рода, частью же передано дѣтямъ. Теперь Овэну оставалась только пропаганда и личное участіе въ судьбѣ рабочаго класса. И въ этомъ отношеніи онъ былъ неутомимъ. Онъ путешествовалъ изъ города въ городъ съ своей пропагандой, останавливаясь преимущественно въ мѣстахъ, служившихъ центрами промышленнаго движенія — въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Глазговѣ и пр. Въ 1834 г. ему пришлось между прочимъ играть важную, но весьма неблагодарную роль въ дѣлѣ возстанія работниковъ въ Лондонѣ. Возстаніе это было продолженіемъ и отчасти слѣдствіемъ волненія, происшедшаго передъ тѣмъ въ Манчестерѣ, и строгаго суда надъ тамошними рабочими. Сто тысячъ человѣкъ поднялись и пошли къ Сентъ-Джемскому дворцу, со значками каждаго ремесленнаго цеха. Овэнъ въ этомъ случаѣ принялъ на себя переговоры съ правительствомъ. Уговоривши работниковъ быть спокойнѣе и выражать только разумныя требованія съ соблюденіемъ полнаго уваженія къ порядку и законности, онъ явился въ Сентъ-Джемсъ, чтобы изложить передъ правительствомъ справедливыя желанія и жалобы рабочаго класса. Но министры не умѣли оцѣнить умѣренность и благородство его представленій. Овэнъ являлся передъ ними въ качествѣ ходатая за народъ, и этого въ ихъ глазахъ было достаточно, чтобы принять его сыскока и непріязненно и не уважить его представленій. Ничего не добившись воротился Овэнъ къ толпѣ, ожидавшей результата его переговоровъ, и былъ ею принятъ тоже не ласково, какъ человѣкъ, на котораго пало подозрѣніе въ доброхотствѣ правительству... Такимъ образомъ его добродушіе и любовь къ справедливости

послужили только поводомъ къ обвиненію его чуть не въ измѣнѣ съ той и другой стороны . . .

Общественное мнѣніе высшихъ классовъ все болѣе и болѣе вооружалось противъ Овэна, по мѣрѣ того, какъ предъ всѣми проявлялась и доказывалась его приверженность къ дѣлу рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ монополіями капитала. Между прочимъ много нареканій навлекло на него одно предпріятіе, въ которомъ онъ не игралъ почти никакой роли, но гдѣ его имя было пущено въ ходъ, даже почти безъ всякаго права. Это былъ заговоръ работниковъ противъ хозяевъ съ цѣлью заставить ихъ возвысить заработную плату. Рѣшено было, что если хозяева не сдѣлаютъ прибавки, то работники должны отказаться отъ работы на неопредѣленное время. Составлена была подписка, и для поддержки ремесленниковъ, отошедшихъ отъ хозяевъ, собрано было до 40,000 фунт. стерл. (около 250,000 р. с.). Въ общемъ собраніи бросили жребій, кому начинать борьбу; жребій палъ на портныхъ, особенно многочисленныхъ въ Лондонѣ. Портные потребовали отъ хозяевъ возвышенія задѣльной платы и, получивъ отказъ, бросили работу. Въ теченіе мѣсяца они получали хорошее содержаніе изъ общей кассы, но на другой мѣсяцъ она истощилась, — а хозяева и не думали смиряться предъ работниками. Сдѣланъ былъ заемъ для рабочихъ, въ надеждѣ, что — вотъ скоро хозяева попросятъ мира. Но прошелъ и еще мѣсяцъ, а хозяева не сдавались. Послѣднія средства общества истощились, и работникамъ самимъ пришлось идти на поклонъ. Всей этой исторіей воспользовались недоброжелатели Овэна для того, чтобы осмѣять и очернить его, хотя онъ даже съ самаго начала предпріятія не совсѣмъ одобрялъ его.

Болѣе серьезное и дѣйствительное участіе принималъ Овэнъ въ предпріятіи, которое образовалось подъ именемъ «правильнаго обмѣна народнаго труда» (National labour equitable exchange). Начала этого предпріятія были очень просты: работники должны были получать за свой трудъ квитанціи, съ означеніемъ въ нихъ количества рабочихъ часовъ, въ которые они занимались у хозяина. Эти квитанціи могли потомъ служить вмѣсто монеты при покупкѣ работниками разныхъ продуктовъ. Напр., портной, покупая сапоги, давалъ сапожнику извѣстное *количество рабочихъ часовъ* своихъ: сапожникъ, покупая хлѣбъ, могъ дать булочнику квитанцію своихъ рабочихъ часовъ или передать квитанцію, полученную отъ портного, и т. д. Осуществленіе этой мысли сильно занимало Овэна, и онъ придумалъ даже родъ кредитныхъ билетовъ, въ которыхъ счетъ составляется не рублями, а часами работы. Нѣсколько позднѣе то же самое предлагалось во Франціи, въ «Banque d'échange», придуманномъ Прудономъ. Въ послѣднее время сами экономисты склоняются нѣсколько къ этой мысли. Но при началѣ предпріятія Овэна на него накинулись всѣ, какъ на сумасброда, называли его безпокойнымъ мечтателемъ, смѣялись надъ ребяческой неосновательностью его затѣй и т. п. Въ Лондонѣ ему рѣшительно житья не было. Онъ удалился въ Манчестеръ.

Въ Манчестерѣ нѣсколько лѣтъ уже прежде существовало между работниками дружеское общество, имѣвшее цѣлью — взаимное вспомоществованіе и круговую поддержку другъ друга. Довольно долгое время составлялся въ кругу рабочихъ общинный капиталъ, отчисляемый изъ ихъ же доходовъ. Овэнъ, явившись въ Манчестеръ, сдѣлался руково-

дителемъ и главнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій общества. Подъ его вліяніемъ кругъ общества значительно расширился, капиталъ увеличился, много замѣчательныхъ людей приняли участіе въ дѣлахъ манчестерскихъ работниковъ, наконецъ дружеское общество работниковъ превратилось въ «союзъ людей всѣхъ классовъ и націй» (Association of all classes, of all nations), связанный единствомъ идей и стремленій. Въ скоромъ времени Манчестеръ сдѣлался главнымъ мѣстомъ соединенія и дѣятельности послѣдователей Овэна. Здѣсь постоянно составлялись собранія и митинги овэнистовъ, здѣсь издавалось нѣсколько журналовъ, старавшихся проводить его идеи. Даже главный журналъ Овэна «New moral World», начатый въ Лондонѣ, продолжался потомъ въ Манчестерѣ. Овэнъ очень дѣятельно участвовалъ въ этомъ журналѣ, такъ что почти не появлялось ни одного нумера, въ которомъ бы не было его статьи или хотя коротенькой замѣтки. Кромѣ того онъ писалъ въ это время и сочиненія болѣе обширныя, которыя, равно какъ и прежнія свои статьи, раздавалъ даромъ. Изъ нихъ замѣчательнѣе другихъ были: «Чтенія о новомъ общественномъ устройствѣ»; «Опытъ объ образованіи человѣческаго характера»; «Шесть чтеній въ Манчестерѣ»; «Планъ разумной системы»; «Книга новаго нравственнаго міра». Въ «Манчестерскихъ чтеніяхъ» представляется теологическій споръ Овэна съ Робакомъ, очень сильно и бойко нападавшимъ на его принципы въ отношеніи къ религіи. Кромѣ самого Овэна, въ его духѣ писали въ это время — Абрамъ Комбъ, Аллень, Томсонъ, Джемсъ Броби и др. Отъ многихъ изъ своихъ *будто бы послѣдователей* Овэнъ впрочемъ самъ отрекался.

Въ 1838 г. Овэнъ совершилъ поѣздку во Францію. Здѣсь встрѣтилъ онъ особенное участіе со стороны гг. Жюля Ге, доктора Эвра и г. Радигёля. При посредствѣ ихъ онъ добился дозволенія два раза говорить въ Атенеѣ, изложить свои общіе принципы, свои планы и надежды, и успѣлъ возбудить нѣкоторое сочувствіе. По крайней мѣрѣ съ этихъ поръ французское образованное общество обратилось къ чтенію и изученію его произведеній, которыя до того времени знало только по слухамъ.

Возвратившись въ Англію, Овэнъ въ 1839 г., съ горстью приверженцевъ, оставшихся вѣрными его идеямъ, предпринялъ было еще попытку основать колонію въ духѣ тѣхъ же началъ, какъ были основаны Нью-Ланаркъ, Нью-Гармони и Орбистонъ. Собрана была довольно значительная сумма, и въ Соуттэмптонѣ положено начало колоніи, названной Гармони-Голль. Но всѣ условія были слишкомъ неблагопріятны на этотъ разъ, и въ 1845 г. все предпріятіе рушилось.

Въ послѣдніе годы своей жизни Овэнъ ограничился почти исключительно теоретической пропагандой своихъ идей. Въ 1840 г. произошло одно обстоятельство, по поводу котораго опять шумно заговорили и долго шумѣли объ Овэнѣ. Королева Викторія пожелала говорить съ Овэномъ и узнать его систему; черезъ посредство лорда Мельбурна онъ былъ ей представленъ. По этому случаю поднялись страшные крики со стороны оппозиціи въ парламентѣ и со стороны высшаго духовенства Англіи, котораго представителемъ явился теперь епископъ экзетерскій Фильпотъ. Нападали и на Овэна, и на министра, объявляя фактъ представленія Овэна королевѣ какъ что-то безсмысленное и чудовищное.

Нападения их вызвали со стороны Овена протестацию, которая явилась подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Манифестъ Роберта Овена, изобрѣтателя и основателя системы разумнаго общества и религіи». Высказывая свои общія воззрѣнія, Овенъ сообщаетъ здѣсь и нѣкоторые факты своей дѣятельности. Неизъяснимо-милое добродушіе и спокойствіе господствуетъ въ этомъ «Манифестѣ», и тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ смѣлость и широта воззрѣній, высказываемыхъ въ немъ съ такой простотою. «Манифестъ» этотъ не длиненъ, и мы рѣшаемся представить его читателямъ, чтобы дать понятіе о характерѣ воззрѣній и о самомъ способѣ выраженія Овена. Не забудемъ, что это произведеніе полемическое; и вотъ какъ Овенъ ведетъ свою полемику:

Манифестъ Роберта Овена, основателя системы разумнаго общества и религіи.

I. Система общественнаго устройства, господствовавшая до нашего времени, имѣетъ своимъ источникомъ призрачныя понятія, которыя произошли отъ первобытнаго, грубаго состоянія человѣческаго ума, лишеннаго основательныхъ знаній.

II. Всѣ внѣшнія обстоятельства, управляющія міромъ, суть произведеніе человѣка и носятъ на себѣ отпечатокъ этихъ первобытныхъ, несовершенныхъ понятій.

III. Опытъ съ очевидностью доказываетъ всякому внимательному и мыслящему наблюдателю плачевную ложность этихъ первоначальныхъ, грубыхъ понятій. Въ предшествующіе вѣка, которые справедливо можно назвать *періодомъ младенчества человѣчества*, человѣкъ былъ ими обманутъ насчетъ своей собственной натуры и довелъ до того, что сталъ самымъ непослѣдовательнымъ и несовершеннымъ изъ всѣхъ существъ.

IV. Исторія человѣчества неопровержимо доказываетъ неразвитость всѣхъ человѣческаго ума, и каждая изъ ея страницъ подтверждаетъ ея подробностяхъ, какъ безумны и безтолковы были его стремленія.

V. Исторія досель была только рядомъ войнъ, убійствъ, грабежей, безконечныхъ раздѣленій, взаимныхъ противодѣйствій разныхъ сторонъ другъ другу въ достиженіи состоянія мирнаго и счастливаго; въ исторіи былъ доселѣ тотъ періодъ, когда *всѣ были во враждѣ съ каждымъ и каждый — во враждѣ со всѣми*, принципъ удивительно приспособленный къ тому, чтобы произвести какъ можно больше зла и какъ можно меньше счастья.

VI. Всѣ учрежденія, господствовавшія въ мірѣ, прямо вытекаютъ изъ этихъ первоначальныхъ, грубыхъ и ужасныхъ заблужденій нашихъ предковъ.

VII. Вмѣсто этой системы глубокаго невѣжества, принуждающей человѣка дѣлаться съ дѣтства, по уму и по образу дѣйствій, существомъ неразумнымъ, непослѣдовательнымъ и неспособнымъ понимать самыя нелѣпыя свои ошибки, я предлагаю нынѣ всѣмъ народамъ міра другую систему общественнаго устройства. Это система совершенно новая, основанная на началахъ, выведенныхъ изъ неизмѣнныхъ фактовъ, находящаяся въ полной гармоніи съ законами природы. Это система, въ которой *каждому обезпечивается общее содѣйствіе всѣхъ, и всѣмъ содѣйствіе каждаго*, — принципъ удивительно удобный для того, чтобы произвести какъ можно больше добра и какъ можно меньше несчастій.

VIII. Я предлагаю систему человѣческой жизни, во всѣхъ отношеніяхъ противоположную системѣ прошедшей и настоящей, — систему, которая произведетъ *новый умъ и новую волю* во всемъ человѣчествѣ и каждаго, съ неотразимою необходимостью, приведетъ къ послѣдовательности, разумности, здравому мышленію и здравымъ поступкамъ.

IX. Эта новая система откроетъ людямъ глаза на прошедшее и настоящее развращеніе человѣческаго рода, на безуміе и ложность нашихъ учрежденій, на настоятельную потребность измѣнить всѣ эти внѣшнія обстоятельства и принять другія учрежденія, *основанныя на познанныхъ фактахъ и сообразныя съ нашей натурой*. По этимъ послѣднимъ признакамъ всякій человѣкъ можетъ отличить истину отъ лжи.

X. Въ этой системѣ столько силы, что она, и только она одна, можетъ скоро положить конецъ человѣческому невѣжеству; остановить возрастаніе пауперизма и отвра-

тить возможность его возобновленія; уничтожить всѣ суевѣрія, господствующія надъ міромъ, и удалить всѣ причины разъединенія людей, какъ на дѣлѣ, такъ и во взаимныхъ расположеніяхъ; произвести неисчерпаемое обиліе во всемъ, что необходимо для жизни и для удовольствія человѣка, и сдѣлать для него производительный трудъ болѣе легкимъ и пріятнымъ.

XI Система эта не признана, но она столь могущественна, что въ самый тотъ годъ, когда ее примутъ, она произведетъ на землѣ болѣе благосостоянія, наслажденій и нравственности, нежели сколько старая система могла произвесть въ теченіе вѣковъ и сколько она еще произведетъ въ будущемъ, какъ бы долго она ни существовала.

XII. Эта система такъ различна отъ нынѣшней, и въ теоріи, и въ практикѣ, и во всемъ своемъ характерѣ, что она произведетъ свои реформы спокойно, тихо, послѣдовательно и въ такомъ порядкѣ, что никто не потеритъ ни малѣйшаго ущерба въ своихъ интересахъ нравственныхъ и вещественныхъ, а напротивъ, всякій найдетъ въ ней удовлетвореніе и благо для себя, во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ народѣ.

XIII. Мало того, щадя ошибки прежняго общественнаго быта и не желая ни въ чемъ оскорблять совѣсти, новая система устроитъ дѣло такъ, что старыя суевѣрія всякаго народа умрутъ своею естественною смертью, съ возможно-меньшимъ неудобствомъ для личностей, которыхъ существованіе съ ними связано, и съ возможно-большей пощадой человѣческихъ слабостей.

XIV. Такъ какъ эти двѣ системы совершенно противоположны, то ясно, что сліяніе между ними невозможно ни въ какомъ случаѣ, даже тогда, когда одна изъ нихъ исчезнетъ въ другой. Старая система основана на заблужденіи и не можетъ защищать себя иначе, какъ съ помощью увертокъ и лжи. Новая система основана на истинѣ и не допуститъ никакого обмана — ни въ общественной, ни въ частной жизни, ни между отдѣльными личностями, ни между народами.

XV. Основатель новой системы былъ въ первый періодъ своей жизни промышленникомъ, самъ велъ дѣла, распоряжался, пріобрѣлъ опытность, и онъ изъ своихъ знаній и опыта извлекъ положенія, основанныя на естественныхъ свойствахъ нашей природы и вполнѣ имъ соотвѣтственныя.

XVI. Эти новыя положенія такъ необыкновенны, что въ ихъ сочетаніи для *всего* человѣчества заключается, при той же суммѣ труда, во сто разъ болѣе выгоды, нежели сколько старая система давала *кому-нибудь* изъ людей. И эти неслыханные досель планы, эти соображенія, долженствующія произвести новый нравственный міръ и дать человѣку разумный характеръ, готовы подвергнуться критическому разсмотрѣнію самыхъ ученыхъ, самыхъ практическихъ, самыхъ опытныхъ людей, въ четырехъ существеннѣйшихъ отрасляхъ человѣческой жизни, т. е. 1) въ производствѣ; 2) въ распредѣленіи богатствъ; 3) въ образованіи человѣческаго характера съ дѣтства; 4) въ установленіи мѣстнаго и общаго управленія.

XVII. Новая нравственная система не можетъ имѣть дѣла съ старою безнравственною системою иначе какъ для того, чтобы привести ее къ полнѣйшему, мирному уничтоженію. И паденіе людей, которые считали для себя выгоднымъ поддержать старый порядокъ вещей, доказываетъ, что часть совершеннаго преобразованія уже пробила.

XVIII. Вниманіе народовъ, въ видахъ ихъ собственнаго благосостоянія, обращено уже на этотъ важный предметъ, интересный для нынѣ живущихъ и для тѣхъ, которые еще будутъ жить.

XIX. Основатель этой системы, уже около полувѣка работающій надъ ея усовершенствованіемъ, просилъ себѣ позволенія говорить въ обѣихъ палатахъ не только для того, чтобы вступить въ борьбу съ противниками, которые его не понимаютъ, но и затѣмъ, чтобы развернуть предъ глазами всего міра безмѣрныя выгоды его ученія.

XX. *Центральный совѣтъ*, составляющій исполнительную власть всеобщаго и общиннаго товарищества разумной системы, также просилъ себѣ слова въ обѣихъ палатахъ, чтобы опровергнуть чудовищныя клеветы, разсѣянныя по странѣ и письменно и словесно разными противниками нашими, которые считали выгоднымъ для себя напасть на нашу реформу.

Основатель *разумной системы* осуществилъ уже впрочемъ нѣкоторую долю своихъ намѣреній и далъ міру маленькое понятіе о томъ, что можетъ онъ совершить на пользу человѣческихъ обществъ.

1. Своимъ примѣромъ, своими сочиненіями, рѣчами, ходатайствомъ предъ различными законодателями, — онъ добился *улучшенія участи дѣтей*, работающихъ на англійскихъ фабрикахъ по требованіямъ ненавистной системы производства, истощающей цѣлыя поколѣнія и представляющей самое варварское явленіе въ этомъ мірѣ, имѣющемъ претензію считать себя цивилизованнымъ. (См. парламентскія засѣданія 1816—1818 г.)

2. Онъ придумалъ и учредилъ, сообразно съ началами разумной системы общества, *дѣтскія школы*, въ которыхъ новая, высшая система внѣшней обстановки, дѣйствуя на образованіе юныхъ характеровъ, производила въ нихъ привычки и наклонности мирно-благожелательныя и одушевляла ихъ любовью ко всѣмъ. Въ этихъ школахъ сообщались дѣтямъ только положительныя и вѣрныя знанія, въ дружескихъ разговорахъ учениковъ съ наставниками, посвященными въ тайну познанія человѣческой природы. (См. сочиненіе „Объ образованіи человѣческаго характера" и адресъ 1816 г. относительно образованія новыхъ учрежденій для воспитанія человѣческаго характера).

3. Въ 1816 г. онъ далъ г. Фальку, голландскому посланнику, проектъ уничтоженія нищенства посредствомъ заведенія пріютовъ для бѣдныхъ и предоставленія имъ общественныхъ работъ. Г. Фалькъ одобрилъ этотъ проектъ и представилъ его своему правительству, которое въ слѣдующемъ году дѣйствительно и учредило „Колонію бѣдныхъ голландскихъ" и „Благотворительное общество". Въ этомъ почтенномъ обществѣ Фрэнсисъ, герцогъ Бедфордъ, и основатель разумной системы — единственные, кажется, почетные члены изъ англичанъ. Авторъ предварительно представлялъ свой проектъ кабинету лорда Ливерпуля, и безъ сомнѣнія онъ бы согласился на опытъ, если бы въ совѣтахъ правительства, при всемъ ихъ чисто-мірскомъ характерѣ, не преобладало вліяніе клерикальное. А если бы планъ этотъ принятъ былъ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ авторъ представлялъ правительству, то бѣдные и рабочіе классы съ тѣхъ поръ значительно поднялись бы и были бы употреблены съ пользою. Болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ напрасныхъ издержекъ было бы сбережено, въ замѣнъ того получилось бы болѣе ста милліоновъ дохода, произведеннаго новою, правильно-организованною промышленностью.

Не нужно было бы требовать билля объ измѣненіи закона относительно таксы для бѣдныхъ; не было бы въ Англіи и Ирландіи народонаселенія, умирающаго съ голоду; не слышно было бы жалобъ столькихъ несчастныхъ, и чартизмъ не существовалъ бы. (Въ подтвержденіе этого см. рапортъ Овэна о законѣ насчетъ бѣдныхъ, предетавленный комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ г. Стеджкера Берна.)

4. Въ томъ же 1816 г. основатель *разумной системы общества* представилъ прусскому посланнику, барону Якоби, планъ новой системы народнаго воспитанія и подробное изложеніе здравыхъ началъ общаго управленія. Въ возмездіе за это открытіе, основатель системы получилъ черезъ того же посланника собственноручное письмо короля прусскаго, въ которомъ онъ благодарилъ автора и выказывалъ такое сочувствіе къ его системѣ, что изъявилъ намѣреніе поручить своему министру внутреннихъ дѣлъ — примѣнить ее во всѣхъ прусскихъ областяхъ, гдѣ только будетъ возможно. И въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующемъ году новая система народнаго воспитанія была уже въ силѣ въ Пруссіи. (См. соч. „Объ образованіи человѣческаго характера", изданіе первое и послѣдующія.)

5. Основатель *разумной системы* дѣятельно помогалъ Беллю и Ланкастеру въ утвержденіи ихъ плановъ воспитанія. Онъ далъ первому, въ нѣсколько разъ, болѣе тысячи фунтовъ стерл. „Національному комитету" доктора Белля онъ далъ 500 фунтовъ и предлагалъ подписать 1000, если эти народныя школы будутъ открыты для *всѣхъ* дѣтей, безъ различія сословій и религій. О предложеніи этомъ спорили въ комитетѣ два дня, и оно было отвергнуто весьма внушительнымъ большинствомъ голосовъ. (См. протоколы комитета.)

6. Въ 1816 и 1817 г. Овэнъ посѣтилъ замѣчательнѣйшихъ переловыхъ людей Франціи, Швейцаріи и части Германіи. Товарищами его въ дорогѣ были между прочимъ Кювье и Никтель. Въ это время онъ былъ представленъ герцогомъ Кентскимъ герцогу Орлеанскому, нынѣшнему (1840) французскому королю. Онъ посѣтилъ также замѣчательнѣйшія воспитательныя заведенія материка, особенно Фалленберга и Песталоцци, получая изъ устъ государственныхъ людей, законодателей, наставниковъ — такія

свѣдѣнія, какія только могли быть сообщены лучшими умами того времени.

7. Въ 1822 и 1823 г. Овэнъ поднялъ въ Ирландіи вопросъ о народномъ воспитаніи и объ употребленіи нищихъ на фабричныя работы. Здѣсь онъ былъ принятъ католическими и протестантскими епископами, главами аристократіи и самыми образованными людьми этой страны. Онъ собиралъ нѣсколько многочисленныхъ и оживленныхъ митинговъ въ Дублинѣ, и взялся представить обѣимъ палатамъ прошенія, говорившія въ пользу *разумной системы*. Значительныя, хотя впрочемъ и все-таки недостаточныя, суммы были также подписаны здѣсь, въ видахъ осуществленія предположенныхъ плановъ. (См. отчетъ объ этихъ митингахъ, напечатанный немного спустя послѣ отъѣзда Овэна изъ Дублина.)

8. Въ 1824 г. Овэнъ отправился въ Соединенные Штаты, посѣтилъ тамъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ живыхъ, президентовъ, собралъ о многихъ политическихъ, административныхъ и соціальныхъ вопросахъ мнѣнія столь отличныхъ и опытныхъ людей, какъ Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ, Монро, Джонъ-Квинси Адамсъ. Онъ толковалъ съ членами высшаго судилища; два раза былъ выслушанъ въ конгрессѣ и получилъ со всѣхъ сторонъ благодаренія за свои указанія, заслужившія общее одобреніе. Потомъ онъ развивалъ свои идеи въ главнѣйшихъ городахъ Союза и въ двухъ своихъ путешествіяхъ входилъ въ сношенія со всѣми замѣчательнѣйшими людьми Штатовъ.

9. Въ 1828 г. Овэнъ явился въ Мексикѣ съ намѣреніемъ официально принять на себя управленіе Тэхасомъ, чтобы предотвратить объдствія, которыхъ театромъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ эта провинція. Онъ представилъ на этотъ счетъ мексиканскому правительству записку, составленную имъ въ Европѣ и предварительно сообщенную посланникамъ значительнѣйшихъ державъ американскихъ. Поддерживаемый ими и опираясь на рекомендацію Веллингтона предъ англійскимъ посланникомъ въ Мексикѣ, лордомъ Пакенгамомъ, Овэнъ вошелъ въ переговоры. Самъ лордъ Пакенгамъ взялся изложить его планы въ официальной конференціи; онъ представилъ въ высшей степени похвальный отзывъ — и о методѣ Овэна, и о его личности, и о качествахъ, дѣлавшихъ его вполнѣ способ-

нымъ къ выполненію предположеннаго дѣла. Президентъ отвѣчалъ, что мексиканское правительство серьезно разсмотритъ это дѣло, и что жаль только того, что управленіе Техасомъ не прямо зависитъ отъ Мексики. Потомъ онъ присовокупилъ: „Если г. Овэнъ желаетъ взять на себя управленіе территоріей гораздо болѣе обширной, мы можемъ ему предложить область, лежащую между Тихимъ океаномъ и Мексиканскимъ заливомъ и образующую, въ большей своей части, границу между Мексиканскимъ союзомъ и Соединенными Штатами". При этомъ великодушномъ предложеніи гг. Пакенгамъ и Овэнъ не могли удержать своего изумленія. Впрочемъ, когда начались объясненія, Овэнъ предварительно потребовалъ, чтобы его провинціи предоставлена была полная религіозная свобода. Президентъ отвѣчалъ, что это условіе можетъ служить помѣхою, такъ какъ въ Мексикѣ господствуетъ католическое исповѣданіе, — но что онъ представитъ конгрессу предложеніе о введеніи въ Мексикѣ вѣротерпимости, подобно Соединеннымъ Штатамъ. „На этихъ основаніяхъ, — сказалъ тогда Овэнъ, — я соглашаюсь; какъ скоро законъ будетъ принятъ, я примусь за мои правительственныя распоряженія". Въ остальное время своего пребыванія въ Мексикѣ Овэнъ былъ представленъ высшимъ правительственнымъ лицамъ страны, и въ Вера-Крусѣ имѣлъ нѣсколько свиданій съ генераломъ Санта-Анною, выказавшимъ живѣйшее сочувствіе къ его проектамъ общественныхъ улучшеній. Овэнъ отправился изъ Вера-Круца на военномъ десятипушечномъ бригѣ, присланномъ изъ Ямайки, чтобы отвезти его въ Новый-Орлеанъ.

10. Въ своихъ путешествіяхъ Овэнъ могъ убѣдиться, сколько несогласій и гибельныхъ антипатій существовало между Соединенными Штатами и Англіей. Онъ понялъ, что дѣло можетъ дойти до того, что Штаты заключатъ союзъ съ сѣверными державами, враждебными Англіи. Овэнъ хотѣлъ попытаться — сдѣлать эти отношенія болѣе доброжелательными и искренними. Онъ отправился въ Вашингтонъ, представилъ г. Ванъ Бюрену, тогдашнему министру, какъ противны были здравой политикѣ отношенія двухъ державъ, и въ конференціяхъ, продолжавшихся десять дней, вопросъ былъ совершенно разъясненъ между двумя посредниками. Представили дѣло тогдашнему президенту Джэксону, который одобрилъ содержаніе и исходъ

переговоровъ и изъявилъ свое согласіе на открытіе дружественныхъ сношеній между двумя державами. Онъ пожелалъ видѣть Овэна, пригласилъ его на обѣдъ, и тутъ согласились, что Американскій Союзъ приметъ съ этихъ поръ новую политику, доброжелательную Великобританіи, если только эта послѣдняя приметъ то же направленіе и проникнется тѣмъ же примирительнымъ духомъ. Съ этой увѣренностью Овэнъ отправился въ Европу. Едва прибывши въ Лондонъ, онъ представился лорду Абердину, далъ ему отчетъ во всемъ, что произошло, и получилъ отъ него увѣреніе, что отнынѣ установятся наилучшія отношенія между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами. Конфиденціальныя письма и депеши указали англійскимъ посланникамъ въ Америкѣ - сообразоваться во всемъ по этому дѣлу съ совѣтами Овэна. Дѣло пошло хорошо и было окончено къ обоюдному удовольствію. Овэнъ формально настаивалъ на необходимости порѣшить со всѣми маленькими разногласіями въ частностяхъ, — и очень жаль, что тогда не воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы положительно опредѣлить границы со стороны Канады. По поводу этихъ переговоровъ одинъ изъ принцевъ Мюратовъ сказалъ, въ одной книгѣ, изданной въ Соединенныхъ Штатахъ, что Овэнъ обманулъ американское правительство. Овэнъ, конечно, давно бы отвѣтилъ на это обвиненіе, если бы его зналъ. Молодой Мюратъ былъ вовлеченъ въ ошибку: Овэнъ никого не обманывалъ. Ему пріятно объявить теперь, что ни одно правительство въ мірѣ не могло бы вести себя съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ, чѣмъ Соединенные Штаты въ этомъ случаѣ, и что, съ другой стороны — онъ долженъ воздать величайшую похвалу и дѣйствіямъ англійскаго министерства, преимущественно же лордовъ Линдгурста и Веллингтона. Онъ считаетъ однако нужнымъ замѣтить здѣсь, что недавно этотъ достоуважаемый генералъ отказался представить одну его просьбу палатѣ лордовъ и даже не хотѣлъ выслушать его объясненій, — что впрочемъ нужно приписать только вліянію нѣкоторыхъ лицъ, *не хотящихъ почтить и оцѣнить* планы *разумнаго общества*. (Достовѣрность изложенныхъ здѣсь фактовъ могутъ засвидѣтельствовать генералъ Джэксонъ, президентъ Ванъ-Буренъ, графъ Абердинъ, генералъ Санта-Анна и мн. др.)

11. Видя, что мексиканское правительство не можетъ хорошенько уладить религіозный вопросъ, въ границахъ, предположенныхъ Овэномъ, и понимая, что положеніе Мексики не представляло достаточныхъ гарантій для спокойнаго и послѣдовательнаго осуществленія его идей, Овэнъ отказался отъ общинныхъ опытовъ въ чужихъ странахъ и обратился къ своей родинѣ, которая нуждалась въ его преобразованіяхъ не менѣе или еще больше, чѣмъ всякая другая страна. Поэтому онъ употребилъ послѣднія десять лѣтъ на распространеніе въ англійскомъ народонаселеніи здравыхъ понятій и на приготовленіе его къ той мирной реформѣ, которую теперь онъ въ состояніи возвѣстить міру. Такимъ образомъ значительная часть рабочаго класса въ Англіи имѣетъ гораздо болѣе, нежели въ другихъ странахъ, здравыя понятія о всѣхъ вопросахъ, касающихся ихъ обезпеченія и благосостоянія. Черезъ нѣсколько лѣтъ результаты эти будутъ еще очевидиѣе, потому что тогда еще лучше узнаютъ на самомъ дѣлѣ истину, чистоту и всю важность новаго ученія. Робертъ Овэнъ посѣтилъ также въ недавнее время нѣкоторыя изъ старыхъ государствъ Европы, чтобы приготовить ихъ къ измѣненіямъ, которыя становятся неизбѣжными, при развитіи истинныхъ понятій въ рабочихъ классахъ. Уже 22 года тому назадъ Овэнъ предвидѣлъ этотъ результатъ; теперь онъ приближался, и никто уже не можетъ сомнѣваться въ его значеніи.

Въ тотъ самый періодъ времени Робертъ Овэнъ написалъ и издалъ первую изъ семи частей „Книги новаго нравственнаго міра", долженствующей заключать въ себѣ изложеніе науки о природѣ человѣка. Такой книги досель недоставало человѣчеству, и авторъ будетъ ее защищать противъ всѣхъ, которые сочтутъ своимъ долгомъ или найдутъ выгоднымъ нападать на нее.

Изданіе этой книги сопровождалось появленіемъ множества другихъ произведеній Овэна, разсуждавшихъ о различныхъ предметахъ, — о религіи, о бракѣ, о личной собственности, о народномъ воспитаніи, о занятіяхъ рабочихъ; за этими произведеніями, если ихъ хорошо поймутъ, признано будетъ великое значеніе, не только для Англіи, но и для всего остальнаго міра.

Но сверхъ всего этого Робертъ Овэнъ оказалъ неоцѣненную услугу открытіемъ и обнародованіемъ новой,

разумной системы общества и религіи, — дѣло, котораго развитіе теперь уже невозможно остановить. Это — система болѣе благодѣтельная, чѣмъ всѣ ложныя и отвлеченныя системы, бывшія до сихъ поръ, — система истинная, доброжелательная для всѣхъ, выгодная всѣмъ и каждому, долженствующая обезпечить благоденствіе и миръ вселенной. Міръ былъ еще въ невѣдѣніи насчетъ этой системы, но достоуважаемый епископъ экзетерскій позаботился дать ей самую громкую гласность, изложивши ее въ палатѣ лордовъ [1].

Вотъ вкратцѣ изложеніе части того, что сдѣлано Овэномъ для состарившагося, одряхлѣвшаго, безнравственнаго міра. Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что замышлено имъ для того, чтобы исторгнуть человѣка изъ нищеты, раздоровъ, униженій, пороковъ и бѣдствій.

Теперь одно слово насчетъ моего представленія ея величеству королевѣ. Я спрашиваю, кому изъ насъ троихъ всего болѣе чести принесло это свиданіе? Тому ли старику семидесяти лѣтъ, который болѣе полувѣка искалъ пріобрѣтенія рѣдкой между людьми мудрости, съ одной цѣлью приложить ее къ облегченію бѣдствій несчастныхъ, и который, въ видахъ осуществленія своихъ плановъ, позволилъ даже нарядить себя какъ обезьяну и склонить колѣно передъ молодой дѣвицей — прекрасной, конечно, но вовсе неопытной? Или министру, который заставилъ этого старика подвергнуться этимъ формамъ этикета, и потомъ въ рѣчи, полной нелѣпостей, почти отрекся отъ всего этого дѣла, котораго былъ двигателемъ и которое никогда будетъ, можетъ быть, считаться лучшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ его управленія? Или наконецъ — этой молодой дѣвушкѣ, предъ которой преклонялъ колѣни семидесятилѣтній старецъ?.. Что касается до меня, то я не считаю за честь быть представленнымъ никакому человѣческому существу, каково бы оно ни было.

Двадцать два года тому, въ адресѣ моемъ, представленномъ черезъ лорда Кастельри европейскимъ монархамъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, я объявилъ, что въ моихъ проектахъ и дѣйствіяхъ я совершенно чуждъ всякаго желанія какихъ-нибудь почестей и привилегій, на

[1] Это намекъ на тѣ нападенія, какія дѣлались на систему Овэна въ палатѣ лордовъ епископомъ экзетерскимъ. *Прим. Добролюб.*

которыя всегда смотрѣть какъ на дѣтскія побрякушки или мелочи, достойныя людей суетныхъ и малодушныхъ.

Однакоже глава нынѣшней оппозиціи въ палатѣ депутатовъ счелъ важнымъ преступленіемъ мое представленіе ея величеству и воспользовался имъ какъ оружіемъ противъ министра, который это дѣло устроилъ.

Неужели нынѣшній сэръ Робертъ Пиль могъ поцѣнить это волненіе серьезно и не краснѣя?

Развѣ позабылъ онъ, что старый Робертъ Пиль, отецъ его, въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ со мною и считалъ полезнымъ добиваться предъ палатою депутатовъ осуществленія моихъ идей и принятія, — хотя со множествомъ искаженій, — моего билля о работѣ дѣтей на фабрикахъ?

Старый Робертъ Пиль былъ человѣкъ практическій, старавшійся найти себѣ опору не въ пустыхъ словахъ, а въ предметахъ существенно-полезныхъ и плодотворныхъ. Онъ былъ опытный человѣкъ, серьезно и добросовѣстно взвѣшивавшій и обсуждавшій мысли, которыя представлялись его разсмотрѣнію. Я спрашиваю теперь у почтеннаго предводителя отчаянной оппозиціи, возведшей теперь въ палатѣ депутатовъ, — помнитъ ли онъ мой визитъ достоуважаемому отцу его, отъѣзжавшій передъ однимъ изъ моихъ путешествій въ Соединенные Штаты, въ то время, когда онъ, нынѣшній сэръ Робертъ Пиль, членъ кабинета лорда Линдгурста, — находился въ фамильномъ своемъ мѣстопребываніи, въ Дрейтонъ-Голлѣ? Если онъ не забылъ этого, то долженъ вспомнить и то, что я тогда привозилъ съ собою около двухсотъ плановъ и рисунковъ, относящихся къ новой системѣ организаціи общества. И ихъ назначалъ для президента Соединенныхъ Штатовъ, въ комнатахъ котораго они и были потомъ выставлены, и можетъ быть и теперь еще тамъ находятся. Сэръ Робертъ Пиль очень посвятилъ много часовъ на разсмотрѣніе этой существенной въ мірѣ коллекціи, въ которой я раскрывалъ средства совершенно передѣлать внѣшнія обстоятельства, опредѣляющія характеръ человѣка, и доставить будущимъ поколѣніямъ гораздо болѣе благородное употребленіе ихъ силъ и гораздо обильнѣйшій источникъ наслажденія. Долго разбиралъ и изучалъ онъ предметъ въ самой его сущности, средства осуществленія, изученія, которыми опредѣлялась

общая гармонія и великое значеніе всей совокупности моей системы, и послѣ этого строгаго разсмотрѣнія онъ нѣсколько минутъ оставался въ безмолвномъ изумленіи, а затѣмъ сказалъ вотъ какія слова, замѣчательныя по ихъ глубинѣ и справедливости: „Г. Овэнъ, — сказалъ онъ мнѣ, — во всемъ королевствѣ не найдется четырехъ человѣкъ, которыхъ образованіе было бы достаточно обширно и разнообразно, чтобы оцѣнить значеніе столь великихъ соображеній; но если бы много было людей, которые могли бы понять васъ такъ, какъ я, то они тотчасъ признали бы, что измѣненіе, предположенное вами, можетъ произвести гораздо болѣе, нежели сколько вы сами можете обѣщать". Затѣмъ онъ прибавилъ: „Мой сынъ Робертъ теперь здѣсь. По всей вѣроятности, онъ не пойметъ вашихъ соображеній, потому что не имѣлъ случая заниматься изученіемъ подобныхъ предметовъ. Но останьтесь у насъ до завтра. Вы увидите его за обѣдомъ, и мы попробуемъ нѣсколько затронуть его умъ, раскрывши передъ нимъ ваши проекты". Я остался, исполняя просьбу достойнаго баронета; но мнѣ и тогда нетрудно было замѣтить, что сэръ Робертъ Пиль имѣлъ не имѣлъ ни нужныхъ свѣдѣній, ни опытности для того, чтобы обнять предметъ, бывшій не по силамъ его разумѣнія. Я свидѣтельствую мое глубокое уваженіе ко всей этой фамиліи; но мнѣ грустно видѣть, до какой степени политическія предубѣжденія искажаютъ самыя блестящія достоинства.

Что касается достопочтеннаго прелата экзетерскаго и его рѣчи, произнесенной на прошлой недѣлѣ въ палатѣ лордовъ, то я считаю себя въ правѣ заключить, что ему еще нужно выразумѣть хорошенько тѣ *заблужденія, безнравственности* и *хулы*, противъ которыхъ онъ гремѣлъ такъ продолжительно. Я убѣжденъ, что самый послѣдній изъ многихъ тысячъ мальчиковъ, учащихся въ моихъ школахъ, объяснитъ все это гораздо удовлетворительнѣе и разумнѣе, нежели этотъ благородный лордъ въ полномъ собраніи парламента.

Но серьезно размышляя обо всемъ этомъ, я пришелъ къ тому, что сказалъ себѣ: почтенный виконтъ, государственный министръ, почтенный предводитель оппозиціи въ нижней палатѣ и достопочтенный прелатъ экзетерскій — имѣютъ каждый свой характеръ, сложившійся осо-

бенными образомъ и насильственно увлекающій ихъ, отчего ихъ заблужденія становятся невольными, неизбѣжными и слѣдовательно достойными сострадания, а не брани. Разумная любовь и религія, которыя нѣкоторымъ образомъ дремали во мнѣ при чтеніи рѣчей этихъ благородныхъ господъ, теперь вновь заговорили во мнѣ со всей своей силой и чистотой. Поэтому я забываю и прощаю все, что они могли сказать. Мнѣ кажется, что ихъ старая общественная система не должна имѣ внушить столь же прямодушной и искренней любви въ отношеніи ко мнѣ, и это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ мое состраданіе къ нимъ.

Облегчивши мое сердце отъ этихъ мелочей, я перехожу къ размышленіямъ болѣе серьезнымъ и важнымъ.

Нѣкоторыя лица въ англійскомъ парламентѣ предлагали преслѣдовать и наказывать нѣсколькихъ послѣдователей *разумной системы* общества. Правду сказать, — въ этомъ было бы очень мало разумнаго.

Я — изобрѣтатель, основатель и открытый проповѣдникъ этой системы и всѣхъ заблужденій, безнравственностей и хуленій, которыя она содержитъ (если только можно найти въ ней хоть тѣнь чего-нибудь подобнаго). Я одинъ ея виновникъ, и слѣдовательно меня одного нужно (если ужъ нужно преслѣдовать и казнить за всѣ гадости, какія въ ней могутъ скрываться. Я готовъ доказать первому министру королевы, что разумная система и разумная религія въ томъ видѣ, какъ я ихъ преподавалъ, вовсе не суть нелѣпости; главѣ оппозиціи я готовъ доказать, что система эта возвѣщаетъ истины чрезвычайно важныя и полезныя; наконецъ достопочтенному епископу экстерскому я докажу, что разумная система, возвѣщенная мною міру, содержитъ несравненно менѣе безнравственности и безразсудства, чѣмъ сколько было ихъ во всѣхъ безчисленныхъ ученіяхъ, столь долго связывавшихъ и унижавшихъ человѣчество.

Если бы тѣ, которые стоятъ во главѣ управленія нашей страной, имѣли нѣсколько мудрости, то, видя, что умы заняты этимъ предметомъ во всѣхъ странахъ міра, они выбрали бы людей образованныхъ, опытныхъ и практическихъ, умѣющихъ понимать самое дѣло, а не одни слова, — и по-

ручаю вы тщательно и всесторонне разсмотрѣть всю мою систему для того, чтобы сначала они, а потомъ и весь міръ — могли получить точное и вѣрное понятіе объ этомъ открытіи, которое должно произвести счастье на землѣ не только для настоящихъ, но и для будущихъ поколѣній.

При такомъ разумномъ образѣ дѣйствія, открыто и всенародно будетъ повѣдано міру все, что есть ложнаго въ моей системѣ, — если найдется въ ней что-нибудь ложное, — равно какъ указано будетъ для пользы общества и на то, что въ ней есть истиннаго и добраго, — если въ ней окажется что-нибудь и доброе.

Требуя этой мѣры, я имѣю въ виду не личную свою выгоду. Съ самаго начала моего поприща, когда я не имѣлъ никакой опоры, — я не боялся, единственно въ интересахъ самой истины, вхопить въ противорѣчіе съ самыми закоренѣлыми предразсудками предшествующихъ вѣковъ. Уже съ тѣхъ поръ я приготовился и къ денежнымъ штрафамъ, и къ поремнымъ заключеніямъ, и къ самой смерти — даже на эшафотѣ. И что могутъ значить всѣ подобныя непріятности для человѣка, который весь проникнутъ однимъ желаніемъ — быть полезнымъ человѣчеству? Но вмѣсто штрафовъ, заточеній и безславнаго конца, я, напротивъ, встрѣтилъ сочувствіе и любовь человѣчества; я прожилъ жизнь свою мирно и безъ шума, счастливый самимъ собою и своимъ семействомъ. Фамилія Овэна какъ въ Нью-Лэнаркѣ, въ Шотландіи, такъ и въ Нью-Гармони, въ Америкѣ, была одною изъ самыхъ счастливыхъ по сю и по ту сторону Атлантическаго океана Правда, что я весь излишекъ моего состоянія, до послѣдняго шиллинга, посвящалъ на пропаганду моего великаго и прекраснаго дѣла, такъ какъ деньги не безполезны были въ содѣйствіи его успѣхамъ: но достопочтенный прелатъ совершенно ошибается, когда утверждаетъ, что я потерялъ мое состояніе въ роскоши и мотовствѣ. Ни одного фунта стерлинговъ не употребилъ я на какое-нибудь пустое дѣло; я въ состояніи доказать это благородному прелату и вызываю его представить хотя малѣйшее доказательство противнаго.

Послѣ этого торжественнаго объясненія мнѣ нечего болѣе безпокоиться о томъ, что могутъ теперь сказать обо мнѣ въ парламентѣ или внѣ парламента. Моя жизнь служитъ настоящимъ отвѣтомъ на всѣ клеветы, какія еще мо-

гуть на меня придумать. Минутная популярность мало имѣетъ для меня значенія; забота же о своей репутаціи послѣ смерти кажется мнѣ нелѣпостью, развѣ только имѣть въ виду то удовольствіе, которое могуть отъ этого получить потомки знаменитаго человѣка. Я счастливъ въ моей жизни; я буду счастливъ и въ смерти и еще болѣе — независимъ отъ этого міра, дряхлаго, безправственнаго и неразумнаго.

Робертъ Овэнъ.

Лондонъ,
2 февраля 1840 г.

Еще восемнадцать лѣтъ прожилъ Овэнъ послѣ этого откровеннаго объясненія съ противниками идей своихъ. Ни разу во все это время не измѣнилъ онъ себѣ, несмотря на старость, несмотря на громадность встрѣчавшихся ему затрудненій. Въ 1845 г. онъ еще разъ совершилъ путешествіе въ Америку, чтобы содѣйствовать лично распространенію тамъ своего ученія. Съ 1840 г. онъ постоянно продолжалъ свою пропаганду въ Англіи. До конца жизни сохранилъ онъ полное употребленіе всѣхъ умственныхъ способностей и пользовался рѣдкимъ здоровьемъ. Незадолго до своей смерти онъ еще появился на одномъ конгрессѣ въ Ливерпулѣ, въ сообществѣ лорда Брума и лорда Джона Росселя. Впрочемъ говорить предъ собраніемъ ему было уже трудно. Послѣ этого онъ слегъ было въ постель, но вскорѣ оправился и рѣшился ѣхать въ Нью-Тонь, мѣсто своего рожденія, чтобы тамъ кончить свой вѣкъ. Тамъ онъ и умеръ на рукахъ старшаго своего сына, — посланника Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Неаполѣ. Смерть Овэна оправдала его торжественную увѣренность, высказанную за восемнадцать лѣтъ предъ тѣмъ: онъ умеръ спо-

койно, безъ агоніи, почти безъ всякой боли. За полчаса до смерти онъ говорилъ, что чувствуетъ себя чрезвычайно хорошо и пріятно. Послѣднія слова его были «relief is come», — «пришла развязка».

Изъ представленнаго нами очерка читатели, не знакомые съ произведеніями Овэна, могутъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ общихъ положеніяхъ, на которыхъ опиралась изобрѣтенная имъ *разумная система* общественнаго устройства. Мы не нашли удобнымъ сдѣлать здѣсь полное и подробное обозрѣніе его системы: это необходимо отвлекло бы насъ отъ изложенія личной дѣятельности Овэна и заставило бы пуститься въ общія теоретическія соображенія. Соображенія же эти потребовали бы слишкомъ долгихъ и подробныхъ распространеній; а отчасти и умолчаній, такъ какъ принципы Овэна стоятъ дѣйствительно въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ, что обыкновенно принимается за истину въ нашемъ обществѣ. Поэтому, оставляя до болѣе удобнаго времени подробное изложеніе и разборъ теоріи Овэна, мы на этотъ разъ ограничиваемся очеркомъ его личной дѣятельности и указаніемъ на главнѣйшія идеи, служащія основаніемъ всей его системы. Какое значеніе, какіе обширные размѣры имѣетъ эта система, на какихъ смѣлыхъ и совершенно самостоятельныхъ началахъ она основана, это довольно ясно видно изъ «Манифеста», переведеннаго нами въ этой статьѣ. Для желающихъ же изучить подробности системы Овэна нужно обратиться къ его сочиненіямъ, и преимущественно двумъ, названнымъ выше: «Объ образованіи человѣческаго характера» и «Книга новаго нравственнаго міра» (Book of new moral world»).

Писатели, разбиравшіе идеи и дѣятельность

Овэна, обыкновенно называютъ его утопистомъ, мечтателемъ, романтикомъ, непрактичнымъ и даже прямо безразсуднымъ человѣкомъ. Мы не знаемъ, какое мнѣніе читатели составили объ Овэнѣ по нашей статьѣ: но намъ кажется, что съ писателями, трактующими Овэна такимъ образомъ, нельзя не согласиться во многомъ. Мы видѣли, что Овэнъ могъ обогатиться филантропіей — и растратить свое состояніе на бѣдныхъ; могъ сдѣлаться другомъ и любимцемъ всѣхъ партій — и ожесточить ихъ всѣхъ противъ себя; могъ дойти до степеней извѣстныхъ — и вмѣсто того потерять всякое уваженіе къ себѣ въ высшемъ обществѣ; могъ получить въ свою власть цѣлый край, отказавшись отъ одной изъ основныхъ идей своихъ, — и не получить ничего, потому что прежде всего требовать отъ мексиканскаго правительства гарантій для свободы этой самой идеи. Поразмысливъ аккуратно, невольно приходишь къ вопросу: кто же могъ поступать такимъ образомъ, кромѣ человѣка самаго непрактичнаго, преданнаго самымъ утопическимъ мечтаніямъ? Однихъ этихъ фактовъ уже вполнѣ достаточно, чтобы дать право противникамъ Овэна называть его близоруким мечтателемъ. А къ этому прибавьте еще его претензіи — преобразовать цѣлый міръ по своимъ идеямъ, доказать, что всѣ ошибались, а онъ одинъ нашелъ правду! Это ужъ такая дерзкая химера, которой благоразумные противники Овэна даже въ толкъ взять никакъ не могутъ. И благо имъ, что не могутъ!

Непостижимая странность.

(Изъ неаполитанской исторіи.)

Ахъ, какой репримандъ неожиданный! *„Ревизоръ“.*

I.

Всѣ благомыслящіе люди въ Европѣ посвящаютъ теперь свои досуги справедливому изумленію — какъ это такъ неаполитанскій народъ поръшилъ съ бурбонской династіей?! Не то удивительно, что возстаніе произошло: въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій возстанія нипочемъ; всѣмъ извѣстно, что Италія, по крайней мѣрѣ со времень Тарквинія Гордаго, всегда была страною заговоровъ, тайныхъ обществъ и тому подобныхъ ужасовъ... Надобно же что-нибудь дѣлать заговорщикамъ, вотъ они и пошаливаютъ; и тамъ ужъ всѣ къ этому привыкли, такъ точно, какъ у насъ въ старые годы ямщики были пріучены къ тому, что «пошаливали» извѣстные люди на большихъ дорогахъ. Извѣстно, что при Фердинандѣ II, напримѣръ, для знаменитаго начальника полиціи Дельказетто составляло немалое удовольствіе — слѣдить втихомолку за постепеннымъ развитіемъ заговоровъ, въ которыхъ принимали участіе его агенты, дожидаться, пока полиція

получить неопредѣленныя свѣдѣнія о заговорѣ и съ испугомъ увѣдомитъ о немъ неаполитанское правительство, — и потомъ накрыть заговорщиковъ и доказать австрійцамъ, что они въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслятъ. Всѣ подобныя шалости оканчивались обыкновенно ко всеобщему удовольствію, домашнимъ образомъ, и законное правительство нимало отъ того не страдало. Поэтому и въ нынѣшнемъ году, когда началось возстаніе въ Сициліи, благомыслящіе люди надъ нимъ смѣялись; когда Гарибальди явился въ Палермо, надъ его дерзостью тоже подсмѣивались. Когда Сицилія была очищена отъ королевскихъ войскъ и Гарибальди готовился перенести войну на материкъ Италіи, легитимисты потирали руки, приговаривая не безъ язвительности: «милости просимъ! вотъ теперь-то мы и посмотримъ вашу храбрость, благородный кондотьери!». Даже когда онъ появился въ Калабріи, и тутъ благоразумные люди хотѣли выразить полное пренебреженіе къ его предпріятію, но къ сожалѣнію — не успѣли: Гарибальди такъ быстро добрался до Неаполя, что за нимъ не поспѣло даже перо Александра Дюма, безспорно величайшаго борзописца нашего времени. Зато благомыслящіе граждане вознаградили себя, когда защита Капуи обѣщала обратиться во что то серьезное: они положительно объявили, что Францискъ II только по великодушію удалился изъ Неаполя, чтобы не подвергать свою столицу ужасамъ войны, но что онъ отстоитъ свои права, и что народъ, опомнившись отъ безумія, повсюду уже призываетъ законное правительство. И вдругъ — всѣ надежды рушатся: на этотъ разъ возстаніе оканчивается совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно: оно принимаетъ нестерпимо серьезный ха-

рактеръ, такой серьезный, что даже политика Кавура, при всей своей трусости, рѣшается открыто вмѣшаться въ дѣло... А тутъ является еще новое изобрѣтеніе — suffrage universel; 1.300,000 голосовъ противъ 10,000 опредѣляютъ присоединеніе къ Пьемонту; послѣдній изъ Бурбоновъ истощается въ послѣднихъ воззваніяхъ къ меттерниховскимъ трактатамъ и къ вѣрноподданническимъ чувствамъ своего народа; но ничто не помогаетъ, онъ теряетъ Капую и видитъ себя въ необходимости оставить свое послѣднее убѣжище, свою милую Гаэту, 12 лѣтъ тому назадъ воспріявшую въ свои стѣны святѣйшаго отца и счастливую столькими благородными воспоминаніями... «Шаривари» и «Кладдераладачъ» изо всѣхъ силъ издѣваются надъ проницательностью благомыслящихъ людей, и они уже ничего не находятъ лучшаго, какъ сказать, что это англичанинъ нагадилъ...

Конечно, читатели, англичанинъ — такой человѣкъ, что всюду носъ суетъ и вездѣ гадитъ по возможности; но если вы припомните единодушные отзывы всей европейской прессы о неаполитанцахъ, то согласитесь, что по всѣмъ видимостямъ это былъ такой народъ, котораго и изгадить-то не было никакого средства. Кто и какъ могъ дойти до того, чтобы развратить его до такой степени? — это вопросъ чрезвычайно курьезный. Конечно, онъ практическаго значенія, можетъ быть, и не имѣетъ, и вы скажете, что не стоитъ имъ теперь заниматься, когда дѣло порѣшено окончательно. Но что прикажете дѣлать, если «Современникъ» страдаетъ нѣкоторой слабостью упражняться на поприщѣ мышленія почтеннаго Кифы Мокіевича! Онъ печатаетъ стихи на взятіе Парижа, если бы

оно случилось (хотя всякій знаетъ, что оно случиться не можетъ)[1], дѣлаетъ невозможныя выкладки относительно выкупа и сельской общины, толкуетъ объ антропологическомъ принципѣ въ философіи, и т. п. Конечно, все это непрактично и безплодно; но что же дѣлать? Надо съ этимъ примириться, хотя въ уваженіе того, что въ «Современникѣ» же печатаются иногда капитальные труды, въ родѣ напр. «Поземельнаго кредита» г. Безобразова. При томъ же извѣстно, что кто хочетъ практичности, дѣльности, кто желаетъ всегда быть на высотѣ самыхъ насущныхъ и настоятельныхъ требованій общественной жизни, тотъ долженъ читать «Русскій Вѣстникъ»; тамъ онъ найдетъ и прекрасныя письма г. Молинари о русскомъ обществѣ, и мысли г. Герсеванова «о жалованьѣ предводителямъ дворянства», и статьи объ устройствѣ черкесовъ, обитающихъ на берегу Чернаго моря, и замѣтки г. Салынкова о паспортахъ, и тьму замѣтокъ по вопросамъ еще болѣе капитальнымъ. «Современникъ», какъ всякому понятно, преклоняется предъ мудростью «Вѣстника» и ограничиваетъ свои претензіи гораздо болѣе скромною ролью: занимать иногда досужее любопытство праздныхъ читателей какими-либо курьезными размышленіями. Помните, какъ въ одной комедіи Островскаго, Устенька или Капочка предлагаетъ, для развлеченія общества, поддерживать занимательный разговоръ о томъ, «что лучше — ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?». Такъ и мы теперь, для вашего развлеченія, читатель, зададимся вопросомъ: что за странность такая, что неаполи-

---

[1] См. Сочиненія т. VIII стр. Добролюбова. *Вл. Кр.*

танскій народъ обмануть самыя справедливыя надежды всѣхъ благомыслящихъ людей? Гдѣ объясненіе этой странности?..

Надѣемся, что мы не снискали еще права на особенное благоговѣніе читателей передъ нашими мнѣніями, и потому можемъ, не опасаясь никого повергнуть въ горькое разочарованіе, признаться, что рѣшить заданнаго вопроса мы не умѣемъ. Но зато мы обѣщаемъ добросовѣстно передать читателямъ мнѣнія благомыслящихъ людей, имѣвшихъ всю возможность знать положеніе дѣлъ въ Неаполѣ. На эти-то мнѣнія мы и просимъ обратить вниманіе, постоянно имѣя въ виду, что мы собственнаго мнѣнія на этотъ счетъ не имѣемъ [1].

Чтобы сказать что-нибудь положительное о причинѣ странной неожиданности, поразившей Неаполь, надо бы знать народъ неаполитанскій; а мы его не знаемъ, да и кто его знаетъ? Ужъ конечно не иностранные туристы, разсказывающіе Богъ знаетъ что и о народѣ и о правительствѣ; конечно и не журналисты, печатающіе объ иныхъ странахъ такія корреспонденціи, что, пожалуй, имъ и любой туристъ могъ бы позавидовать... На мнѣнія и разсказы такихъ людей положиться нельзя, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію весьма почтенныхъ людей, неаполитанскій народъ чрезвычайно сдержанъ, недовѣрчивъ, и не любитъ высказываться предъ чужими. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, виконтъ Анатоль Демерсье, въ началѣ брошюры, изданной

[1] Чтобъ очевидно доказать это читателю, мы, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, обогащаемъ статью своею множествомъ ученыхъ цитатъ на разныхъ языкахъ. Статья отъ этого пріобрѣтаетъ нѣсколько мрачную наружность, но мы совѣтуемъ „не судить по наружности", а „поглядѣть въ корень", какъ выражается Кузьма Прутковъ. Корень же, увѣряемъ васъ, вовсе не горекъ.

имъ въ началѣ нынѣшняго года: «Несмотря на частыя сношенія Неаполя съ Франціей, несмотря на легкость сообщеній, менѣе чѣмъ въ два дня переносящихъ васъ изъ Марселя въ столицу королевства Обѣихъ Сицилій, рѣдкій народъ такъ мало извѣстенъ французамъ, какъ неаполитанцы. Правда, туристы печатаютъ множество разсказовъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, въ картинахъ и гравюрахъ воспроизводятся во всѣхъ видахъ мѣстные пейзажи и костюмы, журналисты не упускаютъ случая обсудить по-своему — и положеніе дѣлъ, и людей, и политику королевства; но неаполитанцевъ нельзя узнать ни по путевымъ впечатлѣніямъ, ни по рисункамъ артистовъ, ни по журнальнымъ оцѣнкамъ; нужно много времени, много особенныхъ случаевъ и средствъ, чтобы добраться до истины относительно этого народа, который при легкомъ наблюденіи всегда останется непостижимымъ. Нуженъ постоянный и долгій навыкъ, для того, чтобы, среди обдуманнаго притворства, открыть истинное состояніе этого народа. Писатели всѣхъ странъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ клеветали на Неаполь, что неаполитанецъ теперь питаетъ крайнее недовѣріе къ иностранцамъ. Только съ большимъ трудомъ поэтому можно достигнуть до открытія истины; и если особенныя благопріятныя обстоятельства не помогутъ вамъ, вы никогда въ этомъ не успѣете» [2].

Слова почтеннаго виконта мы привели затѣмъ, чтобы оправдать наше собственное незнаніе народа неаполитанскаго. Но мы не можемъ утаить, что виконтъ написалъ ихъ съ цѣлью гораздо болѣе бла-

[2] „Quelques mots de vérité sur Naples", par le Vicomte [illegible], Paris 1860, стр. 5.

городною: онъ хотѣлъ доказать, что не слѣдуетъ вѣрить писателямъ, увѣряющимъ, будто въ неаполитанцахъ шевелится любовь къ свободѣ и недовольство ихъ положеніемъ. Дѣйствительно, были и такіе писатели; но всѣ они заражены были, какъ оказывается, духомъ партіи и не имѣли ни тѣни того безстрастія, которое, если припомнятъ читатели, считаетъ первымъ долгомъ публициста г. Чичеринъ[2]. Къ счастью, количество такихъ писателей не велико. Вообще же относительно Италіи давно принято мнѣніе людей почтенныхъ, безстрастно изслѣдовавшихъ родъ человѣческій и распредѣливщихъ разнымъ племенамъ тѣ или другія способности: французамъ — остроуміе, славянамъ — гостепріимство, англичанамъ — практичность, и т. д., и рѣшившихъ, кто къ чему способенъ въ исторіи. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что нѣмцы должны вырабатывать теоретическія начала общественной жизни, а французы пускать ихъ въ ходъ на практикѣ; извѣстно, что мексиканцы должны производить въ годъ столько же революцій, сколько г. Семевскій пишетъ историческихъ изслѣдованій, а австрійцы время отъ времени перемѣнять режимъ, подобно «Русскому Инвалиду»; извѣстно, что славяне лишены инціативы, и потому должны играть великую роль въ будущемъ, какъ представители эклектической народности[1], и пр., и пр. Въ этой международной табели о рангахъ положено, что итальянцы вообще — народъ лѣнивый, изнѣженный, лишенный всякой стойкости, не способный къ само-

[1] См. „Очерки Англіи и Франціи", или „Отеч. Записки", 1857, № 12. s. v. p.

[2] Мнѣніе П. Ф. Павлова, относящееся впрочемъ ко времени споровъ „Русскаго Вѣстника" съ „Русскою Бесѣдою", то есть къ эпохѣ предшествующей „Нашему Времени".

стоятельной политической жизни и не имѣющій ни малѣйшаго понятія къ гражданской свободѣ. Только бы не мѣшали его «ничегонедѣланью», итальянецъ больше ничего не желаетъ; своимъ farniente онъ не пожертвуетъ ни для какого благополучія. По временамъ онъ разгорячится (нельзя же и безъ этого: южный житель, стало быть, долженъ горячиться), но это лишь на минуту, волненіе его такъ же легко успокаивается, какъ легко приходитъ. Таково было общее мнѣніе объ итальянцахъ, принятое всѣми учеными и добропорядочными людьми. Относительно неаполитанцевъ прибавляли обыкновенно, что они лѣнивѣе и безпечнѣе всѣхъ остальныхъ итальянцевъ, разслаблены климатомъ гораздо больше, а страстности имѣютъ меньше, вслѣдствіе вліянія религіи и постоянно соблюдаемаго правительственнаго порядка. Это мнѣніе, за исключеніемъ немногихъ писателей (которыхъ поправимъ мы выше), принято было всѣми партіями, какъ тѣми, которыя защищали неаполитанское правительство, такъ равно и тѣми, которыя нападали на него. Само собою разумѣется, что образъ выраженія у тѣхъ и другихъ былъ различенъ, и даже въ нѣкоторой степени противоположенъ: одни, напримѣръ, хвалили кротость и почтительность народа, другіе сожалѣли о его униженіи и рабскихъ свойствахъ характера; одни говорили, что онъ доволенъ малымъ и возлагаетъ упованіе во всемъ на тѣхъ, кто имъ управляетъ; а другіе выражались, что онъ невѣжественъ, лишенъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ порывовъ души, потерялъ сознаніе собственнаго достоинства, и т. п. Но лучше приведемъ нѣсколько отзывовъ изъ разныхъ книжекъ объ Италіи, которыми теперь наводнены всѣ

книжныя лавки въ Европѣ. Жаль, что не имѣемъ подъ рукою путевыхъ писемъ гг. Грева и Науловича; но все равно, мы дадимъ вамъ выдержки изъ такихъ книжекъ, лучше которыхъ едва ли писали что-нибудь наши почтенные соотечественники.

Не подумайте, что мы думаемъ посмѣяться надъ проницательностью людей, которыхъ цитируемъ; не подумайте, что мы совершенно отрицаемъ ихъ показанія. Мы уже сказали, что не знаемъ сами неаполитанскаго народа, слѣдовательно не имѣемъ права отвергать и осмѣивать чужія свидѣтельства о немъ. А согласіе противныхъ партій въ отзывахъ о характерѣ неаполитанскомъ даетъ имъ большую гарантію достовѣрности. Но тѣмъ изумительнѣе опроверженіе, которое противъ нихъ сдѣлано фактами послѣдняго времени. Послушайте, что повторялось о неаполитанцахъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, и повторялось основательно: можно ли было ожидать такого грустнаго конца послѣ такихъ свѣтлыхъ увѣреній!

Чтобы не начинать слишкомъ издалека, мы возьмемъ только послѣднее тридцатилѣтіе, которое, какъ извѣстно, весьма много способствовало къ утвержденію въ Неаполѣ характера бездѣятельности и равнодушія къ политической жизни. До воцаренія на престолъ Фердинанда II, неаполитанцы могли считаться народомъ, имѣющимъ ту же наклонности и требованія въ политикѣ, какъ и другіе народы Европы. Вотъ почему Луи-Филиппъ, вскорѣ по своемъ воцареніи, писалъ къ Фердинанду, уговаривая его сдѣлать нѣкоторыя уступки правамъ народнымъ. «Мы живемъ, — писалъ Луи-Филиппъ, — въ переходную эпоху, когда часто нужно бываетъ уступить кое-что, чтобы не отняли у насъ всего

Признаки броженія такъ ясны и сильны въ Италіи, что необходимо ожидать взрыва, болѣе или менѣе близкаго, смотря по тому, ускорятъ или замедлятъ его мѣры князя Меттерниха, слишкомъ уже крутыя. Ваше величество будете увлечены потокомъ, если вы во-время не сдѣлаете своего выбора». Фердинандъ отвѣчалъ письмомъ, котораго многія фразы сдѣлались знамениты: тутъ-то онъ дѣлалъ признанія, что «свобода гибельна для фамиліи Бурбоновъ», «что они не нынѣшняго вѣка», что онъ «преклоняется» предъ идеями, «которыя признала вѣрными и спасительными многолѣтняя опытность Меттерниха, и пр. Тутъ же находилось и свидѣтельство о неспособности народа къ гражданской самостоятельности, свидѣтельство едва ли не самое важное и положительное изъ всѣхъ, какія мы приведемъ далѣе. «Мой народъ повинуется силѣ и склоняется подъ ней (se corbe), — писалъ онъ, — но горе, если онъ вздумалъ бы выпрямиться подъ вліяніемъ этихъ мечтаній, которыя такъ хороши въ разсужденіяхъ философовъ и невозможны на практикѣ! Съ Божьею помощью, я дамъ моему народу благосостояніе и честное управленіе, на которое онъ имѣетъ право; но я буду королемъ, буду имъ одинъ и всегда . . . Мой народъ не имѣетъ надобности мыслить: я забочусь о его благоденствіи и достоинствѣ» [5].

[5] Письмо Луи-Филиппа и отвѣтъ Фердинанда въ первый разъ обнародованы были г. Петручелли делла Гаттина въ «Revue de Paris» 1856, livr. 15 oct. [illegible] сомнѣнія въ ихъ подлинности. [illegible] Indépendance Belge, [illegible] Но г. Петручелли делла Гаттина [illegible] въ Revue de Paris [illegible] 1848 г. [illegible] опровергалъ потомъ показаній г. Петручелли.

Выражаясь такимъ образомъ о своемъ народѣ, Фердинандъ долженъ былъ хорошо знать его характеръ и быть вполнѣ увѣреннымъ въ истинѣ своихъ понятій о немъ. И мы видимъ, что увѣренность эта никогда не покидала его: все его царствованіе служило осуществленіемъ принциповъ, высказанныхъ въ приведенныхъ нами строкахъ.

Къ нѣкоторымъ фактамъ этого царствованія мы еще возвратимся; а теперь, послѣ свидѣтельства самого короля, приведемъ нѣсколько отзывовъ всѣхъ партій о неаполитанскомъ народѣ. Возьмемъ рядъ извѣстій за послѣднія десять лѣтъ.

Въ 1851 г. лордъ Гладстонъ напечаталъ знаменитыя свои письма о неаполитанскомъ правительствѣ. Все въ нихъ было проникнуто сочувствіемъ къ страданіямъ народа и энергическимъ негодованіемъ противъ правительства Обѣихъ Сицилій. Письма эти произвели полемику, вслѣдствіе которой лордъ Гладстонъ издалъ новую брошюру «Examination», пересмотръ нѣкоторыхъ фактовъ, упомянутыхъ имъ прежде и оспаривавшихся защитниками Фердинанда. Въ этой-то брошюрѣ пришлось лорду Гладстону высказаться и о самомъ народѣ неаполитанскомъ. Вотъ его слова: «*во всей Европѣ нельзя найти народа болѣе кроткаго, преданнаго и послушнаго, какъ народъ неаполитанскій*»[6]. Подобное же понятіе о народѣ видно и въ самыхъ письмахъ Гладстона.

Одинъ изъ самыхъ яростныхъ антагонистовъ лорда Гладстона, французъ Гондонъ, одинъ изъ бывшихъ редакторовъ газеты «L'Univers», написалъ нѣсколько книгъ въ защиту бурбонскаго пра-

[6] „Examinat", стр. 30.

вительства въ Неаполь, и въ одной изъ нихъ, въ 1855 г., говоря о разныхъ либеральныхъ претензіяхъ, утверждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ невозможность и ненужность конституціи для неаполитанскаго народа. Между прочимъ вотъ что онъ пишетъ:

«Трудно, можетъ быть, не зная страны, составить себѣ отчетливое убѣжденіе относительно невозможности организовать представительное правленіе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій; но всякій добросовѣстный человѣкъ, который захочетъ серьезно вникнуть въ дѣло, непремѣнно убѣдится въ этой невозможности.

«Низшіе классы во всемъ королевствѣ исполнены энтузіазма къ своему правительству и вполнѣ довольны своимъ положеніемъ; они никогда и не помышляли о пріобрѣтеніи того, что называютъ политическими правами. Все, что ни говорила и ни писала противъ этого мнимая парламентская партія,— все это ложно въ высшей степени. Народъ неаполитанскій вѣруетъ въ своего короля, ибо знаетъ, что Фердинандъ вѣруетъ въ Бога и что въ своей просвѣщенной совѣсти онъ понимаетъ и исполняетъ обязанности католическаго монарха въ отношеніи къ народу, надъ которымъ онъ царствуетъ. Какого еще болѣе вѣрнаго ручательства можетъ религіозный народъ желать отъ своего повелителя? Какая писанная конституція можетъ имѣть для совѣсти короля такое значеніе, какъ законы религіи? Всѣ политическіе безпорядки, волновавшіе Европу, не происходили ли главнымъ образомъ оттого, что новѣйшая политика оставила въ сторонѣ религію, желая разрѣшить задачу своего запутаннаго и ненормальнаго положенія? Но въ такомъ королевствѣ, какъ

Неаполитанское, гдѣ король и подданные одушевлены единою вѣрою и единымъ желаніемъ добра, — всѣ вопросы, неразрѣшимо запутанные въ другихъ мѣстахъ, находятъ себѣ разрѣшеніе самое простое и легкое. Народъ неаполитанскій, т. е. масса населенія, не желаетъ ничего лучшаго, какъ оставаться подъ тѣмъ же управленіемъ короля, такъ достойно возсѣдающаго на тронѣ Обѣихъ Сицилій. Народъ прямо и вполнѣ разсчитываетъ на него во всемъ, что касается національныхъ интересовъ и улучшеній, какія возможны въ его участи. Двадцатилѣтнее царствованіе достаточно объясняетъ и оправдываетъ эту довѣренность!

«Кто же, при нежеланіи народа, можетъ желать въ Неаполѣ новыхъ опытовъ этого представительнаго правленія, которымъ кичится Англія и которое мы знаемъ по печальнымъ опытамъ Франціи? Конечно, ужъ не аристократія! Надо очень худо знать ее, чтобы предполагать, что ея члены (отличные люди, впрочемъ, весьма преданные королю) достаточно воспитаны для того, чтобы засѣдать въ сенатѣ или законодательномъ корпусѣ. Вообще — плохую услугу оказалъ бы имъ тотъ, кто захотѣлъ бы превратить ихъ въ законодателей... Нѣтъ, ужъ лучше оставить ихъ служить мечомъ королю и приносить пользу отечеству безчисленными способами, которыми могутъ располагать умные и богатые аристократы!..

«Есть, правда, разрядъ людей, который съ удовольствіемъ толкуетъ о конституціи: это — часть буржуазіи, преимущественно адвокаты и медики, которые, какъ мы видѣли, и во Франціи и въ Пьемонтѣ выказываютъ особенную жадность къ политическимъ реформамъ и особенный энтузіазмъ къ

парламентскому правленію, ибо они умѣютъ извлекать изъ него свои выгоды [7]. Но въ Неаполѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, этотъ классъ людей потерялъ свой престижъ и никому не внушаетъ довѣрія. Они составляютъ здѣсь маленькую секту, которой главою до сихъ поръ считается Поэріо. Къ великому счастью народа, размѣры этой секты дѣлаютъ ее вовсе неопасною. Ее составляютъ невѣрующіе философы и революціонные теоретики, въ родѣ тѣхъ, которые вызвали недавніе ужасы во Франціи. Эта-то ничтожная частичка средняго класса, далеко впрочемъ не такъ сильная, какъ во Франціи, — одна только и питаетъ нелѣпыя мечты, которыхъ осуществленія — увы! — ей не суждено увидѣть!

«И какимъ образомъ правительство съ преніями и публичностью могло бы быть введено у народа, который, къ счастью для него, не получилъ отъ своей исторіи такъ называемаго политическаго воспитанія? Да, ему не дано этого воспитанія, за которое другіе народы поплатились такъ дорого и которое однакоже все-таки не помогло имъ удержать у себя эту форму правленія... При томъ же не нужно забывать народнаго темперамента и характера. Извѣстно, что такое представляли въ Парижѣ нѣкоторыя засѣданія республиканскія; въ Неаполѣ парламентскія разсужденія не замедлили бы произвести безпорядки гораздо болѣе ужасные» [8].

Свидѣтельство г. Жюля Гондона, можетъ быть, не удовлетворитъ читателя: ясно, скажутъ намъ,

[7] К[illegible] талантъ, конечно, [illegible]; [illegible] престало [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]; [illegible].

[8] [illegible] 1863 [illegible], стр. 158—160.

что г. Гондонъ одинъ изъ самыхъ завзятыхъ католиковъ и въ политическомъ отношеніи человѣкъ, что называется, ретроградный. Пожалуй, думайте о немъ, какъ хотите: мы считаемъ нужнымъ замѣтить только, что г. Гондонъ самъ путешествовалъ по неаполитанскимъ владѣніямъ, имѣлъ тамъ сношеніе съ лицами высоко поставленными, обласканъ былъ іезуитами, которые, какъ извѣстно, отлично знаютъ душу народа, и спеціально занимался бурбонско-неаполитанскимъ вопросомъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Впрочемъ, мы имѣемъ и другія свидѣтельства, нѣсколько въ другомъ тонѣ, но рѣшительно такія же въ сущности. Напримѣръ, не хотите ли прочесть размышленія аббата Миньона? Не пугайтесь имени аббата: это аббатъ весьма либеральный; довольно сказать, что года четыре назадъ онъ напечаталъ брошюру, въ которой отсылалъ папу въ Іерусалимъ, чтобы онъ не мѣшалъ ходу дѣлъ въ Италіи. Брошюра заслужила нѣсколько похвальныхъ словъ отъ Маніна, и аббатъ въ предисловіи къ своей книгѣ не боится похвалиться его одобреніемъ. Въ отношеніи къ Бурбонамъ аббатъ нимало не куртизанитъ; надъ чудомъ святого Дженаро подсмѣивается. А между тѣмъ относительно политическаго воспитанія народа неаполитанскаго онъ говоритъ вещи столь же отчаянныя, какъ и г. Гондонъ. Правда, аббатъ Миньонъ увѣряетъ, что и аристократы, сколько-нибудь просвѣщенные, тоже питаютъ — если не либеральные проекты, то по крайней мѣрѣ недовольство. Но онъ сознается, что число ихъ крайне ограниченно. Относительно же народа вотъ что онъ пишетъ:

«Политическое воспитаніе низшихъ классовъ въ Неаполѣ ушло не дальше того, какъ въ глуши на-

шей Бретани. То, что называется собственно народомъ, т. е. люди нужды и работы, — всѣ они вполнѣ преданы предразсудкамъ и привычкамъ, соединеннымъ съ абсолютизмомъ. Они не понимаютъ, что такое политическая свобода, не имѣютъ понятія даже и объ улучшеніяхъ общественныхъ. Это рабъ, который не можетъ быть въ свое удовольствіе, если не чувствуетъ на себѣ ярма; или, употребимъ сравненіе менѣе горькое, это рабъ, привыкшій къ своей ежедневной работѣ и не мечтающій о свободной жизни, о правѣ располагать самимъ собой, потому что теперь господинъ заботится о его пищѣ и одеждѣ, а человѣкъ свободный долженъ думать о нихъ самъ.

«Во Франціи, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, народъ самъ, хотя призванный къ покорности властямъ, какова бы они ни были, представляетъ себѣ однакоже извѣстный идеалъ свободы. Онъ понимаетъ, что могло бы быть лучше; онъ по инстинкту сознаетъ, что извѣстныя общественныя формы благопріятны болѣе другихъ для умственнаго и нравственнаго развитія массъ и для матеріальнаго ихъ благосостоянія. Такимъ образомъ у насъ есть инстинктивный либерализмъ въ народѣ, и вотъ почему онъ далъ свою непреодолимую опору революціи, разрушившей режимъ привилегій и старой монархіи; вотъ почему привѣтствовалъ онъ движеніе 1830 г., которое остановило неловкія попытки возвратить старое; вотъ почему выказалъ онъ свою симпатію къ республикѣ 1848 г., надѣясь отъ нея улучшеній, въ которыхъ чувствуетъ нужду.

«Ничего подобнаго у неаполитанскаго народа. Напротивъ, онъ имѣетъ стремленія совершенно противоположныя. Виновать ли въ этомъ опытъ прежк-

нихъ поколѣній, которыя, мѣняя правителей, постоянно оставались подъ тѣмъ же игомъ? Или это оппозиція высшимъ классамъ, которыхъ интересы, въ понятіяхъ народа, противны его собственнымъ? Или это вліяніе религіознаго воспитанія, которымъ духовенство католическое пользовалось, чтобы представлять короля какъ образъ Бога на землѣ, какъ органъ Божьей силы въ отношеніи къ матеріальной жизни народа, такъ какъ само духовенство есть органъ силы Божіей, духовной жизни?.. Какъ бы то ни было, но фактъ несомнѣненъ: этотъ народъ любитъ абсолютную власть своихъ королей. Онъ съ удовольствіемъ ихъ привѣтствуетъ, тѣснится около нихъ, проситъ у нихъ иллюминацій, паралювь, въ случаѣ надобности — хлѣба. Чтобы быть вполнѣ справедливымъ, надо сказать, что дѣйствительно короли освободили народъ отъ феодальнаго ига, разумѣется не по расположенію къ этимъ людямъ, вѣчно осужденнымъ платить и работать, а по необходимости самимъ освободиться отъ феодальныхъ путъ, которыя, связывая народъ, стѣсняли и просторъ королевской власти. Народъ и король боролись вмѣстѣ противъ гидры феодализма и вмѣстѣ побѣдили ее. Теперь нужно еще много времени, чтобы народъ ясно понялъ, что, давая свою поддержку аристократамъ по рожденію, по богатству и образованію противъ абсолютизма, онъ не рискуетъ возстановить вновь гибельную и тяжелую, какъ прежде, феодальную систему... И покамѣстъ это время не пришло, онъ остается вѣренъ старой дружбѣ и кричитъ: vive le roi» [9].

---

[9] L'Italie [illegible] par [illegible] H. Michon, Bruxelles, 1859, стр. 81.

Аббатъ Миньонъ подтверждаетъ свой отзывъ фактами и затѣмъ переходитъ къ вопросу: что же надо сдѣлать, чтобы *возвысить* состояніе народа? (нынѣшнее положеніе онъ считаетъ очень низкимъ!). Онъ находитъ, что всего лучше было бы, если бы правительство Бурбоновъ шло рука объ руку съ просвѣщенными либералами и исподволь подготовляло народъ къ сознательной политической жизни. «Таковъ по крайней мѣрѣ прямой логическій выводъ», замѣчаетъ онъ, и изъ этого вы видите, что идеалъ аббата вовсе не тотъ, какъ у г. Гондона. Онъ, какъ видно, полагаетъ, что всякая страна непремѣнно должна стремиться къ заведенію у себя парламентскихъ преній, которыя, какъ мы видѣли выше, г. Гондону рѣшительно противны. Мы не будемъ разбирать разногласія этихъ почтенныхъ личностей, хотя и находимъ, что логика г. Гондона гораздо проще аббатовской; намъ важно то, что оба признаютъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, совершенное отсутствіе политическаго воспитанія у неаполитанскаго народа. Мало того, аббатъ Миньонъ находитъ, что даже либеральныя реформы правительства въ Неаполѣ почти невозможны, и причину этого открываетъ какъ въ правительственныхъ лицахъ, такъ и въ настроеніи самого народа. Онъ очень объ этомъ сокрушается, видя, что идеалъ его не удается; но такъ какъ у насъ подобныхъ идеаловъ нѣтъ, то мы можемъ привести слова его совершенно хладнокровно. Сказавши, что постепенное водвореніе конституціонной формы правленія было бы для Неаполя всего лучше, по чистой логикѣ, онъ продолжаетъ:

«Но зная людей и политическія страсти, мы должны понять всю безконечную трудность подоб-

наго преобразованія, или, правильнѣе сказать, этой революціи, произведенной въ нѣдрахъ монархіи самою же монархіею, соглашающеюся отдать себя подъ опеку конституціонныхъ установленій.

«Первая трудность, и можетъ быть самая странная, заключается въ Бурбонской династіи, для которой уступки своему народу всегда кажутся пораженіемъ или по крайней мѣрѣ унизительнымъ ослабленіемъ ея тѣсныхъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, какимъ образомъ властелинъ, уже въ полной зрѣлости своихъ лѣтъ [10], человѣкъ, живній, какъ Фердинандъ, въ убѣжденіяхъ и привычкахъ неограниченнаго владыки, поддерживавшій свое полновластіе, худо ли, хорошо ли, но съ постоянной энергіей, — трудно понять, какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ бы вдругъ отказаться отъ убѣжденій всей своей жизни, отъ всѣхъ привычекъ самовластія, для того, чтобы подчинять себя трудному испытанію конституціоннаго правленія! . . Развѣ хотятъ, чтобъ онъ (чего, впрочемъ, никто не посмѣлъ бы ему посовѣтовать) вдругъ прикинулся либераломъ и прокричалъ: «Пора пришла! Перемѣнимъ нашу правительственную систему! Вотъ вамъ хартія!». Но будь это нелѣпо; и можно ли требовать отъ короля такого малодушія!

«Съ династической точки зрѣнія возможна только одна гипотеза: это — если бы будущій наслѣдникъ престола воспитанъ былъ нѣсколькими людьми, которымъ дана была бы полная свобода слова, въ принципахъ представительнаго правленія. Онъ только одинъ, по смерти или вслѣдствіе отреченія отца, сдѣлавшись королемъ, могъ бы безъ подлости

[10] Фердинанду было тогда 47 лѣтъ.

(sans bassesse) примѣнить эти теоріи и произвести политическую перемѣну, не подвергаясь за нее упреку ни въ позорной трусости, ни въ лицемѣріи.

«Но кажется, ни настоящій король, ни будущій его наслѣдникъ не имѣютъ ни малѣйшаго расположенія къ началамъ конституціонной политики.

«И вотъ вамъ первая невозможность!

«Но это не все. Рядомъ съ прогрессивной партіей, за которой, пожалуй, можно считать и большинство въ классахъ образованныхъ, существуетъ партія и ретроградная, еще могущественная, имѣющая своихъ важныхъ представителей, свои органы, свои преданія. Она тотчасъ же образуетъ отчаянную и грозную оппозицію либеральнымъ учрежденіямъ; она будетъ опираться на духовенство, столь многочисленное и вліятельное въ Неаполѣ, и столь мало еще доступное либеральнымъ идеямъ; она воспользовалась бы самой свободой прессы, чтобы вывести изъ себя короля своими жалобами, подорвать уваженіе къ новымъ учрежденіямъ, чтобы напугать опасностями, неизбѣжными, когда порядокъ и прочность ввѣрены попеченію людей, которые для этой партіи въ сущности тѣ же революціонеры . .

«И вотъ другая невозможность!» [11].

Изъ этихъ указаній ясно видно одно: что бурбонское правительство, несмотря на крики его недоброжелателей, было самое сообразное съ потребностями страны, и что если кто-нибудь и могъ быть имъ недоволенъ, зато никто не могъ надѣяться измѣнить его. Преслѣдуя свой либеральный идеалъ, аббатъ Миньонъ оплакиваетъ безвыходное положе-

[11] „L'Italie pol. et rel.", стр. 84—85

ніе, въ которомъ находился Неаполь, и даже предвѣщаетъ, что дѣло кончится худо. Но предвѣщанія его не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ, и если они оправдались теперь, такъ это еще нисколько не доказываетъ, что они именно и должны были оправдаться. Напротивъ, изъ приведенныхъ нами отзывовъ самого аббата ясно всякому внимательному читателю, что въ Неаполѣ не было ровно никакихъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы родиться какая-нибудь опасность для бурбонской системы правительства. Народъ обожалъ Фердинанда, о политической свободѣ не имѣлъ понятія, былъ совершенно доволенъ; недовольство проглядывало только въ высшихъ классахъ, да и тамъ была могущественная партія, готовая съ остервенѣніемъ напасть на всякое проявленіе либерализма. И король и наслѣдникъ его были воспитаны и утверждены въ понятіяхъ, совершенно сообразныхъ съ такимъ положеніемъ дѣлъ: чего же лучше? Казалось бы, что Францискъ II долженъ царить многіе годы такъ же спокойно и твердо, какъ его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, оставшіеся до конца жизни полными владѣльцами въ своемъ царствѣ, несмотря на маленькія невзгоды, къ несчастью, слишкомъ часто тревожившія каждаго изъ нихъ. А между тѣмъ вышло не то... Что же за причина?.. Ужъ не пришло ли въ самомъ дѣлѣ то время, о которомъ мечтаетъ аббатъ Минонъ, когда народъ долженъ соединить свои интересы съ интересами аристократіи, противъ абсолютизма? Но нѣтъ, напрасно вы будете доискиваться этого замысловатаго соединенія въ неаполитанскомъ движеніи послѣднихъ мѣсяцевъ; вы видите, напротивъ, что въ то время, какъ народъ бѣжалъ навстрѣчу Гарибальди и провозгла-

ицалъ Виктора-Эммануила, неаполитанская аристократія продолжала заниматься придворными интригами около Франциска. Да при томъ само мнѣніе аббата Миньона о томъ, что народъ привязанъ къ своимъ королямъ за избавленіе его отъ феодальнаго ига, и что вслѣдствіе того онъ поддерживаетъ верховную власть противъ вліянія мѣстныхъ магнатовъ, — это мнѣніе требуетъ подтвержденія. Мы съ своей стороны не видимъ никакой надобности предполагать въ неаполитанскомъ народѣ такое глубокое посвященіе въ тайны историческаго прогресса, въ смыслѣ г. Гизо. Мы болѣе довѣряемъ другимъ свидѣтельствамъ, по которымъ выходитъ что неаполитанецъ природой и положеніемъ своимъ сдѣланъ кроткимъ и послушливымъ, и потому уважаетъ всякаго, кто выше его, и чѣмъ выше, тѣмъ больше уважаетъ, — значитъ короля долженъ уважать всѣхъ больше, потому что онъ всѣхъ выше, недосягаемо выше. Вотъ самое простое объясненіе общепризнаваемаго факта привязанности неаполитанцевъ къ абсолютизму. Объясненіе это не придумано нами a priori, а основано тоже на свидѣтельствахъ весьма почтенныхъ. Одно изъ нихъ мы приведемъ здѣсь, въ утѣшеніе того, что оно принадлежитъ лицу несомнѣнно компетентному, виконту Лемерсье, тому самому, который говоритъ, что нельзя узнать неаполитанцевъ, безъ пособія особенно благопріятныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ. Благородный виконтъ именно находился въ этихъ исключительныхъ обстоятельствахъ: онъ долго былъ при французскомъ посольствѣ въ Неаполѣ, имѣлъ тамъ дѣла и обширныя знакомства, имѣлъ доступъ къ офиціальнымъ документамъ разнаго рода и ко всѣмъ учрежденіямъ, куда рѣдко допускаются ино-

страницы, стало быть, имѣть всѣ средства узнать истину въ самомъ ея источникѣ. Мало того, онъ, какъ самъ признается, самъ сроднился съ духомъ этой страны, и только извиняется (въ посвященіи своей книги князю Александріа), что, «какъ сынъ своей милой Франціи, не могъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ либеральныхъ идей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ». Замѣтимъ, стало быть, что въ благородномъ виконтѣ, противъ его желанія, сидятъ начала неисправимаго либерализма, и постараемся не забыть объ этомъ, читая его отзывъ о характерѣ неаполитанцевъ и о положеніи страны. Вотъ какъ онъ отзывается о народѣ:

«Дурные инстинкты гордости и зависти вовсе не развиты въ неаполитанцахъ. Исполненные уваженія къ высшимъ состояніямъ, они безропотно принимаютъ общественную іерархію. Нѣтъ въ Европѣ народа, которымъ бы такъ удобно было управлять, какъ неаполитанцами, которыхъ постоянно сдерживаетъ религія, дѣлающая ихъ смиренными безъ низости, и воспитаніе, научающее ихъ благоговѣть предъ вѣнцами и людьми, предъ которыми благоговѣли ихъ отцы. Намъ не повѣрятъ, если мы скажемъ, что никогда никакой повелитель не былъ такъ любимъ своимъ народомъ, какъ король неаполитанскій, — и между тѣмъ это строжайшая истина. Нельзя сказать, чтобы аристократія, буржуазія и народъ, каждый по-своему, не позволялъ себѣ многочисленныхъ и часто горькихъ порицаній; но эти порицанія относятся всегда къ частностямъ, и никогда, несмотря на всѣ усилія иностранныхъ революціонеровъ, мысль о низверженіи законнаго владыки не заходила въ голову истинныхъ неаполитанцевъ. Уваженіе къ установленному порядку соста-

вляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ этого народа и даетъ ему его ярко опредѣленную оригинальность среди другихъ народовъ Европы. Мы не скажемъ, что зависть не закрадывалась ни въ одну неаполитанскую душу, но мы утверждаемъ, что ея не существуетъ тамъ у одного класса противъ другого. Несмотря на введеніе французскаго гражданскаго кодекса, несмотря на почти шестидесятилѣтнее обращеніе съ этими законами, такъ быстро уравнивающими всѣ состоянія, неаполитанскій сеньоръ хотя и сдѣлался менѣе богатымъ, чѣмъ прежде, но остался совершенно такъ же уважаемъ и такъ же могущественъ. Вѣрный стариннымъ обычаямъ, народъ довольствуется малымъ; можно сказать, что онъ вовсе не имѣетъ нужды въ этой странѣ, гдѣ живутъ на открытомъ воздухѣ и почти не ѣдятъ; онъ наслаждается благорастворенностью своего климата, красотою своего залива, прелестью своего беззаботнаго существованія и нимало не желаетъ измѣненія своего общественнаго положенія. Напрасно толковали добрымъ неаполитанскимъ простолюдинамъ о бѣдствіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ: они не хотѣли ни понимать ни вѣрить, потому что сами никогда не чувствовали ничего подобнаго. Конечно, если посмотрѣть на внѣшность неаполитанскаго простонародія, если войти въ ихъ жилища, то легко подумать, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы нищета была ужаснѣе. Они мало заботятся о своей личности и о своихъ домахъ, одѣты часто въ лохмотья, жилища ихъ наполнены грязью и разными гадами, самыя грязныя домашнія животныя обитаютъ вмѣстѣ съ семьею простолюдина. Сравнивая эту наружность

съ жизнью нашихъ парижскихъ работниковъ, тотчасъ же, разумѣется, принимаются сожалѣть объ участи несчастныхъ обитателей Неаполя и превозносятъ достоинства нашей цивилизаціи. Но тутъ-то и впадаютъ въ самую грубую ошибку: счастье чаще обитаетъ въ жалкомъ пріютѣ неаполитанца, нежели въ почти изящномъ жилищѣ парижанина. Въ самомъ дѣлѣ — у одного встрѣчаемъ мы мѣру, которая услаждаетъ ему всѣ горести, и довольство своимъ жребіемъ, которое дѣлаетъ жизнь его счастливою; у другого, напротивъ, совѣсть возмущена несчастьемъ или по крайней мѣрѣ индифферентностью, а стремленіе къ обогащенію и зависть къ тѣмъ, кто чѣмъ-нибудь владѣетъ, поселяютъ недовольство и ненависть въ его сердцѣ . . .

«Совершенная ложь, будто народъ неаполитанскій страдаетъ и жалуется на свое состояніе общественное; но еще болѣе ложно — увѣрять, будто онъ съ трудомъ выноситъ свое положеніе политическое. Народъ сумѣлъ противостоять странствующимъ труппамъ возмутителей, являвшихся къ нему проповѣдывать противъ богатыхъ, духовенства и дворянства; не больше успѣха имѣли эти апостолы зла и въ стараніяхъ своихъ увѣрить народъ, что онъ живетъ подъ желѣзнымъ скипетромъ тирана. Понятно, почему простолюдинъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій чрезвычайно мало занятъ политикою и охотно предается руководству своего приходскаго священника или стараго сеньора. Онъ знаетъ, что платитъ подати очень небольшія, видитъ, что дороги его содержатся хорошо, что конскрипція не такъ ужасна, какъ онъ опасался; этого ему довольно для того, чтобы не желать перемѣнъ, изъ которыхъ еще не извѣстно, что выйдетъ . . .

«Средній классъ, правда, менѣе доволенъ, и многіе въ немъ желаютъ политической свободы; но надо замѣтить, что большая часть изъ нихъ не простираетъ своихъ видовъ дальше пріобрѣтенія коммунальныхъ правъ, которыя убиты въ Неаполѣ введеніемъ французской цивилизаціи. И нельзя не сознаться, что для народа, такъ мало приготовленнаго къ политическимъ правамъ, пріобрѣтеніе ихъ было бы скорѣе бѣдствіемъ, нежели благомъ. Развѣ мы не видѣли, что происходило въ 1848 г., когда Фердинандъ, однимъ разомъ опередивши и статутъ сардинскій, и новыя постановленія папскія, издалъ хартію, составленную почти совершенно по хартіи 1830 г.? По своей неопытности въ конституціонной игрѣ, парламентъ оказался неспособнымъ вотировать ни одного закона, и палъ среди волненія, которое вызвалъ, самъ того не желая и не вѣдая»[12] . . .

Переходя къ аристократіи, виконтъ Лемерсье объявляетъ, что она, несмотря на все уваженіе, которымъ пользуется, не составляетъ нынѣ корпораціи въ королевствѣ, и что по всякомъ случаѣ — если ее можно упрекнуть въ чемъ-нибудь, то развѣ въ излишнемъ удаленіи отъ дѣлъ, а ужъ никакъ не въ либеральныхъ замыслахъ. Очеркъ свой онъ заключаетъ слѣдующими рѣшительными строками: «Пусть знаетъ Европа, что недовольство и нерасположеніе неаполитанцевъ къ своему правительству суть нелѣпыя басни, и что наилучшая политика для другихъ державъ относительно Неаполя должна состоять въ томъ, чтобы поддерживать и укрѣплять его правительство, а не ослаблять его и не колебать».

[12] „Quelques mots de vérité sur Naples", стр. 6—7.

Не увлекся ли благородный виконтъ чувствами преданности къ Бурбонамъ и дружбою къ высокимъ придворнымъ и духовнымъ особамъ, съ которыми постоянно былъ близокъ, какъ видно изъ его брошюры? Не обманулся ли онъ ихъ показаніями, не представилъ ли вещи умышленно въ ложномъ свѣтѣ? Но нѣтъ, мы не имѣемъ никакого права подозрѣвать что-нибудь подобное. Все, что мы можемъ предполагать не безъ основанія, это одно: что виконтъ по своему либерализму, въ которомъ самъ признается, нѣсколько преувеличилъ еще значеніе либеральныхъ тенденцій въ Неаполѣ. Впрочемъ, если намъ нужно безпристрастія, ничѣмъ не заподозрѣннаго, то обратимся къ туристамъ: ихъ упрекаютъ часто въ легкомысліи, но рѣдко кто изъ нихъ подвергался упреку въ умышленномъ искаженіи фактовъ. Возьмемъ же первыхъ попавшихся: **всѣ говорятъ одно и то же.**

«Мы были очень изумлены, — пишетъ одинъ изъ нихъ въ самомъ началѣ своихъ замѣтокъ, — нашедши въ Неаполѣ совсѣмъ противное тому, что воображали по журнальнымъ тревогамъ. Такъ это-то терроръ, который, какъ насъ увѣряли, свирѣствуетъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій! Да помилуйте, намъ бы ничего не надо было лучше, если бы народъ во Франціи былъ такъ спокоенъ и благополученъ!.. Дѣло въ томъ, что народъ здѣсь не томится стремленіемъ обогатиться и завистью, не ищетъ политическихъ правъ, а умѣетъ наслаждаться тѣмъ, что въ избыткѣ даетъ ему природа. Лаццарони валяются на улицахъ и преспокойно смотрятъ на блестящіе экипажи, подвозящіе богачей и знатныхъ къ Café de l'Europe; они совершенно довольны своими лохмотьями, плодами и водой, и не

чувствуютъ ни малѣйшей надобности въ перемѣнѣ своей участи»[13].

Эти слова брошены мимоходомъ; а вотъ отзывъ, служащій результатомъ долгихъ размышленій автора, спеціально писавшаго о неаполитанцахъ, г. Теодора Верна:

«Что касается собственно Неаполя, нельзя сомнѣваться въ томъ, что климатъ его способствовалъ разслабленію и упадку нравственной силы народа. Чтобы убѣдиться въ разслабляющемъ свойствѣ этого климата, достаточно прожить въ немъ нѣсколько времени... Правда, въ итальянскомъ климатѣ образовались древніе римляне; правда, въ Неаполитанскомъ королевствѣ процвѣтали сикулы, самниты, норманны; но эти великія воспоминанія только еще рельефнѣе даютъ видѣть, до какой степени эти воинственныя и сильныя племена выродились въ нынѣшнихъ изнѣженныхъ и лишенныхъ всякой энергіи обитателяхъ.

«Другая причина уничиженія этой страны заключается въ долговременномъ гнетѣ, подъ которымъ она страдала и еще страдаетъ до сихъ поръ. Этотъ гнетъ сдѣлалъ неаполитанцевъ неспособными къ возвышеннымъ стремленіямъ и погасилъ въ нихъ даже самыя первыя понятія о свободѣ и о долгѣ. Для того, чтобы дать ходъ натуральнымъ способностямъ и создать національную доблесть, нужно было, чтобъ каждый находилъ себѣ широкую дорогу, по которой могъ бы онъ идти съ сознаніемъ своей цѣли и своего достоинства. Но бурбонское правительство, по своимъ преданіямъ и привычкамъ, вовсе не было приспособлено къ такому воспитанію народа.

---

[13] „Quelques lettres sur l'Italie" par E. Paris 1858, стр. 2

Теперь всѣ кричатъ, что спасеніемъ для страны можетъ служить лишь уничтоженіе существующихъ постановленій. Но по нашему мнѣнію, много преувеличиваютъ значеніе этого общественнаго лѣкарства; развѣ мы не видимъ, что неаполитанскія постановленія сами по себѣ очень хороши, а между тѣмъ приносятъ плоды полные отравы?.. Можетъ быть, революція была бы дѣйствительнѣе простой перемѣны системы? Но печальные опыты 1848 г. показали всѣмъ еще разъ, что всякая новая революція только сильнѣе сгягиваетъ цѣпи Италіи, потому что послѣ каждаго кризиса на сценѣ остаются тѣ же элементы, только безсильные болѣе прежняго»[14].

Ставя такимъ образомъ Италію, и Неаполь особенно, въ безвыходное положеніе, г. Верни находитъ для нея одно спасеніе: отказаться отъ католицизма, чтобы принять реформу! Изъ этого видно, до какой степени безнадежнымъ казалось положеніе неаполитанскихъ дѣлъ французскому туристу, посѣтившему Неаполь въ прошломъ году...

Г-нъ Шарль де-ла Варенъ въ 1858 г. такъ отзывался о правительствѣ неаполитанскомъ: «Можно сказать, что въ Неаполѣ господствуетъ восточный деспотизмъ, основанный на союзѣ двора съ простымъ народомъ и половиною буржуазіи, готовою все сдѣлать и все допустить для сохраненія тѣхъ положеній, къ которымъ она привыкла. Этотъ союзъ направленъ преимущественно противъ высшихъ классовъ, питающихъ либеральныя тенденціи, — за исключеніемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ лицъ, состоящихъ при дворѣ»[15].

---

[14] Naples et les Napolitains par Théodore Vernes. Bruxelles 1859, стр. 298—300.

[15] Lettres Italiennes par Charles de la Varenne, Paris 1858, стр. 284

Можетъ быть, вы не вполнѣ довѣряете французскимъ отзывамъ? Извѣстно, что у насъ привыкли считать французовъ народомъ легкомысленнымъ. Но мы приводили выше свидѣтельство лорда Гладстона; можемъ, если хотите, привести отзывъ г. Теодора Мундта, нѣмца: вы знаете, что нѣмцы народъ основательный.

Г-нъ Мундтъ, бывшій въ Неаполѣ въ началѣ нынѣшняго года, замѣчаетъ, что положеніе дѣлъ въ Неаполѣ не обѣщаетъ ничего хорошаго, но что измѣнить его едва ли возможно, такъ какъ народъ и духовенство служатъ постоянной поддержкой бурбонскаго правительства. «Простой народъ въ Неаполѣ, говоритъ онъ, не хочетъ и не знаетъ политической свободы; онъ совершенно не понялъ бы того, кто бы сталъ обѣщать ему государственныя и общественныя улучшенія, чтобы чрезъ то улучшить состояніе самого народа. Король и народъ въ Неаполѣ держатся крѣпко другъ за друга, потому что они давно уже вмѣстѣ боролись противъ общаго врага — могущества феодаловъ, бывшихъ опасными для нихъ обоихъ, и потомъ — противъ дворянства, образованности и самостоятельности буржуазіи. Такимъ образомъ абсолютная власть, поддерживаемая лаццарони, составляетъ препятствіе всякому высшему развитію страны. Въ дворянской и прогрессивной части буржуазіи существуютъ либеральныя наклонности; но у нихъ, кажется, никогда не было никакой опредѣленной программы. Это либерализмъ надеждъ и желаній, который охотно примирился бы со всякимъ правительствомъ, лишь бы оно не было такъ безнравственно и позорно, какъ нынѣшнее. Въ теоріи этотъ либерализмъ имѣетъ много приверженцевъ въ образованныхъ классахъ,

но сомнительно, чтобъ онъ встрѣтилъ серьезную поддержку въ случаѣ дѣйствительнаго взрыва. Самая трудная задача либерализма въ Неаполѣ состоитъ въ томъ, чтобы привлечь народъ къ его дѣлу» [16].

Наконецъ, можно привести свидѣтельство самихъ итальянцевъ. Довольно вамъ указать, напр., на Монтанелли, который говоритъ, что есть двѣ Италіи: одна — ученыхъ, литераторовъ, адвокатовъ, медиковъ, студентовъ, и другая — священниковъ, монаховъ, простого народа, придворныхъ, и всѣхъ, кому выгодно невѣжество и суевѣріе. Въ разныхъ мѣстностяхъ есть оттѣнки въ отношеніяхъ той и другой партіи, но въ Неаполѣ Монтанелли, какъ и другіе, признаетъ рѣшительное преобладаніе послѣдней [17].

Мы размножили наши цитаты, разумѣется, отчасти для того, чтобы показать нашу начитанность по неаполитанскому вопросу, но отчасти и съ другою, менѣе тщеславною цѣлью: намъ хотѣлось показать читателю, что за годъ — за два, даже за нѣсколько мѣсяцевъ до гарибальдійскаго движенія никому дѣйствительно не приходило въ голову, чтобы бурбонское правительство и его система могли быть такъ легко уничтожены въ Неаполѣ. Многіе у насъ наслышаны о томъ, что итальянцы вообще ужасные говоруны, и потому революціи на Апеннинскомъ полуостровѣ считаются чѣмъ-то весьма обыкновеннымъ: народъ, дескать, такой! Но изъ совокупности свидѣтельствъ всѣхъ партій выходитъ, что неаполитанцы по крайней мѣрѣ — вовсе не были такимъ народомъ. Общій выводъ изъ всѣхъ отзы-

[16] „Italienische Zustände" von Th. Mundt. Berl. 1850, Th. IV, стр. 285—286.
[17] „Le parti national italien" par Montanelli, въ „Revue de Paris", 1850, livr. de 15 juillet, стр. 481 и слѣд.

вовъ долженъ быть таковъ: народъ въ Неаполѣ былъ вполнѣ равнодушенъ ко всѣмъ либеральнымъ тенденціямъ и скорѣе расположенъ былъ всѣми силами защищать Бурбоновъ, нежели возставать противъ нихъ; духовенство, чрезвычайно многочисленное и пользующееся огромнымъ вліяніемъ въ Неаполѣ, постоянно дѣйствовало въ пользу существующей системы; король былъ весьма почитаемъ народомъ, и кромѣ того опирался на сильную армію, которой посвящалъ свое особенное вниманіе. Если бывалъ когда ропотъ, то лишь противъ частныхъ распоряженій и второстепенныхъ чиновниковъ. Либеральныя стремленія обнаруживались лишь въ незначительной части средняго сословія; нѣкоторые увѣряютъ, что и въ высшемъ тоже было недовольство, но очень вѣроятно, что это было въ значительной части случаевъ не болѣе какъ досада людей обойденныхъ чиномъ или не умѣвшихъ попасть ко двору. По нимъ, весь неаполитанскій либерализмъ сводится къ ничтожной горсти адвокатовъ и медикевъ, по другимъ онъ представляется болѣе распространеннымъ; но всѣ согласны, что въ либерализмѣ этомъ не было ничего дѣятельнаго, ничего серьезнаго, даже почти ничего политическаго: общимъ и опредѣленнымъ у всѣхъ было одно только желаніе, чтобы какъ-нибудь дѣла пошли получше въ государствѣ. Самыя смѣлыя надежды въ послѣдніе годы не простирались далѣе того, что правительство сдѣлаетъ какія-нибудь уступки соединеннымъ настояніямъ Англіи и Франціи. Что же касается до дѣятельной роли народа, о ней не мечтали самые горячіе либералы. Разсказываютъ (можетъ быть и несправедливо), что передъ экспедиціею Гарибальди нѣсколько человѣкъ, изъ самыхъ почтенныхъ па-

тріотовъ, въ числѣ которыхъ называютъ Джузеппе Феррари, нарочно отправлялись сондировать расположенія неаполитанскаго населенія, и результатъ ихъ наблюденій былъ тотъ, что на неаполитанскомъ материкѣ невозможно было ожидать никакой поддержки дѣлу свободы. За истину этого слуха нельзя ручаться; но онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что писалось о походѣ Гарибальди въ Неаполь до самой высадки его въ Реджо. Не говоря о насмѣшкахъ легитимистскихъ газетъ и предостереженіяхъ пьемонтскихъ органовъ Кавуровой партіи, вспомнимъ, что самъ Викторъ-Эммануилъ, на-дняхъ такъ торжественно собравшій плоды отваги Гарибальди, въ іюлѣ мѣсяцѣ писалъ ему дружеское запрещеніе идти на Неаполь... До того всѣ увѣрены были въ прочности бурбонскаго правительства и въ невозможности привлечь неаполитанскій народъ къ дѣлу итальянскаго единства и національной свободы!

Противъ этого мнѣнія, равно принятаго и врагами и защитниками бурбонскаго правительства, могутъ повидимому свидѣтельствовать безпрестанныя возстанія и заговоры въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Дѣйствительно, въ 200 лѣтъ, прошедшихъ со времени Мазаніелло, было, конечно, по крайней мѣрѣ 100 большихъ и малыхъ волненій въ Неаполѣ и Сициліи. Если взять одно царствованіе Фердинанда, такъ и тутъ попытки противъ его правленія надо считать десятками.

Въ 1830 г., 8 ноября, вошелъ на престолъ Фердинандъ II. Немедленно по его воцареніи, по свѣдѣніямъ полиціи оказалось, что въ королевствѣ до 800,000 карбонаріевъ, несмотря на страшныя преслѣдованія ихъ въ предшествующія царствованія. Вслѣдъ за тѣмъ дѣятельность либераловъ обнару-

жилась громкими криками о конституціи, и для ея полученія былъ въ 1831 г. даже заговоръ, которымъ заправлялъ министръ полиціи Интонти. Заговоръ этотъ открытъ былъ благодаря зоркости австрійскихъ тайныхъ агентовъ.

Въ теченіе 1833 г. было открыто, одинъ за другимъ, три заговора: одинъ Нирико, другой Россароля и Романо, третій Леонарди и Поэріо, — всѣ въ конституціонномъ смыслѣ, всѣ въ довольно широкихъ размѣрахъ и всѣ открытые предъ самымъ моментомъ исполненія. О послѣднемъ донесъ сдѣланъ былъ однимъ изъ участниковъ, Орацію Мацца, который потомъ былъ начальникомъ полиціи въ Неаполѣ и прославился своими безчинствами.

Въ 1834 г., по поводу путешествія короля, обнаружились неудовольствія въ Сициліи.

Въ 1837 г., во время холеры, произошли частныя возстанія въ Абруццахъ и въ Калабріи. Въ то же время вспыхнуло возстаніе въ Сициліи: въ Катану принуждены были послать войска.

Въ 1839 г. началось движеніе въ Чивита ди Пенна.

Въ 1842 г. произошла попытка въ Аквилѣ.

Въ 1844 г. открытъ заговоръ въ Козенцѣ.

Въ томъ же году — попытка братьевъ Бандьера, съ семью товарищами.

Въ 1846 г. обнародованъ мятежный «протестъ народа Обоихъ Сицилій», написанный Сеттембріни, но послуживній къ арестаціямъ и ссылкамъ и множества другихъ подозрѣвавшихся въ либерализмѣ

Въ 1847 г. произошло волненіе въ Реджо и въ Мессинѣ.

Въ 1848 г. — общая революція, въ нѣсколько пріемовъ.

Въ 1849 г. — продолженіе революціи въ Сициліи.

Въ 1850 г. — новая попытка возстанія въ Палермо.

Въ 1851 г. — продолжалось укрощеніе мятежныхъ сицилійцевъ; считаютъ, что съ іюля 1848 г. до августа 1851 въ Сициліи произведено около 1,000 казней политическихъ преступниковъ.

Въ 1856 г. — волненія въ Козенцѣ и въ то же время въ Сициліи, въ Чефалу.

Въ концѣ того же года — покушеніе Агезилая Милано на жизнь Фердинанда.

Въ 1857 г. — экспедиція Пизакане.

Въ 1858 г. — дѣло Луиджи Пеллегрини и его сообщниковъ.

Въ 1859 г. — возмущеніе въ швейцарскихъ полкахъ и потомъ начало волненій въ Сициліи, которыя разразились наконецъ революціею четвертаго апрѣля 1860 г., имѣвшею такое рѣшительное продолженіе во всѣхъ королевствѣ.

Въ этомъ перечнѣ мы конечно еще пропустили довольно много мелкихъ политическихъ процессовъ, которые въ Неаполѣ никогда не переводились, и много исторій, раздутыхъ полиціею или интригами придворныхъ партій. Такъ, напр., въ концѣ царствованія Фердинанда, въ сентябрѣ 1858 г., по поводу какого-то найденнаго трупа съ подозрительными бумагами, производилось дѣло, по которому арестовано было 1,200 человѣкъ; предъ самой смертью Фердинанда готовы были вспыхнуть безпорядки по интригамъ камариллы, желавшей доставить престолъ графу Трани. Такими явленіями полна вся неаполитанская исторія не только во всѣ годы, но во всякое время года, всякій день, если хотите.

Все это, повидимому, служитъ опроверженіемъ общихъ отзывовъ о томъ, что народъ неаполитан-

скій чрезвычайно спокоенъ и доволенъ, что онъ не стремится къ измѣненію своего положенія и къ пріобрѣтенію политическихъ правъ. Но это только повидимому: въ самомъ же дѣлѣ, при внимательномъ взглядѣ, мы находимъ, что всѣ частныя возстанія, происходившія въ Неаполѣ, только могли убѣждать въ ничтожности и рьшительной несостоятельности партій, стремившихся къ измѣненію существующаго порядка вещей. Народъ не только не поддерживалъ этихъ партій, но еще на нихъ же опрокидывался. Такъ, въ революцію 1848 г., замѣченъ былъ всѣми фактъ, на который, между прочимъ, ссылается аббатъ Миньонъ. «Фердинандъ, видя, что либералы образованныхъ классовъ сильно пристаютъ къ нему, ничего не нашелъ лучшаго для себя, какъ обратиться къ черни. Онъ вооружилъ изъ нея десять тысячъ, которые ринулись на Неаполь, вторгались въ дома, заставляли трепетать всѣхъ и предавались всѣмъ возможнымъ буйствамъ и насиліямъ...» [18]. Даже въ тѣхъ народа, которые присоединились къ возстанію, вовсе не понимали, что и зачѣмъ они дѣлаютъ. Г-нъ Гондонъ, опровергая Гладстона и доказывая, что народъ въ Неаполѣ не только не желаетъ, но и знать не хочетъ конституціи, приводитъ слѣдующій фактъ. «Въ провинціяхъ, и даже въ самомъ Неаполѣ, когда возмутители кричали: «viva la constituzione!» — въ народѣ слышались насмѣшливые крики: «viva la construzione!», «viva la constipazione!», «viva la constrizione!» [19]. Вслѣдъ за усмиреніемъ волненій, къ королю, по свидѣтельству того же г. Гондона и другихъ благонамѣ-

[18] Michon, „L'Italie pol. et rel.", стр. 83.

[19] „La France dans le Royaume de Naples" par Jules Gondon, Paris 1851, стр. 145.

ренныхъ людей, посылались адресы, говорившіе, что не нужно созывать новаго парламента; и большая часть провинціальныхъ совѣтовъ выразили желаніе, чтобъ конституція была уничтожена. Писатели либеральной партіи доказываютъ, что адресы были выпрошены правительствомъ и что совѣты ничего не значили послѣ побѣды короля надъ оппозиціей въ печальный день 15 мая. Это, конечно, справедливо; но дѣло отъ того нисколько не измѣняется въ своей сущности: значитъ, все-таки элементы свободы такъ были ничтожны въ Неаполѣ, что не могли противостоять абсолютизму Фердинанда, даже въ 1848 г., во время всеобщаго волненія и торжества революціонныхъ замысловъ во всей Западной Европѣ. Безпристрастный историкъ итальянскаго движенія 1848 г., Перренсъ, указываетъ много фактовъ, объясняющихъ это торжество абсолютизма и доказывающихъ, что народъ, духовенство и армія дѣйствительно не были въ Неаполѣ расположены къ поддержкѣ новыхъ, конституціонныхъ началъ правленія. «3 августа толпы солдатъ, сбировъ и лаццарони бѣгали по городу съ криками: «долой статуты! Да здравствуетъ король!» — 5 сентября депутаты, направляясь въ палату, были оскорбляемы на улицахъ». Въ этотъ же день одинъ священникъ Санта-Лучіанской церкви воспламенилъ толпу противъ либераловъ, какъ враговъ короля и Бога, и повелъ противъ нихъ батаи народа съ криками: «долой свободу! да здравствуетъ король!» [2].

Довольно вспомнить, что уничтоженіе неаполитанскаго парламента въ 1849 г. было простою полицейскою мѣрою, и что депутаты и вообще ли-

[2] „Deux ans de revolution en Italie" par F. T. Perrens. Paris 1857, стр. 468—470.

бералные патріоты четыре года содержались въ тюрьмахъ, пока не были осуждены на каторгу, чтобы видѣть, какъ мало дѣйствительнаго участія принимать народъ въ поддержкѣ революціи. Подобные же факты обнаруживались и послѣ; напр., въ 1857 г. въ Капри сельское населеніе рѣшительно напало на отрядъ инсургентовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Пизакане, и клерикальные журналы не мало кричали тогда по этому случаю о преданности неаполитанцевъ Бурбонамъ. Наконецъ, кто слѣдилъ за событіями въ Неаполѣ по газетнымъ извѣстіямъ послѣднихъ мѣсяцевъ, тотъ могъ замѣтить, что и нынѣ масса неаполитанскаго народа не очень много измѣнилась въ своихъ расположеніяхъ. Въ томъ же Санта-Лучіанскомъ приходѣ, который игралъ такую роль въ сентябрѣ 1848 г., происходило въ началѣ нынѣшняго сентября тоже волненіе по тому поводу, что Санта-Лучіанская мадонна плакала объ отъѣздѣ короля изъ Неаполя. Реакціонныя попытки арміи и лацарони противъ конституціи были и въ нынѣшнемъ году. Даже послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь, до самаго послѣдняго времени не переставали приходить извѣстія о заговорахъ, то тамъ, то здѣсь, въ смыслѣ возстановленія Бурбоновъ. Казалось бы, что невзгода, постигшая Франциска II, не должна считаться серьезною, что его пребываніе въ Гаэтѣ еще не совсѣмъ безнадежно, что народъ можетъ возвратиться къ нему . . .

Но всѣ видятъ, что на этотъ разъ Бурбонская династія въ Неаполѣ получила ударъ рѣшительный, отъ котораго ей не оправиться. Всѣ видятъ, что хотя народъ неаполитанскій и оказался все еще не очень энергичнымъ сподвижникомъ своихъ освободителей, но встрѣчалъ ихъ съ энтузіазмомъ и пас-

сивнымъ образомъ содѣйствовалъ низверженію абсолютскаго правленія. Попытки реакціи не были уже сильны, какъ прежде, новыя начала восторжествовали прочно...

Что значитъ такая перемѣна и какъ она могла произойти? Мы видѣли, что народъ неаполитанскій по своему характеру вовсе не склоненъ къ политическимъ шалостямъ и къ ослушанію законной власти. Какъ бы ни плохо управляли имъ, онъ все терпѣлъ и прощалъ. Нужно было много работать надъ нимъ, чтобы наконецъ заставить его провозгласить себя противъ законной монархіи, уже не въ отдѣльныхъ личностяхъ, не въ частныхъ выходкахъ, а цѣлой массою населенія. Не было ли въ самомъ дѣлѣ этой работы злоумышленниковъ надъ умами народа въ Неаполѣ, и не дано ли имъ было слишкомъ много простора для ихъ гибельныхъ замысловъ? Если бы мы успѣли открыть это, все бы объяснилось, и странность внезапнаго паденія неаполитанскаго трона не была бы болѣе странностью. Попробуемъ, насколько возможно, заглянуть въ тайники революціонной силы, работавшей въ Неаполѣ въ новѣйшее время.

Въ Западной Европѣ проводниками либеральныхъ и революціонныхъ идей считаются обыкновенно - религія, воспитаніе, литература, общественныя сходбища, тайныя общества. Всѣмъ этимъ пользуются злонамѣренные люди для распространенія своихъ идей и для возбужденія народа къ возстанію противъ установленныхъ порядковъ. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи всѣ эти средства революціонныхъ замысловъ находились въ Неаполѣ.

Религіозные споры много разъ служили въ разныхъ странахъ Европы прикрытіемъ политическихъ

требованій. Исторія реформаціи особенно полна такими фактами. Вотъ почему одинъ писатель, котораго приводили мы выше, находитъ даже, что свобода Италіи невозможна, пока протестантство туда не проникнетъ. «Нравственное первенство Италіи, равно какъ и независимость, — говоритъ онъ, — погибли такъ быстро потому, что Италія осталась чуждою реформы» [21]. Г-нъ Верне разсуждаетъ такъ съ своей точки зрѣнія, а г. Гондонъ, напримѣръ, съ ужасомъ и отвращеніемъ высказываетъ опасеніе, что англійская политика въ Италіи можетъ повести къ учрежденію тамъ библейскихъ обществъ и введенію ереси [22]. Взглянемъ же, во-первыхъ, какъ силенъ *еретическій* элементъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Раскроемъ хоть статистику Кольба 1860 г. [23].

Населеніе	9,117,000
Въ томъ числѣ протестантовъ .	800
„ „ „ евреевъ . . .	2,200

Остальные всѣ — католики.

Оказывается, что опасные элементы «свободнаго разсужденія» и «чистаго евангелія» вовсе не такъ сильны въ Неаполѣ, чтобы могли волновать умы народа и направлять его къ исканію реформъ. Католическая церковь всегда была побѣдительницею авторитетовъ всякаго рода противъ стремленій кичливаго разума человѣческаго, всегда укрощала гордыя страсти и поощряла терпѣніе и смиреніе. Очевидно, что религіозныя вліянія въ Неаполѣ должны были всегда дѣйствовать самымъ благопріятнымъ

---

[21] „Naples et les Napolitains" par Th. Verne, стр. [illegible].

[22] „De l'état des choses à Naples", стр. 4.

[23] G. Fr. Kolb, Handbuch der vergleich. Statistik, стр. [illegible].

образомъ для сохраненія порядка и покорности Бурбонамъ.

Но форма вѣроисповѣданія сама по себѣ еще не составляетъ всего. И католическій народъ можетъ быть непокорнымъ и буйнымъ, если онъ холоденъ къ своей религіи, если онъ зараженъ скептическими началами, столь распространенными въ Европѣ съ конца прошлаго вѣка. Примѣръ вамъ — Франція: французы тоже почти всѣ католики, а между тѣмъ отношеніе ихъ къ церкви — самое легкомысленное. Поэтому надо знать не то, къ какому исповѣданію причисляются неаполитанцы, а то, въ какой мѣрѣ проникнуты они духомъ своей религіи. На этотъ счетъ мы имѣемъ самыя удовлетворительныя свѣдѣнія. Общій отзывъ тотъ, что нѣтъ народа, болѣе преданнаго католицизму, какъ неаполитанцы. Тонъ отзывовъ, разумѣется, различается, сообразно личнымъ воззрѣніямъ каждаго автора: одни сожалѣютъ о суевѣріи и невѣжествѣ народа, другіе превозносятъ его набожность и религіозность. Мы приведемъ, для большаго безпристрастія, свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

Изъ всего, что было писано о религіозности неаполитанцевъ, намъ особенно нравятся краснорѣчивыя страницы благочестиваго Жюля Гондона, въ которыхъ онъ показываетъ мелкіе недостатки, замѣчаемые въ общественной жизни и въ самыхъ постановленіяхъ. Мы считаемъ необходимымъ перевести эти страницы.

«Неаполь не избѣгъ общей участи человѣческихъ обществъ, — пишетъ г. Гондонъ, — его установленія не совсѣмъ изъяты отъ критики; они могли бы, конечно, быть на болѣе высокой степени совершенства. Я долженъ сознаться, что ино-

странецъ, пріѣзжающій въ Неаполь, испытываетъ тотчасъ же нѣсколько непріятныхъ впечатлѣній, которыя часто имѣютъ большое вліяніе на его сужденіе о странѣ.

«Такъ, не безъ основанія жалуются на медленность, съ которою полиція исполняетъ всѣ формальности, необходимыя для впуска путешественниковъ въ страну. Впрочемъ, это должно быть отнесено только къ манерѣ исполненія своихъ обязанностей низшими чиновниками, потому что въ сущности мѣры относительно пріѣзжающихъ чрезвычайно благоразумны и необходимы для предохраненія страны отъ золъ политическихъ, нравственныхъ и даже религіозныхъ, которыя могли бы вкрасться въ нее извнѣ.

«Таможенный осмотръ при въѣздѣ даетъ очень грустное понятіе о продажности низшихъ чиновниковъ по этой части, которые осматриваютъ или, лучше сказать, не осматриваютъ вашъ багажъ, только и думая о томъ, чтобы получить отъ васъ что-нибудь.

«То же зрѣлище продажности поражаетъ путешественника, когда онъ проникаетъ во внутренность страны. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ — не только необходимо представлять свой паспортъ, но эта формальность исполняется такимъ образомъ, что она кажется не мѣрою общественной безопасности, а просто предлогомъ вытянуть у путешественниковъ нѣсколько денегъ.

«Надо однакоже сказать, что эти злоупотребленія, повсюду распространенныя въ Италіи, имѣютъ свой корень въ обычаяхъ, которые ихъ оправдываютъ. Но путешественникъ, пріѣзжающій въ чужую страну, обыкновенно не старается поставить

себя на точку зрѣнія своихъ хозяевъ: онъ судитъ обо всемъ по своимъ понятіямъ, сравнивая то, что видитъ, съ постановленіями, обычаями и правами своихъ соотечественниковъ...

«Но какое блестящее вознагражденіе за эти непріятности! Едва вы вступите въ Неаполь, какъ передъ вами открывается истинный характеръ обитателей! На каждомъ шагу возстаютъ передъ вами свидѣтельства религіозной вѣры. Статуи Пресвятой Дѣвы или святыхъ украшаютъ всѣ площади. Нѣтъ ни одного памятника, пирамиды, фонтана, на верху котораго не стояло бы изображеніе Мадонны или почитаемаго святого, вызывая прохожихъ на благочестивыя размышленія. На углу каждой улицы вы находите нишу, гдѣ помѣщена статуя святого, подъ покровительство котораго отдали себя жители этой улицы. Это нѣчто въ родѣ маленькихъ часовенъ, поддерживаемыхъ съ благочестивымъ тщаніемъ, благолѣпно украшенныхъ; въ теченіе всей ночи предъ ними неугасимо горитъ лампада. Въ улицахъ болѣе длинныхъ число этихъ нишей увеличивается. Но, что еще болѣе замѣчательно, — независимо отъ этихъ общихъ выраженій благочестія, — въ каждомъ магазинѣ, самомъ богатомъ, равно какъ и въ самой бѣдной лавчонкѣ, противъ входа находится всегда образъ св. Дѣвы или святого, украшенный цвѣтами, а вечеромъ озаренный свѣчами. Это — домашніе алтари, воздвигаемые во славу высшихъ силъ, замѣнявшихъ, въ нѣдрахъ христіанской семьи, домашнихъ ларъ, которыхъ почитали язычники.

«Эта религіозность физіономіи большого города составляетъ одну изъ самыхъ поразительныхъ сторонъ неаполитанской столицы. Я былъ сю тронутъ

гораздо болѣе, нежели красотою залива, живописностью мѣстоположенія, блескомъ артистическихъ богатствъ и драгоцѣннѣйшихъ коллекцій древностей. Свидѣтельства живой религіозной вѣры народа, со всѣхъ сторонъ возстающія передъ очами, были для меня полнѣйшимъ ручательствомъ за него противъ клеветъ, которыя такъ упорно и безсовѣстно расточаютъ насчетъ этого добраго племени.

«Кто вздумалъ бы приписывать суевѣрію и невѣжеству эти внѣшніе знаки народнаго благочестія, тому стоило бы только, для уничтоженія своихъ сомнѣній, заняться изученіемъ простыхъ, истинно-христіанскихъ нравовъ народа. Достаточно войти, въ воскресеніе или въ праздникъ, въ церковь, чтобы убѣдиться въ искренности и чистотѣ религіозныхъ чувствъ, которыя такъ ярко выражаются на каждомъ шагу въ Неаполѣ.

«Не менѣе поразительно для иностранца то уваженіе, которымъ окружаетъ народъ представителей церкви. Благоговѣйное неаполитанцевъ предъ служителями Божіими совершенно напоминаетъ время первобытной церкви Христовой: безпрестанно встрѣчаете вы лица разныхъ сословій, останавливающіяся на улицахъ предъ монахомъ или священникомъ, чтобы поцѣловать у него руку, въ знакъ благоговѣйнаго уваженія.

«Нѣтъ, что бы ни говорили апологисты протестантской Англіи, — народъ, у котораго религія образуетъ сердце, очищаетъ и возвышаетъ стремленія, не можетъ быть ниже націи, которая понимаетъ религіозную истину лишь подъ призмою ереси. И если даже смотрѣть со стороны матеріальнаго благосостоянія (которая одна только и занимаетъ плѣсневые умы!), то какъ не признать, что рабо-

чіе классы въ Италіи, и въ Неаполѣ особенно, несравненно счастливѣе работниковъ въ какой бы то ни было части Соединеннаго Королевства!

«Если бы манчестерскій или бирмингэмскій работникъ захотѣлъ справлять въ теченіе года всѣ религіозныя торжества, строго соблюдаемыя въ Италіи, то его семья принуждена была бы умереть съ голоду. Въ Неаполѣ же, несмотря на чрезвычайно частые праздники, которые, освящая душу, содѣйствуютъ чрезъ то и благосостоянію тѣла, работникъ удовлетворяетъ весьма легко всѣмъ своимъ нуждамъ, съ семьею и дѣтьми. Англійскій работникъ, въ обыкновенныхъ условіяхъ, работаетъ больше, питается не лучше, семью свою содержитъ съ большимъ трудомъ и доходитъ до конца года съ большимъ истощеніемъ тѣла, не испытавъ ни одного изъ тѣхъ нравственныхъ услажденій, которыя католическая религія даетъ вкушать неаполитанскому простолюдину, находящемуся въ тѣхъ же условіяхъ. Такъ широкое значеніе, предоставленное у католическихъ націй жизни духовной, не только не уменьшаетъ, а напротивъ, возвышаетъ матеріальное благосостояніе! [21].

Въ этомъ описаніи вы видите, правда, только внѣшнюю сторону, — обряды и образа; вы не видите, до какой степени духъ христіанской религіи проникъ въ сердце народа. Г-нъ Гондонъ не говоритъ объ этомъ ни слова, а другіе увѣряютъ, что сущность христіанства вовсе непонятна для массъ и даже для многихъ изъ самихъ духовныхъ лицъ. Такъ, напр., у г. Верна находимъ увѣренія и факты, доказывающіе, что самая отвратительная безнрав-

[21] „De l'état des classes à Naples" par. J. Gondon, стр. 175—176.

ственность легко уживается у неаполитанскаго простонародья съ величайшею набожностью». Въ Калабріи и Абруццахъ безпрерывно происходятъ грабежи, но часть награбленнаго всегда идетъ на дѣла церковныя, на украшеніе иконъ, статуй и т. п. «Это очень милый способъ преклонять небо на милость, дѣлая его своимъ сообщникомъ!» — восклицаетъ остроумный туристъ. Само духовенство хлопочетъ только о томъ, чтобы народъ больше дѣлалъ приношеній на церковь, больше крестился и клалъ поклоны передъ образами, а затѣмъ — духовное возвышеніе народа нимало не интересуетъ его пастырей. Священники и монахи торгуютъ исповѣдью, проповѣдью, мессами: такъ, они не даютъ безъ денегъ разрѣшенія на бракъ, требуютъ платы за позволеніе ѣсть скоромное въ постные дни, продаютъ чотки и частички мощей, молитвы за умершихъ, находящихся въ чистилищѣ, торгуютъ мессами, собирая деньги съ сотни персонъ, заказывающихъ службу, и отправляя ее для всѣхъ заодно. Наконецъ, они придумываютъ явленія и чудеса, чтобы привлечь въ свои церкви больше народа и слѣдовательно больше приношеній. Такъ, напримѣръ, тотчасъ послѣ послѣдняго землетрясенія въ Неаполѣ, публиковалось avviso sacro, утверждавшее, что городъ спасенъ отъ конечной гибели единственно чуднымъ заступленіемъ святого Эмидіо, и слѣдствіе того приглашавшее народъ устремиться въ церковь его для принесенія ему благодарности. Священники собора св. Дженаро обидѣлись за своего святого и весьма энергически объявили, что, напротивъ, дѣло спасенія города принадлежитъ вовсе не Эмидіо, и никому другому, а святому Дженаро, который всегда былъ особенно популяренъ въ Нea-

полѣ. Подобнаго рода разногласіе между членами духовенства произошло по поводу вопроса о новомъ догматѣ безпорочнаго зачатія св. Дѣвы. Скоттисты, поддерживающіе догматъ, опирались между прочимъ на откровеніи св. Бригитты, которая почти положительно рѣшала вопросъ въ ихъ пользу. Но къ несчастью, св. Катерина, по увѣренію томистовъ, объявила совершенно противное! Подобныя разногласія, разумѣется, не обходятся безъ маленькаго скандала, о которомъ г. Веринъ довольно лукаво сожалѣетъ. Вообще же онъ находитъ, что у неаполитанцевъ живая вѣра Христова и истинное религіозное чувство превратились въ жалкій фетишизмъ» [25].

Не приводя другихъ свидѣтельствъ, заподозривающихъ цѣну неаполитанской религіозности, не можемъ умолчать однако, что г. Мишонъ, хотя и аббатъ, къ сожалѣнію, совершенно сходится въ своихъ отзывахъ съ людьми либеральнаго образа мыслей. Аббатъ очень остроумно подсмѣивается, напримѣръ, надъ неаполитанскими проповѣдниками, приводя въ примѣръ анализъ одной проповѣди какого-то отца Джузеппе Фуріа на тему, что «цѣломудріе равняетъ человѣка съ ангелами». Вся проповѣдь, — говоритъ аббатъ Мишонъ, — была чисто въ аскетическомъ духѣ; отецъ Фуріа не дѣлалъ ни малѣйшаго примѣненія къ общественной жизни, ни малѣйшей уступки даже супружескимъ отношеніямъ, — онъ требовалъ чистѣйшаго цѣломудрія и разсыпался для него въ самыхъ яркихъ метафорахъ и благоуханныхъ фразахъ, съ весьма патетическими жестами, по обыкновенію. «Разумѣется, не такія проповѣди могутъ оживлять добрыя стремленія

[25] „Naples et les Napol.“, chap. V–VI, Religion, miracles.

въ душѣ и укрѣплять человѣка въ практической жизни, — замѣчаетъ аббатъ Миньонъ; — а между тѣмъ всѣ почти проповѣдники въ Неаполѣ берутъ темы столько же безплодныя и отвлеченныя, слѣдуютъ той же рутинѣ и схоластикѣ». Вообще онъ замѣчаетъ, что духовенство въ Неаполѣ плохо образовано, грубо и часто не понимаетъ даже своихъ обязанностей. Служителями церкви дѣлаются отъ-некуда-дѣваться. Къ одному изъ аристократовъ Неаполя явился молодой, дюжій парень, съ грубыми замашками, одѣтый клеркомъ; священникъ, который привелъ его, просилъ сеньйора внести за него плату, необходимую для того, чтобы молодой человѣкъ могъ получить священство. Сеньйоръ былъ непріятно удивленъ и замѣтилъ: «Помилуйте, да ему бы лучше въ солдаты идти!» — «Это правда, — замѣтилъ священникъ, — но онъ очень трусливъ!» Въ этомъ и состояло его призваніе къ священству, — ядовито замѣчаетъ аббатъ Миньонъ [26].

Мы не имѣемъ особеннаго интереса защищать католическое духовенство бывшихъ неаполитанскихъ владѣній; мы не рѣшаемся на это тѣмъ болѣе, что въ недостаткахъ его сознаются сами его защитники. Такъ, напр., виконтъ Лемерсье соглашается, что «духовенство неаполитанское далеко не такъ безукоризненно, какъ французское; количество его, слишкомъ значительное въ сравненіи съ народонаселеніемъ, заставляетъ его, болѣе чѣмъ нужно, соприкасаться съ теченіемъ дѣлъ житейскихъ, они входятъ въ семейства болѣе въ качествѣ знакомыхъ, нежели духовныхъ отцовъ. Уваженіе къ ихъ священному званію ничуть не страдаетъ

[26] „L'Italie pol. et rel.", стр. 110, 113.

отъ этого, но самая личность уже не внушаетъ духовнаго благоговѣнія. У народа менѣе религіознаго такія отношенія скоро породили бы ссоры и даже скандалы; но у неаполитанцевъ, не вредя нимало ихъ вѣрѣ, они только уменьшаютъ престижъ священнической рясы»[27]. Впрочемъ благородный виконтъ кончаетъ тѣмъ, что все это — пустяки, и что «никакимъ образомъ не должно вѣрить баснямъ относительно клира, вымышленнымъ людьми, которые желали бы уменьшить спасительное вліяніе духовенства на массы». Вотъ это-то намъ и нужно, это для насъ главное. Пусть духовенство будетъ и грубо, и не безукоризненно въ своемъ поведеніи, и необразованно; мы спорить не станемъ. Но оно имѣетъ огромное вліяніе на массы — вотъ фактъ, котораго никто не отрицаетъ. Фактъ этотъ указывается уже самымъ количествомъ духовенства въ Неаполѣ. Аббатъ Миноиъ говоритъ, что количество духовныхъ считаютъ въ Неаполѣ равнымъ около трети всего мужского населенія. Эту цифру онъ считаетъ очень преувеличенною; но чтобы дать понятіе о многочисленности клира, даетъ слѣдующую мѣрку: «Однажды, — говоритъ онъ, — идя по улицѣ Толедо, я изъ любопытства вздумалъ считать священниковъ, которые мнѣ встрѣчались: въ теченіе полчаса я насчиталъ ихъ 120, и бросилъ считать». Ясно, что если даже не нравственнымъ вліяніемъ, то однимъ своимъ присутствіемъ духовенство должно составлять въ Неаполѣ значительную силу. Но и вліяніе его велико; объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ всего лучше люди, враждебные къ нему. Такъ, г. Теодоръ Верицъ пишетъ: «Если законы въ Неа-

[27] „Quelques mots de ver. s. Naples", стр. 18.

полѣ вообще мало оказываютъ вліянія на нравы, зато совершенно противное надо сказать о религіи, дѣйствующей различными средствами и на личность, и на семейство, и на цѣлое общество. Духъ католическій и клерикальный здѣсь господствуетъ и управляетъ, и на немъ-то лежитъ почти вся отвѣтственность за настоящее положеніе вещей. Онъ въ теченіе вѣковъ упорно работалъ надъ тѣмъ, чтобы понизить нравственный и умственный уровень народнаго характера. Теперь онъ отказался, правда, отъ ужасныхъ мѣръ среднихъ вѣковъ: онъ не убиваетъ тѣла, но зато вынимаетъ изъ него душу»[28].

Мы знаемъ, что значатъ эти выраженія въ устахъ Верна, и изъ его словъ мы дѣлаемъ простое заключеніе, что вліяніе клира въ Неаполѣ — огромно и что оно всегда было направлено къ тому, чтобы смирить кичливое недовольство, успокоить страсти и внушить народу послушаніе и самоотверженіе. Этого было бы довольно намъ для вывода, что церковь въ Неаполѣ всегда была помощницею законной власти Бурбоновъ, а никакъ не возбуждала народъ къ волненіямъ и недовольству. Но чтобы окончательно разрушить всякое сомнѣніе по этой части, мы должны коснуться еще одного подозрѣнія, которое въ послѣдніе годы распространено было злонамѣренными людьми насчетъ непріятностей, возникшихъ будто бы между Фердинандомъ II и святѣйшимъ отцомъ. Трудно было бы повѣрить этому, зная, какъ благочестивъ былъ король неаполитанскій и какъ много дѣлалъ онъ для церкви. Извѣстно, напр., что онъ назначилъ святого Игнатія Лойолу маршаломъ своей арміи и опредѣлилъ

[28] „Naples et les Napol.“, стр. 165.

ему огромное жалованье, которое выплачивалось обществу іезуитовъ [29]. Извѣстно, что духовный отецъ Фердинанда, монсеньйоръ Кокль, имѣлъ на него такое сильное вліяніе, что его считали даже превышающимъ вліяніе начальника полиціи Делькаретто. Извѣстно, что король строго выполнялъ всѣ религіозные обряды, аккуратно являлся въ церковь, когда должно было совершаться чудо съ кровью св. Дженнаро, просилъ о совершеніи этого чуда даже тогда, когда рѣшился освѣтить газомъ свою столицу [30]. Извѣстно, что по его желанію въ Римѣ въ послѣдніе годы его жизни наряжена была комиссія о причисленіи къ лику святыхъ первой жены его, Маріи Христины, умершей въ 1836 г. [31].

---

[29] „L'Italie Moderne", par Ch. Masade, стр. 270.

[30] Когда что-нибудь [illegible] совершится въ Неаполѣ, тогда [illegible] кровь св. Дженнаро не растворяется. Вотъ почему, для успокоенія народа, [illegible] должно [illegible] св. Дженнаро чудо совершилось, и народъ успокоился, [illegible] Въ послѣднее время [illegible] устроили, чтобы чудо не совершалось, [illegible] въ Неаполь; но Гарибальди устроилъ дѣло по-своему.

[31] Мы не можемъ [illegible] въ удостовѣреніи [illegible] нашимъ читателямъ [illegible] разсказъ [illegible] De l'état des choses à Naples, стр. [illegible] 1853 [illegible] января, [illegible] гробъ, заключавшій останки ея, былъ открытъ [illegible] въ присутствіи кардинала архіепископа неаполитанскаго, всѣхъ членовъ комиссіи, [illegible] и другихъ лицъ. [illegible] Гробъ былъ открытъ [illegible] и удивленіе, когда [illegible] въ членахъ и мягкимъ, какъ у человѣка [illegible] руки и пр., и онѣ [illegible] свое положеніе, [illegible] При этомъ не замѣчено [illegible] благоуханіе. А между тѣмъ передъ смертію тѣло королевы было все сожжено ан-

Все это уже свидѣтельствуетъ въ пользу полнѣйшаго согласія бурбонскаго правительства съ папскимъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ было между ними маленькое недоразумѣніе по поводу іезуитовъ. Враги порядка и добраго согласія хотѣли воспользоваться этимъ, чтобы прокричать о несогласіяхъ между Римомъ и Неаполемъ. Но вотъ что говоритъ по этому поводу благочестивый Жюль Гондонъ: «Будьте увѣрены, что чувства короля въ отношеніи къ сынамъ св. Игнатія совершенно таковы же, какъ и самой церкви, и доказательствомъ этому служитъ неограниченное довѣріе, которымъ пользуются члены этого славнаго общества во всемъ королевствѣ. Свобода дѣйствій, предоставленная іезуитамъ, не имѣетъ предѣловъ; можно сказать, что имъ ввѣрилъ король воспитаніе всѣхъ классовъ общества. Недаромъ поручено имъ было управленіе церковною школою, куда приходили отличнѣйшіе члены клира изъ разныхъ діоцезовъ; они и теперь воспитываютъ дѣтей аристократовъ, въ благородныхъ колегіумахъ, и дѣтей средняго класса, въ

[illegible]

во всѣхъ состояніяхъ!..“

лицеяхъ; они имѣютъ своихъ профессоровъ въ военной школѣ; духовное направленіе арміи поручено ихъ усердію; тюрьмы отданы въ ихъ полное распоряженіе, госпитали открыты для ихъ отеческихъ попеченій. Такимъ образомъ, за исключеніемъ нормальной церковной школы, іезуиты управляютъ всѣми учрежденіями, и непріятности, происшедшія недавно и направленныя болѣе противъ нѣкоторыхъ личностей, хотя и опечаливаютъ всѣ католическія сердца, но не должны подавать повода къ сомнѣніямъ въ продолженіи наилучшихъ отношеній между королемъ и святѣйшимъ отцомъ» [32].

Такимъ образомъ мы приходимъ къ рѣшительному заключенію, что одна изъ самыхъ важныхъ силъ, управляющихъ жизнью народа, — религія была въ Неаполѣ постоянно въ союзѣ съ королевской властью, и что служители религіи, имѣя огромное вліяніе, располагали народъ не къ нововведеніямъ и самодовольству, а къ послушанію, самоотверженію и сохраненію утвержденныхъ порядковъ и обычаевъ. Консерватизмъ религіозный неразлучно связывался съ консерватизмомъ политическимъ.

Теперь перейдемъ къ другой силѣ — воспитанію. Мы знаемъ, что идеи, внушаемыя въ первые годы ученія, очень глубоко западаютъ въ душу, и что отъ направленія общественнаго воспитанія въ данный періодъ много зависитъ политическое состояніе народа и государства, иногда въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Въ Неаполѣ и эта сторона представляется намъ въ самомъ удовлетворительномъ видѣ. Нѣсколькими строками выше, изъ свидѣтельства г. Гондона мы узнали, что воспитаніе всѣхъ классовъ общества

[32] Jules Gondon, „De l'état des choses à Naples", стр. 198.

въ Неаполѣ ввѣрено было іезуитамъ. Этого уже довольно, чтобы не подозрѣвать въ неаполитанскомъ воспитаніи даже и тѣни какого-нибудь либерализма. Стоитъ вспомнить нападки на іезуитовъ, хоть напр. во Франціи, въ 1844 и 1845 годахъ. Тогда гг. Мишле и Кине читали публичныя лекціи о зловредности іезуитовъ, и вся сущность обвиненій, направленныхъ этими либералами противъ почтеннаго ордена, состояла въ томъ, что «іезуиты задерживаютъ дѣло свободы, іезуиты препятствуютъ успѣху новыхъ идей, іезуиты составляютъ — контръ-революцію». Понятно, слѣдовательно, въ какомъ направленіи должно было совершаться, подъ ихъ руководствомъ, воспитаніе неаполитанскаго народа! Недаромъ Гарибальди, какъ только овладѣлъ королевствомъ, такъ и выгналъ ихъ — и изъ Сициліи, и изъ Неаполя, и даже конфисковалъ ихъ имѣнія. Понятно, что для революціонеровъ это были самые опасные люди.

Чтобъ не останавливаться на простыхъ соображеніяхъ a priori, мы однако и здѣсь приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ и фактовъ. Вотъ слова Монтанелли, изъ которыхъ видно, что дѣйствіе воспитанія систематически было направляемо къ цѣлямъ, сообразнымъ съ волею правительства, и что въ этомъ случаѣ само духовенство, при всемъ просторѣ своихъ дѣйствій, было подвержено строгому контролю. «Независимо отъ своихъ прямыхъ средствъ, которыми католическое духовенство сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы, оно владѣло въ Неаполѣ еще средствами особыми, данными ему прямо отъ правительства, и между прочимъ — неограниченной властью въ дѣлѣ народнаго образованія. Изъ четырехъ университетовъ — въ

Неаполѣ, Палермо, Мессинѣ и Катанѣ — только въ одномъ послѣднемъ начальникъ не былъ духовный. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были заведены школы, учреждался комитетъ изъ четырехъ священниковъ и полицейскаго комиссара для наблюденія за воспитанниками. Комитетъ этотъ давалъ позволеніе вступить въ школу только тѣмъ, которые предварительно приписывались къ какому-нибудь религіозному обществу. Лицеи, семинаріи, коллегіумы и всѣ вообще учебныя заведенія были въ рукахъ іезуитовъ. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ считалось (въ началѣ царствованія Фердинанда) болѣе 60,000 духовныхъ, въ томъ числѣ 30,000 монаховъ. Правительство заботилось, чтобы начальники этой арміи — архіепископы, епископы, приходскіе священники, настоятели монастырей, игумны — избираемы были изъ самыхъ рабольѣпныхъ и низкихъ, для того, чтобъ всякій священникъ или монахъ, сохранившій подъ полукафтаньемъ или клобукомъ чувства гражданина (а въ такихъ тоже не было недостатка у неаполитанской демократіи), были подвержены строгой инквизиціи въ своей же кастѣ» [33].

Но, не довольствуясь усердіемъ іезуитовъ, бурбонское правительство чрезвычайно тщательно слѣдило само за всѣмъ, что могло казаться подозрительнымъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Такъ, напр., университетъ неаполитанскій, котораго профессора въ прежнее время особенно славились и имѣли вліяніе на молодежь, былъ постоянно стѣсняемъ очень суровымъ контролемъ. Въ 1848 г. многіе изъ профессоровъ принуждены были удалиться или брошены въ тюрьму, и съ тѣхъ поръ универ-

---

[33] Montanelli, „Mémoires sur l'Italie", Paris 1857, t. II, стр. 80.

ситетъ начинаетъ падать. Лучшіе изъ профессоровъ, успѣвшіе избѣжать тюрьмы и ссылки, поселились въ Туринѣ, въ Парижѣ, и тамъ читали лекціи. Оставшіеся были такъ стѣснены и матеріально, и нравственно, что не могли высказывать и того немногаго, что имѣли на душѣ. Несмотря на то, увеличеніе студентовъ въ университетѣ показалось Фердинанду опаснымъ признакомъ умничанья молодежи, и потому въ 1854 г. изданъ былъ указъ, запрещавшій вступать въ неаполитанскій университетъ молодымъ людямъ, кромѣ только тѣхъ, которые по происхожденію принадлежали къ провинціи Неаполитанской или Лабурской. Въ другихъ провинціяхъ предполагались *академіи* для молодыхъ людей, и указъ редижировать былъ въ смыслѣ заботливости правительства о семейной нравственности и экономіи: мѣстныя академіи назначены были къ тому, чтобы предохранять семейства отъ напрасныхъ тратъ, а молодежь отъ нравственныхъ опасностей, неизбѣжно грозящихъ юношѣ, оставляющему родительскій кровъ. Само собою разумѣется при этомъ, что провинціальныя академіи никакимъ образомъ не могли равняться съ неаполитанскимъ университетомъ въ размѣрахъ и достоинствѣ своихъ курсовъ.

Что касается до самихъ университетовъ, то программы и правила ихъ всегда были очень хорошо составлены и давали широкую свободу преподаванію. Но это вовсе не значило, чтобы правительство отвращало отъ нихъ свое бдительное око. Напротивъ, оно зорко слѣдило за всѣмъ, что дѣлалось въ университетахъ, и при первомъ подозрѣніи принимало благоразумныя мѣры. Монтанелли говоритъ о двухъ профессорахъ неаполитанскаго университета,

Саличетти и Саварезе, которыхъ оставляли на ихъ каѳедрахъ съ тѣмъ только, чтобы они не читали своихъ курсовъ[34]. Вообще открытіе каждаго курса должно было сначала получить разрѣшеніе правительства, черезъ посредство полиціи. Случалось такъ, что позволеніе давалось, но потомъ, послѣ новыхъ соображеній, отмѣнялось наканунѣ открытія курсовъ. Г-нъ Верне разсказываетъ такой случай объ одномъ профессорѣ права, человѣкѣ самаго скромнаго характера и извѣстнаго преданностью королю; единственная причина запрещенія его курса состояла въ томъ, что его чтенія могли возбудить толки о разныхъ формахъ правленія и о правительственныхъ мѣрахъ[35]. Впрочемъ иногда даже и этихъ соображеній не нужно было, чтобы затруднять курсы: такъ, по свидѣтельству Монтанелли, полиція вмѣшивалась даже въ курсы физики Мелони[36]. Только изученіе древнихъ языковъ поощрялось необыкновенно, разумѣется, исключительно съ филологической точки. Чтеніе древнихъ писателей, въ родѣ Аристофана, Демосѳена, Тацита и пр., было даже запрещено, но многіе годы усиленнаго труда употребляемы были для изученія всѣхъ лингвистическихъ трудностей и филологическихъ тонкостей. Кончалось тѣмъ, что молодые люди, отлично выучивши всѣ грамматики и половину лексиконовъ греческихъ и латинскихъ, получали отвращеніе къ чтенію древнихъ писателей и употребляли свое знаніе лишь на сочиненіе казенныхъ разсужденій на заданныя темы. Но нельзя не сознаться, что занятіе древними языками много спасало

[34] Montanelli, „Mém. s. l'Italie", t. II, стр. 110.
[35] „Naples et les Napol.", стр. 60.
[36] Montanelli, „Mém. s. It.", стр. 82.

ихъ отъ вольнодумныхъ разсужденій о настоящемъ порядкѣ вещей и отъ опасныхъ мечтаній о будущемъ.

Кромѣ прямыхъ запрещеній, дѣйствовали на ходъ образованія и мѣры посредственныя, состоявшія, напримѣръ, въ томъ, что послушаніе и хорошее поведеніе награждались вниманіемъ и поощреніемъ предпочтительно предъ всѣмъ остальнымъ. И это примѣнялось не только къ личностямъ, но даже къ цѣлымъ заведеніямъ. Такъ, напримѣръ, музыкальная консерваторія въ Неаполѣ постоянно пользовалась нерасположеніемъ Фердинанда и лишена была всякой правительственной поддержки въ послѣднее время, за неблагонадное поведеніе ея воспитанниковъ въ 1848 г. Двое отличнѣйшихъ итальянскихъ астрономовъ, Нобиле и Каччи, одинъ за другимъ бывшіе директорами обсерваторіи Capo-di-Monte, оба были отставлены за либеральныя идеи. Профессора сицилійскихъ университетовъ получали за свои уроки плату, составлявшую содержаніе $2^1/_2$ франка (около 60 коп.) въ день, — это почти равнялось жалованью швейцарскихъ солдатъ и жандармовъ въ Неаполѣ [37]. Указываютъ также на одинъ примѣръ, что ученые или профессора, не получая никакихъ пособій отъ правительства и имѣя весьма скудное содержаніе, разорялись на научные опыты и принуждены были отказываться отъ своихъ занятій. Даже въ отношеніи къ прошедшему было то же самое. Въ Бурбонскомъ музеѣ никогда не хотѣли позаботиться о пріобрѣтеніи картинъ Сальватора Розы: хотя это былъ лучшій изъ художниковъ, рожденныхъ въ Неаполѣ, но его по-

[37] „Hist. de l'Italie", par Ricciardi, стр. 69.

литическія убѣжденія были не хороши, и потому картины его считались, даже и по прошествіи двухъ столѣтій, недостойными Бурбонскаго музея...

По этимъ даннымъ не трудно составить себѣ понятіе о томъ, до какой степени могло возмущать неаполитанскихъ юношей направленіе, вредное правительству. Ясно, что ему прократься не было почти никакой возможности. Но мы знаемъ еще болѣе: мы имѣемъ въ рукахъ указаніе на то, какъ священники и іезуиты старались проводить направленіе, сообразное съ видами правительства. Въ письмахъ Гладстона цитирована одна книга, сочиненная для употребленія въ школахъ въ Неаполѣ. Тамъ, между прочимъ, есть наставленія и объ отношеніи подданныхъ къ правительству. Гладстонъ, въ качествѣ англичанина, думаетъ, что наставленія эти ужасны и невѣроятны, и потому опасается даже, чтобъ его цитаціи не заподозрили въ невѣрности и преувеличеніи. Оттого онъ съ забавной подробностью описываетъ удивительную для него книгу и приводитъ полное ея заглавіе. Вотъ оно: «Catechismo filosofico per uso delle scuole inferiori. Napoli, presso Raffaele Mirondo. 1850». Въ другомъ изданіи, катехизисъ этотъ составляетъ, по словамъ Гладстона, часть коллекціи, называемой: «Collezione di buoni libri a favore della verità e della virtù». Имени автора на ней нѣтъ, но приписывали ее каноннику Аппуцци, бывшему во главѣ комитета народнаго просвѣщенія. Катехизисъ этотъ имѣетъ латинскій эпиграфъ: «videite, ne quis vos decipiat per philosophiam» (смотрите, чтобы кто-нибудь не обманулъ васъ философіей), и посвященъ «государямъ, епископамъ, начальникамъ, наставникамъ юношества и всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ». Въ пре-

дисловіи авторъ говоритъ, что «правительство желаетъ ввести во всѣ школы преподаваніе практической философіи по этой книгѣ, и что за преподавателями постоянно будутъ невидимо слѣдить, точно ли они исполняютъ свои обязанности относительно внушенія юношамъ здравыхъ понятій, заключающихся въ катехизисѣ», и пр., и пр.[38].

Все это Гладстонъ приводитъ затѣмъ, чтобы внушить болѣе ужаса къ режиму, при которомъ могутъ быть въ ходу такія книги. Но мы, зная «Катехизисъ» только по его цитатамъ, вовсе не находимъ его такъ безнравственнымъ и потому не намѣрены приходить отъ него въ ужасъ. Мы приведемъ его цитаты единственно затѣмъ, что онѣ показываютъ, какъ усердно и основательно съ самыхъ малыхъ лѣтъ внушались подданнымъ Фердинанда и Франциска начала долга и повиновенія законной власти.

«Катехизисъ» написанъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, по обыкновенной манерѣ катехизисовъ. Но напрасно было бы искать въ немъ какого-нибудь сходства съ тѣми катехизисами, какіе мы знаемъ и по которымъ каждый изъ насъ учился. У насъ обыкновенно учитель спрашиваетъ, а ученикъ отвѣчаетъ; здѣсь же совершенно наоборотъ — учитель отвѣчаетъ на вопросы ученика. Такимъ образомъ книга, цитируемая Гладстономъ, не представляетъ ни малѣйшаго подобія съ обычными катехизисами, употребляемыми въ нашихъ школахъ. Учитель объясняетъ ученику, между прочимъ, значеніе королевской власти, говоря, что власть эта не только божественнаго происхожденія, но сверхъ того, по

[38] „Two Letters to the Earl of Aberdeen, on the State Prosecutions of the Neapolitan government", стр. 50—51 и слѣд.

самой своей сущности, должна быть неограниченна. Ученикъ спрашиваетъ:

«— А можетъ ли самъ народъ установить основные законы въ государствѣ?

«— Нѣтъ, — отвѣчаетъ учитель, — потому что конституція или основные законы необходимо составили бы ограниченіе верховной власти. А эта власть не можетъ подчиняться никакой мѣрѣ, никакому предѣлу, развѣ только по собственному желанію государя; иначе она и не была бы властью верхонею и высшею, учрежденною самимъ Богомъ для блага обществъ.

«*Ученикъ.* А если народъ, избирая государя, предложитъ ему извѣстныя условія и ограниченія, могутъ ли они составлять конституцію или основные законы для государства?

«*Учитель.* Да, если только государь *самъ свободно* ихъ приметъ и утвердитъ. Въ противномъ случаѣ — нѣтъ, потому что народъ созданъ для того, чтобы повиноваться, а не приказывать, и слѣдовательно не можетъ предписывать законовъ властителю, который власть свою получаетъ не отъ народа, а отъ Бога.

«*Ученикъ.* Предполагая, что владѣтель, принимая управленіе государствомъ, принялъ и утвердилъ конституцію и обѣщалъ или поклялся хранить ее,— обязанъ ли онъ сдержать свое обѣщаніе и соблюдать эту конституцію или основные законы?

«*Учитель.* Да, если только это не разрушаетъ основаній верховной власти и не противно общимъ интересамъ государства.

«*Ученикъ.* Почему же вы находите, что государь не обязанъ соблюдать конституцію, какъ скоро она посягаетъ на права его верховной власти?

«*Учитель.* Мы уже рѣшили, что верховная власть есть высочайшая и неограниченная, установленная Богомъ для блага общества, и эта власть, ниспосланная отъ Бога, какъ необходимая, должна быть сохраняема нерушимо и неприкосновенно: она не можетъ быть ограничена или уменьшена человѣкомъ, безъ противленія законамъ природы и божественной волѣ. Поэтому во всѣхъ случаяхъ, когда народъ захочетъ постановить правила, ограничивающія верховную власть, и когда государь обѣщаетъ соблюдать эти правила, — подобная претензія народа есть нелѣпость, а обѣщаніе — недѣйствительно, и государь вовсе не обязанъ сохранять конституцію, которая противна вѣчнымъ Божіимъ; напротивъ, онъ обязанъ сохранять вполнѣ и нерушимо верховную власть, отъ Бога установленную и отъ Бога ему ввѣренную.

«*Ученикъ.* Кому же принадлежитъ право рѣшать, нарушаетъ ли конституція права верховной власти и противна ли она благу народа?

«*Учитель.* Это дѣло самого властителя, потому что въ немъ обитаетъ высшая и абсолютная власть, установленная Богомъ въ государствѣ, для сохраненія въ немъ добраго порядка и благосостоянія.

«*Ученикъ.* Нѣтъ ли опасности, что властелинъ можетъ нарушить конституцію безъ законной причины, введенный въ заблужденіе или увлеченный страстью?

«*Учитель.* Ошибки и страсти — это болѣзни человѣческаго рода; но благо здоровья не слѣдуетъ отвергать изъ опасенія болѣзни.

«*Ученикъ.* Почему же вы полагаете, что государь можетъ нарушить конституцію, если находитъ ее противною интересамъ государства?

«*Учитель.* Богъ ввѣрилъ властителямъ верховную власть для того, чтобъ они устраивали благо общества; въ этомъ, значитъ, и состоитъ первая обязанность государя. Поэтому, если данная конституція или основной законъ оказываются вредны, то они теряютъ свою обязательную силу для государя. Предположите, что докторъ обѣщался и поклялся больному, что онъ ему пуститъ кровь, а потомъ убѣдился, что кровопусканіе будетъ гибельно больному; ясно, что онъ долженъ преступить свою клятву, потому что выше всѣхъ клятвъ и обѣщаній для медика стоитъ обязанность заботиться объ излѣченіи больного. Такъ точно и для государя высшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о благѣ своихъ подданныхъ; никакая клятва не можетъ обязывать человѣка дѣлать зло, и слѣдовательно никакой клятвой властитель не можетъ быть принужденъ дѣлать то, что онъ признаетъ вреднымъ для своихъ подданныхъ. Сверхъ того, наконецъ, глава католической церкви имѣетъ дарованное ему отъ Бога право разрѣшать совѣсть отъ данной клятвы, когда онъ находитъ для того достаточныя основанія».

Какъ протестантъ, Гладстонъ возмущается послѣднимъ пунктомъ; какъ англичанинъ, — онъ считаетъ «безнравственными и отвратительными» всѣ понятія, внушаемыя ученику искуснымъ учителемъ. Гладстонъ такъ крѣпокъ въ противныхъ убѣжденіяхъ, что не считаетъ нужнымъ даже доказывать своей мысли о «вредѣ и низости» принциповъ «Философскаго Катехизиса». Но нашлись благоразумные люди, которые ему сказали: «Да что же тутъ безнравственнаго? Это очень справедливо, это превосходно! Честь и слава клиру неаполитанскому,

бодрствующему надъ спасеніемъ душъ и охраненіемъ порядка общественнаго! Слава и мудрому правительству, такимъ образомъ споспѣшествующему вѣчной истинѣ проникать въ сознаніе народа» и пр.[39]. Мы съ своей стороны не имѣемъ надобности распространяться предъ нашими читателями о томъ, что не можемъ выразить согласія съ понятіями Гладстона и должны скорѣе принять мнѣнія г. Гондона, нежели его. Если что мы можемъ не одобрить въ «Катехизисѣ», такъ это одно — излишнее распространеніе съ юношами о такихъ вещахъ, которыя не относятся къ ихъ прямому назначенію и которыя должны быть ими приняты безпрекословно, безъ всякихъ разсужденій. Юноша, принадлежащій къ неаполитанскому обществу, долженъ былъ знать, безъ всякихъ катехизисовъ, что въ Неаполѣ царствуютъ Бурбоны, и что они должны издавать законы, отмѣнять или улучшать ихъ, а онъ долженъ только повиноваться всѣмъ распоряженіямъ власти. Стараясь ему доказывать это, «Катехизисъ» могъ внушить ему вредное мнѣніе, будто онъ можетъ всегда требовать резоновъ для своего послушанія и разсуждать о томъ, согласна ли наконецъ власть Бурбоновъ съ самимъ божественнымъ правомъ! Это ужъ было бы очень дурно. Но мы находимъ извиненіе для автора «Катехизиса» въ обстоятельствахъ, при которыхъ была написана его книга: это было въ 1850 г., когда революція только что укрощалась въ Неаполѣ, когда противъ короля повсюду слышались обвиненія, что онъ измѣнилъ конституціи, которой присягалъ торжественно, и пр. Въ виду такихъ толковъ и въ

[39] Jules Gondon, „Terreur à Naples", стр. 15.

надеждѣ на силу своего убѣжденія, каноникъ Аппуцци и рѣшился поставить вопросъ довольно прямо. По нашему мнѣнію, его «Катехизисъ» весьма хорошо приспособленъ для своей цѣли, тѣмъ болѣе, что къ этой цѣли, какъ мы видѣли, вело и все остальное въ воспитаніи неаполитанскаго юношества.

Такимъ образомъ, вторая сила, образующая общества и опредѣляющая ихъ характеръ, вовсе не была направлена въ Неаполѣ къ возбужденію умовъ противъ правительства Бурбоновъ, а напротивъ, всячески содѣйствовала его укрѣпленію.

Собственно говоря, этого и довольно было бы для полнаго убѣжденія, что все неаполитанское общество и народъ были направляемы наилучшимъ образомъ, въ смыслѣ постоянной покорности и сохраненія власти Бурбоновъ. Три остальныя явленія, названныя нами выше, — литература, общественныя собранія и тайныя общества, — составляютъ уже не болѣе какъ частности, далеко не имѣющія надъ умами такой силы, какъ религія и воспитаніе. Но весьма много есть людей, придающихъ имъ преувеличенное значеніе и даже имъ однимъ приписывающихъ часто не только народныя волненія, но и всякаго рода непріличности. Недавно, напримѣръ, въ Парижѣ полиція закрыла балы въ залѣ Бартелеми, гдѣ канканировали ужъ слишкомъ откровенно: одинъ изъ ультрамонтанскихъ журналовъ вошелъ по этому поводу въ нравственныя разсужденія, которыхъ смыслъ былъ тотъ: вотъ что значитъ читать дурные журналы, въ родѣ «Siècle» и «Opinion Nationale», отвергающіе и свѣтскую власть папы и все святое!.. Мы помнимъ также инспектора одного учебнаго заведенія, гдѣ мы воспитывались, — который, поймавши воспитанниковъ

съ папироскою, входилъ въ страшный азартъ и принимался увѣрять, что все это вліяніе Гоголя и натуральной школы! . . Для подобныхъ людей необходимо разсмотрѣть и то, не подкапывался ли тронъ Бурбоновъ посредствомъ литературы и прочихъ второстепенныхъ средствъ.

Относительно литературы читатели знаютъ, конечно, наше мнѣніе. Не разъ говорили мы, что признаемъ ея значеніе только въ смыслѣ разъясненія вопросовъ, которые уже задаетъ само общество, а никакъ не въ смыслѣ созданія новыхъ стремленій и элементовъ общественной жизни, независимо отъ самихъ жизненныхъ фактовъ. Въ прошломъ году мы даже успѣли возбудить противъ себя негодованіе многихъ почтенныхъ литераторовъ, рѣшившись приложить эту мысль къ русской литературѣ [40]. Можетъ быть, мы и заслужили тогда это негодованіе, потому что говоря о предметѣ столь близкомъ для всѣхъ насъ, какъ родная литература, естественно не могли высказывать сужденій вполнѣ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ и чрезъ то давали поводъ толковать наши слова въ противность ихъ истинному смыслу. Но тѣмъ не менѣе, мы не отказываемся отъ своихъ словъ ни въ отношеніи къ русской, и ни къ какой другой литературѣ, и всего менѣе къ неаполитанской, которая, какъ увидимъ, находилась при Бурбонахъ въ положеніи почти исключительномъ, о которомъ, — надо полагать, — читатели наши не имѣютъ ни малѣйшаго понятія.

Есть положенія, въ которыхъ литература, журналистика — замѣняютъ школы и лекціи и служатъ къ образованію взглядовъ и стремленій молодого

---

[40] Въ статьѣ „Литературныя мелочи".

поколѣнія. Это тогда, когда воспитаніе школьное слишкомъ уже мертво, слишкомъ противно естественнымъ требованіямъ мысли, когда оно стремится не развивать, а убивать духъ, и внушаетъ такія начала, которыхъ нелѣпость чувствуется даже ребенкомъ. Тогда школы падаютъ въ общемъ мнѣніи, наставленія учителей презираются, и школьники, подсмѣиваясь надъ своими уроками, бѣгутъ искать истины и удовлетворять свою любознательность въ постороннемъ источникѣ. Образъ мыслей молодежи складывается уже не по урокамъ въ школѣ, а по прочитанныхъ книжкамъ . . .

«Ну, вотъ въ этомъ-то положеніи и находилось неаполитанское общество при Бурбонахъ», восклицаютъ либеральные господа, подобные Шарлю Мазаду, Теодору Верну и пр. «Оттого-то литература и важна была въ Неаполѣ, что въ ней одной могли искать истины и здраваго смысла молодые люди, убиваемые въ школахъ наставленіями въ родѣ силлогизмовъ «Философскаго Катехизиса»».—Не станемъ спорить съ горячими противниками бурбонской системы; положимъ, что «Философскій Катехизисъ» и сообразное съ нимъ воспитаніе казались неаполитанскимъ отрокамъ отвратительными въ той же мѣрѣ, какъ самому Гладстону. Этого не могло быть, но предположимъ, что такъ; предположимъ, что вслѣдствіе этого молодые люди искали иныхъ воззрѣній, иныхъ понятій — въ литературѣ. Что же могли они находить въ ней?

Что ничего противнаго власти и общественному порядку не могла давать юношамъ литература въ Неаполѣ, за это ручается намъ учрежденіе, спеціально назначавшееся тамъ для наблюденія за печатью и весьма строго исполнявшее свои обязанно-

сти — цензура. Нужно быть слишкомъ наивнымъ, чтобы предполагать, что бурбонское правительство могло допускать что-нибудь противное его желаніямъ и интересамъ въ книгахъ и журналахъ, издававшихся не иначе, какъ съ одобренія назначенной имъ цензуры. То же надо сказать и объ иностранныхъ книгахъ: для нихъ существовалъ строгій таможенный осмотръ, и запрещенныя книги въ Неаполь составляли одну изъ самыхъ трудныхъ и опасныхъ отраслей контрабанды. Прибавимъ, что цензура книгъ поручена была іезуитамъ, которые, какъ извѣстно, особенно искусны проникать всѣ ухищренія разума и разрушать ихъ. Что они показывали даже слишкомъ много усердія, на это жалуются сами защитники бурбонской системы. Такъ, виконтъ Лемерсье пишетъ: «Порученіе іезуитамъ цензуры было ошибкою, потому что если они лучше всякаго могутъ оцѣнить нападки на религію, зато, не зная жизни общественной, часто считаютъ вредными такія книги, которыя не только имъ не опасны, но еще въ извѣстныхъ отношеніяхъ могли бы приносить пользу людямъ, живущимъ въ обществѣ» [41]. Въ этой жалобѣ виконта видно, конечно, остатокъ того французскаго либерализма, въ которомъ онъ сознается и извиняется въ посвященіи своей книги; но изъ нея же видно, въ какой степени строго было цензурное наблюденіе іезуитовъ, соединенное съ контролемъ полиціи. То же видно и изъ горячихъ отзывовъ всѣхъ либераловъ, которые естественно не могли быть довольны тѣмъ, что въ Неаполь нельзя имъ печатать всего, что вздумается. Жалобы неаполитанцевъ на цензуру сооб-

[41] „Quelques mots de vérité sur Naples", стр. 17.

ценны были, разумѣется, французскимъ путешественникамъ, посѣщавшимъ страну, а тѣ разнесли по всему свѣту множество анекдотовъ и горькихъ выходокъ относительно положенія литературы въ Неаполѣ. Разсуждая благоразумно и спокойно, мы находимъ, что все это въ сущности вздоръ, что жалобы были напрасны и что правительство Бурбоновъ въ своихъ видахъ поступало очень основательно. Ему нужно было утвердить народъ въ довѣріи и послушаніи, а писатели хотѣли критиковать мѣры правительства и вообще пріучать народъ къ разсужденію объ общественныхъ дѣлахъ. Очевидно, что правительство Бурбоновъ должно было устранять изъ литературы все, что ему казалось противнымъ его интересамъ. При этомъ случались, конечно, ошибки, иногда отъ излишней предусмотрительности, иногда по какимъ-нибудь частнымъ отношеніямъ: считалось опаснымъ то, чего никакъ нельзя было заподозрить по враждебности государственному порядку, запрещались фразы, имена, упоминанія о фактахъ всѣмъ извѣстныхъ и т. п. Но какое же учрежденіе человѣческое можетъ похвалиться совершенствомъ? Дѣйствительно, были недостатки и въ неаполитанской цензурѣ, но были они какъ въ ту, такъ и въ другую сторону: запрещались часто книги безвредныя, зато иногда пропускались (хотя и рѣдко) вещи довольно смѣлыя. Такимъ образомъ изъ всѣхъ жалобъ и анекдотовъ, распространенныхъ въ Европѣ про неаполитанскую цензуру, мы не выводимъ ничего для нея предосудительнаго. Но намъ нуженъ фактъ, нужно подтвержденіе факта, для того, чтобы безпристрастно повѣрить, въ какой мѣрѣ литература въ Неаполѣ могла возбуждать умы къ возстанію противъ закон-

наго порядка. Мы находимъ, что вовсе не могла, и для подтвержденія нашего мнѣнія приведемъ свидѣтельства разныхъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ. Ожесточеніе либераловъ, хотя и непріятное по ихъ тону, тѣмъ не менѣе можетъ служить намъ наилучшимъ ручательствомъ въ бдительности и строгости, съ которою неаполитанская цензура исполняла свою обязанность. Надѣемся, что читатель самъ пойметъ, какъ ему слѣдуетъ цѣнить и понимать горячія выходки либераловъ, и потому приводимъ ихъ, не смягчая ихъ тона.

«Эта страна, гдѣ мысль подчинена цензурѣ, естественно обречена на молчаніе, — провозглашаетъ аббатъ Мишонъ. — Кто захочетъ подвергаться изувѣченію отъ пристрастнаго и глупаго цензора? Больше, — кто осмѣлится писать, зная, что одна фраза, одинъ намекъ, одно слово могутъ быть гибельны? Я никогда не предполагалъ, чтобы цензурная суровость доходила до такой степени въ Неаполѣ. Мнѣ было извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторые труды по естественной исторіи были изданы въ Палермо; но въ Неаполѣ ихъ невозможно было найти. Я напрасно искалъ даже путеводителей и нѣкоторыхъ сочиненій о Святой Землѣ... Книгъ мало пишется въ Неаполѣ, какъ мало читается. Если заходятъ сюда книги, то онѣ прячутся на полкахъ библіотекъ и никогда не обращаются въ книжной торговлѣ. Жалко видѣть, на выставкахъ въ книжныхъ лавкахъ, что это за литература, которой дозволено свободное обращеніе въ публикѣ... И это вовсе не значитъ, что неаполитанскій умъ лишенъ самобытности и огня; нѣтъ, его убиваетъ гнетъ; это свѣтильникъ, гаснущій подъ спудомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ лучшихъ, сво-

бодныхъ стремленій неаполитанскихъ образованныхъ классовъ надо замѣтить стремленіе — получить право выражать свои мысли о всѣхъ вопросахъ, интересующихъ человѣчество. Этотъ народъ, униженный своимъ правительствомъ до степени скотовъ, въ отношеніи къ философскому и литературному движенію человѣчества, тяжко страдаетъ отъ этого униженія. Это — бѣдное дитя, не имѣющее возможности развить своихъ способностей ученьемъ и съ грустью взирающее на дѣтей богатыхъ, имѣющихъ всѣ способы учиться»[42].

Оставляя въ сторонѣ желчныя выходки аббата, мы находимъ въ его отзывѣ полнѣйшее подтвержденіе того, что со стороны литературы бурбонское правительство было вполнѣ обезпечено. О его заботливости въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, упоминаемый не безъ горечи въ «Запискахъ» Монтанелли, что іезуитская цензура все еще казалась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не вполнѣ предусмотрительною, и потому впослѣдствіи отдана была въ непосредственное вѣдѣніе Делькарретто, бывшаго начальника жандармовъ и потомъ министра полиціи[43].

Подобныя распоряженія приводили въ отчаяніе либераловъ. Безплодная ярость ихъ передана была въ ядовитыхъ выходкахъ французскихъ и англійскихъ журналовъ и въ замѣткахъ туристовъ. Иногда они доходили до большого неприличія въ тонѣ, но именно при этомъ-то и высказывалось наиболѣе искренно все безсиліе оппозиціонной и либеральной литературы въ Неаполѣ, вся ничтожность писателей, желавшихъ что-нибудь непозволительное про-

[42] „L'Italie pol. et rel.", стр. 93.
[43] Montanelli, „Mémoires s. l'Italie", II, стр. 101.

вести черезъ эту цензуру. Они только осуждали себя на напрасныя муки и принуждены были искажать свою мысль, такъ что она всегда выходила ни то, ни се, и лишалась даже достоинства строгой логичности. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ одинъ изъ французовъ, довольно серьезно познакомившійся съ Италіей, Маркъ Монье:

«Никогда и нигдѣ человѣческая мысль не была жертвою деспотизма болѣе произвольнаго и дѣтски мелочного, не угнеталась и не терзалась съ большимъ невѣжествомъ и упорствомъ, какъ въ Неаполѣ, особенно передъ 1848 годомъ и послѣ того.

«Всякій журналъ, книга, газета, всякій листокъ печатной бумаги подвержены были предварительному просмотру и исправленіямъ цензора. Такимъ образомъ онъ читалъ около 40 газетъ и журналовъ, издававшихся въ Неаполѣ, и все, что печаталось отдѣльными книгами. Онъ изнемогалъ подъ тяжестью этой работы, подобной работѣ школьнаго учителя и вмѣстѣ мудраго Ментора литературы, и за то былъ награждаемъ всеобщимъ презрѣніемъ.

«Я, впрочемъ, ошибаюсь, говоря объ одномъ цензорѣ: ихъ два въ Неаполѣ: одинъ духовный, другой — отъ полиціи; первый ловитъ контрабанду вольнодумства религіознаго, второй стоитъ на стражѣ, чтобы не пропустить въ печать идей или фразъ, противныхъ такъ называемому общественному порядку.

«Положеніе писателя, имѣющаго что-нибудь сказать и видящаго надъ собой эту двоякую грозу, невыносимо. Одинъ итальянецъ говорилъ объ этомъ: у насъ авторъ волей неволей всегда имѣетъ своимъ сотрудникомъ цензора. Пусть онъ и не коснется моей книги, — тѣмъ не менѣе онъ виденъ будетъ

во всякомъ оборотѣ моей фразы, въ развитіи всякаго моего сужденія, въ выраженіи всякаго чувства. Это потому, что я вижу моего цензора предъ собою, когда обдумываю мой предметъ, помню о немъ, когда берусь за перо. Онъ какъ будто стоитъ за мною, когда я пишу, и читаетъ написанныя строчки. Какъ часто развитіе мысли останавливается на половинѣ, чувство заглушается, отъ увѣренности, что они не могутъ быть пропущены бурбонскою цензурою въ томъ видѣ, какъ бы я хотѣлъ. Я начинаю фразу, и чувствую, что цензоръ не даетъ мнѣ кончить ее. Такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность писать, я раздвоюсь, думаю за себя и за своего цензора, обрѣзываю мои мысли его ножницами и кончаю тѣмъ, что дѣйствительно выражаю уже не то, что я хочу и думаю, а то, что считаю согласнымъ съ понятіями цензора и его инструкціей, то, что мнѣ *позволено* думать и выражать»[41].

Эти признанія должны быть искренни; судите же по нимъ, въ какой мѣрѣ возможны были въ Неаполѣ сочиненія, опасныя для господствовавшаго порядка вещей! Сами писатели сознаются, что они принуждены были искажать свои мысли сообразно съ понятіями цензора (т. е. разумѣется, не того или другого *человѣка*, въ частности, но вообще *цензора*, какъ представителя правительственныхъ инструкцій относительно литературы); но если сами авторы и не успѣвали иногда удержать себя или усвоить себѣ настоящій тонъ, какой слѣдовало, то въ этихъ случаяхъ цензура принималась за свое дѣло и исправляла ихъ ошибку. У разныхъ писателей мы находимъ множество фактовъ и анекдотовъ на этотъ

[41] „L'Italie est-elle la terre des morts?" par Marc Monnier. Paris 1860, chap. XVI, стр. 265.

счетъ; они большею частью имѣютъ въ виду — пристыдить неаполитанскую цензуру, и потому касаются такихъ случаевъ, которые дѣйствительно представляютъ цензуру нѣсколько придирчивою и мелочною. Но въ своей совокупности всѣ эти анекдоты рисуютъ однакоже общее направленіе этой части неаполитанской администраціи при Бурбонахъ и свидѣтельствуютъ все-таки въ пользу ея бдительности, а никакъ не слабости. Поэтому мы приведемъ нѣкоторые изъ разсказовъ, оставляя отвѣтственность за нихъ на тѣхъ авторахъ, у которыхъ мы ихъ заимствуемъ.

Одинъ авторъ представилъ въ цензуру французскую грамматику, составленную «*для итальянцевъ*». Цензору показалось возмутительнымъ это слово (какъ признакъ унитарныхъ стремленій, быть можетъ), и онъ его вычеркнулъ.

Въ одной комической пьесѣ кто-то изъ дѣйствующихъ лицъ жалуется на разстройство своей «*конституціи*» . . . Представленіе пьесы было запрещено на основаніи этой фразы, въ которой нашли каламбуръ, напоминающій уничтоженіе конституціи 1848 г.[45].

Имена Лютера, Кальвина, Кампанеллы, Вольтера, Джоберти и многихъ другихъ было запрещено даже упоминать, развѣ только изрѣдка съ бранными

Театръ задрожалъ отъ всеобщаго хохота.

прилагательными. Вѣроятно по этому поводу разсказываютъ, будто цензура не хотѣла однажды пропустить трактатъ о гальванизмѣ, потому что это напоминаетъ кальвинизмъ.

Всякая философія строго запрещена. Г-нъ Монье разсказываетъ, что ему однажды попалась въ Неаполѣ книга съ заглавіемъ «Логика Гегеля». Онъ былъ удивленъ, какимъ образомъ такая страшная ересь могла явиться въ Неаполѣ; но оказалось, что Гегель служилъ только предлогомъ для первыхъ страницъ, а въ сущности это было изложеніе мыслей св. Ѳомы Аквинатскаго.

Въ заботахъ о нравственности запрещены были дуэли на театрѣ; поэтому множество пьесъ переводныхъ или оставшихся отъ прежняго времени должны были перестать играть, или же какъ-нибудь коверкать.

Въ образецъ передѣлокъ, какимъ подвергаются книги, приводятъ романъ Дюма-сына «La dame aux camelias». Въ неаполитанскомъ переводѣ изъ нея сдѣлана дочь честныхъ, но не благородныхъ родителей, на которой хочетъ жениться молодой человѣкъ. Такимъ образомъ вмѣшательство его отца и все, что изъ него происходитъ, дѣлается уже единственно затѣмъ, чтобы избѣжать неравной партіи.

Замѣчаютъ, что литературныя произведенія послѣднихъ лѣтъ, изданныя въ Неаполѣ, безцвѣтны и казенны въ своихъ выраженіяхъ до послѣдней степени: въ этомъ тоже винятъ цензуру. Разсказываютъ, что въ одномъ сочиненіи о школѣ реалистовъ цензоръ никакъ не хотѣлъ согласиться на часто встрѣчающіяся слова «бездушная природа», находя, что въ нихъ скрывается нѣчто, похожее на атеизмъ. У другого автора вычеркнули слово eziandio (кот-

рое значитъ *еще* или *даже*), потому что оно кончается на «Dio» (Богъ), а между тѣмъ попалось въ фразѣ довольно низкаго смысла. Наконецъ просто — всякая смѣлость или новизна выраженія, всякое остроуміе пугаетъ цензуру. Одна комедія запрещена была какъ двусмысленная; авторъ послѣ долгихъ переговоровъ заставилъ цензора согласиться, что во всей пьесѣ нѣтъ ни одного политическаго намека и ни малѣйшаго оскорбленія нравственности. Но все-таки кончилось тѣмъ, что цензоръ объявилъ ему: «но во всякомъ случаѣ въ пьесѣ слишкомъ много остроумія и рѣзкости; сгладьте и смягчите ее, и тогда мы посмотримъ» [1].

Иногда, правда, цензура дѣлала промахи и пропускала книги и статьи, которыя оказывались впослѣдствіи не совсѣмъ невинными въ отношеніи къ системѣ бурбонскаго правительства. Такъ, напр., разъ была пропущена статья, въ которой доказывалось, что «упадокъ литературы свидѣтельствуетъ о стѣсненіи свободы мысли въ государствѣ». Хотя мысль эта развивалась въ примѣненіи къ римлянамъ, кажется, но читатели, и прежде ихъ само правительство, увидѣли тутъ прямое отношеніе къ порядкамъ, заведеннымъ въ Неаполѣ Бурбонами... Такъ точно былъ другой случай, гораздо важнѣе: Микеле Амари, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ сицилійскихъ писателей, издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Эпизодъ изъ Сицилійской исторіи XIII столѣтія»

---

[1] Эти факты, и нѣкоторые изъ приведенныхъ ниже, упоминаются у г. Монье, „L'Italie est-elle la terre des morts?“, у г. Шарля Мазада въ статьѣ „Ferdinand II et [illegible]“ [illegible], у г. Берна въ книгѣ „Naples et les Napolitains“, у [illegible] въ „[illegible]“, у Шарля [illegible] „Naples [illegible]“, и въ статьѣ Петручелли делла Гаттина „Ferdinand II, roi de Naples“, въ „Revue de Paris“ [illegible], 15 окт. и 15 ноября.

Такъ какъ XIII столѣтіе было ужь очень давно, то книга и была пропущена, какъ не опасная. Но вдругъ потомъ вздумалось, что Амари толкуетъ въ ней о Сицилійскихъ Вечерняхъ совершенно съ новой точки зрѣнія, обнаруживавшей демократическій образъ мыслей. Книга была запрещена, разумѣется: но множество экземпляровъ успѣло разойтись въ публикѣ, и «Эпизодъ» былъ пожираемъ съ жадностью. Впрочемъ, подобные промахи цензуры были очень рѣдки въ Неаполѣ и обходились не дешево самимъ авторамъ. Собственно говоря, въ образованныхъ государствахъ Европы, имѣвшихъ цензуру, вообще не принято было карать авторовъ за книги, дозволенныя къ печати, хотя бы онѣ и оказались не вполнѣ кроткими. Авторъ отвѣчаетъ за себя тогда, когда онъ самъ распоряжается своими мыслями и ихъ публикаціей; но когда правительство беретъ эту обязанность на себя, то оно тѣмъ самымъ избавляетъ писателя отъ отвѣтственности за послѣдствія публикаціи. Книга дозволена; если она производитъ вредное дѣйствіе, правительство сознаетъ свой промахъ и ворочаетъ назадъ свое дозволеніе, но не сваливаетъ отвѣтственности на автора. Такъ дѣлалось вездѣ; но въ Неаполѣ, для большей безопасности общественной, правительство заставляло самого автора отвѣчать за то, что оно же ему дозволило. Для пресѣченія зла въ самомъ корнѣ, думало неаполитанское правительство, нужно не только не давать ходу вреднымъ книгамъ, но уничтожать и людей, способныхъ писать такія книги. И въ силу этого разсужденія бурбонское правительство никогда не стыдилось сознаться въ опрометчивости, не считало несообразнымъ съ своимъ достоинствомъ сказать, что

оно, какъ малое дитя, было обмануто и обольщено авторомъ, не въ состояніи будучи понять его ухищреній, и что поэтому намѣренно примѣрно наказать его, какъ человѣка, злонамѣренно воспользовавшагося правительственнымъ простодушіемъ. Такъ случилось и съ Амари. Когда читатели нашли, что Карлъ д'Анжу похожъ на Фердинанда, правительство рѣшило, что Амари виноватъ въ этомъ, лишило его должности, которую онъ имѣлъ въ Сициліи, и приказало явиться къ отвѣту въ Неаполь, предъ Делькаретто. Амари вмѣсто Неаполя отправился въ Парижъ и тамъ остался. Но за него отставленъ былъ цензоръ, пропустившій книгу, сосланъ на островъ Понца издатель Бризолезо и запрещено пять или шесть журналовъ, которые похвалили ее, вовсе не предвидя, что сходство Фердинанда съ Карломъ д'Анжу окажется столь несчастнымъ для литературы.

Можетъ быть эти мѣры были нѣсколько строги; либералы навѣрное найдутъ, что онѣ были даже очень круты, даже ужасны и несправедливы. Но мы прежде всего находимъ, что онѣ внушены были бурбонскому правительству чувствомъ самосохраненія и, слѣдовательно, были весьма благоразумны; ибо что же можетъ быть благоразумнѣе самосохраненія? Тутъ правительство дѣйствовало уже не по соображеніямъ отвлеченной справедливости, а единственно соразмѣряя свои мѣры съ величиною скандала, произведеннаго въ публикѣ. Въ 1847 г., напримѣръ, когда умы были очень возбуждены, оно запретило даже перепечатывать либеральныя буллы Пія IX и преслѣдовало его портреты, — не по недостатку уваженія къ святому отцу, а единственно потому,

что тогда въ почитаніи Пія IX высказывался либерализмъ безпокойныхъ людей[47]. Это умѣнье соображаться съ обстоятельствами въ своихъ отношеніяхъ къ литературѣ никогда не покидало бурбонское правительство. Вотъ чѣмъ объясняются, между прочимъ, *мѣстныя* запрещенія, которыя такъ удивляли многихъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Аббатъ Мишонъ упоминаетъ, что не могъ найти въ Неаполѣ нѣкоторыхъ сочиненій, изданныхъ въ Палермо: можетъ быть, они потому и появились въ Палермо, что въ Неаполѣ ихъ бы не пропустили. Впрочемъ, впослѣдствіи времени издано было повелѣніе, по которому всякое сочиненіе, заключающее въ себѣ болѣе печатнаго листа, должно было изъ Сициліи присылаться въ главную цензуру въ Неаполь. Вообще, когда было замѣчено, что сициліанцы отличаются нѣсколько вольнымъ духомъ, то на нихъ стали смотрѣть гораздо строже. Напримѣръ, сочиненія Макіавелли и Альфіери, допущенныя свободно въ Неаполѣ, для Сициліи были запрещены. Даже и въ городахъ самой Сициліи была разница; напримѣръ, «Исторія Италіи» Ботты, напечатанная въ Палермо, была запрещена въ Мессинѣ[48].

Во всѣхъ подобныхъ мѣрахъ не одна мысль о поддержкѣ своего значенія управляла Фердинандомъ, но также и стремленіе удержать свой принципъ. Онъ зналъ, что его личное значеніе нисколько не уменьшится отъ разрѣшенія той или другой книги, допущенія въ публикѣ тѣхъ или иныхъ сужденій; но онъ былъ убѣжденъ, что, по его соб-

[47] Ch. Mazade, „L'Italie moderne", стр. 293.

[48] См. Montanelli, Mém., II, 107; Perrens, „Deux ans de rev.", стр. 486—487; Joseph Ricciardi, „Hist. de l'Italie", стр. 69.

ственнымъ словамъ, «народъ его не имѣетъ надобности думать»; онъ самъ хотѣлъ управлять всѣмъ безотвѣтственно, не соображаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своей воли. Этимъ объясняются, между прочимъ, даже его непріятности съ іезуитами, которыхъ онъ очень уважалъ, но не хотѣлъ допустить, какъ силу противодѣйствующую ему. Впрочемъ, какъ бы то ни было, главное для насъ то, что въ неаполитанской наукѣ, литературѣ, искусствахъ не могло быть, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ поколѣній, ничего противнаго правительству Бурбоновъ и ихъ принципамъ. Духовенство, цензура, полиція, самъ король — заботились совокупно о томъ, чтобы содержать народъ въ строжайшемъ порядкѣ и чистѣйшей нравственности. Извѣстно, что Фердинандъ входилъ во всѣ мелочи управленія, и цензурная часть въ самомъ обширномъ смыслѣ была не послѣднею его заботою. Много разъ приводили анекдоты о его стараніяхъ относительно нравственности въ искусствахъ: онъ, напримѣръ, велѣлъ закрыть въ Бурбонскомъ музеѣ картины и статуи, изображающія нагое тѣло; онъ приказалъ помѣстить Венеру Каллипигію въ особомъ кабинетѣ, куда запрещенъ былъ входъ публикѣ; онъ самъ опредѣлялъ длину юбокъ театральныхъ танцовщицъ и издалъ повелѣніе, чтобы трико, въ которое онѣ одѣваются, было зеленаго цвѣта, такъ какъ это менѣе можетъ раздражать воображеніе... Все это собственно не имѣло ни малѣйшаго политическаго значенія; но понятно, что, привыкши къ такому режиму, общество и ни въ чемъ другомъ уже не осмѣливалось вольничать и предъявлять тѣ или другія требованія, а терпѣливо ожидало, что ему прикажутъ. Такимъ образомъ Фер

диандъ постоянно сохранялъ полный произволъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ теченіе своего царствованія успѣлъ привести къ молчанію даже смѣлыхъ и говорливыхъ; остальные же, повидимому, потеряли даже и мысль о томъ, чтобы затѣвать что-нибудь въ противность существующему порядку.

Да и напрасно было бы затѣвать: затѣи эти всегда кончались плохо. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, чѣмъ кончилась исторія книги Амари. Вотъ еще одинъ подобный фактъ: Антоніо Раньери издалъ романъ «Ginevra, l'orfana dell'Annunziata», въ которомъ изобразилъ нѣкоторые ужасы, совершавшіеся въ этомъ благотворительномъ учрежденіи. Книгу конфисковали, автора засадили на три мѣсяца въ тюрьму. Одинъ изъ министровъ, нашедшій въ романѣ свой портретъ, предлагалъ, что Раньери надо непремѣнно сослать или посадить въ сумасшедшій домъ. Но предложеніе это застало короля въ хорошую минуту; онъ отвѣтилъ со смѣхомъ: «Да, конечно, — для того, чтобъ онъ еще написалъ романъ объ этомъ заведеніи и о суммахъ, которыя тамъ крадутъ». Начальникъ этого заведенія былъ тотъ самый министръ, который требовалъ заключенія Раньери, и въ отвѣтъ короля увидѣли намекъ, вслѣдствіе котораго нашли нужнымъ освободить автора. Но эта исторія отозвалась ему впослѣдствіи: его постоянно преслѣдовали цензурою. Онъ написалъ небольшую книжку нравственныхъ размышленій, подъ названіемъ «Frate Rocco»; ее стали было пропускать, но какъ только узнали имя автора, всю оборвали и даже потребовали для новаго пересмотра листы уже пропущенные. Онъ сталъ издавать «Исторію Неаполя»; ее остановили на девятомъ выпускѣ. Онъ принялъ-

ся было издавать сатирическій журналъ: его тотчасъ запретили. Его призывали во Флоренцію въ профессора: тосканскому правительству тайно посовѣтовали отказаться отъ этого человѣка, котораго лекціи ничего не могли принести молодежи, кромѣ вреда . . . И между тѣмъ Раньери человѣкъ вовсе не крайнихъ мнѣній; онъ всегда старался держаться въ сторонѣ отъ политики; въ 1848 г. онъ не захотѣлъ даже позволить новаго изданія «Джиневры».

Такъ же поступали съ журналами. Феррора съ своими друзьями издавалъ въ Сициліи журналъ статистическій: въ 1845 г. его запретили по какому-то ничтожному поводу. Въ Неаполѣ ранѣе 1848 г. Риччарди издавалъ журналъ «Progresso». Журналъ составилъ себѣ очень быстро хорошую репутацію, и правительство, изгнавши Риччарди, рѣшилось удержать журналъ, поручивши его редакцію Біанкини, который былъ потомъ министромъ полиціи. Подъ новой редакціей журналъ всѣ стали называть «Regresso».

Приводя всѣ эти факты, мы просимъ не забывать, что большая часть ихъ совершилась съ изданіями, дозволенными цензурою. Изъ этого ясно видно, что правительство вовсе не довольствовалось мертвымъ исполненіемъ однажды установленныхъ правилъ, но неусыпно слѣдило за литературными явленіями даже и послѣ ихъ пересмотра въ цензурѣ. До какой степени постоянно подозрительны и чутки были въ Неаполѣ ко всѣмъ журнальнымъ толкамъ, это видно, напр., изъ исторіи заговора Нирико, въ 1831 г. Г-нъ Петруччелли де-ла Гаттуна, подробно разсказывая эту исторію, говоритъ, что Нирико съ своими друзьями постоянно собирались въ одномъ кафе, которое выписывало

«Gazette de Milan» и за то было на замѣчаніи у полиціи. «Gazette de Milan» издавалась по инструкціямъ князя Меттерниха, изъ которыхъ выдержка приводится г. Петручелли: «Что касается до направленія газеты, писалъ Меттернихъ въ тайной инструкціи г. Бомболю 23 сентября 1830 г., то мнѣ не нужно прибавлять, что она должна быть составляема *въ извѣстномъ вами духѣ*, т. е. безъ малѣйшаго преувеличенія вещей, съ общимъ стремленіемъ къ сохраненію тишины порядка и со стараніемъ передавать читателямъ извѣстія какъ можно скорѣе». Для неаполитанскихъ либераловъ и этого было уже много, и они считались опасными за то, что съ особеннымъ усердіемъ читали эту газету: относительно же другихъ газетъ, какъ, напр., «Debats», тогдашняго «Constitutionnel» и пр., они могли только собирать свѣдѣнія изъ третьихъ рукъ: въ кафе приходилъ одинъ господинъ Витале, который слышалъ о томъ, что пишутъ въ этихъ газетахъ — большею частью отъ кассира Ротшильда, и потомъ пересказывалъ своимъ друзьямъ!.. Такъ бѣдна была въ Неаполѣ литературная пища для либерализма! И положеніе дѣлъ по этой части не сдѣлалось благопріятнѣе для либераловъ въ теченіе царствованія Фердинанда, а развѣ стало еще непріятнѣе.

По части литературы было, правда, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій два средства проводить либеральныя идеи, но средства чрезвычайно жалкія, ненадежныя и только свидѣтельствующія объ окончательной невозможности либерализма въ обыкновенной литературѣ при Бурбонахъ. Эти средства были: тайное печатаніе и контрабанда книгъ заграничныхъ. Тайное печатаніе было всего значи-

тельнѣе въ Сициліи; но и тамъ, разумѣется, оно не могло быть очень значительно. Надо помнить, что полиція Фердинанда была всегда очень бдительна, и преступленія печати наказывались весьма строго. Нерѣдко одно подозрѣніе стоило дорого обвиненнымъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ царствованія Фердинанда были, напр., схвачены два типографщика, обвиненные въ печатаніи мюратическихъ прокламацій. Они отвергали обвиненіе; ихъ подвергали пыткѣ; подъ пыткой они сознались. Между тѣмъ оказалось, что прокламаціи пришли изъ-за границы. Типографщиковъ оставили въ покоѣ, но не выпустили изъ тюрьмы [49]. При этихъ условіяхъ удивительно еще и то, что находились смѣльчаки, рѣшавшіеся печатать и пускать въ ходъ тайно напечатанныя книги. Нужно было дойти до крайности, чтобы на это рѣшиться. И мы видимъ, что дѣйствительно тайное печатаніе принимало нѣсколько значительный видъ только уже въ рѣшительныя минуты, при приближеніи возстанія. Да и тутъ полиція, среди заботъ болѣе важныхъ, не теряла изъ виду цензурныхъ обязанностей и, когда считала нужнымъ, находила преступника и умѣла принять свои мѣры противъ возмутительныхъ сочиненій. Такъ, напр., въ 1847 г. появился написанный Сеттембрини «Протестъ народа Обѣихъ Сицилій». Фердинандъ приказалъ отыскать автора. Извѣстно, что народъ неаполитанскій (какъ и всякій народъ, впрочемъ, въ этихъ случаяхъ) умѣетъ хранить тайну. Но полиція тѣмъ не менѣе принялась за свое дѣло и вскорѣ засадила въ тюрьму или сослала множество гражданъ, считавшихся

[49] См. Paya, „Naples", стр. 547.

почему-нибудь подозрительными: Карла Поэріо, Маріано д'Айтла, Доминика Мавро, Джузеппе дель-Ре и пр. Въ числѣ захваченныхъ былъ и самъ Сеттембрини, который, разумѣется, чтобы освободить другихъ, самъ признался въ своемъ преступленіи. Но прокламаціи, подобныя «Протесту», не были явленіемъ обыкновеннымъ. Большею частью тайная пресса производила изданія гораздо болѣе невинныя: они принуждены были печататься тайно потому только, что обычная цензура была ужъ слишкомъ строга. Пансіонерки прячутъ (или прятали прежде) подъ подушки и подъ скамьи въ классахъ даже Пушкина; это конечно вовсе не значитъ, чтобы Пушкинъ былъ вреденъ общественному порядку и нравственности, а доказываетъ только, что его не позволяютъ (или не позволяли) читать пансіонеркамъ. Такъ и въ Неаполѣ, по свидѣтельству Леопарди, «летучіе листки, тайно напечатанные, отводили душу публикѣ, *восхваляя правительства, стремившіяся къ реформамъ, и порицая правительства ретроградныя*»[50]. Изъ этого видно, что въ большей части даже этихъ тайныхъ листковъ не могло быть ничего собственно революціоннаго. А если что оказывалось, то немедленно же вызывало розыски полиціи.

Контрабанда была легче, по продажности чиновниковъ таможни, и защитники бурбонской системы указываютъ на это обстоятельство какъ на прямое опроверженіе жалобъ, будто неаполитанское правительство вовсе не допускаетъ въ свои предѣлы свѣта образованія изъ другихъ земель. Вѣдь несмотря ни на какія предосторожности, —

---

[50] P. Leopardi. Narrazioni storiche del 1845. стр. 67.

говоритъ виконтъ Лемерсье, — всякая иностранная книга, какъ бы она дурна ни была, доходитъ же всегда до людей, достаточно богатыхъ для того, чтобы заплатить за нее вчетверо или впятеро противъ обыкновенной цѣны»[51]. И дѣйствительно, изъ отзывовъ путешественниковъ видно, что многіе неаполитанскіе аристократы и богатые люди находили средства постоянно слѣдить за политикой и читать все замѣчательное, что появлялось въ иностранныхъ литературахъ. Но могъ ли этимъ пользоваться народъ и большинство общества, не бывшаго въ состояніи платить за книги впятеро? Велико ли могло быть обращеніе книгъ, которыя проникали въ страну только благодаря подкупности таможеннаго чиновника? Во всякомъ случаѣ это были книги запрещенныя; слѣдовательно онѣ осуждены были оставаться на полкахъ библіотекъ (да и то гдѣ-нибудь подальше) у тѣхъ, кто ихъ купилъ, и могли быть сообщаемы развѣ самымъ близкимъ друзьямъ. Очевидно, что подобнымъ образомъ не могла по всей странѣ разлиться пропаганда, опасная трону Бурбоновъ!..

Но можетъ быть тѣ немногіе, которые читали все запрещенное, разносили либеральныя идеи въ обществѣ и волновали умы? Разговоръ не требуетъ такихъ хлопотъ и приготовленій, какъ писаніе, и извѣстно, что одна запрещенная книга производитъ всегда болѣе толковъ, нежели сотни не запрещенныхъ. Когда текущая литература не даетъ никакой пищи уму, этой пищи стараются искать въ чемъ-нибудь другомъ, и чаще всего ее находятъ въ устныхъ разсужденіяхъ, которыя за-

---

[51] „Quelques mots de vèr. s. Naples“, стр. 17.

нимаютъ все время въ общественныхъ собраніяхъ всякаго рода. Не шла ли революціонная пропаганда въ Неаполѣ этимъ путемъ?

По всему, что мы знаемъ о Неаполѣ, ничего подобнаго въ немъ не бывало при Бурбонахъ. Нечего говорить о томъ, что всякіе клубы, митинги и т. п. были тамъ невозможны; но мы знаемъ, что тамъ чрезвычайно затруднительны были всякія общественныя собранія, какого бы то ни было рода, для какой бы то ни было цѣли. Предусмотрительность правительства была такъ велика, что оно запрещало все, въ чемъ находило хоть малѣйшую тѣнь намека на то, что оно можетъ подать поводъ къ подозрительнымъ разсужденіямъ. Такъ однажды хотѣли было основать «общество поощренія художниковъ», подъ предсѣдательствомъ брата Фердинанда, графа Сиракузскаго. Король нашелъ это подозрительнымъ и не согласился, замѣтивъ, что для поощренія художниковъ есть королевская академія и что никакого тутъ общества не нужно [52]. Въ 1854 г. большое стеченіе публики произошло по случаю похоронъ адвоката Чезаре, «одного изъ самыхъ темныхъ членовъ палаты депутатовъ 1848 г.», по словамъ ревностнаго защитника Бурбоновъ г. Гондона. Предъ гробомъ его произнесено было нѣсколько рѣчей; самъ г. Гондонъ, желающій выставить ихъ какъ уголовное преступленіе, характеризуетъ ихъ содержаніе лишь слѣдующими словами: «въ этихъ рѣчахъ, подъ предлогомъ похвалы умершему, произносили апологію режима который уже не существуетъ болѣе» [53]. За это говорившіе и даже многіе изъ присутствовав-

[52] Th. Vernes, „Naples et les Nap“, стр. 289.
[53] „De l'état des choses à Naples“, стр. 69.

шихъ поплатились тюрьмою или ссылкою... Множество арестацій дѣлалось единственно на основаніи вольныхъ словъ, произнесенныхъ въ публичныхъ мѣстахъ. Чтобы отнять предлогъ къ собраніямъ въ кафе, Фердинандъ запретилъ въ нихъ всякаго рода игры, даже домино, бывшее въ особенномъ употребленіи. Чтобы предохранить своихъ подданныхъ отъ иноземнаго разврата, онъ затруднялъ путешествія за границу и даже запретилъ своимъ подданнымъ принять участіе во французской всемірной выставкѣ 1855 г. Относительно словеснаго выраженія политическихъ мнѣній въ Неаполѣ существуютъ два закона, 1826 г и 1828 г., не отмѣненные до конца бурбонскаго царствованія, а напротивъ еще дополненные Фердинандомъ. Одинъ касается *хулы*, въ церкви или въ какомъ бы то ни было публичномъ мѣстѣ, противъ религіозныхъ предметовъ, за что полагается заключеніе въ тюрьму отъ 6 до 10 лѣтъ. Въ дополненіе къ этому закону Фердинандъ повелѣлъ указомъ 7 февраля 1835 г. — «устранять въ подобныхъ случаяхъ всякій вопросъ о намѣренности или ненамѣренности хулы и не принимать въ оправданіе хмельное состояніе хулившаго». Другой законъ отъ сентября 1828 г., дѣйствовавшій все время при Фердинандѣ, говоритъ, что всѣ начальствующія лица «должны поощрять всѣми средствами приверженцевъ трона и алтаря и объявить смертельную войну всѣмъ, кто, въ прошедшихъ безпорядкахъ, *дѣломъ или словомъ* показалъ враждебность правительству». Въ противномъ случаѣ чиновникамъ грозили изгнаніе изъ службы преслѣдованія ихъ самихъ, какъ враговъ короля[54]. Духовенство

[54] Leopardi, „Narrazioni storiche“, стр. 26.

также, по общему убѣжденію, было замѣшано въ полицейскія дѣла и пользовалось даже тайною исповѣди для открытія правительству опасныхъ для него секретовъ. Гладстонъ въ своихъ письмахъ упоминаетъ объ этомъ какъ о вещи, которую многіе утверждаютъ, но достовѣрность которой, натурально, не могла быть имъ изслѣдована. Пользуясь этимъ, г. Жюль Гондонъ, въ своихъ опроверженіяхъ, пришелъ въ страшное негодованіе и объявилъ, что это — клевета, за которую гнѣвъ небесный поразитъ Гладстона и всѣхъ, кто ему повѣрятъ. «Впрочемъ, — замѣчалъ г. Гондонъ, — ни одинъ добрый католикъ не повѣритъ, чтобы въ католическомъ духовенствѣ нашелся хоть кто-нибудь, способный къ такому позорному вѣроломству и низости». — Однако лордъ Гладстонъ впослѣдствіи объявилъ, что онъ знаетъ два случая такихъ доносовъ черезъ посредство исповѣди. Съ другой стороны, недавно сдѣлалось извѣстно, что въ самомъ Римѣ секретъ исповѣди нарушался въ пользу политическихъ соображеній, и это одобрялось правительствомъ. Недавно въ одной книгѣ объ Италіи опубликованы были подлинные документы на этотъ счетъ[55]. Наконецъ Монтанелли приводитъ формулу клятвы, которую должны были давать епископы королевства при ихъ посвященіи: «Если въ моемъ діоцезѣ, или гдѣ бы то ни было, узнаю я какой-нибудь замыселъ ко вреду государства, я обязуюсь предварить о томъ его королевское величество»[56]. Послѣ этого ужасы и отреченіе г. Гондона кажутся намъ уже не совсѣмъ осно-

[55] „L'Italie et la maison Savoie", par Ernest Rahetti, Paris 1860, стр. 281—285.

[56] „Mém. s. l'Italie", II, стр. 71.

вательными: фактъ нарушенія секрета исповѣди вовсе не представляется такимъ чудовищнымъ, и довольно вѣроятно, что общая молва о немъ въ Неаполѣ была справедлива.

При такомъ положеніи вещей, разумѣется, публичныя собранія если и бывали, то никогда не допускали въ Неаполѣ политическихъ или какихъ бы то ни было вольныхъ разговоровъ. До чего въ Неаполѣ доведена была боязнь высказать лишнее, то, чего не слѣдуетъ, можно видѣть по нѣсколькимъ примѣрамъ, приводимымъ разными писателями. Г-нь Веринъ, напр., говоритъ, что онъ былъ въ Неаполѣ, когда пришло туда извѣстіе о взятіи Севастополя. По отношеніямъ Фердинанда къ нашему двору и по участію въ войнѣ части итальянцевъ, крымскія дѣла очень занимали неаполитанское общество; но никто не смѣлъ высказать никакого мнѣнія, не рѣшился сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія, пока черезъ день не узнали изъ офиціальнаго журнала, какъ слѣдуетъ смотрѣть на событіе [57]. Виконтъ Лемерсье, защищая неаполитанское дворянство отъ упрека въ невѣжествѣ, говоритъ, что, напротивъ, оно очень хорошо понимаетъ даже политику, только не высказывается; но мы были удивлены просвѣщеннымъ либерализмомъ знатнаго общества, — прибавляетъ онъ, — за однимъ обѣдомъ, «гдѣ говорили по французски, чтобы служители не могли вслушаться въ разговоръ» [58]... Аббатъ Миньонъ тоже разсказываетъ случай въ этомъ родѣ. «Однажды, — говоритъ онъ, — зашелъ я въ кафе и услышалъ тамъ фран-

[57] „Naples et les Napol.“, стр. 38.
[58] „Quelques mots de ver. s. Naples“, стр. 15.

цузскій разговоръ. Мнѣ нужно было узнать адресы нѣсколькихъ лицъ въ Неаполѣ, и полагая, что мои соотечественники должны знать ихъ, я обратился къ одному изъ собесѣдниковъ и показалъ ему записочку съ именами лицъ, которыхъ я желалъ видѣть. «О! будьте осторожнѣе, — испуганно сказалъ онъ, посмотрѣвъ на мой листокъ, — тутъ есть имена, заподозрѣнныя полиціей! Вотъ такой-то умеръ, а этотъ — въ тюрьмѣ; пожалуйста, не упоминайте ихъ именъ. Повѣрьте мнѣ, я 14 лѣтъ живу въ Неаполѣ, — говорить о лицахъ компрометированныхъ въ политикѣ, а еще болѣе — отыскивать ихъ адресы — здѣсь очень опасно» [59].

По этимъ образчикамъ можно судить, въ какой степени вредныя для бурбонскаго правительства идеи могли распространяться въ обществѣ посредствомъ устной пропаганды. Можно сказать положительно, что со стороны печати и слова Бурбоны могли быть совершенно благонадежны.

Но величайшее зло итальянскихъ государствъ, говорятъ, составляли тайныя общества. Чѣмъ болѣе правительство бодрствовало надъ умами и воспрещало публичное проявленіе общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе работали и преуспѣвали тайныя общества. Они-то, можетъ быть, и устроили паденіе Бурбоновъ? . .

Нужно сознаться, что неаполитанцы, точно, имѣли всегда маленькую слабость къ тайнымъ обществамъ и заговорамъ. Но извѣстно, что ихъ процвѣтаніе относится къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія; послѣ же этого времени они все болѣе и болѣе упадали. Отчасти

---

[59] „L'Italie pol. et rel.“, стр. 92.

они теряли свой кредитъ въ неудачныхъ попыткахъ, отчасти же парализованы были благоразумными мѣрами бурбонской полиціи. Карбонары были обезсилены уже революціею 1820 г., и хотя по свѣдѣніямъ, собраннымъ Интонти, при началѣ царствованія Фердинанда ихъ было въ королевствѣ до 800,000 [60], но въ этомъ числѣ было конечно сосчитано много такихъ, которые вовсе не принимали дѣятельнаго участія въ обществѣ, а просто принадлежали къ недовольнымъ. Легкость, съ которою карбонары были разогнаны и почти уничтожены послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ заговоровъ, доказываетъ, что эта секта уже не имѣла той силы, какъ за десять лѣтъ предъ тѣмъ. Новая секта «Юной Италіи», основанная Мозолино (и не имѣвшая ничего общаго съ «Юной Италіей» Марсельской), также была почти разсѣяна послѣ открытія заговора Россароля и Романо. Послѣ того, около 1839 г., опять возродился карбонаризмъ; каково было его значеніе, можно судить по тому, что двигателемъ и главою общества былъ на этотъ разъ Бонцелли, тотъ самый Бонцелли, который въ 1848 г., увидавъ актъ конституціи, подписанный Фердинандомъ, бросился къ ногамъ его и воскликнулъ: «О, государь! Если бъ я зналъ васъ раньше, никогда бы я не думалъ о заговорахъ!» [61]. Такое общество не могло быть особенно опасно для бурбонскаго правительства даже по своимъ тенденціямъ. Да и вообще мнѣніе итальянскихъ патріотовъ въ послѣднее время стало далеко не въ пользу тайныхъ обществъ, какова бы ни была ихъ намѣренія. Мы приведемъ два сужденія — Монтанелли и Чезаре Бальбо.

[60] Ch. Paya, „Naples", стр. 418.
[61] Montanelli, „Mém.", II, 118.

«Трудно сказать, — говорить Монтанелли, — не сдѣлали ли больше зла, нежели добра для своего дѣла тайныя общества, къ которымъ неаполитанцы имѣютъ такую исключительную слабость. Ихъ приверженцы говорятъ, что они сохранили священный огонь свободы подъ могильнымъ камнемъ деспотизма и произвели революцію 1820 г. Но можно возразить, что для поддержанія этого огня и для приготовленія умовъ къ возстановленію свободы и къ борьбѣ за нее, довольно братскихъ соединеній, которыя бы образовались повсюду сами собою, безъ всякихъ іерархическихъ связей между собою, безъ повиновенія какой-то подземной власти, какъ это принято въ собственно такъ называемыхъ тайныхъ обществахъ. Можно также возразить, что соединеніе людей въ тайное общество заглушаетъ всякую личную инціативу, всякій самобытный порывъ и мѣшаетъ тѣмъ могучимъ соединеніямъ, которыя происходятъ отъ свободнаго движенія сердецъ и отъ естественныхъ симпатій. Можно сказать, что всякое тайное общество представляетъ въ себѣ забавное воспроизведеніе кастъ, таинствъ и авторитета, что оно налагаетъ рабство, какъ время искуса для полученія свободы. Можно замѣтить, что секта карбонаровъ не могла бы произвести движенія 1820 г., безъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ толчковъ, если бъ ему не содѣйствовали жестокости и притѣсненія, совершенныя самой монархіей, и что, напротивъ, эта секта, болѣе нежели что-нибудь другое, была вредна для революціи, сдѣлавши невозможнымъ всякое правильное устройство дѣлъ и разрушивъ военную дисциплину» [62].

[62] „Mém.“, II, 100—101.

Монтанелли однако еще щадитъ нѣсколько тайныя общества, говоря, что онъ не хочетъ пускаться въ слишкомъ подробное развитіе всѣхъ этихъ обвиненій, которыя, можетъ быть, и не вполнѣ уничтожаютъ значеніе обществъ. Бальбо говоритъ еще рѣшительнѣе:

«Новыя тайныя общества [дѣло идетъ о карбонарахъ], какъ и старыя, были самымъ дурнымъ средствомъ, какое только возможно, для произведенія революціи. Это было самое дурное средство въ нравственномъ отношеніи, потому что самая сущность тайныхъ обществъ и заговоровъ состоитъ въ секретѣ, обманѣ и вѣроломствѣ; самое дурное и въ отношеніи къ успѣху, потому что непрямота такихъ средствъ отвращаетъ отъ нихъ адептовъ и не внушаетъ довѣрія тѣмъ, которые входятъ въ нихъ, такъ что изъ нихъ никогда не выходитъ общаго, единодушнаго движенія, и слѣдовательно, не выйдетъ никакого великаго дѣла. Сверхъ того, въ этихъ тайныхъ соединеніяхъ, часто возобновляемыхъ и составляемыхъ изъ разнообразныхъ элементовъ, обыкновенно больше толкуютъ, нежели дѣлаютъ, и пріобрѣтаютъ навыкъ разсуждать безъ всякой пользы. Тутъ строятъ проекты, основанные не на практикѣ обычнаго теченія дѣлъ, которая не извѣстна сектаторамъ, а на теоріяхъ, и даже не на солидныхъ соображеніяхъ возможности, а просто по диктовкѣ горячихъ ихъ стремленій. Вообще заговоры и секты составляютъ такое средство революціи, которое противно всѣмъ требованіямъ новой цивилизаціи: все стремится къ публичности, въ нихъ господствуетъ секретъ; мы ищемъ всеобщаго согласія общественнаго мнѣнія: они дѣйствуютъ меньшинствомъ; наконецъ, самыя средства ихъ

дѣйствій противны требованіямъ человѣчества, болѣе и болѣе развивающимся въ европейскихъ народахъ» [63].

Мы привели эти мнѣнія не для чего-нибудь иного, какъ для того, чтобы видѣть, какъ потеряли свой кредитъ тайныя общества даже въ глазахъ итальянцевъ. Графа Бальбо нельзя конечно причислять къ особеннымъ авторитетамъ въ этомъ случаѣ; но мы видѣли, что даже Монтанелли говоритъ почти то же самое, что и Бальбо. Такимъ образомъ, если бы бурбонское правительство даже гораздо менѣе страшилось тайныхъ обществъ и слабѣе преслѣдовало ихъ, и тогда бы они не могли имѣть достаточной силы для произведенія общаго возстанія въ государствѣ. Но мы видимъ во все время, отъ усмиренія революціи 1820 г. до послѣднихъ мѣсяцевъ Бурбонской династіи, непрестанныя и неусыпныя преслѣдованія всего, что могло казаться хоть желаніемъ имѣть намѣреніе покуситься на заговоръ или тайное общество. Извѣстенъ указъ Франциска I отъ 24 іюня 1828 г., по которому «соединеніе двухъ лицъ уже достаточно для составленія тайнаго общества». Можно сказать, что полиція Фердинанда, въ своей подозрительности, постоянно руководилась этимъ правиломъ. Пришлось бы написать нѣсколько десятковъ страницъ, если бъ мы захотѣли дать краткое resumé всѣхъ политическихъ процессовъ, происходившихъ въ царствованіе Фердинанда, для доказательства бдительности полиціи и строгости наказаній, какимъ подвергались противники власти Бурбоновъ. Довольно сказать, что по вычисленіямъ Колетты и Леопарди, въ те-

[63] Cesar Balbo, „Hist. d'Italie", II, стр. 213.

ченіе времени отъ 1794 до 1824 г., погибло разными смертями, за любовь къ свободѣ, до 100,000 человѣкъ, а въ царствованіе Франциска I и Фердинанда до 1850 г. къ нимъ прибавилось еще 50,000.

Отъ подозрѣнія ничто не спасало, и подозрѣваемый никакъ не могъ избѣжать преслѣдованій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ англійскомъ парламентѣ возбужденъ былъ общій смѣхъ разсказомъ лорда Пальмерстона объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который въ какомъ-то изъ провинціальныхъ неаполитанскихъ городовъ былъ арестованъ Богъ знаетъ за что. Друзья его обратились къ префекту полиціи, увѣряя его, что другъ ихъ не можетъ быть виновенъ, что его арестъ вѣроятно недоразумѣніе. Префектъ отвѣчалъ, что никакого тутъ недоразумѣнія нѣтъ, что онъ очень хорошо знаетъ невинность молодого человѣка и никакого обвиненія противъ него не имѣетъ. — «Такъ зачѣмъ же вы его арестовали?» — «А вотъ видите, — отвѣчалъ добродушный префектъ, — я только что получилъ строгій выговоръ отъ правительства за небрежность, потому что я давно уже никого не арестовалъ; теперь мнѣ надо показать свою дѣятельность; вашъ другъ попался мнѣ на глаза, я его и засадилъ, какъ засадилъ бы всякаго другого. Надо же мнѣ показать свою бдительность» [64].

Въ 1855 г. много также говорили въ Европѣ о войнѣ, которую объявила неаполитанская полиція бородамъ и шляпамъ извѣстнаго рода, какъ

---

[64] Авторъ [illegible] многими [illegible] о Неаполѣ, [illegible] Гладстонъ [illegible] что лордъ Пальмерстонъ не сказалъ, когда и съ кѣмъ именно былъ этотъ случай. De l'état des choses à Naples, стр. [illegible]

признакамъ вреднаго образа мыслей и даже принадлежанія къ тайнымъ сектамъ. Не мало шума было также изъ-за процесса маркиза Тальява, который былъ обвиненъ какъ участникъ въ какой-то сектѣ убійцъ, и подъ пыткою не только себя призналь виновнымъ, но еще оговорилъ англійскаго и сардинскаго посланниковъ! Можете себѣ представить, что тогда писали по этому случаю англійскіе журналы. Вообще, когда дѣло касалось подозрѣнія въ сектаторствѣ и вообще въ опасномъ образѣ мыслей, — полиція неаполитанская не знала мѣры своему усердію и не разбирала ни лицъ, ни средствъ. Иностранцы, епископы, посланники, члены королевской фамиліи — никто не былъ оставляемъ въ покоѣ. — Женщины, дѣти, дряхлые старики — всѣ казались подозрительными, всѣхъ допрашивали, обыскивали, запирали въ тюрьму, пытали. Домашніе обыски производились безпрестанно, и всякій слухъ сношеній съ лицами подозрительными влекъ за собою тюремное заключеніе и ссылку. Мы не хотимъ приводить частныхъ фактовъ, потому что они слишкомъ извѣстны, и никто не заподозритъ насъ въ выдумкѣ или преувеличеніи. Укажемъ только нѣсколько цифръ: въ 1851 г., по словамъ Гладстона, число политическихъ преступниковъ, содержавшихся въ неаполитанскихъ тюрьмахъ (исключая Сициліи), общимъ мнѣніемъ признавалось около 15—20 тысячъ. Апологистъ Бурбоновъ, г. Гондонъ, опровергая лорда Гладстона официальными данными, утверждалъ, что число это равняется всего 2,024. Но, во-первыхъ, г. Гондонъ не считалъ, какъ кажется, тѣхъ, которые содержались по неприкосновенности и по подозрѣнію; во-вторыхъ, извѣстно, что при огромномъ коли-

честьѣ дѣлъ полиція неаполитанская не всегда соблюдала строгую точность въ цифрахъ своихъ отчетовъ; въ-третьихъ, наконецъ, по безчисленному разнообразію проступковъ, подлежавшихъ при Бурбонахъ вѣдѣнію полиціи, она не всегда ясно могла классифицировать преступленіе, и потому легко можетъ быть, что политическіе преступники содержались иногда подъ другими названіями и въ другихъ разрядахъ. Во всякомъ случаѣ, даже по официальнымъ даннымъ извѣстно, что въ королевствѣ содержалось въ это время двумя третями болѣе положеннаго комплекта, и что наконецъ мѣста не оставалось для новыхъ узниковъ. Весь этотъ избытокъ надо приписать множеству политическихъ преступниковъ, оказавшихся послѣ 1848 г. Столь же официально высчитано, что съ 1848 по 1857 г. Фердинандъ въ разныхъ манифестахъ, по случаю рожденія сына и другихъ фамильныхъ радостей, далъ амнистіи 16,000 человѣкъ. Правда, амнистіи эти оказались ничтожными, какъ и амнистіи Франческо, напримѣръ, данныя имъ по вступленіи на престолъ. Но все-таки цифры эти даютъ понятіе о томъ множествѣ людей, у которыхъ заботливостью полиціи отнималась возможность вредить порядку, существующему въ государствѣ. А сверхъ того, надо еще принять въ соображеніе число людей сосланныхъ, изгнанныхъ и просто выѣхавшихъ изъ королевства Обѣихъ Сицилій. Можно сказать, что все стремившееся къ низверженію бурбонскаго правительства, все отличавшееся непокорнымъ и безпокойнымъ духомъ, — все это было къ концу царствованія Фердинанда — или казнено, или заточено, или удалено изъ королевства. «Неаполь теперь не въ Неаполѣ, а въ Ту-

ринѣ», — писали путешественники, находившіе въ піемонтской столицѣ все, что нѣкогда блистало въ Неаполѣ; и изъ перечня именъ, приводимаго ими, видно было, что дѣйствительно почти всѣ неаполитанцы, еще оставшіеся въ живыхъ и на свободѣ и могшіе быть сколько-нибудь опасными господству бурбонской системы, спокойно проживали въ Туринѣ; нѣкоторые оставались въ другихъ мѣстахъ за-границей, но въ Неаполь никого не было. Даже послѣ амнистіи Франческо, въ прошломъ году, никто почти не возвратился; стали пріѣзжать въ Неаполь только въ іюлѣ нынѣшняго года, послѣ провозглашенія конституціи и второй амнистіи, болѣе рѣшительной. Но мы знаемъ, что въ это время уже паденіе бурбонскаго трона было рѣшено. Зловредные люди, поѣхавшіе въ Неаполь въ іюль и августѣ, были уже болѣе зрителями, нежели актерами.

Вотъ мы написали уже довольно много, даже, можетъ быть, слишкомъ много страницъ, а между тѣмъ нимало не подвинулись въ рѣшеніи заданнаго самимъ себѣ вопроса: отчего же это Бурбоны такъ внезапно и съ такой невѣроятною быстротою утратили свое королевство? Мы не лѣнились на изысканія; мы заглядывали и въ творенія либераловъ, и въ апологіи людей благочестивыхъ и добропорядочныхъ; мы пересматривали одно за другимъ всѣ условія, какимъ обыкновенно приписываются всѣ безпорядки и смятенія въ государствахъ Западной Европы; мы взвѣшивали силу оппозиціи, которая могла существовать въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, сравнивали ее съ силой правительства Бурбоновъ и постоянно находили, что для торжества этой оппозиціи не было никакихъ элементовъ. По-

вторимъ еще разъ результаты изложенныхъ нами фактовъ. Народъ неаполитанскій въ своей массѣ не понималъ политическихъ правъ и жаждалъ одного: оставаться постоянно подъ отеческимъ управленіемъ Бурбоновъ. По своему характеру — народъ этотъ кротокъ, безпеченъ, доволенъ малымъ, религіозенъ и въ высшей степени покоренъ. Ясно, что управлять такимъ народомъ дѣло самое легкое; а чтобы возстановить его противъ существующаго порядка, для этого надо употреблять немовѣрныя усилія и возиться съ нимъ много и долго, можетъ быть больше, чѣмъ со всякимъ другимъ народомъ на свѣтѣ, да и то безъ особенныхъ надеждъ на успѣхъ. Но, положимъ, злоумышленники хитры и сильны, они всѣмъ пользуются, все пускаютъ въ оборотъ... Какія же средства имѣли они въ Неаполѣ. Мы видѣли, что никакихъ; напротивъ, всѣ обычныя революціонныя орудія обращены были здѣсь противъ нихъ же самихъ. Они не могли ничего дѣлать посредствомъ религіи: въ Неаполѣ не было разныхъ вѣроисповѣданій, не было религіозныхъ сектъ, совѣсть народа находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ католическаго духовенства и особенно іезуитовъ, бывшихъ всегда сильными и дѣятельными союзниками бурбонской системы управленія. Религіозное чувство народа постоянно пріучаемо было къ тому, чтобы смотрѣть на врагобъ королевскаго абсолютизма какъ на враговъ самого Бога и его церкви. Это же воззрѣніе проводилось постоянно и въ исповѣданіи, которое находилось тоже въ рукахъ іезуитовъ. Такимъ образомъ злоумышленники не могли проводить своихъ идей и въ школьномъ образованіи молодого поколѣнія. Возмущать умы общества и раздра-

жать страсти посредствомъ книгъ и статей — тоже не было никакой возможности: литература вся была въ рукахъ правительства, за нею смотрѣла полиція и іезуиты, и въ ней натурально не могло появляться ничего, что бы хотьли высказывать люди, злоумышлявшіе противъ установленнаго порядка. Напротивъ, вся литература была направляема, по возможности, къ утвержденію въ умахъ убѣжденія въ превосходствѣ и благодѣтельности этого порядка. Іезуиты не только цензировали книги, они и сами сочиняли ихъ; полиція не только слѣдила за журналами, она сама издавала свою газету; Бианкини замѣнилъ Риччарди въ изданіи «Progresso . . . Безпокойные люди печатали дурныя книги тайно и за границей, ввозили ихъ контрабандой; но мы видѣли, что и это средство было очень слабо: запрещенныя книги были доступны лишь немногимъ, а какъ только ихъ распространеніе принимало характеръ сколько-нибудь значительный, полиція тотчасъ принимала свои мѣры, и тутъ и авторы, и читатели, и продавцы, и владѣтели такихъ книгъ были строго наказываемы за обманъ, ослушаніе и безнравственность. Столько же трудно было злоумышленникамъ дѣйствовать посредствомъ живого слова: имъ не было и случаевъ къ тому, по недостатку большихъ публичныхъ собраній, да при томъ же за каждымъ словомъ ихъ слѣдила полиція, и они могли по первому подозрѣнію попасть въ тюрьму. Что могли еще дѣлать они въ такихъ обстоятельствахъ? Послѣднее убѣжище — заговоръ, тайное общество. Но мы уже знаемъ, что людей злонамѣренныхъ и безпокойныхъ было въ Неаполѣ самое ничтожное количество: аквокатцы, медики и еще кое-кто въ этомъ родѣ . . .

Остальное все было спокойно и довольно, не желало ничего лучшаго. Кого же могли буйные либералы привлечь къ своему обществу? Двухъ-трехъ юношей, сбившихся съ пути и позабывшихъ наставленія религіи и своихъ учителей! Недаромъ же и были такъ жалки и безплодны многочисленныя попытки заговоровъ при Фердинандѣ... Одинъ разъ (1848), пользуясь всеобщимъ волненіемъ въ Европѣ, либералы успѣли было взять перевѣсъ; но и то надолго ли? Народъ самъ показалъ себя враждебнымъ къ нимъ (по крайней мѣрѣ такъ думаютъ благоразумные люди), и власть короля была возстановлена во всей своей силѣ. А чтобъ зловредные люди не продолжали возмущать умовъ, ихъ вездѣ затѣмъ захватили повсюду, гдѣ могли захватить, и предали суду. Иные изъ нихъ погибли въ темницѣ, другіе сосланы на галеры, третьи изгнаны; нѣкоторые успѣли убѣжать сами, а оставшіеся и найденные невинными, но все-таки подозрительными насчетъ образа мыслей, отданы подъ строжайшій присмотръ полиціи. Могли ли они послѣ этого продолжать свои коварные замыслы и волновать умы? Могли ли даже мечтать о торжествѣ своихъ беззаконныхъ идей надъ законною властью Бурбоновъ? Не были ли они обезсилены, поражены, уничтожены? Не поражались ли, не придавливались ли они всякій день, всякій разъ, какъ только осмѣливались обнаруживать свое существованіе?

Да, при концѣ царствованія Фердинанда, сила бурбонскаго правительства представляется намъ прочно утвержденною, торжествующею надъ всѣми противными началами, непоколебимою въ своемъ могуществѣ. Ни одинъ изъ элементовъ, считающихся вообще благопріятными волненіямъ и непо-

корству, не только не былъ развитъ, но даже прямо можно сказать — не существовалъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

И между тѣмъ революція такъ быстро, такъ легко сокрушила тронъ Бурбоновъ, хотя новый король ни въ чемъ не измѣнилъ режиму своего отца! Чѣмъ же объяснить эту странность? Должна же быть какая-нибудь причина этого удивительнаго явленія?

Причинъ этихъ, читатель, приводятъ даже двѣ: соглашаясь въ томъ, что не либералы и злоумышленники, что не характеръ народа произвелъ паденіе Бурбоновъ, ихъ противники говорятъ, что причиною революціи были сами же Бурбоны съ своей системою; защитники же ихъ, и самъ Франческо, тоже признавая, что народъ тутъ нимало не виноватъ и что либералы не причастны, — увѣряютъ, что вся исторія была дѣломъ иностраннаго вмѣшательства.

Читатель можетъ принять ту или другую причину; но мы просимъ у него позволенія разсмотрѣть ихъ обѣ въ слѣдующей статьѣ.

II.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ писателей нашего времени есть безспорно синьоръ Казелла, первый, послѣдній и единственный министръ бывшаго короля неаполитанскаго Франческо II. Вся Европа читала его ноты и протесты, которымъ, конечно, позавидовалъ бы самъ Меттернихъ, если бъ могъ теперь чему-нибудь завидовать. При чтеніи этихъ

ность мы всегда воображали себѣ синьора Кавеллу въ видѣ вдохновеннаго Архимеда, говорящимъ: «дайте мнѣ точку опоры внѣ Газеты, и я всю Италію переверну по-своему». Но, къ несчастію, желанной опоры онъ не нашелъ нигдѣ, ни даже въ императорѣ Луи Наполеонѣ, котораго такъ трогательно благодарилъ въ одной изъ своихъ нотъ, справедливо получившей названіе «интродукціи къ лебединой пѣснѣ». Все краснорѣчіе газетскаго министра было безсильно противъ *рѣшительной* силы «пьемонтскихъ величествъ», по счастливому выраженію графа Монталамбера. Пьемонтъ вѣроломно напалъ на своихъ собратій, покорилъ ихъ и отнялъ всѣ права у законнаго ихъ короля... Очевидно, что съ такими разбойниками дѣлать нечего, они не послушаютъ ни Кавеллы, ни Монталамбера, ни самого святѣйшаго папы. Но если съ Пьемонтомъ нельзя сговорить, то въ Европѣ никогда не бываетъ недостатка въ людяхъ степенныхъ и благомыслящихъ, готовыхъ съ полнымъ довѣріемъ прислушиваться къ назидательнымъ рѣчамъ синьора Кавеллы. Такимъ образомъ мнѣнія, имъ излагаемыя, нашли въ себѣ отголосокъ во всѣхъ легитимистскихъ и въ нѣкоторой части либеральныхъ журналовъ Европы. Съ половины сентября мы каждый день читали на разные лады повторяемыя сужденія о томъ, что неаполитанская революція и низверженіе Бурбоновъ есть дѣло не кого другого какъ пьемонтскаго правительства... Вопросъ, надъ которымъ мы столько бились въ нашей прошедшей статьѣ, рѣшался такимъ образомъ весьма легко и въ то же время основательно. Всѣ возможныя соображенія, всѣ факты прямо указывали на это рѣшеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните ходъ событій. Политика Пьемонта всегда была весьма честолюбива. Изъ честолюбія, и только изъ одного честолюбія, чтобы показать, что «и она тоже сильна», Сардинія сунула носъ въ Крымъ. Ея армія остроумно была названа у насъ «Сардинкою», но это не помѣшало Пьемонту играть извѣстную роль на Парижскомъ конгрессѣ. Еще тутъ онъ заявилъ свои честолюбивые замыслы, сдѣлавъ донось на прочихъ итальянскихъ властителей, и между прочимъ на короля неаполитанскаго и на папу. Затѣмъ пьемонтское правительство пользовалось всѣми случаями подкопать остальныя итальянскія династіи: вопреки настояніямъ Австріи, развивало у себя либеральныя нововведенія и дозволяло безпорядки, давало пріютъ людямъ, изгнаннымъ изъ Неаполя, Флоренціи, Рима и пр., совалось съ своими совѣтами и къ папскому правительству, и къ герцогамъ, и не упустило случая дать наставленіе даже юному королю Обѣихъ Сицилій, при самомъ вступленіи его на престолъ. Словомъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ Пьемонта издавна замѣтно было желаніе поставить въ Италіи свое вліяніе на мѣсто австрійскаго. Сначала сардинское правительство (т. е. правильнѣе министерство, ибо Викторъ Эммануилъ тутъ остается ни при чемъ, вся сила въ Кавурѣ) думало успѣть легко, и потому дѣйствовало только убѣжденіемъ, сохраняя личину законности. Но видя, что никто изъ законныхъ властителей не поддается на лукавыя внушенія и не располагаетъ быть вассаломъ Пьемонта, видя, что Австрія не думаетъ отказываться отъ своей системы, туринское министерство не церемонилось прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, гораздо менѣе благороднымъ.

Сначала призвало оно на помощь чужую державу: здѣсь была хоть тѣнь законности. Но вслѣдъ затѣмъ неразборчивость въ средствахъ дошла у Пьемонта до того, что онъ рѣшился дѣйствовать посредствомъ революціи!.. Такимъ образомъ произведена была революція въ герцогствахъ, въ Романьѣ и наконецъ въ Неаполѣ. И если кто виноватъ во всей пролитой крови, такъ это пьемонтское честолюбіе...

Все это повторялось не только журналами, но даже нѣкоторыми государственными людьми. Мы бы могли указать здѣсь, напримѣръ, на графа Буоля, на генерала Ламорисьера и другихъ; но они были заинтересованы въ дѣлѣ, подобно самому синьору Казеллѣ, и потому могли быть не вполнѣ безпристрастны. Но вотъ человѣкъ рѣшительно посторонній, принадлежащій къ странѣ либеральной, очевидецъ дѣла — лордъ Нормэнби, извѣстный своими открытіями относительно событій 1848 г. во Франціи и вообще въ политической мудрости уступающій развѣ нашему господину Гарянову: спросите его хоть о тосканскихъ событіяхъ 1859 г.! Кто произвелъ и поддержалъ революцію во Франціи? Господинъ Бонкомпаньи, сардинскій уполномоченный. Онъ могъ отрекаться отъ участія въ возстаніи, могъ доказывать лорду Нормэнби, что онъ, говоря объ итальянскихъ дѣлахъ, выказываетъ только полное, ихъ непониманіе. Можетъ быть, и точно лордъ Нормэнби имѣетъ объ Италіи понятіе нѣсколько одностороннее (какъ и о Франціи 1848 г.)... Но это нисколько не прикрываетъ Сардинію: генералъ Уллоа былъ изъ Турина присланъ въ Тоскану, и отъ графа Кавура получалъ приказанія и жалованье... Въ Моденѣ и

Пармѣ то же самое: Фарини — пьемонтецъ, Фарини — кавуристъ, какъ извѣстно, и между тѣмъ онъ велъ все дѣло въ этихъ герцогствахъ. То же и въ Неаполѣ и Сициліи, Гарибальди былъ орудіемъ Кавура; все ихъ видимое разногласіе было просто маской... А между тѣмъ сицилійская экспедиція была приготовлена самимъ пьемонтскимъ правительствомъ, всѣ дѣйствія Гарибальди были направляемы изъ Турина, съ разрѣшенія Луи Наполеона. И когда у Гарибальди не стало силъ одному съ своими скопищами бороться противъ вѣрныхъ войскъ короля Франческо, тогда Пьемонтъ сбросилъ маску и открыто пошелъ войною на сосѣднее правительство, съ которымъ до тѣхъ поръ не прерывалъ даже дружественныхъ сношеній...

Таковъ смыслъ послѣднихъ нотъ министра Казеллы, таково мнѣніе всѣхъ ультрамонтанскихъ и части полуофиціальныхъ газетъ во Франціи, таковы, кажется, мысли самой «Аугсбургской Газеты», а можетъ быть даже и «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». Послѣ этого всѣ означенныя газеты имѣютъ, разумѣется, полное право жестоко осмѣять насъ за то, что мы ищемъ вчерашняго дня, добиваясь, отчего могла произойти такая быстрая и такая успѣшная революція въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

При всемъ нашемъ уваженіи къ проницательности благомыслящихъ газетъ, мы на этотъ разъ не очень спѣшимъ удовлетвориться ихъ мнѣніемъ. Намъ кажется, что какъ ни сильно честолюбіе пьемонтскаго министерства, но боязнь революціонныхъ безпорядковъ въ немъ еще сильнѣе. Оно желаетъ владѣть Италіей, но съ помощью средствъ благоразумныхъ и законныхъ. Оно понимаетъ, что въ

союзѣ съ революціонерами оно, можетъ быть, и достигнетъ единства Италіи, но ничего не выиграетъ для своего собственнаго значенія. Поэтому положительно можно утверждать, что если графъ Кавуръ не упускаетъ случая воспользоваться даже и революціей для расширенія своего значенія, то ни въ какомъ случаѣ не рискнетъ онъ самъ на революцію. Это дѣло другихъ людей, въ отношеніи къ которымъ графъ Кавуръ играетъ ту же роль, какъ Меттернихъ въ отношеніи къ либераламъ временъ реставраціи. Еще 25 лѣтъ тому назадъ Маццини писалъ, что Пьемонтъ долженъ быть увлеченъ на путь реформъ «идеею о коронѣ всей Италіи» *), такъ точно какъ Неаполь долженъ быть приведенъ къ этому силою. До сихъ поръ событія служили постояннымъ подтвержденіемъ этихъ предвѣщаній; но въ нихъ же самихъ не трудно видѣть и полное оправданіе Пьемонта отъ сообщничества съ революціонерами... Впрочемъ, мы на этотъ счетъ распространяться здѣсь не будемъ, потому что объ отношеніяхъ сардинскаго министерства къ итальянской революціи «Современникъ» уже нѣсколько разъ говорилъ въ «Политическомъ обозрѣніи». Здѣсь мы прибавимъ лишь нѣсколько фактовъ, преимущественно для тѣхъ тонкихъ политиковъ, которые видятъ во всемъ двойныя и тройныя интриги, и не довольствуясь тѣмъ, что актеры играютъ комедію, увѣряютъ часто, что они только представляютъ будто играютъ комедію, а въ самомъ-то дѣлѣ совершаютъ что-то другое.

Дипломатическая комедія, разыгрываемая Сар

---

*) D[illegible] pr[illegible] de l'It[illegible], par [illegible] de V[illegible]

линіей на тему уваженія къ международному праву, трактатамъ и династической законности, совершенно ясна; не менѣе ясна и другая комедія, исполняемая Пьемонтомъ противъ людей, которымъ онъ одолженъ своимъ теперешнимъ могуществомъ, и противъ надежды народа, прибѣгшаго къ покровительству Пьемонта. Но тонкіе политики этимъ не довольствуются: имъ непремѣнно нужно, чтобъ дѣло было запутано такъ, какъ во второй части «Мертвыхъ душъ» русскій юристъ запуталъ дѣло Чичикова. Они довольны повидимому только тогда, когда ужъ разобрать ничего нельзя, и смыслъ человѣческій рѣшительно теряется. Но мы, хотя и представляемъ изъ себя нѣкоторое подобіе Кифы Мокіевича, однакоже никакъ не желаемъ имѣть подобный результатъ для своихъ размышленій. Отъ этого мы никакъ не хотимъ и не можемъ допустить, чтобы пьемонтское правительство руководило неаполитанской революціей и для прикрытія дѣла гнусныя пакости Гарибальди и его сподвижникамъ. Это можно было говорить еще, когда въ кавуровскихъ журналахъ уничтожали Гарибальди при самомъ началѣ его экспедиціи, когда задерживали его отправленіе, не выдавали принадлежащихъ ему денегъ, велѣли стрѣлять въ его волонтеровъ; можно было на этомъ настаивать, когда въ Сицилію посланъ былъ Ла-Фарина, когда Викторъ Эммануилъ писалъ къ Гарибальди настоятельныя письма, чтобъ онъ не ходилъ въ Неаполь, когда Кавуръ спрашивался у Луи Наполеона, можно ли ему отвергнуть позднійй союзъ съ Неаполемъ, когда Гарибальди изъявлялъ желаніе, чтобъ Кавуръ оставилъ министерство, а Кавуръ въ парламентѣ возбуждалъ вопросъ, можно ли вотировать адресъ Гарибальди,

какъ человѣку, заслужившему признательность отечества... Все это могло считаться комедіей, пока была возможность утверждать, что въ видимомъ нерасположеніи министерства къ дѣятелямъ неаполитанской революціи нѣтъ ничего существеннаго, что это только такъ — личина. Но вотъ прошло два мѣсяца слишкомъ, и комедія зашла уже слишкомъ далеко. Гарибальди остановленъ въ своихъ замыслахъ на Римъ и Венецію, Неаполемъ управляетъ Фарини, Сициліей – Ла-Фарина, Кавуръ объявляетъ Европѣ, что онъ хочетъ водворить порядокъ, съ Римомъ заводятся сношенія, Австрію расчитываютъ заставить, съ помощью императора Луи Наполеона, продать Венецію. Неужели и послѣ этого еще можно упрекать сардинское правительство въ революціонныхъ наклонностяхъ? А съ другой стороны – партія, руководившая революціей въ Сициліи и Неаполѣ, со дня на день становится болѣе недовольною Пьемонтомъ. Ея журналы и брошюры чуть не каждый день открываютъ новые факты, бросающіе на сардинское министерство очень невыгодную тѣнь. Относительно экспедиціи Гарибальди они публикуютъ подробности, ясно доказывающія, что пьемонтское правительство всѣми мѣрами старалось задержать и не допустить ее [66]. Въ самыхъ популярныхъ изданіяхъ, въ календаряхъ, въ карикатурныхъ листкахъ стараются объяснять народу, какъ вредны были и продолжаютъ быть люди кавуровской компаніи, —

---

[66] Въ декабрѣ вышла въ Миланѣ книга подъ заглавіемъ: „Dell'andamento delle cose in Italia", въ которой страница за страницей доказывается, что умышленно пьемонтское правительство, со времени первой экспедиціи Гарибальди, постоянно служило ко вреду этому и для спасенія и независимости Италіи. Мы, можетъ быть, еще возвратимся къ этой замѣчательной книгѣ.

i moderati, какъ ихъ называютъ въ насмѣшку, — для дѣла освобожденія. Самое вторженіе Пьемонта въ папскія владѣнія объясняютъ безъ всякихъ околичностей желаніемъ Кавура поддержать свою популярность, которая начала сильно шататься отъ его вражды съ Гарибальди[67]. Въ оправданіе себя Кавуръ тоже печатаетъ статейки и пускаетъ въ ходъ брошюры, иногда составленныя довольно искусно. Но онѣ не остаются безъ отвѣта. Такъ, напр., одинъ адвокатъ (т. е. человѣкъ изъ сословія революціоннаго, по увѣренію г. Гондона и подобныхъ), по имени Карло Боджіо, издалъ брошюрку «Cavour o Garibaldi?» и, выхваляя какъ будто бы Гарибальди, въ то же время очень ловко даетъ понять, что это храбрый безумецъ, который ничего прочнаго сдѣлать не можетъ, и что ужъ если выбирать между нимъ и Кавуромъ, то необходимо довѣриться политической мудрости графа. Въ отвѣтъ на это тотчасъ явилась брошюра Анджелло Броф-

[67] Въ Генуѣ къ концу года появился, напримѣръ между прочимъ демократическій альманахъ, подъ названіемъ „Cavour", являющійся уже въ первый разъ. Онъ помѣщаетъ въ немъ лирическія сцены: Cavour nell'imbarazzo". Затруднительное положеніе Кавура изображается здѣсь весьма комически. Сейчасъ обманутыя надежды его на Гаэту, но въ самую критическую минуту, когда Кавуру приходится убѣжать изъ министерства, онъ вдохновляется и принимаетъ видъ необыкновенно воинственный и *смѣлый* (audace, напечатано курсивомъ) и поетъ:

Impertinerti! Lo vedrete or ora!
Un pensier m'e venuto
Occupero le Marche. Non importa,
Lò faccio ora o riprendo
La popolarità che avea perduta, — и пр.

Затѣмъ i moderati разражаются воинственнымъ хоромъ:

Fratelli d'Italia,
Cavour si ridesta, — и пр.

Альманахъ украшенъ плохими карикатурами и продается за *два сольдо*, т. е. $2^1/_2$ коп. сер.

феріо, не безъ ѣдкости доказывающая, что «политическая мудрость» графа можетъ увеличить значеніе Пьемонта какими-нибудь новыми сдѣлками, въ родѣ продажи Ниццы и Савойи, но никогда не устроитъ единства Италіи[68]. Это же каждый день повторяется въ журналахъ партіи, искренно приверженной Гарибальди. Они всѣми силами стараются исправить ошибку общаго мнѣнія, приписывавшаго пьемонтскому министерству большое участіе въ проектахъ и дѣйствіяхъ Гарибальди. Въ началѣ декабря «Il Diritto»[69] говорилъ по поводу книги Піанчани: «Всѣ помнятъ отправленіе Гарибальди въ Сицилію. Кто не утверждалъ, кто не клялся тогда въ Пьемонтѣ, что экспедиція Гарибальди замышлена по согласію съ Кавуромъ, что Ла-Фарина доставлялъ въ Геную оружіе и деньги, что Кавуръ далъ великому человѣку [т. е. Гарибальди] самыя существенныя пособія? Немногіе, знавшіе и осмѣливавшіеся утверждать противное, были осмѣяны, обвиняемы во лжи, оскорбляемы, — какъ случается всегда съ тѣми, кто рѣшается говорить истину передъ обманутой толпою. Но теперь истина извѣстна», и пр. Затѣмъ слѣдуютъ факты и выдержки изъ книги Піанчани, которыхъ мы не станемъ касаться. Но изъ приведенныхъ словъ очевидно, что если теперь Кавуръ желаетъ распространить слухъ о своемъ

---

[68] Заглавіе брошюры: «Garibaldi o Cavour?». Ея смыслъ виденъ ужъ изъ одного эпиграфа: Гарибальди — Палермо и Неаполь; Кавуръ — Ницца и Савойя. Въ брошюрѣ 32 страницы, — обыкновенный размѣръ политическихъ брошюръ, принятый во Франціи: форматъ меньше, но печать несравненно убористѣе; и между тѣмъ цѣна брошюры 3 сольдо, т. е. 15 сантимовъ, тогда какъ французскія брошюры продаются по франку.

[69] Въ статьѣ «Два графа» «Il Diritto» упомянутъ въ числѣ журналовъ кавуровской партіи: это грубое недоразумѣніе; слѣдовало поставить «Gazetta di Torino»: «Diritto» — журналъ радикальный.

участіи въ дѣлѣ освободителей Италіи, то они сами всячески хлопочутъ, чтобы раскрыть глаза заблуждающимся, которыхъ, какъ видно, не мало въ самой Италіи... Все это ужъ не походитъ на комедію. Наконецъ всего убѣдительнѣе противъ мнѣнія о томъ, будто неаполитанская революція была организована Пьемонтомъ, говоритъ положеніе, принятое теперь самимъ Гарибальди. Не говоря обо всѣхъ послѣднихъ событіяхъ, укажемъ слѣдующій фактъ: почти во всѣхъ городахъ Италіи (исключая, можетъ быть, Турина) . . . . . .

---

* Статья осталась не докончennою.

Изъ Турина.

Европа, какъ вы знаете, превратилась теперь въ «говорильню», какъ перевелъ бы покойный Шишковъ слово «парламентъ». Не говоря объ Испаніи и Греціи, даже во Франціи устроилась маленькая говорильня. А ужъ на что, кажется, молчаливѣе нынѣшней Франціи: вотъ ужъ десять лѣтъ только тѣмъ и занимается, что ищетъ разгадки судебъ своихъ въ «Монитерѣ», заслужившемъ отъ самихъ французовъ прозваніе *нѣмого* (правильнѣе бы: *косноязычнаго*).

Но какъ ни занимательны греческія, испанскія, прусскія и французскія рѣчи, — всѣхъ ихъ любопытнѣе представляется для просвѣщенной Европы, а слѣдовательно и для меня, — вновь устроенная говорильня въ Туринѣ. «Идея *итальянскаго* парламента, — говорилъ мнѣ одинъ нашъ соотечественникъ благороднѣйшаго образа мыслей, — имѣетъ въ себѣ что-то великое и симпатичное. Въ немъ осуществляется мысль единства Италіи, залогъ солидарности и братства народовъ, забвеніе старинной вражды и городовыхъ раздоровъ, столько вѣковъ губившихъ жизнь и свободу этой чудной страны. Мнѣ кажет

ся, даже иностранцу невозможно будетъ безъ особеннаго сердечнаго волненія видѣть это величавое собраніе мужей совѣта, которые приходятъ со всѣхъ концовъ новаго царства, представляя въ лицѣ своемъ интересы народа, еще такъ недавно не смѣвшаго и думать о своихъ интересахъ. Подумайте... ». Впрочемъ, я вамъ пишу письмо изъ Турина, а краснорѣчивый соотечественникъ мой говорилъ мнѣ все это во Флоренціи. Слѣдовательно, оставимъ его въ сторонѣ, тѣмъ больше, что онъ не обладалъ достоинствомъ краткости. Скажу только, что отчасти по его внушеніямъ, а отчасти и по влеченію собственнаго сердца, я оставилъ градъ Медичисовъ, Леопольдовъ и Риказоли и поспѣшилъ въ Туринъ, какъ разъ къ открытію парламента.

Самого открытія я не видалъ: отправился поздно, прождалъ парохода въ Ливорно и опоздалъ къ поѣзду желѣзной дороги въ Генуѣ. Но тѣмъ не меньше я засталъ Туринъ въ полной «парадной формѣ»: на piazza Castello, передъ «дворцомъ» Мадата, было воткнуто множество шестовъ, мѣшавшихъ свободному проѣзду экипажей и украшенныхъ трехцвѣтными знаменами; между этими шестами и между портиками, составляющими гордость улицы По, были протянуты какія-то гирлянды; по всѣмъ улицамъ торчали изъ оконъ національныя знамена съ савойскимъ крестомъ посрединѣ; стѣны тамъ и сямъ были покрыты каракулями, «хотѣвшими сказать» (по итальянскому выраженію): viva Vittorio Emmanuele re d'Italia!.. Словомъ, видно было, что городъ торжествуетъ...

Было это въ воскресенье. Отправился я на piazza Castello, и вижу — народъ валомъ валитъ ко дворцу. Пошелъ и я. Дошелъ до воротъ внутренняго

дворца, просился было и во внутренность, но не пустили: часовые стоятъ съ ружьями и пропускаютъ только кареты. Въ первый проѣздъ мой черезъ Туринъ я не только на дворъ былъ, но и дворецъ осматривалъ; поэтому такая строгость нѣсколько удивила меня. Спрашиваю о причинѣ; говорятъ, что дворецъ осматривать можно было, когда его величество былъ въ Неаполѣ, а теперь и на дворъ нельзя войти простому человѣку, ибо у его величества торжественная аудіенція, по случаю поднесенія ему новой короны гражданами Турина. Понялъ я тогда свое неразумѣе и смиренно остановился передъ воротами — смотрѣть на генераловъ, выходившихъ изъ каретъ. Генераловъ было много, народъ глядѣлъ съ любопытствомъ на ихъ мундиры и время отъ времени произносилъ извѣстныя имена, только, кажется, не всегда впопадъ. По крайней мѣрѣ возлѣ меня слышалось два раза: Чальдини, Чальдини, — хотя, разумѣется, Чальдини былъ въ это время подъ Мессиной, обдумывая свое знаменитое письмо къ генералу Фергола... Но народу, повидимому, не было никакого дѣла до Мессины, равно какъ и до Чивителлы дель Тронто: ему просто хотѣлось посмотрѣть, каковъ-то, молъ, долженъ быть изъ себя Чальдини, о которомъ говорятъ такъ много и которому даже лавровый вѣнокъ изъ золота дѣлаютъ... Нѣсколько дней спустя любопытство народа насчетъ Чальдини было возбуждено и удовлетворено другимъ образомъ: въ окнѣ одного магазина золотыхъ вещей выставленъ былъ пресловутый вѣнокъ. Въ теченіе цѣлой недѣли, разъ по шести въ день, приводилось мнѣ проходить мимо этого магазина, въ различные часы, но только одинъ разъ, раннимъ утромъ, удалось, чи-

тая газету, дождаться возможности продраться къ окну и взглянуть на этотъ довольно жиденькій презентикъ. Человѣкъ пятьдесятъ постоянно находилось у окна, во все время, пока вѣнокъ былъ выставленъ. Подобное стеченіе любопытныхъ зрителей я помню только передъ балаганомъ Юліи Пастраны, въ Петербургѣ, въ послѣднюю масленицу ея жизни. Говорятъ, впрочемъ, что то же самое, и даже въ большихъ размѣрахъ, было передъ зданіемъ Инвалидовъ, въ первое время послѣ того, какъ привезли туда тѣло Наполеона.

Но я отвлекаюсь отъ разсказа о коронѣ, поднесенной Виктору-Эммануилу. Оказалось, что это было вовсе не торжественное освященіе новаго царства, какъ я подумалъ съ перваго раза, а просто частная любезность туринскихъ гражданъ. Вслѣдствіе того все дѣло и устроено было такимъ домашнимъ образомъ. Я постоялъ, послушалъ, что говорятъ, половины не понялъ, и вышелъ опять на piazza Castello. Тамъ тоже кружокъ народа: слѣпой старикъ поетъ и играетъ, маленькая дѣвочка пляшетъ, по временамъ и старикъ подплясываетъ; простонародье наслаждается этимъ, какъ истиннымъ представленіемъ, и въ заключеніе бросаетъ нѣсколько сольди; люди хорошо одѣтые и, какъ по всему видно, образованные — тоже останавливаются на нѣсколько минутъ, смотрятъ въ средину кружка съ улыбкой презрительнаго сожалѣнія и спѣшатъ удалиться, прежде чѣмъ дѣвочка начнетъ обходить кружокъ съ своей чашечкой.

Нѣсколько дальше показываются разные райки, — разумѣется, Палестро, Сольферино, Кастельфидаро и другія пьемонтскія торжества; Гарибальди впрочемъ тоже не исключенъ, хотя его исторія

какъ-то и не совсѣмъ легко входить въ картину, гдѣ надо непремѣнно представить рѣзню.

Въ другомъ углу обширной площади еще кружокъ: пьемонтскій Леотаръ забавляетъ публику своими прыжками; съ нимъ прыгаетъ, возится и прибаутничаетъ вертлявая женщина, въ короткомъ платьѣ. Подойдите ближе, вы видите, что прыгунъ — пожилой, истощенный человѣкъ, — а женщина — старуха съ поврежденными, слезящимися глазами. Сдѣлавъ игривое движеніе, она раскрываетъ ротъ, чтобы засмѣяться: оттуда выглядываютъ нѣсколько черныхъ зубовъ, а по щекѣ катится гной, накопившійся подъ глазами. Другая женщина, тоже пожилая и очень уродливая, стоитъ и бьетъ въ барабанъ. Представленіе идетъ не очень усердно; замѣтно, что фокусники стараются протянуть время, пока народъ наглядится на великолѣпныя кареты и золоченые мундиры и отхлынетъ отъ дворцоваго подъѣзда на площадь.

Но еще прежде, чѣмъ кончилась дворцовая аудіенція, черезъ площадь начинается какое-то новое движеніе: площадь пересѣкаютъ люди, проходящіе черезъ нее очевидно не для забавы, а за дѣломъ. По количеству женщинъ, проходящихъ мимо меня съ книжечками въ рукахъ, догадываюсь, что все шествіе направляется къ полдневной мессѣ. Оборачиваюсь, чтобы спросить, въ какую церковь все это стремится; мнѣ надъ самымъ ухомъ раздается: «спички, спички скоровоспалительныя!..» Смотрю: дѣтина въ красной рубахѣ, совершенно уже вытертой. «Вы гарибальдинецъ?» — Да, сударь. — «Что же это вы такъ теперь?..» — Что же, сударь, дѣлать! Надо ѣсть что-нибудь... правительство не хочетъ давать намъ никакого посо-

бія... Хочетъ, чтобъ мы въ регулярные солдаты перешли... — «Такъ что же?..» — Помилуйте...

Насъ перервалъ господинъ, потребовавшій спичекъ. Я спросилъ о церкви. Господинъ очень любезно объяснилъ мнѣ, что всѣ стремятся въ соборъ San Giovanni, послушать одного монсиньйора, проповѣдника, знаменитаго своимъ либерализмомъ и навлекшаго на себя даже негодованіе клерикальной партіи за крайнюю смѣлость своихъ идей. Захотѣлось мнѣ послушать либеральнаго монсиньйора; я этакихъ никогда не слыхивалъ и не видывалъ. Пошелъ и я въ соборъ. Народу точно было множество, но проповѣдникъ имѣлъ сильный голосъ, и мнѣ не было надобности продираться слишкомъ впередъ, чтобы слышать его. Первыя слова, доше дшія до моего слуха, были слѣдующія: «Мы — черви ничтожные, мы — пыль и грязь, и мы смѣемъ надѣяться на свои силы! Мы во грѣхахъ зачаты, во грѣхахъ рождены, мы слѣпы, и наги, и нищи, и безпомощны...» и пр. Вся проповѣдь была въ этомъ родѣ. Я задалъ себѣ вопросъ: почему же считаютъ его либеральнымъ? Н рѣшилъ такъ: вѣрно, всѣ думаютъ, что онъ говоритъ такъ о слѣпыхъ, нищихъ, распѣвающихъ веселыя пѣсни, и о гарибальдинцахъ, лишенныхъ пособія отъ правительства.

Вечеромъ пришлось мнѣ познакомиться ближе съ либеральнымъ монсиньйоромъ: прихожу въ свою гостинницу обѣдать, глядь, монсиньйоръ какъ разъ противъ меня. Я его сейчасъ же насчетъ либерализма: оказывается точно, что Австрію не любитъ, надъ Бомбинелло смѣется, очищенія Рима французами ожидаетъ спокойно, и противъ Гарибальди ничего не имѣетъ. Но гарибальдинцевъ не любитъ.

это, говоритъ, народъ непокорный, буйный, хотятъ получать пособіе и ничего не дѣлать. — Отчего же вы думаете, что они не хотятъ ничего дѣлать? — «Разумѣется, не хотятъ; потому что имъ предлагаютъ вступить въ регулярные полки, — не хотятъ». — Да вѣдь ихъ тамъ трактуютъ-то очень плохо. — «Не вѣрьте, не вѣрьте! . . Это они говорятъ, чтобъ оправдать себя; а имъ просто не нравится дисциплина». — Но всѣ говорятъ, что дисциплина, какой требуетъ Фанти, и безполезна, и обременительна въ высшей степени; и при томъ волонтеры все еще надѣются идти съ Гарибальди на дѣло, а въ пьемонтскомъ войскѣ, кромѣ дисциплины, имъ и дѣла-то нѣтъ никакого. А разъ вступивши въ войско, вѣдь ужъ нельзя будетъ его оставить: будутъ судить, какъ дезертира . . . Каково же было бы, напр., хоть бы венеціанскимъ волонтерамъ сидѣть гдѣ-нибудь въ пьемонтскомъ гарнизонѣ, между тѣмъ какъ снарядилась бы новая экспедиція Гарибальди? — «О, не говорите мнѣ про Венецію: я самъ венеціанецъ и всей душой желаю освобожденія моей родины. Но именно для этого-то и нужна дисциплина; безъ нея ничего не сдѣлаешь . . . Только безпорядки одни, анархія». — Да помилуйте, служили же они при Гарибальди: какой же онъ анархистъ?. . — «О Гарибальди кто говоритъ: онъ человѣкъ честный и преданный королю . . . Но его именемъ пользуются — знаете для какихъ цѣлей?. . Знаете ли вы, — добавилъ монсиньйоръ-венеціанецъ, понизивъ голосъ и принявъ таинственный видъ, — знаете ли, что между этими волонтерами есть . . . мацинисты?. . » Тонъ, какимъ произнесъ проповѣдникъ послѣднее слово, способенъ былъ устрашить и не такого робкаго человѣка,

какъ я... Поэтому я осмѣлился сдѣлать только одно замѣчаніе: «но вѣдь самъ Маццини отказался на этотъ разъ отъ противодѣйствія піемонтскому правительству и даже, напротивъ, — хотѣлъ помогать ему...» — «О, избави Богъ отъ этой помощи: это бы значило отдать власть въ *ихъ* руки, а *они* только этого и добиваются...».

Вообще изъ разговора съ проповѣдникомъ я убѣдился, что онъ дѣйствительно либералъ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

На другой день отправился я въ парламентъ. Депутаты помѣщаются въ залѣ, нарочно устроенной въ Кариньянскомъ дворцѣ по случаю непредвидѣннаго приращенія парламентской семьи. Зала, впрочемъ, не столько величественна, какъ можно бы ожидать. Амфитеатръ на 500 человѣкъ, затѣмъ галлереи: прямо за верхними скамьями — для дипломатическаго корпуса, администраціи и журналистовъ, повыше — для особъ съ билетами, и отдѣльно — для женщинъ; еще выше — tribuna publica, — иди, кто хочешь, никому не воспрещается, ибо тамъ ужъ ничего не видно и не слышно. Зала, само собою разумѣется, украшена гербами всѣхъ итальянскихъ провинцій и портретомъ Виктора-Эммануила во всей его величественной граціи, такъ хорошо извѣстной всей Европѣ. Здѣсь сдѣлаю кстати одно замѣчаніе: въ этомъ портретѣ, который, какъ офиціальный, долженъ быть вѣренъ, усы Виктора Эммануила имѣютъ не такой большой загибъ кверху, какъ изображаютъ обыкновенно на другихъ портретахъ. По сторонамъ портрета двѣ подписи, направо: «4 марта 1848 года», налѣво: «18 февраля 1861 года». Кратко, но точно, краснорѣчиво и многознаменательно!!.. Въ срединѣ

залы устроена лавочка бумаги, перьевъ, конвертовъ и прочихъ канцелярскихъ принадлежностей. Я съ нѣкоторымъ изумленіемъ спросилъ, зачѣмъ же тутъ эта лавочка; но сосѣдъ мой довольно сурово объяснилъ мнѣ, что это вовсе не boltega, а мѣста для министровъ, президента, вице-президентовъ и секретарей. Передъ ними-то и стоятъ столы съ грудами бумаги, конвертовъ, перьевъ, облатокъ, печатей и всего, что составляетъ принадлежность всякой благоустроенной канцеляріи.

Мнѣ пришлось сѣсть на лѣвой сторонѣ, слѣдовательно, видны были преимущественно депутаты правой и центра. Еще до начала засѣданія я принялся разсматривать физіономіи: одна изъ нихъ показалась мнѣ знакомою, смотрю — точно Кавуръ, какъ его рисуютъ на портретахъ, только молодой. Спрашиваю: неужели это Кавуръ такой молодой?.. Сосѣдъ усмѣхается и говоритъ: «онъ точно похожъ на Кавура посадкой, и его иногда въ насмѣшку называютъ сыномъ Кавура... Это адвокатъ Боджіо... Говоритъ онъ очень хорошо...» И я вспомнилъ, что Боджіо былъ одинъ изъ людей, наиболѣе оскорбившихъ Гарибальди во время парламентскихъ разсужденій о Ниццѣ; потомъ — что Боджіо есть авторъ одного ловкаго памфлета «Cavour o Garibaldi?» — въ которомъ, подъ предлогомъ восхваленія героизма Гарибальди, онъ объявляетъ его неспособнымъ къ дѣламъ и нестоящимъ мизинца графа Кавура. Таковъ былъ первый представитель итальянскаго народа, съ личностью котораго я познакомился. Личность, надо сказать правду, непривлекательная: маленькій, толстенькій, оплывшее лицо, вѣчное выраженіе безстыжаго, цинническаго самодовольства и эта без-

церемонность манеръ, взглядовъ и усмѣшекъ, которая такъ вызываетъ на опеку... Впрочемъ, по всей вѣроятности, онъ будетъ играть роль — если не въ судьбахъ Италіи, то въ министерскихъ и дипломатическихъ передняхъ.

Второе лицо, привлекшее мое вниманіе, было, какъ вы догадываетесь, — самъ Кавуръ, настоящій. Этого описывать нечего: г. Капустинъ или г. Бергъ, г. Ѳеоктистовъ или князь Д—ой, — навѣрное уже познакомили съ нимъ русскую публику въ своихъ писаніяхъ, которыхъ я, къ величайшему прискорбію моему, не читалъ. Но не могу не замѣтить одного обстоятельства, всѣмъ извѣстнаго: и мнѣ самому показалось сначала, что Кавуръ имѣетъ привычку безпрестанно потирать себѣ руки въ знакъ удовольствія. А между тѣмъ это несправедливо: большею частью онъ держитъ руки въ карманѣ, а то перебираетъ ими конверты и бумажки, лежащіе передъ нимъ... Но у него фигура такая, что каждому, кто только взглянетъ на него, сейчасъ же и представляется потиранье рукъ въ знакъ удовольствія. Видно, что весельчакъ и фортуною взысканъ!..

Я, признаюсь, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, что будетъ дѣлать почтенное собраніе мужей совѣта. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Италіи затруднительно, внутри и внѣ столько вопросовъ и требованій, что есть о чемъ потолковать, — была бы охота! Къ парламенту же имѣютъ довѣріе, отъ него ждутъ рѣшенія... Что-то онъ скажетъ?..

Вышелъ какой-то господинъ и началъ читать: община такая-то, состоитъ... вотировало столько-то, за господина такого-то столько-то... и т. д. Передъ господиномъ ворохъ бумагъ, а когда онъ всѣ

ихъ перебралъ, вышелъ другой, и передъ нимъ положили ворохъ еще больше... Затѣмъ третій, четвертый, и т. д.... Это — повѣрка выборовъ... «Да вѣдь ужъ парламентъ открытъ цѣлую недѣлю (это было 25-го), — замѣтилъ я сосѣду, — что же они дѣлали все это время?» — А много было приготовительныхъ работъ, да и повѣрка-то вѣдь не легка. Сами посудите — 400 депутатовъ, по 50 въ день, такъ и то восемь засѣданій. А вотъ какъ спорные выборы будутъ докладываться, такъ и съ десяткомъ дай Богъ справиться въ одно-то засѣданіе...». Вотъ оно что! подумалъ я. А мы-то волнуемся: вотъ парламентъ открытъ, на-дняхъ будутъ о судьбахъ Италіи разсуждать... Нѣкоторые даже мечтали, что отъ оборота парламентскихъ преній будетъ зависѣть рѣшеніе или отсрочка объявленнаго Гарибальди похода въ мартѣ мѣсяцѣ. А представители народа, какъ видно, вовсе не торопятся приниматься — не только за дѣло, а даже и за разсужденія-то... Ходятъ себѣ каждый день въ камеру и выслушиваютъ доклад о томъ, что графъ Камиллъ Кавуръ избранъ тамъ-то и тѣми-то, маркизъ Густавъ Кавуръ — тамъ то и столькими-то, и т. д. — Меня тоска взяла, и я опять принялся расматривать «почтенныхъ» (onorevoli). Въ частности мало было фигуръ замѣчательныхъ, но въ совокупности своей камера представляла дѣйствительно нѣчто внушающее: никогда я не видывалъ такого собранія плѣшивыхъ и сѣдыхъ волосъ! Для развлеченія я принялся считать лысины и на одной правой насчиталъ 63, а между тѣмъ въ сборѣ было всего около 200 человѣкъ въ это засѣданіе... Да еще я не считалъ въ числѣ лысыхъ такихъ, какъ Кавуръ, напримѣръ, а бралъ въ разсчетъ только лысины на-

стоящія, открытыя, или такія, которыхъ ужъ и закрыть нельзя иначе, какъ парикомъ . . .

Повѣрка спорныхъ выборовъ въ слѣдующія засѣданія представляла для меня еще болѣе интереса въ физіологическомъ отношеніи. Но чтобы разсказать о нихъ, можетъ быть нелишними будутъ нѣкоторыя замѣчанія относительно нынѣшнихъ выборовъ въ Италіи.

По увѣренію благомыслящихъ журналовъ Италіи и Франціи, — «страна дала великое доказательство своего довѣрія къ министерству, выбравъ въ парламентъ почти повсюду министерскихъ кандидатовъ и одобривъ едва десятую долю кандидатовъ оппозиціи. Ни ораторскіе таланты, ни смѣлость идей, ни ловкость поведенія, ни даже вліяніе Гарибальди не могли спасти оппозицію. Гверрацци и Монтанелли, столько лѣтъ удивлявшіе камеру своимъ краснорѣчіемъ, Мордини, такъ искусно державшій себя въ Сициліи, Бертани — ближайшій другъ Гарибальди, — всѣ провалились, потому что народъ чувствуетъ потребность не въ этой сумасбродной партіи, а въ людяхъ благоразумныхъ, умѣющихъ твердо и прочно основать единство и свободу Италіи, способныхъ выдержать себя передъ лицомъ всей Европы». Такъ говоритъ «Constitutionnel» и «Patrie», такъ пишутъ «Opinione», «Gazetta di Torino», «Perseveranza» и другія благородныя и умѣренныя (moderate) газеты.

Журналы оппозиціи кричатъ, напротивъ, о подкупѣ, обманѣ, устраненіи и прочихъ административныхъ мѣрахъ, употреблявшихся при выборахъ. Я, разумѣется, оппозиціи никогда не вѣрю, она всегда дѣлаетъ изъ мухи слона и бѣснуется изъ-за такихъ вещей, которыя совершенно натуральны, какъ

неизбѣжная принадлежность извѣстнаго порядка дѣлъ. Напримѣръ, до сихъ поръ не проходитъ трехъ дней, чтобы въ оппозиціонныхъ журналахъ не было выходки противъ продажи Ниццы и Савойи: но во-первыхъ, — одна брошюра, сочиненная кѣмъ-то въ родѣ Боджіо («Le menistro Cavour dinanzi al parlamento»), весьма справедливо возражаетъ, что Ницца и Савойя «не проданы, *а сами уступили себя*»; во-вторыхъ, что за необыкновенная вещь — дипломатическая сдѣлка объ уступкѣ одной области взамѣнъ другой?.. Такъ и здѣсь: что удивительнаго, что министерство старалось подобрать депутатовъ, которые бы поддерживали его политику? Вопросъ можетъ быть въ томъ: въ какой мѣрѣ народъ былъ расположенъ къ кандидатамъ той и другой стороны, и вотъ здѣсь-то оппозиція сама впадаетъ въ иллюзію, простительную ей только по ея младенчеству. Она воображаетъ, что народъ къ ней расположенъ болѣе, чѣмъ къ министерству! Въ декабрѣ прошлаго года и даже въ началѣ января печатно высказывались надежды оппозиціи имѣть большинство въ парламентѣ. Въ концѣ января приверженцы оппозиціи говорили, что еще есть надежда на южныя провинціи и только уже въ февралѣ, по окончаніи выборовъ, убѣдились, что они уничтожены окончательно, и тутъ-то принялись кричать о нечестномъ поведеніи министерства. А министерство дѣйствовало совершенно такъ, какъ ему и слѣдовало: хлопоталo о своихъ кандидатахъ, которые и сами за себя хлопотали, и предупреждало народъ противъ людей, казавшихся ему опасными. Правда, было нѣсколько мѣстностей, гдѣ чиновники (uffizio) увлекались неразумнымъ усердіемъ. Напр. въ Аччеренцѣ большинство получилъ Саф-

фи, бывшій тріумвиръ римскій — a uffizio провозгласили избраннымъ его противника. Но зато парламентъ и признавъ выборы недѣйствительными и велѣлъ произвести новые. Правда, что въ нѣкоторыхъ общинахъ или коллегіяхъ (collegio) меньшинство избирателей протестовало, свидѣтельствуя о подкупѣ. Но и тутъ парламентъ поправлялъ по возможности неловкость своихъ агентовъ: когда дѣло было ужъ очень скандалезно, то онъ наряжалъ слѣдствіе. Такъ было съ банкиромъ Дженнеро (во французскихъ журналахъ окрещеннымъ Геррерою), который обѣщалъ 40,000 фр. на благотворительныя учрежденія, развозилъ избирателямъ визитныя карточки съ какими-то великолѣпными титулами и письмо Кавура, благопріятное для его избранія, — не говоря, разумѣется, объ обѣдахъ и другихъ обыкновенныхъ средствахъ. Хотя и это дѣло можно было запутать, но парламентъ предложилъ судебное изслѣдованіе, которое теперь и производится. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ роль министерства состояла въ томъ, что мѣстныя власти обыкновенно затягивали или вовсе отказывали въ позволеніи прибивать на улицахъ и раздавать афиши, рекомендующія противныхъ депутатовъ, тогда какъ афиши въ пользу министерскихъ распространялись всѣми мѣрами, совершенно безпрепятственно. Такъ случилось, напр., въ коллегіи Ланчиано, съ Биксіо, которому правительство противопоставило какого-то Антонія Галлегу. Такъ, говорятъ, было съ Гверрацци и Медичи. Но въ этомъ-то фактѣ, кажется, и могла бы оппозиція увидѣть, какъ она ничтожна: ея кандидатовъ, даже такихъ, какъ Биксіо, Медичи, Гверрацци — народъ не знаетъ безъ рекомендацій!..

Когда приходится выразить свою довѣренность, то большинство больше вѣрить своему мѣстному чиновнику, нежели этимъ людямъ, имена которыхъ такъ знакомы Италіи и Европѣ,—по нашему мнѣнію!.. И оппозиція, не позаботившаяся прежде о популярности своей партіи въ народѣ, теперь плачетъ о томъ, что ей не даютъ свободно прибивать къ стѣнамъ похвальныя афиши насчетъ ея кандидатовъ. Какова наивность!

Все дѣло въ томъ, что партія оппозиціи и въ Италіи, какъ вездѣ, не связана съ народомъ практически. Когда народъ знаетъ, что ему дѣлать, то принуждать его дѣлать противное — безполезно и даже опасно. Никому и въ голову не могло придти противодѣйствовать выбору Гарибальди, напримѣръ. Такъ точно мы видимъ, что, несмотря на всѣ нежеланія министерства, въ Сициліи избранъ былъ Криспи; въ Генуѣ не могли помѣшать выбору Биксіо. Правда, что въ Сициліи были также избраны Ла-Фарина и Кордова, два раза оттуда выгнанные — въ первый разъ Гарибальди, а потомъ народомъ, и эти выборы очень подозрительны; но съ другой стороны никто не отвергаетъ, что Ла-Фарина человѣкъ очень ловкій: раза три послѣдовательно надувалъ онъ Гарибальди и опять заставлялъ его мириться съ собою. Гарибальди очень добръ, но кто же не знаетъ, что народъ вездѣ бываетъ добрѣе всякаго Гарибальди?

Если бы оппозиціонная партія итальянцевъ могла читать мое письмо, то навѣрное осердилась бы на меня, но я долженъ сказать, что въ объясненіяхъ нынѣшнихъ выборовъ министерство, мнѣ кажется, ближе къ истинѣ, нежели его противники. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что народъ не съ ними, не зна-

етъ ихъ и не понимаетъ. Можетъ быть, это для кого-нибудь и покажется прискорбнымъ, но что же дѣлать? Таковы факты. Если гдѣ и казалось вѣроятнымъ избраніе какого-нибудь радикала, то стоило министерской партіи описать его какъ *краснаго,* террориста, жаждущаго крови и раздоровъ, и всѣ отъ него отказывались. Такъ и случилось, напримѣръ, сколько я знаю по журнальнымъ протестамъ, съ Альберто Маріо и Маврицію Квадріо. Насчетъ другихъ брошены были сильныя сомнѣнія въ честности, и этому обстоятельству обязаны своей неудачей — Бертани, Мордини, Монтанелли. Но главное то, что народъ привыкъ уже считать свою судьбу зависящей отъ тѣхъ, кто тамъ повыше, занимаетъ министерскія, губернаторскія и другія мѣста. Ему страннымъ кажется вдругъ ни съ того, ни съ сего отвернуть человѣка, который пріятенъ властямъ или даже самъ былъ властью. Да это кажется страннымъ часто не только большинству, всегда очень скромному и консервативному, а даже и самой оппозиціи, подчасъ такой безпокойной. Во Флоренціи, напримѣръ, радикалы кричали противъ деспотизма Риказоли, противъ его реакціонныхъ мѣръ, непотизма, введеннаго имъ, и пр., и пр. А когда пришло время выборовъ, — не могли ему противника выставить!.. Точно такъ не мало было криковъ въ Неаполѣ противъ Либеріо Романо, и несмотря на то онъ успѣлъ устроить свое избраніе въ восьми коллегіяхъ!.. Какъ же въ самомъ дѣлѣ забраковать человѣка, бывшаго въ нѣкоторомъ родѣ нашимъ правителемъ?.. Для этого нужно, чтобы правитель былъ по крайней мѣрѣ Бурбономъ...

До какой степени правительство или, правильнѣе

нѣе, министерство пользуется вліяніемъ, видно изъ исторіи Дженнеро, о которомъ я говорилъ выше: письмо Кавура, о которомъ упоминается въ процессѣ, было отъ маркиза Густава Кавура, брата министра, но Дженнеро воспользовался просто именемъ Кавура, и одинъ изъ депутатовъ въ камерѣ серьезно допрашивалъ, было ли письмо подписано: Густавъ Кавуръ или просто Кавуръ. Какъ видите, — простое объявленіе, что «Кавуръ желаетъ такого-то», имѣло при выборахъ значеніе въ томъ же родѣ, какъ и денежное пожертвованіе. Радикалы утверждаютъ, что для свободы выборовъ нужно было министерству совсѣмъ не вмѣшиваться, оставляя неизвѣстнымъ, кого оно желаетъ, кого нѣтъ. Но нелѣпость подобнаго требованія очевидна: если бы и министерство, и оппозиція (какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ по справедливости) воздержались отъ всякаго участія въ выборахъ, то выборы и состояться бы не могли, — это ясно. А что министерство вышло на борьбу съ большими силами, нежели оппозиція, и что употребило свои силы въ дѣло, — въ этомъ винить его трудно. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ правительство унизило себя, дѣйствуя какъ партія, а не какъ правительство; но вѣдь это игра словъ, да и игра-то, основанная больше на азіатскихъ понятіяхъ о правительствѣ, нежели на тѣхъ, какія прилично было бы имѣть передовой партіи освобождающейся Италіи.

Полезно ли для итальянцевъ такое довѣріе къ Кавуру и министерству — это другой вопросъ; но что оно полезно для Кавура, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Оно удерживаетъ за нимъ власть, а власть даетъ ему не только почетъ, но и значительныя матеріальныя выгоды. Какъ враги,

такъ и друзья его въ Пьемонтѣ, говорятъ откровенно, что онъ никогда не упускаетъ случая извлечь все возможное изъ своего положенія. Чтобы не повторять сплетенъ, приведу два маленькіе образчика, получившіе официальную гласность.

Въ новомъ тарифѣ, изданномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Пьемонтѣ, наложена была необычайно высокая пошлина на ввозъ фосфора. Всѣмъ это казалось непонятнымъ, пока не узнали, что графъ Кавуръ находится въ долѣ въ одной фабрикѣ химическихъ составовъ и въ особенности фосфора. Тогда одинъ депутатъ потребовалъ объясненій въ парламентѣ. Кавуръ отказался, прикинувшись обиженнымъ. Дѣло кончилось ничѣмъ.

Другой случай лучше. Во время неурожая и страшной дороговизны хлѣба въ Пьемонтѣ вдругъ узнается, что Кавуръ — главный акціонеръ Колленьской мельницы, извѣстной тѣмъ, что она постоянно барышничала, скупая хлѣбъ, въ зернѣ и мукѣ. Журналы закричали, говоръ распространился; въ одинъ вечеръ толпы собрались подъ окнами великолѣпнаго дома Кавура, прося хлѣба. Кавуръ велѣлъ разогнать ихъ вооруженной силѣ: произведено было, говорятъ, и нѣсколько арестацій.

На-дняхъ мнѣ случилось говорить съ однимъ почтеннымъ туринцемъ, добродушно восхищавшимся тѣмъ, что графъ Кавуръ — человѣкъ очень ловкій. Желая слышать объясненіе съ этой стороны насчетъ приведенныхъ фактовъ, я напомнилъ ихъ моему собесѣднику... «О, это что! возразилъ онъ, — это бездѣлица... Онъ дѣлаетъ оборотцы гораздо больше. Посмотрите, теперь Пьемонтъ совершенно на дорогѣ второй имперіи: у насъ есть свои маленькіе Миресы и Перейры, въ нѣсколько

лъть сдѣлавшіеся милліонерами, и всѣ они пріятели графа Кавура и безъ него положительно не могутъ шага ступить. На 20 или 25 милліоновъ, извѣстныхъ за Кавуромъ, навѣрное надо считать еще больше — скрытыхъ въ туманѣ» . . . — Но вѣдь это съ его стороны злоупотребленіе? . . — «Какъ вамъ сказать? Если быть уже слишкомъ щепетильнымъ и деликатнымъ, то пожалуй и можно назвать это мошенничествомъ. Но человѣкъ финансовый и государственный всегда видитъ въ этомъ не болѣе какъ ловкость и оборотливость».

Ту же ловкость и оборотливость выказалъ Кавуръ и въ составленіи парламента, такъ какъ и тутъ дѣло касалось его личныхъ интересовъ. Не говоря о частныхъ случаяхъ, надо указать вообще на поведеніе министерства во время выборовъ. Передъ выборами, за нѣсколько мѣсяцевъ, надежды радикаловъ основывались на разладѣ Кавура съ Гарибальди: съ конца декабря пошли слухи о сближеніи министерства съ Гарибальди. Тюрръ ѣздилъ на Капреру съ какимъ-то (будто бы) порученіемъ отъ Кавура, самъ Гарибальди собирался (будто бы) въ Туринъ, разъ даже написали, что онъ пріѣхалъ туда и имѣлъ свиданіе съ королемъ и съ министромъ. Потомъ, разумѣется, все это оказалось вздоромъ; но добрые люди вѣрили. — Въ южныхъ провинціяхъ ожидалось большое сопротивленіе; но число избирателей было тамъ страшно сокращено, потому что къ выборамъ допускались уже не на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ вотировали присоединеніе, а на правахъ пьемонтскаго ценза, въ котораго, разумѣется, по бѣдности неаполитанскихъ провинцій, осталась огромная масса . . . Къ этому прибавляютъ еще, что самую осаду Гаэты тянули

нарочно затѣмъ, чтобы подъ страхомъ бурбонской реакціи народъ съ большимъ усердіемъ обращалъ взоры свои къ Пьемонту и бросался въ объятія министерства. Въ то же время сильно поддерживался слухъ и о переговорахъ съ Римомъ. Все это конечно не осталось безъ вліянія на выборы, тѣмъ болѣе, что въ началѣ января всѣ проекты Гарибальди относительно мартовскаго похода считались уже окончательно оставленными, а Франція была въ положеніи болѣе двусмысленномъ, нежели когда-нибудь...

Такимъ образомъ и составилась камера депутатовъ, смирная, покорная, мало того — экзальтированная поклонница графа Кавура. Писали, что на 440 депутатовъ было до 80 оппозиціонныхъ, но это развѣ съ третьей партіей, которая съ президентомъ Ратацци тоже отошла къ правой. Теперь настоящую оппозицію представляютъ собою, можетъ быть, только два человѣка въ парламентѣ: Ричарди и Крисп. Но Ричарди до того практиченъ и простъ въ своихъ возраженіяхъ, что кажется утопистомъ; надъ нимъ смѣются и называютъ его «eccentrico». А Крисп, какъ человѣкъ разсудительный, видитъ, что толку тутъ не добьешься, и молчитъ, не желая играть изъ себя Чацкаго. Затѣмъ, всѣ остальные, какъ Депретисъ, Биксіо, Брофферіо (единственный *ораторъ* нынѣшняго парламента), Мавро Макки, Мелана, Раньери и еще нѣсколько человѣкъ — могутъ нападать на частности, но не въ состояніи ухватить дѣло съ коренные сообразить не могутъ, а у большей части духу не хватаетъ. Да и какъ тутъ быть смѣлымъ: ихъ человѣкъ 30, да и то съ натяжкой, а противъ нихъ 300 (присутствующихъ въ парламентѣ).

Мнѣ любо было видѣть, какъ графъ Кавуръ расхаживаетъ по парламенту, пересаживаясь съ одной скамьи на другую и удостаивая нѣсколькими минутами разговора то того, то другого депутата (разумѣется, всегда правой стороны и центра). Мнѣ вспоминался гостепріимный знатный баринъ, наславшій къ себѣ въ деревню мелкопомѣстныхъ гостей. Какъ торопливо наклоняется впередъ, а иногда даже приподымается на своемъ мѣстѣ депутатъ, если Кавуръ, проходя возлѣ него, мимоходомъ протянетъ ему руку! Какъ заботливо сдвигаются «почтенные», къ которымъ на край скамьи Кавуръ присядетъ на минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ одному изъ нихъ! Какъ просвѣтлѣетъ чело того счастливца, съ которымъ графъ поговоритъ милостиво! Какимъ вниманіемъ, какими рукоплесканіями награждается каждое его слово! Другіе члены парламента, послѣ обычной формулы: demando la parola, — ждутъ звонка президента, чтобы не начинать рѣчь среди общаго шума. А Кавуръ едва только сдѣлаетъ видъ, что хочетъ подняться, — въ камерѣ воцаряется молчаніе, и «demando la parola» графа всегда сливается съ началомъ его рѣчи... Говоритъ онъ плохо, очень плохо, и итальянцы говорятъ, что даже не совсѣмъ чисто по-итальянски, — но слушаютъ его съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ, и мнѣ не разъ казалось, что во время его рѣчи уши большинства депутатовъ дѣлаются замѣтно длиннѣе. При внимательномъ разсмотрѣніи, этотъ удивительный феноменъ объяснился тѣмъ, что очень многіе, для лучшаго слышанія драгоцѣнныхъ словъ, прикладываютъ къ уху ладонь въ видѣ трубочки. Общая тишина прерывается иногда только какимъ-нибудь Массари,

Кордова или Бонги, которые крикнутъ: «benissimo bravo!», — и затѣмъ раздадутся рукоплесканія. По окончаніи рѣчи обыкновенно взрывъ аплодисментовъ. Графъ опускается на свое мѣсто и хохочетъ, обхватывая руками одну изъ собственныхъ ногъ, положенныхъ одна на другую.

Есть фигуры, не внушающія никому особенной симпатіи, но и не противны, — такъ себѣ, ни то, ни се. Такихъ множество встрѣчаешь на каждомъ шагу. Есть другія, для всѣхъ симпатичныя, несмотря на разницу понятій и характеровъ: этакихъ, конечно, не всякому и встрѣтить удавалось... Но есть еще сортъ личностей — симпатичныхъ для своей партіи, но несносныхъ до омерзѣнія для противниковъ. Таковъ представляется мнѣ графъ Камилло Бензо Кавуръ. Для меня особенно онъ — что такое? Я съ нимъ дѣла не имѣлъ, ни разу не говорилъ и по всей вѣроятности никогда говорить не буду, слѣдовательно, судить о немъ могу какъ человѣкъ совершенно посторонній. Но видѣвши и слышавши его нѣсколько разъ, я понимаю, что этакой человѣкъ можетъ, несмотря на свое видимое добродушіе и мягкость, дойти до бѣшенства своихъ противниковъ. Каждый взглядъ, каждый жестъ его, будучи пріятнымъ для друзей, какъ свидѣтельство фамильярности, въ высшей степени обиденъ для противной партіи. Когда онъ, держа въ рукахъ собственныя ноги, или заложивъ руки въ карманы и выпятивъ свой тучный животъ, обводитъ насмѣшливымъ взглядомъ всю камеру, для пріятелей его и эта поза, и этотъ взглядъ очень симпатичны; но каково должно быть впечатлѣніе оратора «лѣвой», который въ это самое время выбивается изъ силъ чтобы оспорить какой-нибудь шагъ министерства!

И этого еще мало: Кавуръ послушаетъ-послушаетъ, посмотритъ на оратора этакъ, какъ будто говоритъ ему: «ты, дескать, что? — стѣну лбомъ прошибить хочешь?» — потомъ мигнетъ своимъ пріятелямъ или министрамъ, сидящимъ рядомъ, да какъ прыснетъ со смѣху. Въ первый разъ увидавъ это, я подумалъ, не показалъ ли кто ему пальца, какъ тому поручику, которому, по словамъ лейтенанта Жевакина, подобнаго жеста достаточно было для смѣха на цѣлый день. Но мнѣ объяснили, что такова «система» графа Камилла.

Однакожъ, я слишкомъ много говорю о графѣ, забывая, что его уже изобразилъ не такъ давно другъ мой Кондратій Шелухинъ [1]. Признаюсь, что другъ мой былъ во многомъ правъ, хотя и завралсяя, приписавъ радикальному журналу «Il Diritto» кавуровскія тенденціи, и хотя позабылъ нѣкоторыя черты сходства двухъ графовъ. Такъ, напр., не сказалъ онъ, что оба графа отличаются отсутствіемъ ораторскаго таланта, что Кавуръ началъ свое поприще въ «Armonia», ультрамонтанскомъ журналѣ, съ которымъ теперь ведетъ страшную войну; что въ началѣ 1848 г. графъ Кавуръ вошелъ въ демократическое общество «Circolo Politico», членовъ котораго считаетъ теперь, если не разбойниками, то чѣмъ-то гораздо хуже . . . и пр., и пр.

Обращаясь опять къ парламенту, надо сказать о томъ, какъ производилась повѣрка выборовъ. Главный предметъ споровъ былъ — избираемость или неизбираемость извѣстнаго лица. По принципу, видите, не можетъ быть избираемъ чиновникъ,

---

[1] Кондратій Шелухинъ — одинъ изъ псевдонимовъ Добролюбова въ „Свисткѣ". *Вл. Кр.*

получающій жалованье отъ правительства: съ одной стороны, многіе изъ такихъ чиновниковъ находятся въ такомъ положеніи, что имѣютъ средства стѣснять выборы; съ другой — они всѣ зависятъ отъ правительства и слѣдовательно не могутъ совершенно свободно и самостоятельно защищать предъ нимъ интересы гражданъ, — собственные интересы заставятъ ихъ въ большинствѣ случаевъ склоняться на сторону правительства. Эти резоны всѣмъ въ камерѣ были хорошо извѣстны; но нельзя было безъ смѣха слушать разсужденій, раздавшихся по этому поводу въ парламентѣ. Самые горячіе споры возбуждены были выборами Либоріо Романо. Нѣкоторые предлагали уничтожить всѣ его выборы, потому что онъ — чиновникъ правительства, совѣтникъ въ luogotenza, нѣчто въ родѣ намѣстничества въ Неаполѣ, слѣдовательно, и по закону, и по здравому смыслу исключается изъ *свободныхъ* выборовъ. Но до здраваго смысла никому дѣла не было въ камерѣ, а съ закономъ справились вотъ какъ: учрежденіе luogotenza — временное и въ законѣ не поименовано; жалованья Либоріо Романо не получаетъ, а получаетъ вознагражденіе — indennità, слѣдовательно, ясно, что можетъ быть выбранъ. Боджіо къ этому присовокупилъ, что, впрочемъ, если бы Либоріо Романо очень дорожилъ депутатствомъ, то подалъ бы передъ выборами въ отставку, какъ другіе это сдѣлали. Камера зашумѣла немножко, какъ будто обидѣлась такимъ презрительнымъ обращеніемъ съ ней. Можно было ожидать, что она рѣшитъ: а такъ какъ Либоріо не подалъ въ отставку, и значитъ — депутатства не желаетъ, то и утверждать его нечего. Но рѣшить такъ значило бы сказать, что и камера въ Либоріо

Романо не нуждается, а на это, разумѣется, ни у кого не хватило духу, и выборы были утверждены въ семи коллегіяхъ; въ осьмой только оказалась какая-то неправильность. И никто не хотѣлъ или не могъ сказать простой вещи, — что вознагражденіе и жалованье — равно плата, выдаваемая правительствомъ, и что по принципу временная-то должность еще болѣе должна быть препятствіемъ къ выборамъ, нежели постоянная: постоянный чиновникъ болѣе проченъ на своемъ мѣстѣ, а временный — вполнѣ зависитъ съ своей должностью отъ желанія министерства, онъ долженъ заботиться о возможно дольшемъ сохраненіи своего мѣста и затѣмъ обезпечить себѣ выходъ изъ него, иначе завтра его должность будетъ уничтожена, и тогда куда онъ дѣнется, если скомпрометируетъ себя предъ министерствомъ?

Одобривъ выборы совѣтника намѣстничества, должны были, разумѣется, одобрить и выборы всѣхъ, служащихъ въ совѣтѣ намѣстничества или какимъ бы то ни было образомъ принадлежащихъ къ этому учрежденію. Такимъ образомъ вошли безпрепятственно и Ла-Фарина, и Патерностро и др.

Кажется, впрочемъ, что повѣрка выборовъ нужна была болѣе для того, чтобы протянуть время, нежели для настоящей правильности состава парламента. Камеру вообще повѣрка эта занимала очень мало; половина членовъ не являлись вовсе; изъ присутствующихъ большая часть занималась разговорами, чтеніемъ газетъ и т. п. Одинъ изъ членовъ, Мелкана, отличился особеннымъ усердіемъ и безпрестанно останавливалъ докладчика замѣчаніями, что такой то служитъ тамъ-то, получаетъ то-то, и слѣдовательно, не долженъ бы быть избираемъ

Одинъ изъ докладчиковъ, котораго избраніе тоже было сомнительно по закону, но несомнѣнно по милости къ нему Кавура, нѣкто Патерностро, служившій бееmъ въ Египтѣ, начально замѣтилъ разъ, что г. Мелана, кажется, спеціально занимается біографіей каждаго изъ депутатовъ. Камера захохотала при этомъ замѣчаніи!.. Мелана всталъ и объяснилъ, что такъ какъ они сидятъ здѣсь для повѣрки выборовъ, то онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить по возможности за правильностью каждаго изъ докладываемыхъ выборовъ. На эту реплику тоже отвѣчали усмѣшкой...

Видя, что повѣрка выборовъ нескончаема, я сталъ помышлять, какъ бы удрать изъ Турина, потому что это городъ рѣшительно безъ ресурсовъ для иностранца. Улицы ровныя, ровныя, безъ малѣйшаго загиба, такъ что въ каждый перекрестокъ глядятся четыре конца города, дома — всѣ похожіе одинъ на другой, точно казармы, огромныя четырехугольныя пустыя площади, — все это наводитъ тоску, которую и разогнать нечѣмъ. Ни замѣчательныхъ галлерей, ни зданій, ни окрестностей, ни мѣсть публичныхъ собраній, ни даже кабинета для чтенія — ничего нѣтъ. То есть, если хотите, есть все; но въ одинъ день вы исчерпаете всѣ удовольствія Турина и назавтра ужъ не захотите къ нимъ возвратиться. Васъ поведутъ, пожалуй, и въ картинную галлерею, гдѣ стражъ ея съ благоговѣйнымъ замираніемъ голоса скажетъ вамъ, остановясь предъ картиною какого-нибудь Гвидо Феррари: «Piemontese!» Покажутъ и музей древностей, въ которомъ есть диковинки въ родѣ сфинксовъ, мумій и этрусскихъ вазъ. Потащутъ посмотрѣть и вооруженія разныхъ принцевъ савойскаго дома, и

святое полотенце, и Аронскій манускриптъ творенія «О подражаніи Христу», замѣчательный ужъ не знаю чѣмъ. Но мало такихъ счастливыхъ характеровъ, для которыхъ могли бы усладить жизнь подобныя достопримѣчательности. Я не принадлежу къ ихъ числу. Поэтому, промаявшись въ Туринѣ дней пять, я рѣшился съѣздить, пока идетъ повѣрка выборовъ, въ Миланъ и Венецію.

Не знаю, что было въ парламентѣ отъ 12 до 14 марта: все это время я имѣлъ слабыя свѣдѣнія о туринскихъ дѣлахъ. Въ Венеціи даже совсѣмъ ничего не зналъ, потому что туда не пропускается ни одного итальянскаго журнала — ни министерскихъ, ни либеральной оппозиціи, ни даже клерикальныхъ. Изъ французскихъ допущены «Débats» и «Indépendance», но съ нѣкоторыми ограниченіями: считаютъ, что доходитъ до читателей въ Венеціи изъ трехъ нумеровъ два, круглымъ счетомъ. При мнѣ, какъ разъ два дня сряду «Débats» не появлялось, кажется, по причинѣ рѣчи принца Наполеона. Послѣ читалъ я въ одномъ журналѣ, что въ парламентѣ между прочимъ былъ вопросъ о томъ, считать ли избираемымъ такого члена, который имѣетъ два мѣста, одно исключающее его изъ выборовъ, а другое допускающее избираемость? Писали даже, что вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно, но я этому не совсѣмъ довѣряю, — не потому, что это совершенно безсмысленно (это бы ничего), а потому, что въ «Opinione» была статья въ противномъ духѣ. Въ той же статьѣ, впрочемъ, упоминается, что прежде такъ именно и рѣшалось: если по одной должности человѣкъ получаетъ жалованье и не можетъ быть избранъ, но по другой — можетъ (въ законѣ есть оговорка для нѣкоторыхъ.

напр., профессоровъ, министровъ и пр.), то избраніе утверждалось.

Пропустивъ интересныя пренія объ этомъ предметѣ, я конечно много потерялъ; зато вознагражденъ былъ съ избыткомъ въ засѣданіе 14 марта.

Я былъ въ Миланѣ, и такъ мнѣ было тамъ хорошо, что хоть бы вѣкъ остаться. На этотъ разъ я нарочно пропускаю разсказъ о моей поѣздкѣ въ Миланъ и Венецію, чтобы не увлечься свѣжими впечатлѣніями и не сбиться съ толку. Скажу одно — что Миланъ, какъ чисто провинціальный городъ, съ ума сходилъ отъ торжества, которое приготовлялось для Италіи 14 марта, день рожденія Виктора Эммануила и провозглашенія новаго Итальянскаго королевства. Дума сочиняла воззваніе къ гражданамъ, имѣя были заняты приготовленіемъ новыхъ трехцвѣтныхъ знаменъ, соборъ былъ драпированъ внутри, все тѣми же цвѣтами, а снаружи подымались на вышину 250 футовъ газовыя трубы — для иллюминаціи... Но всѣ говорили: «Что-то въ Туринѣ будетъ? Вотъ тамъ-то настоящій праздникъ! Тамъ король, тамъ большой военный парадъ будетъ, тамъ парламентъ, иностранцы наѣхали, принца Наполеона ждутъ...». Соблазнился я и поѣхалъ въ Туринъ.

Пріѣзжаю; въ шести гостиницахъ не нашель себѣ комнаты, едва ужъ въ седьмой кое-какую досталъ втридорога. Это было 13-го. Ну, думаю, вѣрно большое будетъ торжество... На другой день выхожу прямо ко дворцу — ничего; на улицу, но — хоть бы одно знамя торчало гдѣ-нибудь; къ парламенту засѣданіе въ полдень. Догадался я, что, вѣрно, торжество будетъ послѣ парламентска-

го вотированія, и пошелъ къ одному пріятелю, съ которымъ могъ удобнѣе достать себѣ мѣсто.

Пріятель объяснилъ мнѣ, что торжества никакого и не будетъ, разводъ отложенъ, празднованье будетъ на пасхѣ, а то, можетъ, еще позже — въ маѣ мѣсяцѣ. Дѣло, видите, въ томъ, что изъ Парижа получены важныя сообщенія, принцъ Наполеонъ не ѣдетъ въ Туринъ, и провозглашенію Итальянскаго королевства стараются дать какъ можно менѣе шума и, съ позволенія сказать, гласности. Въ парламентѣ ужъ дѣло рѣшено, провинціи поздно останавливать: но по крайней мѣрѣ столица-то сама воздержится отъ всякихъ манифестацій и проведетъ этотъ день прилично... Все-таки *тамъ* будутъ не такъ раздражены...

Сообразивъ полученныя мною объясненія, я невольно подумалъ: да что жъ они въ самомъ дѣлѣ такъ торопятся съ своимъ Итальянскимъ королевствомъ? Или боятся, что немножко позже ужъ нельзя будетъ его провозгласить? Или въ самомъ дѣлѣ хотятъ непремѣнно презентъ устроить Виктору Эммануилу въ день его рожденія? Такая любезность въ конституціонномъ государствѣ, конечно, очень похвальна; — но тогда бы ужъ надо было развернуться и сочинить настоящее торжество.

Я вошелъ въ камеру, полный горестнаго предчувствія, что все предстоящее зрѣлище будетъ очень нерѣзкой комедіей. Но общій видъ собранія ободрилъ меня. Депутаты на этотъ разъ собрались во множествѣ, такъ что немного было мѣстъ не занятыхъ. Галлереи, назначенныя для зрителей, всѣ полны... Въ Туринѣ вообще парламентскими преніями интересуются мало, народъ не толпится у входа, и никто не посылаетъ депутацій за билетами

къ вліятельнымъ членамъ, не какъ въ Парижѣ. Но на этотъ разъ, видно, слухъ разошелся въ народѣ, что готовится важная штука, и толпа набралась въ парламентъ несмѣтная. Даже tribuna delle signore была переполнена. Кавуръ не путешествовалъ по разнымъ скамьямъ, а сидѣлъ на своемъ министерскомъ креслѣ: ясно было, что дѣло идетъ не на шутку.

Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ формальностей, чтенія протокола предыдущаго засѣданія, писемъ объ отпускѣ нѣкоторыхъ депутатовъ и пр., — вышелъ на трибуну рослый господинъ, по имени Джорджини, и началъ по тетрадкѣ декламировать, что, дескать, Италія теперь — нація и что права савойскаго дома на нее неопровержимы. Это было — донесеніе комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія проекта закона о провозглашеніи Виктора Эммануила королемъ Италіи. Г-нъ Джорджини удачно выразился, что тутъ представляется не простой законъ, а «крикъ энтузіазма, обращенный въ законъ». И чтобы показать это на дѣлѣ, онъ точно кричалъ съ большимъ энтузіазмомъ. Я пожалѣлъ только объ одномъ: зачѣмъ не выучилъ онъ наизусть своего донесенія. Если бъ онъ читалъ не по тетрадкѣ, то его декламація и біеніе себя въ грудь имѣли бы гораздо больше эффекта.

Однакожъ чтеніе кончилось благополучно и покрыто было рукоплесканіями. Пришла пора преній. Президентъ предложилъ для преній проектъ закона, состоявшій изъ единственной статьи: «Викторъ Эммануилъ II принимаетъ (assume) для себя и для своихъ преемниковъ титулъ короля Италіи». О чемъ тутъ препираться, думаете вы? Принимаетъ, такъ принимаетъ, — тѣмъ лучше. Рано немнож-

ко; лучше бы подумать о Римѣ и Венеціи, да объ управленіи южныхъ провинцій, да объ устройствѣ судьбы волонтеровъ, объ улучшеніи участи работниковъ, о сложеніи подати на военныя издержки съ Ломбардіи, о выработкѣ общаго кодекса для всѣхъ провинцій, и пр., и пр. Я и думалъ, что ораторы станутъ говорить въ этомъ родѣ: «царство, молъ, Итальянское пусть будетъ царствомъ, только подумаемъ же, какъ его устроить...»

Но я очень ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: ораторы и государственные люди тѣмъ и отличаются, что умѣютъ находить въ предметахъ такія стороны, на которыя мы грѣшные не обращаемъ надлежащаго вниманія. Оказалось, что новый титулъ былъ предметомъ долгихъ мучительныхъ споровъ, сначала въ частныхъ совѣщаніяхъ, потомъ въ сенатѣ, потомъ въ журналахъ, потомъ между вліятельными депутатами, прежде чѣмъ дошелъ до публичныхъ преній въ парламентѣ. Во-первыхъ, вмѣсто преемниковъ (successori) хотѣли поставить потомковъ (descendenti), и одинъ журналъ даже написалъ доносъ на тѣхъ, что возражалъ противъ «потомковъ»: это, говоритъ, они все хлопочутъ объ ослабленіи принципа наслѣдственной монархіи... Потомъ заспорили о томъ, какъ лучше сказать: король Италіи или король итальянцевъ? Пробовали рѣшать «отъ разума»: одни говорили, что «король Италіи» — предоставляетъ большую свободу личности, ибо относится только къ странѣ, а не къ обитателямъ; другіе возражали, что, напротивъ, «король Италіи» значитъ, какъ будто страна — его собственность, между тѣмъ какъ «король итальянцевъ» — говоритъ только, что онъ управляетъ итальянцами, будучи ими же избранъ къ тому...

Не успѣвъ на поприщѣ «разума», принялись рѣшать «отъ политики»: что итальянцы есть на свѣтѣ, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался, говорили одиталіанцевъ», то этимъ самымъ и покажемъ Европою существованіе *Италіи*, какъ націи, какъ государства; вотъ почему слѣдуетъ сказать: «король Италіи». — Но, возражали имъ, — дѣло не въ территоріи, а въ людяхъ; когда мы скажемъ «король итальянцевъ», то этимъ самымъ и покажемъ Европѣ, что мы сформировались въ одну націю, подъ однимъ королемъ, безъ всякихъ подраздѣленій между собою... Видя, что и тутъ резоны равносильны, вздумали рѣшить «отъ примѣра»: во Франціи императоръ французовъ, слѣдовательно, и мы скажемъ: «король итальянцевъ»... Но тутъ Англія подошла: Викторія называется королевою Британіи, а не британцевъ... Вопросъ запутывался все болѣе и болѣе...

И странное дѣло — толки о формулѣ: «Италіи» или «итальянцевъ», да еще о первомъ или второмъ, — занимали туриицевъ не только въ совѣщаніяхъ государственныхъ людей (тѣмъ, разумѣется, что же и дѣлать больше?), но и въ простыхъ бесѣдахъ обыкновенныхъ смертныхъ. Отъ-нечего-дѣлать шляясь цѣлый день по кафе, я имѣлъ случай замѣтить, что о формулѣ этой спорили всѣ съ особенной охотой. И не то, чтобы придавали ей важность, нѣтъ, — начинали почти всегда насмѣшливымъ тономъ, и при концѣ легко мирились на остротѣ; но какъ-то нечувствительно разговоръ дѣлался живѣе, и черезъ минуту нѣсколько господъ — глядишь — ужъ разсуждаютъ и спорятъ, точно кому-нибудь изъ нихъ банкротство угрожаетъ. Одинъ разъ я замѣтилъ на смѣхъ: нельзя назвать

«король итальянцевъ», потому что тогда надо будетъ передѣлать и другіе титулы: «Іерусалима и Кипра» на «іерусалимлянъ и кипрянъ»: а захочетъ ли еще Викторъ Эммануилъ быть королемъ іерусалимлянъ? — Итальянецъ принялъ замѣчаніе серьезно. И въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ, — какъ же съ Іерусалимомъ-то? . . . Товарищъ его замѣтилъ, что Іерусалимъ надо бросить; но въ итальянцѣ моемъ возникло сомнѣніе, можно ли бросить, и поднялся споръ объ Іерусалимѣ . . .

Толки о первомъ и второмъ были тоже въ ходу, но не могли имѣть такой продолжительности, потому что дѣло — надо отдать честь туринцамъ — склонялось очень легко въ пользу перваго. Находили, что просто смѣшно сказать: Викторъ Эммануилъ *второй, первый* король Италіи; прибавляли, что съ сохраненіемъ *второго* связываются феодальныя преданія и какъ будто высказывается маленькое поползновеніе пьемонтизировать новое царство Италіи, притягивая его къ прошедшему Пьемонта. Находились защитники Пьемонта, прямо говорившіе: «такъ и нужно»; но они были въ значительномъ меньшинствѣ . . . Говорятъ, что Риказоли нарочно пріѣхалъ изъ Флоренціи, чтобы возставать противъ «второго». Викторъ Эммануилъ могъ бы отвѣтить ему стихомъ русскаго поэта: «что въ имени тебѣ моемъ? . .».

Хорошъ однако и я: цѣлую страницу написалъ о новомъ титулѣ короля Италіи! Ну, да уже что же дѣлать, если написалось. Пусть останется, тѣмъ болѣе, что и продолжать приходится о томъ же, съ очень небольшимъ измѣненіемъ.

Противъ проекта закона говорили трое: Брофферіо, Риччарди и Биксіо. Записался было нака-

нунѣ Криспи, но не хотѣлъ говорить, сейчасъ увидимъ почему.

Оппозиція, не имѣя силъ или умѣнья возставать противъ самаго закона, ухватилась за форму представленія его, и съ этой стороны точно могла бы осадачить министерство, если бы оно не было такъ полно сознаніемъ собственной силы и презрѣніемъ къ своимъ противникамъ. Брофферіо, начавши свою рѣчь немножко декламаторскимъ изображеніемъ того, какъ всѣ, всѣ итальянцы участвовали въ созданіи новаго царства и въ избраніи короля своего, — вдругъ переходитъ къ тому, зачѣмъ же министерство въ этомъ дѣлѣ отнимаетъ инціативу у націи и беретъ ее себѣ? Первый, кто провозгласилъ Виктора Эммануила королемъ Италіи, — былъ Гарибальди (здѣсь ораторъ вставилъ шпильку Кавуру); кличъ его былъ потомъ освященъ народнымъ голосомъ въ избраніи Виктора Эммануила. Теперь то же самое должно быть еще освящено парламентомъ, какъ законнымъ представителемъ народа. Ясно, что министерство тутъ ни при чемъ, и потому не имѣетъ права формулировать законъ такъ, какъ оно сдѣлало: непринятіе новаго титула королемъ долженъ одобрить парламентъ, а освятить законнымъ и формальнымъ образомъ народное провозглашеніе. Между тѣмъ въ министерской формулѣ закона народъ, въ лицѣ парламента, призывается — не предложить королю корону, а лишь одобрить предложеніе, сдѣланное министерствомъ. Поэтому ораторъ предлагаетъ вмѣсто: «принимаетъ титулъ» сказать: «провозглашенъ народомъ итальянскимъ». Для нашего короля, — замѣчаетъ онъ, — сохраненъ былъ великій жребій — получить корону отъ народа, и для народа великое призваніе - -

предложить ее, и теперь со стороны министерства и то и другое пренебрегается.

При этихъ словахъ Кавуръ вдругъ расхохотался, за нимъ и всѣ министры. Я посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Брофферіо; но тотъ, какъ видно, уже привыкъ къ пріемамъ графа и продолжалъ свою рѣчь, нимало не смущаясь.

Въ продолженіе рѣчи было нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній и рѣзкихъ выходокъ. Напримѣръ, по поводу прибавки къ титулу слова: «per Divina Providenza» Брофферіо говоритъ:

«Я не изъ тѣхъ, которые вслѣдствіе справедливаго негодованія противъ церковнаго безпутства гонятъ прочь самое религіозное чувство и чуждаются слова, исходящаго съ неба: но я не принадлежу и къ тѣмъ, которые хотятъ дать Провидѣнію обязательное участіе во всѣхъ нашихъ житейскихъ хлопотахъ. Кто не знаетъ, что и въ добрѣ и въ худѣ, и при счастливыхъ при несчастныхъ случаяхъ — всегда указываютъ на Бога? Какая же необходимость объявлять, что возстаніе Италіи увѣнчано волею Провидѣнія? Къ чему эти плеоназмы? Богъ посылаетъ и росу на поля, и бурю на море, не будемъ же призывать имя Божіе всуе; склонимся предъ нимъ и будемъ молчать.

«Вспомнимъ къ тому же, что такую же фразу старое «священное право» дѣлало орудіемъ столькихъ нелѣпостей, несправедливостей и угнетенія. Короли per grazia di Dio были почти всегда per disgrazia del popolo. Не забывайте этого.

«Но, совѣтуя умолчаніе о Провидѣніи божественномъ, я въ то же время горячо убѣждаю васъ — упомянуть о волѣ народа: пусть съ основаніемъ новаго Итальянскаго царства положено бу-

деть основаніе и тому праву, которымъ создано самое царство, —державному праву народной воли.

«Какое въ самомъ дѣлѣ право и законность болѣе славны, болѣе благородны, болѣе велики, нежели тѣ, какія исходятъ изъ воли народа? Не право ли завоеванія? Но это не что иное какъ освященіе силы, слишкомъ часто грубой и преступной. Право рожденія? Но это — боготвореніе случая, самаго слѣпого и безсмысленнаго божества, какое только существуетъ въ мірѣ. Право, основанное на трактатахъ? Но когда сильные міра собирались у насъ на свои конгрессы, чтобы разсуждать о судьбахъ народовъ, мнѣ часто приходили на мысль волки, собирающіеся на совѣтъ объ участи овецъ...»

Въ такомъ родѣ была вся рѣчь. Брофферіо говоритъ очень хорошо: густой звучный голосъ, декламація довольно умѣренная и выразительная, умѣнье сдѣлать кстати ловкій намекъ или колкость — заставляютъ всю камеру слушать его. При томъ же и репутацію онъ имѣетъ большую: когда онъ поднимается, — не только на скамьяхъ депутатовъ, но и во всѣхъ галлереяхъ пробѣгаетъ шопотъ: «Брофферіо, Брофферіо!..» Вотъ почему избранію его, говорятъ, очень сильно старались противиться, но ничего не могли сдѣлать.

Впрочемъ, противиться не стоило: если бы въ камерѣ было двадцать Брофферіо, и то бы ничего не сдѣлали. Несмотря на то, что Брофферіо умѣлъ очень хорошо удержаться на той обычной и мелкой, формальной точкѣ, съ которой онъ поднялъ вопросъ, никто и не думалъ соглашаться съ нимъ. Напротивъ, тотчасъ послѣ него встали нѣсколько кавуріанцевъ, ни слова не отвѣчая на возраженія оратора, но требуя немедленнаго вотированія мини-

стерскаго предложенія, подъ видомъ политической необходимости: «отвѣтимъ, говорятъ, единодушно и торжественно тѣмъ, которые дерзаютъ сомнѣваться, что итальянская нація соединена теперь неразрывно и свято съ своимъ королемъ...» Большинство сейчасъ же готово было вотировать; но Кавуръ счелъ нужнымъ дать отвѣтъ Брофферіо, потому что не могъ простить нѣсколькихъ намековъ, сдѣланныхъ на его счетъ. Отвѣтъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«Я не стану разбирать, чье предложеніе лучше — наше или Брофферіо. Сдѣлаю юридическое замѣчаніе: депутатъ хотя и можетъ предлагать измѣненія въ законъ, но не смѣетъ отвергать предложенный законъ и предлагать свой на его мѣсто, не смѣетъ отнимать у короны право иниціативы. Поэтому я никакъ не могу признать за нимъ право отвергать предложенный проектъ закона.

«А впрочемъ, я надѣюсь, что камера не раздѣлитъ нападеній «почтеннаго» адвоката Брофферіо. Да позволено будетъ мнѣ сказать, что въ послѣднихъ событіяхъ инициатива дана была не народомъ, а правительствомъ.

(При этихъ словахъ нѣкто Массари кричитъ: benissimo! Большинство подхватываетъ: браво! Депретисъ и Криспи вспыхнули; нѣкоторые члены лѣвой переглянулись и сдѣлали нетерпѣливое движеніе. Но Кавуръ, входя въ азартъ, продолжаетъ въ томъ же тонѣ, заложивъ руки въ карманы.)

«Правительство послало войско въ Крымъ, оно же громко провозгласило права Италіи на Парижскомъ конгрессѣ, имъ же заключены трактаты 1849 г. Политикъ, принятой имъ, обязана Италія своимъ спасеніемъ».

Опять — bene, bravo и рукоплесканія. Довольный, что похвалилъ себя, графъ переходитъ къ устрашенію и даетъ разумѣть, что надо понимать дѣла дипломаціи, чтобы судить о всей важности формулы, предложенной министерствомъ. Вы, дескать, смотрите только у себя подъ носомъ, а я смотрю дальше: какъ-то Европа приметъ провозглашеніе Итальянскаго царства? «И вотъ почему нужно было, чтобы оно произошло не изъ вспышки страстей народныхъ, а изъ инициативы самого правительства. При этомъ только условіи Итальянское королевство и можетъ получить надлежащую законность и важность».

Довольно было видѣть въ этотъ день графа Кавура, чтобы убѣдиться, до какихъ крайностей можетъ доводить его мелочное самолюбіе, съѣдающее его. Замѣчаніе, что царство Италіи провозглашено Гарибальди, вопреки министерству, и сдѣлано народомъ, опять таки безъ участія министерства, вывело его изъ себя. Онъ хохоталъ во время рѣчи Брофферіо; но когда всталъ говорить, то не могъ скрыть своего раздраженія. Хриплымъ, разсерженнымъ голосомъ началъ онъ свою рѣчь, захлебывался, обрывалъ слова и явно старался обидѣть противника. Но искусства и остроумія не хватило, и потому онъ пустилъ въ дѣло силу. Отвѣтъ резюмировался такъ: «вы не смѣете разсуждать; вы — ничего, *мы* все сдѣлали; и мы знаемъ, что дѣлаемъ, получше васъ». Раздраженіе заставило Кавура двумя словами уничтожить все итальянское движеніе и для возвеличенія своего управленія напомнить участіе Сардиніи въ крымской войнѣ, надъ которымъ сами пьемонтцы смѣются. Но большинство крикнуло «браво!», и Кавуръ не поколебался еще рѣзче выразить свое

отвращеніе ко всему, что могло дѣлаться волею народа, или, по словамъ его, «вспышкою страстей народныхъ». Наконецъ, какъ бы осердившись и на себя, что низошелъ до объясненія, онъ заключилъ въ такомъ родѣ: «да что тутъ толковать еще, — во имя согласія и для интереса самого дѣла, — вотируйте нашъ законъ, а onorevole Брофферіо пусть возьметъ назадъ свое предложеніе . . .»

И Брофферіо, во имя согласія, отказывается отъ своего предложенія; большинство апплодируетъ и кричитъ: «На голоса, на голоса! Не нужно больше разсужденій!» Президентъ камеры читаетъ снова проектъ закона. Большинство вскакиваетъ и плещетъ руками. Но средь общаго шума Биксіо, весь красный, кричитъ отчаяннымъ голосомъ, что онъ немедленно проситъ уволить его отъ депутатства, если не хотятъ давать говорить всѣмъ, кто хотѣлъ. Шумъ немножко стихаетъ, и Биксіо прибавляетъ: «Что вы такъ торопитесь? Что за крайность? Чѣмъ важнѣе для насъ это дѣло, тѣмъ внимательнѣй надо обсудить его». Несмотря на то, многіе на правой сторонѣ требуютъ прекращенія преній; президентъ въ затрудненіи; но Кавуръ всталъ и великодушно позволилъ говорить: нѣтъ, говоритъ, пусть потолкуютъ, зачѣмъ же лишать ихъ этого удовольствія . . . И президентъ объявляетъ, что по порядку записавшихся рѣчь принадлежитъ г. Ричарди.

Ричарди удивилъ меня: какъ этакій человѣкъ могъ попасть въ парламентъ? Онъ всталъ и прочелъ маленькую страничку такого содержанія:

«Рѣшаюсь признаться, что вопросъ, о которомъ мы призваны толковать, кажется мнѣ совершенно преждевременнымъ. Королевство, главѣ котораго

придумываемъ мы титулъ, еще не сдѣлано: Италія еще похожа на тѣло, которому недостаетъ головы и правой руки. Поэтому, по моему мнѣнію, министерство лучше бы сдѣлало, если бы представило парламенту проекты законовъ объ увеличеніи войска и о средствахъ достать денегъ. Это было бы единственное существенное и полезное занятіе для приведенія къ концу Итальянскаго королевства, которое безъ того рискуетъ быть провозглашеннымъ, не осуществляясь на дѣлѣ. Итакъ, я предлагаю разсуждать теперь — о деньгахъ и оружіи, а провозглашеніе королевства отложить до того времени, когда трехцвѣтное знамя будетъ развѣваться на высотахъ Капитолія, въ освобожденной Венеціи и на твердыняхъ Четырехугольника».

Хоть бы одинъ отзывъ на эти слова! Едва кончилъ Ричіарди, Ратацци сказалъ хладнокровно: «теперь рѣчь за Биксіо», — и Биксіо сталъ говорить — шумно, отрывисто, но бойко и здравомысленно. Онъ обратился опять къ тому же, о чемъ толковалъ Брофферіо, т. е. что министерство должно бы уступить инціативу парламенту. Аргументъ его состоялъ въ томъ, что это дало бы правительству болѣе довѣрія въ народѣ. «Итальянцы, — говорилъ онъ, — привыкли не довѣрять всякому правительству, бороться противъ него; кромѣ Пьемонта, во всѣхъ остальныхъ провинціяхъ это вошло въ характеръ народа. Революція конечно кончилась, но затрудненія для правительства всегда будутъ. И вотъ тутъ-то для министерства было бы крайне полезно имѣть вліятельный парламентъ, пользующійся довѣріемъ націи и служащій посредникомъ между ней и правительствомъ. Ослабляя значеніе парламента и прибирая все къ рукамъ, ми-

нистерство не усиливаетъ, а напротивъ, ослабляетъ себя.

Биксіо много разъ заслужилъ «браво!», много разъ возбуждалъ сенсацію оригинальностью своей простой рѣчи; но, разумѣется, и его доводы были потеряны. Прочіе ораторы отказались говорить. Проектъ закона, предложенный министерствомъ, принятъ съ единодушными восклицаніями: viva il rè d'Italia.

Вслѣдъ затѣмъ Ратацци прочелъ депешу о сдачѣ Мессины. Новыя восклицанія и аплодисменты.

Какъ въ самомъ дѣлѣ судьба благопріятствуетъ засѣданіямъ парламента: онъ, точно Поликратъ, взысканъ богами. Предъ самымъ открытіемъ его получено извѣстіе о взятіи Гаэты; первое важное засѣданіе его съ провозглашеніемъ короля Италіи— ознаменовывается взятіемъ послѣдней крѣпости, бывшей во власти Бурбоновъ. Какъ все хорошо и кстати!

Среди всеобщей радости приступили къ вотированію. Когда по окончаніи стали считать черные и бѣлые шары [1], вдругъ раздался голосъ возлѣ меня: «спряталъ одинъ бѣлый!» Я посмотрѣлъ: одинъ изъ секретарей, считавшихъ шары, держалъ одну руку въ карманѣ. Я не обратилъ на это большого вниманія; но по окончаніи счета президентъ объявилъ, что въ черной урнѣ нашелся одинъ бѣлый шаръ, а въ бѣлой два черныхъ, вслѣдствіе чего одинъ изъ двухъ противныхъ голосовъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Остается другой, но относительно его одинъ изъ депутатовъ объявилъ, что

---

[1] Кто вотируетъ за, кладетъ бѣлый шаръ въ бѣлую урну и черный въ черную: кто противъ — наоборотъ.

онъ смѣшалъ шары и по ошибкѣ положилъ одинъ вмѣсто другого. Такимъ образомъ законъ принятъ всѣми *единодушно*.

Разумѣется, нашлись невѣрующіе, объяснявшіе, что такъ какъ секретари оказались не довольно ловкими, то изъ наиболѣе страстныхъ патріотовъ нашелся человѣкъ, принявшій на себя черные шары. Но я нахожу подобныя объясненія слишкомъ дерзкими и даже удивляюсь, что опозиція, столь кроткая въ парламентѣ, можетъ быть столь отважною исподтишка.

Выходя изъ парламента, я столкнулся съ однимъ изъ *лѣвыхъ* и началъ его допрашивать: «Какимъ же образомъ всѣ вотировали *за*, когда многіе говорили и думали: *противъ?*» — Увѣряетъ, что иначе нельзя. — Почему? — «Потому что въ этомъ вопросѣ должны были всѣ показать согласіе». — Да вѣдь дѣло шло не о созданіи Итальянскаго королевства; оно не вашими преніями и вотами создается, а событіями и народомъ; дѣло шло о формѣ закона, которую вы считаете дурною. Ну, и осудите ее. — «Невозможно: народъ не различаетъ формы отъ дѣла, и насъ бы камнями побили, если бы мы стали противиться». — А, это другое дѣло, — значитъ, вы сознаетесь, что народъ съ министерствомъ противъ васъ? — «Что дѣлать, народъ обманутъ». — Такъ отчего же вы не хлопочете о томъ, чтобы открыть ему глаза? — «Какъ же не хлопочемъ? Всю жизнь мою я ничего больше не дѣлалъ . . . Но вразумить массу не такъ легко. Это вы, можетъ быть, по молодости, думаете еще, что можно преобразовать человѣчество въ 24 часа». — Я давно ужъ этого не думаю; но все-таки понять не могу, какимъ образомъ, вотируя въ пользу закона, считае-

маго вами негоднымъ, раскрываете вы глаза народу. Не напротивъ ли? Не помогаете ли вы тѣмъ, кто его обманываетъ? — «Нѣтъ, потому что мы заявили свой протестъ въ преніяхъ». — Да что же въ этомъ толку? Вашихъ протестовъ никто не слушаетъ; вамъ смѣются въ лицо; передъ вами, не задумавшись, высказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ правамъ народа. — «О, еще то ли вы увидите, — присмотритесь только къ нашей камерѣ», — воскликнулъ мой собесѣдникъ съ такой непритворной горестью, что мнѣ стало жаль долѣе атаковать его . . . И это былъ одинъ изъ самыхъ отважныхъ и вліятельныхъ членовъ оппозиціи. Судите же послѣ этого, что такое радикальная партія въ итальянскомъ парламентѣ.

Разставшись съ «почтеннымъ», употребившимъ всю жизнь на вразумленіе народа, я долго гулялъ по Турину: нигдѣ ни малѣйшаго признака тройного праздника. Все такъ занято своими хлопотами; и подозрѣвать нельзя, что народъ готовъ побить камнями радикаловъ, которые бы осмѣлились дать въ парламентѣ отзывы, противные министерству. Если бы я не зналъ, что великое событіе совершилось въ новой залѣ Кариньянскаго дворца и что народъ такъ имъ заинтересованъ, я бы никогда не догадался объ этомъ, смотря на обитателей Турина, двигавшихся передо мною во всевозможныхъ направленіяхъ.

Я думалъ, что хоть по случаю взятія Мессины иллюминація будетъ: ничего! . . Только на улицахъ нашелъ я два раза на горящія свѣчки, вокругъ портрета Гарибальди: на тротуарѣ разостланъ портретъ, вокругъ него двѣ или три свѣчи, а подъ нимъ просьба: «не пожалуете ли чего отъ добраго сердца

господа». Возлѣ стоитъ оборванный старикъ. Прохожіе останавливаются, смотрятъ на портретъ и бросаютъ монету... Мнѣ говорили, что теперь этотъ способъ нищенства распространяется въ Туринѣ.

Другая иллюминація была — пожаръ вечеромъ, да такой, какихъ я въ Европѣ и не видывалъ: сгорѣла хлопчато-бумажная фабрика... Кавуръ долженъ былъ извлечь изъ этого худое предзнаменованіе: онъ, говорятъ, суевѣренъ, и никакъ не хотѣлъ, чтобы вотированіе новаго царства произошло 13-го, хотя это было бы даже удобнѣе: 13-го произошло бы вотированіе въ парламентъ, а 14-го, въ день рожденія Виктора Эммануила, могло бы быть опубликовано съ утра. Но все разстроили извѣстія изъ Парижа, властелинъ котораго тоже, какъ извѣстно, боится тринадцати.

Забавно: въ самый день провозглашенія Итальянскаго царства пошли слухи о томъ, что Франція возобновляетъ свою старую претензію на основаніе двухъ королевствъ, Верхней и Нижней Италіи. Увѣряли даже, что въ этомъ смыслѣ уже готова брошюра Лагероньера. Другіе слухи говорили, что идутъ опять торги съ Парижемъ о ногой уступкѣ какой-то части новорожденнаго королевства. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали разсужденія въ парламентѣ о римскихъ дѣлахъ, чтобы узнать, наконецъ, хоть что-нибудь положительное. «Дискурсы» сената и законодательнаго корпуса мало кого успокоивали; каждый день ждали извѣстія о манифестаціяхъ въ Римѣ, о выводѣ французскихъ войскъ и замѣнѣ ихъ сардинскими, и между тѣмъ узнавали, что французы принимаютъ рѣшительныя мѣры противъ манифестацій и занимаютъ новые пункты въ рим

скихъ владѣніяхъ. Либералы, причастные къ парламенту, рѣшили немедленно потребовать urgenza, — настоятельность немедленнаго разсужденія о римскихъ дѣлахъ. Но ихъ предупредилъ депутатъ крайней правой стороны, Массари, интимный служитель Кавура, сдѣлавшій interpellanza относительно положенія дѣлъ въ Неаполѣ; вслѣдъ за нимъ интерпелировалъ Одино, тоже изъ *правыхъ*. Послѣ нихъ 16-го успѣлъ только Мавро Макки потребовать urgenza для разсужденія о прошеніи 8,000 итальянцевъ, требующихъ отъ парламента настоянія предъ французскимъ правительствомъ относительно вывода войскъ изъ Рима. Кавуръ принялъ всѣ требованія, и такимъ образомъ римскія дѣла должны были трактоваться вслѣдъ за неаполитанскими. Но въ это самое время Либоріо Романо и весь совѣтъ намѣстничества въ Неаполѣ подали въ отставку, вслѣдствіе этого Кавуръ просилъ отсрочить на нѣсколько дней интерпелляцію Массари; никто, разумѣется, не вздумалъ попросить заняться, вмѣсто нея, интерпелляціею Одино о Римѣ. Но если бы и попросили, впрочемъ, то все равно — ничего бы не дождались. Кавуру необходимо было протянуть время до полученія рѣшительныхъ отвѣтовъ изъ Парижа, и онъ всегда сумѣлъ бы найти средства протянуть его.

Такимъ образомъ, 15-е и 16-е прошли ни въ чемъ; отъ 16-го до 19-го засѣданій не было: готовились держать отвѣтъ по неаполитанскимъ дѣламъ въ среду, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за окончаніемъ ихъ, въ четвергъ или пятницу (21—22-го), приступить къ разсужденіямъ о Римѣ. Думали, что наконецъ что-нибудь объяснится.

20-го зала была полнехонька, мнѣ кажется,

даже полнѣе 14-го. Обычныя формальности были всѣми прослушаны съ великимъ нетерпѣніемъ... Всѣ горѣли желаніемъ слышать толки о неаполитанскихъ дѣлахъ, которыя, говорятъ, дѣйствительно въ ужасномъ положеніи... Поднялся Кавуръ, всѣ навострили уши. Какъ школьникъ, плохо знающій урокъ, началъ онъ говорить, что отставка всего совѣта намѣстничества неаполитанскаго измѣняетъ ходъ дѣла, что министерство изыскивало средства помочь дѣлу, что считаетъ нужнымъ уничтожить совѣтъ намѣстничества и сосредоточить управленіе въ министерствѣ; но что теперешнее министерство не имѣетъ въ себѣ представителей всѣхъ провинцій Италіи, что послѣ провозглашенія Италіи надо возвратить теперь «новую эру, эру составленія перваго министерства новаго королевства»... Словомъ — что вчера вечеромъ министерство все подало въ отставку и получило ее отъ короля.

Поднялся, разумѣется, шумъ; но Кавуръ продолжалъ: «Замѣтьте, что эта отставка не была вызвана никакимъ несогласіемъ внутри министерства, ни относительно направленія политики вообще, ни относительно измѣненій въ управленіи южныхъ провинцій. Министерство и на этотъ счетъ единодушно; но находитъ, что въ теперешнемъ своемъ составѣ оно не вправѣ рѣшать этотъ вопросъ окончательно».

Затѣмъ Кавуръ проситъ камеру и Массари отложить интерпелляцію; Массари очень любезно соглашается. Ричарди говоритъ, что несмотря на отставку министерства желаетъ изложенія неаполитанскихъ дѣлъ; предложеніе его одобряется только четырьмя членами. Засѣданія камеры отсрочены.

Повѣрите ли? Нашлись члены оппозиціи, немедленно возымѣвшіе надежды, что поручатъ составить новый кабинетъ Ратацци, и что тогда войдутъ въ министерство либеральные люди. Идемъ мы съ однимъ изъ такихъ благородныхъ мечтателей, часа полтора спустя послѣ окончанія засѣданія, и радуемся своимъ надеждамъ; навстрѣчу мальчикъ, продающій «Gazetta di Torino». Смотримъ — на клочкѣ ужъ напечатано: «министерство подало въ отставку; графу Кавуру поручено составить новый кабинетъ».

Что же можетъ значить эта новая продѣлка министерства, то есть Кавура? До сихъ поръ сказать навѣрное трудно . . . Министерскіе журналы трубятъ о мудрости и честности министерства, доходящихъ до самоотверженія. И пользуясь тупоуміемъ нѣкоторыхъ оппозиціонистовъ, кавуровскіе журналы пускаютъ пыль въ глаза добродушнымъ читателямъ, нимало не затрудняясь. Сегодня я читалъ, напримѣръ, полемику между «Monarchia Nazionale» и «Gazetta di Torino». «Monarchia Nazionale» — журналъ жиденькаго либерализма и, кажется, ратацціевскаго оттѣнка. Въ глубокомыслін своемъ, журналецъ этотъ нашелъ, что Кавуръ подалъ въ отставку со всѣмъ министерствомъ — изъ страха быть побитымъ въ преніяхъ о неаполитанскихъ дѣлахъ. — «Gazetta di Torino», конечно, и отвѣчаетъ на это въ такомъ родѣ: «Чего же министерству было бояться пораженія, когда оно само признало, что дѣла шли очень худо и требовали поправки? Чего же было бояться, когда интерпелляція, по вашему же замѣчанію, сдѣлана была *друзьями* министерства, слѣдовательно съ его согласія? Да при томъ же — развѣ вы не видите, что какъ Кавуръ,

такъ и президентъ камеры объявили интерпелляціи вовсе не уничтоженными, а только отсроченными?.. Напротивъ, тутъ-то и выказывается честность министерства и полнѣйшая готовность его жертвовать всѣмъ, даже существованіемъ своимъ, для блага отечества, равно и какъ благоговѣйное уваженіе его къ священнымъ правамъ конституціоннаго порядка. Какъ скоро оно увидало необходимость измѣненія въ одной изъ важнѣйшихъ частей управленія, необходимость радикальной реформы, оно обязано было удалиться и предоставить коронѣ полную свободу выбрать, если захочетъ, новыхъ людей для введенія управленія въ новомъ духѣ... Не упорствуя въ защитѣ прежнихъ ошибокъ, а напротивъ — жертвуя своимъ постомъ для возможности ихъ исправленія, министерство дало доказательство высокой честности и благородства», и т. д.

Между людьми, нѣсколько болѣе серьезными, господствуютъ два предположенія: во первыхъ, Кавуръ хотѣлъ избавиться отъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, во-вторыхъ — дождаться чего-нибудь изъ Парижа относительно Рима.

Но опять-таки какъ добры люди! Дѣлая первое предположеніе, очень многіе были увѣрены, что Кавуръ понялъ вредъ, происходящій отъ непопулярности нѣкоторыхъ министровъ, и потому постарается взять въ новый кабинетъ людей болѣе либеральныхъ и популярныхъ. Такъ полагали почти навѣрное, что Фанти, прославившійся преслѣдованіемъ гарибальдійцевъ, будетъ замѣненъ Ламармора или даже Чальдини; говорили о приглашеніи Поэріо, Торреарсы и другихъ. Между тѣмъ вышло совсѣмъ напротивъ: выбылъ самый либеральный и порядочный изъ всѣхъ — министръ народнаго про-

свѣщенія Маміани, и вмѣсто него взятъ Десанктисъ, извѣстный болѣе своею приверженностью къ Кавуру, нежели другими заслугами. Фанти, Мингетти и Перуцци остались; Кавуръ сохранилъ за собою попрежнему морское министерство, на общее посмѣшище. Новые министры, кромѣ Десанктиса, назначены: банкиръ Бастоджи — финансовъ, баронъ Натоли — земледѣлія и торговли, да прибавленъ еще, неизвѣстно зачѣмъ, министръ безъ портфеля Ніутти, сициліанецъ.

О выходѣ нѣкоторыхъ министровъ поговаривали давно, и легко можетъ быть, что Кавуръ радъ былъ воспользоваться случаемъ избавиться отъ нихъ. Но главный мотивъ отставки, конечно, не въ этомъ, такъ какъ для прогнанія ненужныхъ министровъ существуетъ тысяча средствъ и предлоговъ, хорошо извѣстныхъ такимъ дипломатамъ, какъ Кавуръ. Главное все, разумѣется, во Франціи и въ римскихъ дѣлахъ. Отставка развязываетъ министерству руки на нѣсколько времени. Теперь пройдетъ нѣсколько дней въ рѣшительной организаціи новаго министерства; затѣмъ, если будетъ нужно, легко будетъ найти предлогъ отсрочить засѣданія. А тамъ послѣдніе дни Страстной и Пасха . . .

«Но, спросятъ, что же выигрывается этими вилляніями? Вѣдь придетъ время — надо же будетъ наконецъ высказаться? . .»

Помилуйте, — а время-то выигрывается. Въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ находятся Наполеонъ, Кавуръ, папа, императоръ австрійскій — часто и день дорогъ; а тутъ — — шутка — выигрывается двѣ недѣли! Кто знаетъ, что можетъ случиться въ эти двѣ недѣли?

Да, присматриваясь ближе ко всей этой дипломаціи, претендующей управлять судьбами народовъ, невольно убѣждаешься, что вся ея задача, вся ея политика сводятся не болѣе какъ къ искусству оттягивать время и выжидать обстоятельствъ. Нѣтъ опредѣленной мысли, нѣтъ строго и свято назначенной цѣли; сегодня неизвѣстно, что придется дѣлать завтра; назавтра къ вечеру ожидаются вдохновенія для послѣзавтра. Одна только мысль не теряется никогда изъ виду: какъ бы самому не слетѣть, какъ бы проскочить сквозь обстоятельства. Тутъ не то, что Гарибальди: ему говорятъ: «безумство идти въ Сицилію», а онъ идетъ; грозятъ: «не смѣй трогать Неаполь», а онъ беретъ, кричатъ: «не ходи на Римъ!», а онъ говоритъ: пойду! — и всѣ знаютъ, что онъ пойдетъ — и на Римъ, и на Венецію, если безъ него Римъ и Венеція не освободятся. Имѣя въ виду подобныхъ людей, движимыхъ идеей и твердыхъ въ ней, и дипломація принимается за ту же идею; но не въ ея характеръ твердо идти къ благородной цѣли... Въ Италіи, можетъ быть, нѣтъ человѣка, который бы менѣе Кавура зналъ, что и какъ будетъ съ Римомъ. Всѣ въ Италіи увѣрены, что Римъ въ этомъ году, въ это лѣто, въ ближайшій мѣсяцъ будетъ итальянскимъ; а Кавуръ не увѣренъ. Онъ ждетъ приказаній и сообщеній изъ Франціи; а тамъ тоже не знаютъ, что дѣлать, и гадаютъ, что полезнѣе для утвержденія наполеоновской династіи — продолжать ли покровительствовать папскую власть, или склониться на требованіе либераловъ...

Надо впрочемъ сказать, что Кавуръ, судя по тону его журналовъ, сильно надѣется получить изъ Парижа благопріятныя вѣсти. Еще при началѣ пар-

ламента ходили слухи, что немедленно по окончании повѣрки выборовъ онъ сдѣлаетъ важное сообщеніе палатѣ о римскихъ дѣлахъ. Но несмотря на то, что повѣрка затянута была почти на цѣлый мѣсяцъ, извѣстій никакихъ, какъ видно, не пришло, или пришли, да не тѣ, какихъ надѣялись. Переговоры съ Римомъ, черезъ посредство отца Пассалья, тоже не удались. Доходило дѣло, пожалуй, до того, что дѣйствительно приходилось принимать отъ парламента и представлять формальнымъ образомъ императору французовъ — прошеніе итальянцевъ о выводѣ войскъ изъ Рима . . . Другой бы, конечно, съ радостью ухватился за это средство; но Кавуръ былъ бы несчастенъ, если бы пришлось по необходимости имъ воспользоваться. Это бы значило уступить своимъ врагамъ, сознаться, что дипломація ничего не могла сдѣлать, выдвинуть на сцену народъ и — что еще хуже — либеральную партію, черезъ посредство которой представлено прошеніе. Нѣтъ, Кавуръ употребитъ всѣ возможныя старанія, чтобы связать руки всѣмъ до тѣхъ поръ, пока не успѣетъ притянуть какого-нибудь успѣха на свой пай. Теперь онъ будетъ указывать парижскому правительству на затруднительность положенія, на силу партій, на требованія народа, и когда Наполеонъ наконецъ рѣшится уступить необходимости, Кавуръ скажетъ либеральной партіи: «ну, теперь говорите, чего же вы хотите для Рима?» — и засмѣется имъ подъ носъ: «это, молъ, ужъ я все сдѣлалъ, покамѣсть вы собирались . . .»

И протрубятъ трубы о мудрости Кавура и о томъ, что онъ единственный человѣкъ, умѣющій руководить судьбами Италіи . . .

Однакожъ я, кажется, пишу вамъ такъ, какъ

будто бы принадлежалъ къ оппозиціи въ итальянскомъ парламентѣ... и можетъ быть письмо мое окажется столько же ненужнымъ и пустословнымъ, какъ здѣшняя оппозиція. Но утѣшьтесь: я кончаю, и — мало того — заключаю похвальною чертою Кавура.

Сегодня открыли здѣсь памятникъ Манину, въ 4½ часа, — день и часъ венеціанской революціи. Изображеніе памятника вы вѣроятно скоро найдете во французской «Иллюстраціи», потому что къ открытію его наѣхало сюда съ десятокъ французовъ, и пустословили страшно. Передъ самымъ открытіемъ, во время музыки «Fratelli d'Italia», вдругъ раздались evviva, рукоплесканія, народъ замахалъ шляпами... Что такое, ужъ не самъ ли Викторъ Эммануилъ пріѣхалъ?.. Нѣтъ, Кавуръ удостоилъ почтить торжество своимъ присутствіемъ. Не правда ли, черта похвальная?

Когда церемонія кончилась, народъ столпился около памятника, и изъ устъ въ уста разносилось имя Кавура. Я думалъ, не бесѣдуетъ ли онъ съ народомъ. Но вышло не то: изображеніе Манина сдѣлано такъ, что сильно смахиваетъ на Кавура, и народъ немедленно схватилъ это сходство. Такъ теперь Манинъ, поставленный въ публичномъ саду въ Туринѣ, и пошелъ слыть за Кавура.

10.22 марта 1861.

Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура.

Западная Европа въ переполохѣ, всего болѣе, разумѣется, французы: графъ Камилло Бензо Кавуръ внезапно скончался, утромъ 6 іюня, послѣ шести кровопусканій въ два дня. Доктора, видите, думали сначала, что болѣзнь Кавура есть обыкновенный приливъ крови, повторявшійся съ нимъ нерѣдко; но потомъ нашли, что у него перемежающаяся лихорадка и послѣ кровопусканій стали его пичкать хиной; вскорѣ однако примѣтили, что это — тифъ, и стали давать опять что-то другое... А когда уже не было никакого средства спасти человѣка, рѣшили, что это у него подагра бросилась на верхнюю часть груди и на мозгъ. Туринцы очень разсержены на докторовъ; французы еще не знаютъ подробностей, но безъ всякаго сомнѣнія разсердятся еще больше, вѣроятно разсердятся не меньше, чѣмъ на злодѣйства друзовъ въ Сиріи. Да и какъ не сердиться? Смерть Кавура, по выраженію кого-то изъ государственныхъ мужей Англіи, есть бѣдствіе для всего цивилизованнаго міра, слѣдовательно тѣмъ болѣе для итальянцевъ, и тѣмъ болѣе для французовъ: извѣстно, что французы теперь

привыкли смотрѣть на Италію — не только какъ на свою собственность, но даже больше — какъ на имѣніе, находящееся у нихъ въ опекѣ. И вдругъ они теряютъ довѣреннаго человѣка, который вель всѣ ихъ счеты и выносилъ на своихъ плечахъ большую долю отвѣтственности!.. Понятно, что для нихъ эта потеря гораздо ужаснѣе, чѣмъ для самихъ опекаемыхъ, пользовавшихся благодѣяніями довѣреннаго человѣка...

— Ah, je ne sais, quel parti l'empereur prendra-t-il à present... Après la mort de Cavour il reste tout-à-fois dégagé, — таинственно говорилъ мнѣ вчера за обѣдомъ одинъ французъ, и, погруженный въ политическія соображенія, не взялъ даже слѣдующаго кушанья...

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе французовъ теперь очень печально: ну, что какъ ихъ погонятъ вдругъ на-днихъ драться съ итальянцами? И стыдъ и горе, а дѣлать нечего — пойдешь, потому — сила, и противъ нея ничего не подѣлаешь... А все-таки нехорошо... И вотъ французы, какъ только прослышали о смерти Кавура, принялись убѣждать и заклинать итальянцевъ, чтобы они ужъ постарались вести себя хорошенько, какъ было при Кавурѣ, такъ-таки совершенно, какъ будто бы онъ и не умиралъ. Особенною усердіемъ отличились журналы такъ называемаго либеральнаго оттѣнка, служащіе выраженіемъ передовыхъ мнѣній французовъ. Они рѣшительно не уступили журналамъ официальнымъ и даже отчасти превзошли ихъ въ благонамѣренности. Правда, «Pays» очень рѣшительно возвѣстилъ, что итальянцы и безъ Кавура должны остаться кавуріанскими, иначе могутъ потерять свою свободу; а «Constitutionnel», объяснивши то же въ другихъ

словахъ, прибавилъ надежду, что «впрочемъ народъ, *освобожденный Франціею*, сумѣетъ не попасть опять въ рабство». Это, какъ видите, очень сильно и хорошо. Но недурно въ своемъ родѣ разсудила и «Presse», увѣряя, что не только все, достигнутое Италіей, было дѣломъ Кавура, но что и въ будущемъ опять-таки надо полагаться на него же или на его политику, и вслѣдствіе этого рекомендуя итальянцамъ заняться не чѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ статуи Кавуру, которая должна быть ему поставлена въ залѣ итальянскаго парламента, *въ тотъ день, когда онъ соберется въ Капитоліи!* . . Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и «Siècle», главный редакторъ котораго самъ удостоился статуи отъ итальянцевъ за любовь къ итальянскому дѣлу: онъ заклинаетъ Италію «продолжать славное дѣло, которому Кавуръ далъ свое безсмертное имя». Словомъ, французы поютъ хоромъ: «Будьте, милыя дѣти, умны и послушны, не вздумайте пошалить, пользуясь недостаткомъ надзора; повѣрьте, — гувернеръ умеръ, но розги остались . . . Не принуждайте же насъ прибѣгать къ розгамъ . . . Это было бы очень больно нашему опекунскому сердцу». И для лучшаго подтвержденія обязательныхъ увѣщаній, вслѣдъ за журнальными статьями летитъ изъ Парижа въ Туринъ телеграфическая депеша, предвѣщающая «неудовольствіе, если бы главою новаго министерства назначенъ былъ Ратацци». Ратацци, видите ли, хотя и совершенное политическое ничтожество, но считается честнымъ человѣкомъ и былъ противъ уступки Ниццы и Савойи . . .

Мѣсяца три тому назадъ я описывалъ въ «Современникѣ» мое собственное впечатлѣніе отъ Кавура. Оно не было благопріятно для покойника. По

всей вѣроятности я судилъ его даже слишкомъ строго, потому что это былъ первый государственный человѣкъ, котораго пришлось мнѣ видѣть вблизи на поприщѣ его общественной дѣятельности, разсуждающимъ о дѣлахъ, отчасти знакомыхъ мнѣ. Теперь я читаю во всевозможныхъ некрологахъ, и итальянскихъ, и иностранныхъ, — что это былъ если не самый лучшій, то ужъ, конечно, одинъ изъ немногихъ самыхъ лучшихъ государственныхъ мужей всего свѣта, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ. Мнѣ лично, признаюсь, это не даетъ особенно лестнаго понятія о всѣхъ прочихъ-то герояхъ на томъ же поприщѣ: «если этотъ былъ чуть не лучше всѣхъ, — думаю я, — хороши же должны быть остальные-то!..» Но ясно, что читатель не долженъ раздѣлять моего образа мыслей, ибо въ сужденіяхъ о Кавурѣ меня конечно уже предупредили «С.-Петербургскія Вѣдомости», вѣрочтно не преминувшія оплакать «великую потерю» всего цивилизованнаго міра и пустить въ ходъ нѣсколько глубокомысленныхъ соображеній о томъ, что теперь будетъ съ Италіей и съ Европой...

Я, впрочемъ, и не намѣренъ излагать теперь своихъ сужденій, отчасти потому, что повторять ихъ слишкомъ много не стоитъ, отчасти же и потому, что хочу подражать одному благородному итальянцу. Итальянецъ этотъ долженъ былъ явиться въ судъ въ Неаполѣ по поводу одной статейки, оскорбительной для личности Кавура; какъ разъ наканунѣ дня, назначеннаго для суда, пришло извѣстіе о смерти министра; журналистъ немедленно объявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться какому угодно наказанію безъ суда, нежели позволитъ себѣ представить въ свою защиту резоны про-

тивъ человѣка, «тѣло котораго еще не остыло». Его объявленіе признано было резонным, и — что же сдѣлали? Сдѣлали то, что слѣдовало: рѣшили подождать, пока тѣло остынетъ, и отложили засѣданіе суда до слѣдующей недѣли.

Я поступаю еще самоотверженѣе: не отлагаю только, а совсѣмъ оставляю мои непріязненныя размышленія о знаменитомъ покойникѣ, и вмѣсто суда надъ нимъ хочу изобразить теперь его біографію.

Можетъ быть, и въ этомъ предупредятъ меня «С.-Петербургскія» или «Московскія Вѣдомости», или, еще вѣроятнѣе, «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника»; но ихъ соперничества я не боюсь: мой трудъ долженъ взять верхъ въ благонамѣренности. Я пишу по тремъ біографіямъ и по нѣсколькимъ брошюрамъ о министерствѣ Кавура, которыхъ иначе нельзя назвать, какъ самыми безсовѣстными панегириками.

Викторъ Эммануилъ имѣлъ счастье встрѣтить человѣка съ убѣжденіемъ глубокимъ, холодно страстнымъ, терпѣливымъ и смѣлымъ, человѣка, котораго ничто не могло удалить отъ его цѣли и который прямо, безъ уклоненія, привелъ Пьемонтъ, короля и Италію къ освобожденію. Этотъ человѣкъ — Кавуръ. Въ Сардиніи только и есть два имени — Викторъ Эммануилъ и Кавуръ. Когда пьемонтцы произносятъ эти имена, ихъ сердце бьется сильнѣе и слезы благоговѣнія и радости подступаютъ къ глазамъ. Они не говорятъ: графъ Кавуръ, а просто: *графъ*. Онъ для нихъ все. Все, что сдѣлало изъ Пьемонта страну благородную, мудрую, славную, свободную, — все пришло отъ Кавура, и за то безпредѣльно признательна къ этому министру — великому и простому, простому,

какъ дѣловой человѣкъ, великому, какъ благодѣтель».

Такъ начинаетъ жизнеописаніе Кавура одинъ французскій біографъ, писавшій въ 1859 г. Тогда еще не могло придти въ голову Итальянское королевство; но я не сомнѣваюсь, что и теперь біографъ готовъ повторить то же самое, подставивъ вмѣсто Пьемонта слово: Италія. Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что графъ Кавуръ — личность пьемонтская, и что самымъ горячимъ его поклонникамъ, вплоть до итальянской войны, не вспадало на мысль дѣлать изъ него обще-итальянскаго героя, несмотря даже на подвиги его на парижскомъ конгрессѣ. И мы признаемся, что съ такой точки зрѣнія гораздо удобнѣе обозрѣвать жизнь туринскаго министра, почему мы и постараемся удержаться на ней сколько возможно долѣе.

Французскій біографъ претендуетъ, что предки Кавура вышли въ люди очень недавно, чуть ли не при Карлѣ Альбертѣ; но французъ въ этомъ случаѣ является жалкою жертвою своего легкомыслія. По тщательнѣйшимъ изслѣдованіямъ, родословное древо Кавуровъ теряется въ сумракѣ временъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ половинѣ XIII столѣтія одинъ изъ его предковъ владѣлъ помѣстьями въ маленькой республикѣ Кьери, существовавшей тогда въ Пьемонтѣ, и что папа Иннокентій IV далъ ему грамоту, исключавшую его изъ общаго церковнаго проклятія, которое постигло тогда бѣдную республику. Какъ видите, исторія застаетъ родъ Кавуровъ въ очень благородныхъ расположеніяхъ.

По матери Кавуръ происходилъ отъ рода савойскаго, и умѣлъ цѣнить это. Однажды въ палатѣ, когда какой-то депутатъ сталъ говорить дурно о

савойцахъ, Кавуръ прервалъ его восклицаніемъ: «сердце мое возмущается, когда обижаютъ савойцевъ, потому что въ жилахъ моихъ течетъ немножко савойской крови...» Мы замѣчаемъ это затѣмъ, чтобъ поставить на видъ читателю, каково же должно быть самоотверженіе Кавура, рѣшившагося для пользы отечества уступить Савойю императору французовъ. Указывали на Гарибальди, огорчившагося уступкою его родного города — Ниццы; Кавуръ, въ свою очередь, могъ указать на себя. Правда, впрочемъ, что понятія этихъ людей о спорномъ вопросѣ были нѣсколько различны: Гарибальди чувствовалъ себя итальянцемъ и свой городъ принадлежащимъ Италіи; Кавуръ же находилъ, что какъ Ницца, такъ и Савойя въ особенности — вовсе съ Италіей ничего общаго не имѣютъ, а естественнѣйшимъ образомъ принадлежатъ Франціи.

Впрочемъ, въ то время, какъ Кавуръ родился (10 августа 1810 г., въ Туринѣ), весь Пьемонтъ былъ французской провинціей; только пять лѣтъ спустя получилъ онъ обратно свою независимость. По обыкновенному порядку вещей можно бы ожидать, что въ семейныхъ преданіяхъ и, слѣдовательно, въ воспитаніи мальчика останутся какіе-нибудь враждебные слѣды противъ чужеземнаго занятія страны и противъ его виновниковъ. Но на дѣлѣ, какъ видимъ, не случилось ничего подобнаго. Зато, по словамъ итальянскаго біографа Кавура, профессора Бонги, — онъ наслѣдовалъ отъ своего рода вотъ что:

Графъ Камилль получилъ отъ предковъ своихъ то чувство, которое принадлежитъ древнимъ и знатнымъ родамъ, если только онъ не выродятся,

это — внутреннее, инстинктивное чувство отечественной исторіи, которой часть составляютъ они сами, чувство, въ которомъ сливаются для нихъ воспоминанія прошедшаго съ надеждами будущаго, и открывается основаніе, на которомъ государственный мужъ, призванный не только къ сохраненію, но и къ обновленію, строитъ свое зданіе и утверждаетъ свою политику. Это именно чувство и служитъ причиною, что люди, принадлежащіе къ фамиліямъ, уже прославленнымъ въ національной исторіи, оказываются болѣе способными продолжать ее, нежели тѣ, которые выходятъ изъ рода, долженствующаго въ первый разъ ознаменовать свое имя».

Замѣтимъ, что это писано въ началѣ 1860 г., слѣдовательно едва ли слѣдуетъ выписанныя слова принимать даже за пику противъ Гарибальди. Въ то время сторонники Кавура еще очень мало хлопотали о томъ, чтобъ не дагать спуску Гарибальди, и потому высокія размышленія профессора Бонги могли быть высказаны безъ всякой задней мысли, просто какъ искреннее убѣжденіе автора, вѣроятно тоже происходящаго изъ древней и знатной фамиліи.

Воспитаніе графа Камилла намъ почти неизвѣстно; надо только предполагать, что въ немъ преобладало французское вліяніе. Французъ біографъ, восхваляя неутомимую дѣятельность Кавура, говоритъ пренаивно: «графъ страшно работалъ всю свою жизнь, — усвоилъ французскій языкъ и французскія идеи, оставался нѣмымъ зрителемъ бѣдствій Италіи, давая себѣ клятву . . . » и пр. Болѣе глупой и нелогической рѣчи, конечно, мудрено и придумать, но на это претендовать нечего; а дѣло въ томъ, что «énorme travail» изученія французскаго

языка былъ подъятъ Кавуромъ, конечно, въ раннемъ дѣтствѣ. Съ французской аристократіей родъ Кавуровъ находился, кажется, въ наилучшихъ отношеніяхъ: крестной матерью графа Камилло была сестра Наполеона, княгиня Полина Боргезе; первоначальное его воспитаніе было поручено французскому аббату Фрезе, замѣчательному сочиненіемъ французской исторіи Савойскаго дома. Подъ руководствомъ почтеннаго аббата оставался графъ Камилло до четырнадцатаго года, а потомъ отданъ отцомъ въ туринскую военную академію.

Что онъ дѣлалъ въ академіи, намъ опять неизвѣстно. Разсказываютъ только, что учился онъ прилежно, особенно успѣвалъ въ математикѣ и былъ нелюбимъ своими товарищами — за излишнюю наклонность къ сарказмамъ, соединенную съ натуральною гордостью, приличною его роду. Послѣднее обстоятельство можетъ быть важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, для объясненія послѣдующей дѣятельности Кавура; кромѣ того, оно важно въ связи съ тѣми извѣстіями, какія мы имѣемъ о его родителяхъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что онъ съ ними разошелся въ мнѣніяхъ: но самое важное — первыя впечатлѣнія жизни были, какъ оказывается, въ соотвѣтствіи съ семейными началами. А семейство Кавуровъ не пользовалось отличной репутаціей въ Туринѣ: отецъ графа Камилла занималъ какое-то важное административно-полицейское мѣсто въ городѣ и умѣлъ отправлять свои обязанности къ всеобщему неудовольствію; кромѣ того онъ занимался разными торговыми спекуляціями, очень выгодными для него, но положительно разорительными для массы потребителей. Все это не было тайной: но старикъ Кавуръ, исполненный

сознанія своего дворянскаго достоинства и довольный барышами, относился самымъ презрительнымъ образомъ къ общественному мнѣнію. Горькій довѣріемъ Карла Альберта, въ то время принца Карльянскаго, онъ былъ врагомъ всякихъ льготъ, реформъ, перемѣнъ, о правахъ народа не хотѣлъ и слышать, и если цѣнилъ кого-нибудь, то лишь компанію важныхъ особъ, такихъ же аристократовъ и обскурантистовъ, какъ онъ, собиравшихся въ его салонѣ. Подъ такими вліяніями, приправленными моралью аббата Фрезе, росъ маленькій Камилло, и немудрено, что товарищи не любили его въ школѣ, особенно когда вспомнимъ, что поступилъ онъ туда около 1823 г.

Само собою разумѣется, что если бъ онъ былъ и набитымъ дуракомъ, то былъ бы въ школѣ «отличенъ» начальствомъ: это требовалось его происхожденіемъ и положеніемъ его отца. Но при этомъ Камилло былъ мальчикъ очень способный и прилежный. Нельзя думать, чтобъ онъ очень многому и очень хорошо научился въ семь лѣтъ, которыя пробылъ въ туринской военной школѣ; но по крайней мѣрѣ то, чему тамъ учили, онъ зналъ хорошо. Замѣчаютъ даже, что, сидя постоянно за занятіями, онъ не имѣлъ достаточно придворной ловкости и «манеръ»: въ награду за хорошее ученіе и поведеніе, равно какъ и за службу отца, его было назначили пажемъ къ Карлу Альберту; но въ качествѣ пажа Камилло оказался никуда негоднымъ и вскорѣ былъ лишенъ этой чести. Тутъ всѣ біографы приводятъ его изреченіе, произнесенное имъ въ отвѣтъ на нѣкоторыя насмѣшки и сожалѣнія: «Я очень радъ, — сказалъ Кавуръ, — что сбросилъ съ себя это *ярмо*»... Біографы видятъ въ этомъ ве-

никое доказательство независимости характера, проявившагося уже въ столь раннемъ возрастѣ, глубокое отвращеніе ко всякаго рода ливреѣ; но мы, боясь ошибиться, не станемъ рѣшать, были ль эти слова точно признакомъ независимости характера, или просто слѣдствіемъ ребяческой досады, очень понятной, при такомъ афронтѣ, въ воспитанникѣ туринской военной школы.

Въ 1829 г. кончилъ графъ Камилло свой курсъ и вышелъ изъ школы съ чиномъ инженернаго лейтенанта. Отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ военную карьеру, и молодой Кавуръ остался въ военной службѣ, хотя и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Но служить пришлось ему недолго, надежды благонамѣреннаго отца не оправдались: сынъ вдругъ оказался вольнодумцемъ, либераломъ и чуть ли не противникомъ власти. Это явленіе для насъ нисколько не представляется удивительнымъ, когда мы знаемъ, что такое былъ и чѣмъ всегда оставался либерализмъ Кавура; но для родителей его и того уже было слишкомъ много. Много было и для тогдашняго правительства пьемонтскаго: на молодого Кавура уже обратили вниманіе очень зоркое. Въ 1831 г. былъ онъ въ Генуѣ для надзора за устройствомъ новыхъ укрѣпленій, и тутъ началъ говорить до того либерально, что его невозможно было терпѣть болѣе на видныхъ мѣстахъ. Распорядились перевести его въ гарнизонъ маленькаго форта Барда... Кавуръ, конечно, осердился и сказалъ, что не хочетъ больше служить. Какъ видно, немилость къ нему была еще не очень грозна, потому что отставку онъ получилъ безъ особенныхъ затрудненій.

И очутился онъ на свободѣ, 22 лѣтъ, блестящій

офицеръ, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей. Что ему дѣлать, въ чемъ убить свое время? Конечно, развлеченія всякаго рода были у него подъ рукою, и онъ никогда не пренебрегалъ ими, по замѣчанію его біографа. Но какъ человѣкъ нелукавый и честолюбивый, онъ не могъ на нихъ успокоиться. При томъ же нѣкоторыя идеи, разъ запавшія ему въ голову, не могли уже быть изъ нея выброшены... И вотъ онъ предался тому образу жизни, который такъ обыкновенъ и такъ знакомъ многимъ «передовымъ» людямъ недавнихъ временъ въ разныхъ странахъ Европы... Это жизнь созерцательнаго, платоническаго либерализма, кроткаго, умѣреннаго и не иначе переводящагося изъ словъ въ дѣло, какъ тогда, когда уже оставаться въ бездѣйствіи становится невыгодно и даже, пожалуй, опасно. Этакихъ людей много повсюду, можетъ быть даже наши читатели припомнятъ нѣсколько знакомыхъ въ подобномъ родѣ. Люди эти не настолько тупы, чтобы не понимать дикости нѣкоторыхъ дикихъ вещей, и потому охотно горорятъ противъ этой дичи, говорятъ обыкновенно тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе представляется имъ возможности перейти отъ словъ къ дѣлу... Но — или по темпераменту, или по своему внѣшнему положенію, они никакъ не могутъ дойти до послѣднихъ выводовъ, не въ состояніи принять рѣшительныхъ, радикальныхъ воззрѣній, которыя честнаго человѣка обязываютъ уже прямо къ дѣятельности, къ пожертвованіямъ... Нѣтъ, девизъ этакихъ людей — не дѣлать зла (т. е. какъ они понимаютъ опять) и даже по возможности дѣлать добро, когда это не представляетъ ни малѣйшаго риска. Дальше они не идутъ.

Соображая все, что представляетъ намъ жизнь Кавура, мы находимъ, что съ самаго начала своей самостоятельной жизни онъ шелъ именно этимъ путемъ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ сдѣлался распорядителемъ цѣлаго королевства, — да и послѣ-то не очень измѣнился. Двѣнадцать лѣтъ его жизни, съ отставки до возвращенія изъ Англіи, намъ почти неизвѣстны и не ознаменованы ничѣмъ особенным. Но, пользуясь отсутствіемъ внѣшне-занимательныхъ событій, мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній о значеніи этого періода для внутренняго развитія и установленія характера и образа мыслей графа Кавура.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ Пьемонтъ былъ едва ли не самою обскурантскою и деспотическою частью Италіи. Дурныя стороны правительства не могли не бросаться въ глаза молодежи, получившей хоть начатки какого-нибудь образованія. Не могъ не видѣть этихъ дурныхъ сторонъ и Кавуръ, несмотря на вліяніе родительскаго кружка. Такимъ образомъ недовольство, желаніе реформъ, ропотъ противъ нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій — невольно проявились въ немъ; это было совершенно въ порядкѣ вещей, и иначе даже и быть не могло. Недовольствіе въ то время было въ Италіи общее, броженіе въ молодежи чрезвычайно сильно, а іюльская революція, только что совершившаяся во Франціи, еще болѣе разгорячала и ободряла волновавшіеся умы. У молодого Кавура была, кромѣ того, еще личная причина къ недовольствіямъ — неудача служебной карьеры. Всѣ отзывы о немъ согласны въ томъ, что онъ всегда былъ очень гордъ и терпѣть не могъ подчиняться чужимъ приказамъ. Поэтому служить такъ, какъ

тогда требовалось въ Пьемонтъ, служить по-молчаливски, выжидая милостиваго вниманія начальства, онъ рѣшительно не могъ. А между тѣмъ какую-нибудь роль надо играть ему, хотя бы въ своемъ кружкѣ. Роль эта указывалась тогда прямо нѣкоторыми передовыми людьми: работать для единства и свободы Италіи. Начиная эту работу, многіе юноши, ровесники Кавура, уже насидѣлись и въ тюрьмахъ, и изгоняемы были, и за границей составляли общества и готовили великое дѣло единства Италіи, совершающееся теперь на нашихъ глазахъ. Но холодному Кавуру вовсе не по душѣ была такая дѣятельность: онъ окруженъ былъ комфортомъ, исполненъ разнаго рода наслѣдственныхъ претензій, связанъ былъ съ аристократическимъ кружкомъ, и поэтому никакъ не могъ подладиться радикальной пропагандѣ, которою тогда увлечена была молодежь въ Италіи. Не то чтобы онъ не признавалъ святости цѣли этой пропаганды, — но онъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ и отваги, чтобы служить достиженію этой цѣли. Люди, подобные ему, смѣялись въ то время надъ «единствомъ свободной Италіи» и ограничивали свою программу желаніемъ какихъ-нибудь реформъ въ существующихъ правительствахъ. Да и относительно этихъ реформъ они далеко расходились съ радикалами. Тѣ всегда хотѣли коренныхъ измѣненій, требовали новаго направленія; эти желали, чтобъ все улучшалось понемножку, нимало не безпокоя установленнаго порядка. Тѣ требовали пособій и отъ министровъ и отъ государей, но работали и сами неутомимо, говоря: если вы не хотите, мы и безъ васъ сдѣлаемъ. Въ 1831 г. Маццини, уже изгнанникъ, писалъ къ Карлу Альберту письмо, чтобы убѣдить его всту-

пять на либеральный путь, и оканчивалъ такимъ образомъ: «отъ васъ зависитъ — быть или *первымъ* между современниками, или *послѣднимъ* тираномъ Италіи». Люди кавуровскаго характера, напротивъ, ограничивались желаніями и надеждами на правительство и ничего не дѣлали для того, чтобы заставить его приступить къ реформамъ. Оттого Кавуръ и его друзья только въ 1847 г., 16 лѣтъ спустя послѣ письма Маццини, рѣшились выразить Карлу Альберту то желаніе, какое было въ знаменитомъ письмѣ, да и то высказали въ формахъ гораздо болѣе робкихъ. Кавуръ и тутъ находилъ, что еще опасно дѣйствовать слишкомъ рѣшительно... Для людей радикальной партіи идеи народной свободы и единства Италіи были потребностью жизни, какъ бы пищею ихъ, и они съ жадностью бросались на эту пищу, какъ голодные, не разбирая, пробилъ ли обычный часъ обѣда и накрытъ ли столъ. Кавуръ же былъ сытъ собственнымъ благосостояніемъ и относительной свободой, которой пользовался все-таки, несмотря на всеобщее стѣсненіе; поэтому онъ не очень рвался на предложенную пищу и выбиралъ изъ нея то, что ему нравится, и очень заботился о томъ, чтобы покушать съ комфортомъ и не разстроить черезъ это ни одного изъ обычныхъ, ежедневныхъ занятій. Такимъ образомъ въ то время, какъ люди болѣе рѣшительные и преданные своей идеѣ вызывали народъ на борьбу и, едва успѣвъ избѣжать тюрьмы, продолжали свою борьбу, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ изгнанія, — въ это время Кавуръ, такой же юноша, какъ они, изумлялъ своимъ либерализмомъ дряхлыхъ обскурантовъ, собиравшихся въ салонѣ его отца и въ другихъ

Богатоубранныхъ палатахъ.

Отецъ смотрѣлъ на это косо, и молодой Кавуръ скоро повелъ жизнь довольно отдѣльную. У него, въ его собственномъ салонѣ, собирались уже люди, близкіе ему по убѣжденіямъ. Они толковали, толковали очень умно, по всей вѣроятности, бранили правительство и еще болѣе бранили сумасбродовъ, распространявшихъ по Италіи разныя вредныя утопіи. «Умъ Кавура, расчетливый и холодный, — говоритъ біографъ его, — взвѣшивалъ силы правительствъ, которыя стояли за себя, съ силами разныхъ сектъ, нападавшихъ на нихъ, и не находилъ возможности къ побѣдѣ сектаторовъ; при томъ же онъ видѣлъ, что если правительства шли дурною дорогой, то секты слѣдовали, если возможно, еще худшимъ путемъ». Вслѣдствіе этого Кавуръ, несмотря на свое увѣреніе въ парламентѣ нынѣшняго года, будто онъ «18 лѣтъ былъ заговорщикомъ», никогда не былъ членомъ ни «Giovani Italia», ни другой подобной секты, не былъ замѣшанъ въ смутахъ 1833 г. и вообще, послѣ своей отставки, ничѣмъ не компрометировалъ себя предъ правительствомъ. Не видя возможности отличиться и выиграть что-нибудь на государственномъ поприщѣ, онъ нашелъ, что надо заняться хоть гуано какимъ-нибудь, и точно — предался мирнымъ занятіямъ гуано и вообще сельскимъ хозяйствомъ. Говорятъ, что началомъ употребленія гуано въ земледѣліи Пьемонтъ обязанъ Кавуру, и вѣроятно это самая важная услуга, оказанная имъ отечеству въ этотъ довольно длинный періодъ.

Но и гуано не удовлетворило графа; не лучшій успѣхъ имѣло и пробковое дерево. Молодой графъ рѣшилъ, что отечество тѣсно для него, и отправился путешествовать. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ

во Франціи и Англіи, постоянно находясь въ самомъ лучшемъ обществѣ, снискавъ уваженіе англійскихъ государственныхъ людей и обративъ на себя вниманіе французскихъ литературныхъ корифеевъ нѣсколькими статьями въ «Revue Nouvelle».

Изъ этихъ статей нѣкоторыя заслуживаютъ вниманіе именно въ томъ отношеніи, что показываютъ развитіе и направленіе идей Кавура въ это время. Читая ихъ, вы видите уже не юношу, безсознательно боящагося отказаться отъ выгодъ своего положенія для общаго дѣла, не наивнаго либерала, не знающаго, куда и во что ему броситься, чтобы прикрыть свое бездѣйствіе. Нѣтъ, здѣсь вы видите уже человѣка серьезнаго, съ пользою прочитавшаго многихъ экономистовъ, научившагося «благоговѣть предъ удивительнымъ зданіемъ англійской конституціи» и добившаго строгія научныя основанія для опредѣленія своего поведенія. Такъ многія изъ его понятій высказываются въ статьѣ: «Des idées communistes et des moyens d'en combattre le développement». По основнымъ началамъ, по строгости логики и широтѣ воззрѣній, статью эту можно сравнить только съ знаменитою статьею г. Ржевскаго «О средствахъ къ развитію пролетаріата» (хотя заключенія обѣихъ статей и кажутся противоположными). Конечные выводы Кавура тѣ же самые, если мы хорошо помнимъ, — что и у г. Ржевскаго: идеи коммунизма (къ которому онъ, по обычаю, приплетаетъ и соціализмъ) суть слѣдствіе гнусной зависти низшихъ классовъ къ высшимъ, основаны на невѣжествѣ и въ особенности на отсутствіи здравыхъ экономическихъ понятій. Средства противъ нихъ — распространеніе началъ политической экономіи, и въ то же время благотворитель-

ность къ объднымъ со стороны богатыхъ. Вотъ его слова изъ заключенія: «Такимъ образомъ, — каждому свое дѣло: философъ и экономистъ въ тишинѣ своего кабинета опровергнутъ заблужденія коммунизма; но ихъ дѣло не будетъ плодотворно, если въ то же время благородные люди, выполняя на дѣлѣ великій принципъ всеобщаго милосердія, не будутъ дѣйствовать на сердца, между тѣмъ какъ наука будетъ убѣждать разумъ».

Впрочемъ, біографъ Кавура, неизвѣстно почему, находитъ статью о средствахъ противодѣйствовать коммунизму не очень хорошею, и увѣряетъ, что «гораздо болѣе сообразно съ свойствомъ его генія» было другое произведеніе: «О положеніи Ирландіи и ея будущности». Здѣсь, какъ можно ожидать, онъ хвалитъ О'Коннеля за то, за что другіе бранятъ его, то есть за трусливую половинчатость его дѣйствій, и, напротивъ, бранитъ за всякій шагъ нѣсколько рѣшительный. Гораздо любопытнѣе сужденія объ О'Коннелѣ показались намъ въ этой статьѣ мысли о Питтѣ. Рисуя портретъ Питта, Кавуръ какъ бы изображалъ самого себя, — по замѣчанію его біографовъ. Приведемъ же этотъ портретъ Питта, чтобы видѣть, каковъ Кавуръ, самъ себя изображающій.

«Объ этомъ знаменитомъ государственномъ мужѣ, — пишетъ Кавуръ, — господствуетъ вообще мнѣніе чрезвычайно ложное. Впадаютъ обыкновенно въ самую грубую ошибку, представляя его приверженцемъ всякихъ злоупотребленій и угнетенія, въ родѣ лорда Эльдона или князя Полиньяка. Совсѣмъ напротивъ... Питтъ имѣлъ идеи своего времени: сынъ лорда Чатама не былъ ни другомъ деспотизма, ни поборникомъ религіозной нетерпи-

мости. Съ умомъ могучимъ и обширнымъ, онъ любилъ власть какъ средство, но не какъ цѣль. Онъ вступилъ въ политическую жизнь, ратоборствуя противъ ретроградной администраціи лорда Норта, и, едва сдѣлавшись министромъ, провозгласилъ необходимость парламентской реформы. Конечно, Питтъ не былъ изъ тѣхъ горячихъ людей, которые, въ энтузіазмѣ своемъ къ великимъ интересамъ человѣчества, идутъ на опасности, несмотря ни на препятствія, воздвигнутыя противъ нихъ, ни на вредъ, который можетъ произойти отъ ихъ усердія. Онъ не былъ изъ тѣхъ, которые хотятъ перестроить общество на основаніяхъ, при помощи всеобщихъ началъ и гуманитарныхъ теорій. Умъ глубокій и холодный, свободный отъ предразсудковъ, онъ не былъ одушевляемъ ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ отечеству и къ славѣ. Въ началѣ своей карьеры онъ видѣлъ недостатки общественнаго устройства и хотѣлъ исправить ихъ. Если бы продолжалось его управленіе въ періодъ мира, то, конечно, онъ сдѣлался бы реформаторомъ въ родѣ Пиля и Каннинга, соединяя смѣлость и обширность видовъ одного съ благоразуміемъ и искусствомъ другого. Но когда увидѣлъ онъ на горизонтѣ приближающійся ураганъ французской революціи, то съ проницательностью, свойственною умамъ высшимъ, предусмотрѣлъ гибельность демагогическихъ принциповъ и опасность, которою угрожали они Англіи. Разомъ остановился онъ въ своихъ предначертаніяхъ реформъ, чтобы обратить все вниманіе на приготовляющійся кризисъ. Онъ понялъ, что въ виду движенія революціонныхъ идей, угрожавшаго проникнуть и въ Англію, было бы безразсудно касаться священнаго ковчега конституціи и ослаблять

національное къ ней уваженіе, принимаясь за передѣлку дурныхъ частей общественнаго зданія, освященнаго временемъ. Съ того дня, какъ революція, перешедши за предѣлы страны, въ которой родилась, стала грозить Европѣ, Питтъ не имѣлъ для себя другой цѣли, какъ — бороться противъ Франціи, чтобы воспрепятствовать ультра-демократическимъ идеямъ вторгнуться въ Англію. Этому высочайшему интересу посвятилъ онъ всѣ свои силы, для него пожертвовалъ всѣми другими политическими соображеніями».

Характеръ Кавура и его воззрѣнія опредѣляются уже довольно ясно въ этихъ строкахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ служить объясненіемъ его поведенія въ Италіи, когда онъ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ Гарибальди и «передовой партіей» (partito avanzato). Какъ увидимъ, вся сущность его политики состояла въ томъ же, за что онъ превозноситъ Питта: сначала — желаніе кое-какихъ улучшеній, планы реформъ, а затѣмъ — реакція противъ тѣхъ, кто хотѣлъ вести эти реформы дальше, реакція, внушенная страхомъ, чтобы реформы не зашли слишкомъ далеко и не коснулись «основъ общественнаго зданія».

Просвѣтивши свой умъ и сердце въ Англіи и Франціи, графъ Камилло вернулся въ любезное отечество, въ которомъ начинало пошевеливаться что-то новое. Кавуръ началъ проповѣдывать свои либеральныя воззрѣнія съ большей смѣлостью... Но все еще было не пора: въ 1842 г. онъ принялъ участіе въ обществѣ для основанія дѣтскихъ пріютовъ; но президентъ комитета, нѣкто Чезаре Салюцо, попросилъ его выйти изъ членовъ, *для блага общества*, которое могло подвергаться опасности изъ-за

такого либеральнаго члена. Десять лѣтъ спустя, будучи уже министромъ, Кавуръ самъ вспомнилъ объ этомъ въ парламентѣ, не безъ юмора и не безъ гордости... Но въ 1842 г. приглашеніе г. Салюцо вѣроятно не осталось совершенно безъ дѣйствія: въ этомъ же году Кавуръ сдѣлался членомъ-основателемъ земледѣльческаго общества, и здѣсь уже былъ очень смиренъ. Весь либерализмъ его ограничивался здѣсь въ первое время тѣмъ, что онъ ратовалъ въ журналѣ общества противъ заведенія образцовыхъ фермъ въ Пьемонтѣ.

Но событія шли своимъ чередомъ. Партія «горячихъ людей», противъ которыхъ возстаетъ Кавуръ, работала неутомимо, проникая своей пропагандой, чрезъ всѣ затворы, во всѣ государства Италіи. Открытыхъ возстаній не было, кромѣ несчастной попытки братьевъ Бандьера и еще нѣсколькихъ незначительныхъ вспышекъ, большею частью въ Обѣихъ Сициліяхъ; но броженіе умовъ было уже сильно и давало себя чувствовать повсюду. Слабый и подозрительный Карлъ Альбертъ, постоянно воображавшій себя «между кинжаломъ сектаторовъ и шоколадомъ іезуитовъ», въ это время какъ будто ясно увидѣлъ передъ собою кинжалъ и началъ подумывать, что отъ шоколада можно и отказаться. Не разъ высказывалъ онъ свое желаніе стать защитникомъ итальянской независимости; патріотическія творенія, въ родѣ Джоберти и Азеліо, свободно обращались въ его владѣніяхъ... Въ половинѣ 1846 г. либеральныя мѣры новаго папы съ очевидностью доказали всѣмъ, до какой степени стало невозможно итальянскимъ правительствамъ держаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу. Вслѣдъ за папою стали давать разныя льготы и усо-

вершенствованія и другіе владѣтели Италіи, исключая короля неаполитанскаго; подался немножко и Карлъ Альбертъ. Было ясно, что наступаетъ время жатвы... Но сѣятели были далеко, и вмѣсто нихъ выступилъ теперь на работу графъ Кавуръ.

Почему же сами сѣятели не явились? А кто ихъ знаетъ! Одни говорятъ, что по страху, другіе, — что по глупости, третьи, — что по ехидству: зачѣмъ, дескать, взошло то, что ими посѣяно!.. Они, видите, сѣяли будто бы для того только, чтобы руками махать, и никакъ не воображали, чтобы изъ ихъ маханья могло что-нибудь выйти.

Сами сѣятели, впрочемъ, имѣютъ претензію, что и жали-то собственно они же, а только собирать въ житницу пришлось не имъ. Говоря безъ метафоръ, они увѣряютъ, что всѣ облегченія и либеральныя мѣры правительствъ Италіи предъ 1848 г. были слѣдствіемъ страха предъ тѣмъ рѣшительнымъ положеніемъ, какое было принято народомъ подъ вліяніемъ революціонной пропаганды. Народныя возстанія 1848 г. не только не привлекли участія Кавура, но даже были имъ не одобряемы; а между тѣмъ вступленіе Пьемонта на конституціонную дорогу было прямымъ слѣдствіемъ событій, развившихся изъ этихъ возстаній. Такимъ образомъ, до власти и до возможности безопасно и громко либеральничать Кавуръ донесенъ былъ той самой партіей, въ которой ничего не хотѣлъ видѣть, кромѣ вредныхъ химеръ... Такъ говорятъ приверженцы «передовой» партіи, противной Кавуру. Кавуръ, конечно, съ ними не согласенъ, не согласны, какъ мы видѣли, и французскіе журналы, и англійскіе государственные мужи, — ergo несогласны и мы... А ежели читатель имѣ-

ет̀ претензію на самостоятельность сужденія, то пусть самъ разберетъ, кто правъ, кто виноватъ. Мы же обратимся къ изложенію подвиговъ Кавура.

Закономъ 30 октября 1847 г. дана была нѣкоторая свобода журналистикѣ въ Пьемонтѣ. Кавуръ немедленно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, соединившись съ графомъ Бальбо и графомъ Санта-Роза, основалъ журналъ: «Risorgimento» («Воскресенье» или «Возстаніе»), который и началъ выходить съ половины декабря, объявивъ слѣдующіе принципы: независимость Италіи, единеніе итальянскихъ властителей съ народомъ, прогрессы на пути реформъ, союзъ между итальянскими государями... Къ этому прибавлялось, что лучшимъ украшеніемъ и благороднѣйшею чертою итальянскаго движенія должны быть спокойствіе и умѣренность.

Программу эту «Risorgimento» исполнялъ постоянно и добросовѣстно. Какъ добавленіе къ ней, въ родѣ неофиціальной части, надо замѣтить постоянное восхваленіе государственныхъ учрежденій Англіи, въ статейкахъ, писанныхъ самимъ Кавуромъ и утвердившихъ за нимъ на нѣкоторое время прозвище «лорда Кавура».

Съ конца 1847 г. начинается самоотверженная дѣятельность графа на поприщѣ либерализма. 21 декабря онъ, вмѣстѣ со многими другими патріотами, подписалъ смѣлое прошеніе къ королю неаполитанскому, который казался плохо расположеннымъ слѣдовать примѣру Пія IX на пути реформъ. Въ прошеніи умоляли короля «присоединиться къ политикѣ благоразумія, прощенія, цивилизаціи и любви христіанской». И дѣйствительно, мы знаемъ, что съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того

(28 января 1848 г.) въ Неаполѣ обнародованы были основанія конституціи.

Впрочемъ, можетъ быть, на Фердинанда II подѣйствовало не столько прошеніе, подписанное, между прочимъ, Кавуромъ, сколько возстаніе, происшедшее 12 января въ Сициліи и вслѣдъ затѣмъ въ Неаполѣ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что Фердинандъ противился до послѣдней крайности и не уступилъ иначе, какъ по рѣшительной необходимости... Съ этимъ соглашается, въ своей «Исторіи Италіи», даже другъ и сотрудникъ Кавура, графъ Чезаре Бальбо (т. II, стр. 234).

Но во всякомъ случаѣ, ясно одно: что графъ Кавуръ гораздо благовременнѣе умѣлъ заявлять свои требованія, нежели, напримѣръ, глава «Юной Италіи», обращавшійся съ своими совѣтами къ Карлу Альберту еще въ 1831 г.!..

Еще болѣе доказалъ свою политическую мудрость графъ Кавуръ въ дѣлѣ генуэзской депутаціи 7 января 1848 г. Біографъ его говоритъ, что тутъ графъ далъ «лучшее и величайшее доказательство проницательности своего разума и рѣшительности своего духа». Дѣло было такъ. Изъ Генуи явилась депутація — требовать отъ короля учрежденія въ городѣ національной гвардіи и изгнанія іезуитовъ. Редакторы разныхъ журналовъ и нѣкоторые ихъ сотрудники собрались съ тѣмъ, чтобы рѣшить общими силами поддерживать требованіе Генуи — въ журналистикѣ. Кавуръ отличился передъ всѣми: онъ совѣтовалъ, вмѣсто тѣхъ или другихъ реформъ, прямо требовать конституціи. Столь смѣлое предложеніе испугало очень многихъ, и противъ него возстали, по свидѣтельству итальянскаго біографа, даже многіе люди демократической

партіи. Послѣднее обстоятельство не вполнѣ объяснено; но оно дѣлается менѣе страннымъ, когда мы прочтемъ разсужденія Кавура по этому поводу. Такъ онъ говорилъ, между прочимъ: «Къ чему служатъ требованія, которыя — будутъ ли отвергнуты или признаны — во всякомъ случаѣ волнуютъ государство и уменьшаютъ нравственный авторитетъ правительства? Такъ какъ правительство не можетъ болѣе править на основаніяхъ, на которыхъ правило до сихъ поръ, то пусть приметъ другія, болѣе согласныя съ духомъ времени и съ успѣхами цивилизаціи, чтобы потомъ не было поздно, и чтобы всякая власть общественная не была низвергнута и уничтожена предъ криками народа».

Изъ этого видно, что положеніе было уже очень натянуто, и что самъ Кавуръ заслышалъ уже приближавшуюся силу «народныхъ криковъ». Немудрено, что другіе слышали ихъ гораздо яснѣе и хотѣли предоставить имъ рѣшеніе вопроса, не надѣясь получить добромъ отъ слабаго Карла Альберта ничего, кромѣ половинныхъ и невѣрныхъ льготъ.

Тѣмъ не менѣе Кавуръ вскорѣ писалъ въ своемъ журналѣ, что желательно, чтобъ король «перенесъ всякія общественныя разсужденія съ опасной арены неправильныхъ волненій въ сферу преній законныхъ, мирныхъ и правильныхъ». Это уже было довольно ясно и смѣло. Но Кавуръ съ друзьями пошли дальше: они редижировали прошеніе къ Карлу Альберту о дарованіи конституціи, и графъ Санта-Роза (министръ) даже осмѣлился поднести его королю!.. Въ то же время англійскій посланникъ Эберкромби объявилъ, съ своей стороны, черезъ министра Сань-Марцано, что уступить требованіямъ либераловъ едва ли не единственное средство спа-

сенія для Карла Альберта. И послѣ двухнедѣльныхъ колебаній, видя, что уже и въ Тоскану, и въ Неаполѣ дается конституція, король пьемонтскій рѣшился уступить, и 8 февраля провозгласилъ основаніе конституціи, а 4 марта былъ объявленъ и самый статутъ...

Такимъ образомъ, ровно за мѣсяцъ впередъ графъ Кавуръ умѣлъ предусмотрѣть политическую необходимость, которой уступилъ потомъ Карлъ Альбертъ!.. И именно въ это только время рѣшился онъ принять участіе въ дѣйствіи, доказывая тѣмъ свое превосходство предъ сумасбродами, предъявляющими требованія, которыя исполняются разъ только черезъ двадцать, тридцать лѣтъ...

Въ 1848 г. графъ Кавуръ продолжалъ свое поприще въ журналѣ и сдѣлалъ первый дебютъ въ парламентѣ, куда выбранъ былъ депутатомъ. Успѣхи его на этотъ разъ были невелики. При началѣ войны, правда, онъ еще разъ показалъ свою политическую проницательность, доходившую до совершеннаго совпаденія съ событіями: 23 марта онъ восторженно писалъ въ «Risorgimento», что теперь необходима неотлагательная война съ Австріей, а 24-го Карлъ Альбертъ издалъ прокламацію — что идетъ помогать возставшимъ ломбардцамъ, и 26-го точно выступилъ въ походъ. Но затѣмъ графъ Кавуръ разошелся нѣсколько съ общими желаніями, начавши (въ противность знаменитому «Italia farà da se») проповѣдывать необходимость чужеземной помощи. Тогда онъ не былъ, разумѣется, приверженцемъ французскаго союза — во Франціи была республика, и никто еще не предвидѣлъ Людовика Наполеона, — но тѣмъ рѣшительнѣе настаивалъ Кавуръ на призваніи посредничества Англіи, ручаясь

за ея благонамѣренность своимъ личнымъ знакомствомъ съ ея министрами. Такъ писалъ онъ въ журналѣ, такъ говорилъ въ парламентѣ, и рѣчи его нерѣдко заглушались шумомъ крайней лѣвой и свистками въ галереяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ это время нужно было ободрять итальянцевъ и всѣми силами возвышать ихъ довѣріе къ себѣ: только такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, можно было пріобрѣсти популярность. Но графъ Кавуръ гордился тѣмъ, что не дорожитъ популярностью, и смѣло толковалъ въ это время: «Да гдѣ намъ? да что мы такое? Коли намъ другіе не помогутъ, такъ мы просто потерянные люди!» И событія оправдали его слова. Правда, дѣло итальянцевъ въ 1848—49 г. было потеряно именно оттого, что народное движеніе въ Верхней Италіи было возбуждено хоть и довольно сильно, но все-таки недостаточно; но, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, именно силы-то народнаго движенія всегда и опасался Кавуръ. Считая силы итальянцевъ, онъ бралъ въ разсчетъ единственно регулярныя силы правительства и арміи, ни мало не думая о народѣ. И ему, конечно, казалось тогда, что если бъ Италія повела до конца все дѣло такъ, какъ начала его, т. е. революціоннымъ путемъ, то она точно сама собою справилась бы съ своими врагами; но такому торжеству народа онъ едва ли не предпочиталъ неаполитанскую и римскую реакцію и даже чуть ли не австрійское господство. Около этого времени онъ писалъ въ «Risorgimento»: «Люди энергическихъ мѣръ, люди, предъ которыми мы не болѣе какъ *умѣренные*, не новы въ мірѣ: каждая эпоха волненія имѣла своихъ, и исторія показываетъ, что они никогда не годились ни на что болѣе, какъ на то, чтобы произвести романъ

или погубить важнѣйшія предпріятія человѣчества. Чѣмъ больше пренебрегаютъ они естественными путями, тѣмъ меньше успѣваютъ... И ежели нѣтъ прямой невозможности выполненія, то торжество всегда бываетъ мгновенно и призрачно. Толпа рукоплещетъ, но мудрый молчитъ: а событія оправдываютъ проницательность мудраго... Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего погибло дѣло столькихъ революцій, самыхъ благородныхъ и справедливыхъ? Отъ безумства революціонныхъ средствъ, отъ людей, которые хотѣли сдѣлаться независимыми отъ общихъ законовъ и считали себя достаточно сильными для того, чтобы все передѣлать въ основаніи».

И въ этихъ благоразумныхъ расположеніяхъ Кавуръ возлагалъ свои надежды на правильный и мирный ходъ дѣлъ, на короля неаполитанскаго, тосканскаго великаго герцога, Пія IX и Карла Альберта, полагая, что они «приведутъ къ счастливому концу свое славное и несравненное дѣло и основутъ на твердыхъ и глубокихъ основахъ блистательнѣйшее зданіе новѣйшихъ временъ — свободу Италіи».

И графъ Кавуръ до того былъ искренен въ своихъ надеждахъ и сужденіяхъ, что послѣ извѣстія о Кустоцкомъ пораженіи записался было въ волонтеры, и не отправился въ походъ только потому, что перемиріе помѣшало, а послѣ перемирія все-таки писалъ и говорилъ въ парламентѣ противъ возобновленія войны, продолжая настаивать на посредничествѣ Англіи. Продолженія войны, видите ли, требовала крайняя лѣвая, и депутатъ Брофферіо за рѣчь о немедленномъ возобновленіи военныхъ дѣйствій удостоился въ Туринѣ самой шумной народной оваціи: Кавуру показалось тогда, что опять революція готова обнять Италію, и онъ, несмотря на

строй патріотизмъ, возобновилъ свою оппозицію противъ войны.

Впрочемъ, въ это время Кавуръ, сидя на крайней правой и всѣми силами поддерживая министерства — Бальбо, Казати и Пинелли, одно хуже и непопулярнѣе другого, — вообще заслужилъ себѣ нехорошую репутацію. О немъ говорили, что «лорда Камилло можно сравнить только съ кавалеромъ Релы, издателемъ «Пирата»: одинъ точно такъ же искусно и усердно защищаетъ безмозглыя министерства, какъ другой — безногихъ танцовщицъ...». Это было писано въ «Concordia», журналѣ демократовъ. Но надо думать, что Кавуръ дѣйствительно ужъ очень пересолилъ въ своемъ усердіи къ министерствамъ, потому что даже у Джоберти, человѣка довольно умѣреннаго, находимъ мы противъ него слѣдующую выходку: «Пинелли и его сотоварищи обязаны были продолженіемъ своей несчастной агоніи преимущественно Камиллу Кавуру, который, и рѣчью и перомъ, съ невѣроятнымъ задоромъ работалъ, чтобы дать кредитъ людямъ, очевидно бездарнѣйшимъ...». (Giob. Rinnov., I, p. 249). Изъ-за чего тутъ хлопоталъ графъ Кавуръ, рѣшить трудно: правда, что тутъ были его друзья и бывшіе сотрудники — графъ Санта-Роза, кавалеръ Бонкомпаньи и др. Но, кажется, у графа было ужъ врожденное пристрастіе къ министерствамъ; въ послѣднемъ парламентѣ онъ объявилъ, въ отвѣтъ на интерпелляціи Ламарморы, бывшаго военнаго министра, противъ Фанти: «Въ восемь лѣтъ министерства г-на Ламарморы я всегда его поддерживалъ противъ всѣхъ интерпелляцій; теперь считаю нужнымъ сдѣлать то же въ отношеніи г. Фанти противъ г. Ламарморы; и если достопочтенный интерпел-

лять не отступится отъ своихъ требованій и будетъ одобренъ палатою, то я для не останусь въ министерствѣ». И интерпелляціи Ламарморы, какъ извѣстно, не были одобрены палатою, при всей силѣ общаго отвращенія къ Фанти.

Но въ 1848 и 49 гг. графъ Кавуръ не имѣлъ еще такой силы: оттого рѣчи его почти постоянно сопровождались свистками. Кавуръ выдерживалъ и даже иногда прибѣгалъ къ убогимъ общимъ мѣстамъ, одно изъ которыхъ было у насъ особенно въ ходу въ прошломъ году, по поводу овацій разнымъ литераторамъ. Говоря противъ проекта прогрессивнаго налога, предложеннаго однимъ изъ депутатовъ, Пескаторе, онъ пустился въ соображенія такого рода, которыя привлекли на него свистки... Тогда онъ возразилъ: «эти свистки оскорбляютъ не меня, а достоинство палаты; я ихъ раздѣляю со всѣми моими сочленами...». Этой выходкою всѣ біографы восхищаются, а не знаютъ того, что наши литераторы тоже говорили, одинъ за другимъ: эти рукоплесканія я не отношу лично къ себѣ, но ко всякой литературѣ, которой я... и пр.

Иногда, впрочемъ, Кавуръ выходилъ изъ себя. Такъ, однажды, освистанный въ неудачной защитѣ противъ Брофферіо, онъ едва кончилъ свой отвѣтъ, и замѣтивъ, что въ галереяхъ толпа продолжаетъ шумѣть и смѣяться и послѣ его рѣчи, когда уже началъ говорить что-то министръ внутреннихъ дѣлъ, — Кавуръ всталъ и, обратясь къ вице-президенту палаты, попросилъ его распорядиться о прогнаніи «державнаго народа» (popolo sovrano, — какъ говорятъ въ конституціонныхъ земляхъ Италіи) изъ его галлереи.

Къ довершенію своей дурной репутаціи, графъ

Кавуръ имѣлъ нѣкоторыя обязательства съ клерикальной партіей: онъ былъ (по крайней мѣрѣ незадолго предъ тѣмъ) членомъ одного клерикальнаго клуба, дружилъ съ г. Марготти, однимъ изъ самыхъ видныхъ и ловкихъ обскурантовъ, до сихъ поръ отлично редижирующимъ клерикальный журналъ «L'Armonia», и даже пописывалъ въ «Armonia» статейки ...

Все припомнилось графу Кавуру на слѣдующихъ выборахъ: онъ былъ забракованъ, и могъ въ 1849 г. подвизаться только въ журналистикѣ.

Министромъ былъ въ это время Джоберти: онъ былъ слишкомъ либералъ для Кавура, но между ними могло быть много общаго. Такъ въ «Risorgimento» заслужила одобренія программа Джоберти относительно Тосканы и Рима. Джоберти, какъ извѣстно, предлагалъ, для удаленія вмѣшательства австрійцевъ и возвышенія значенія Пьемонта, предложить услуги пьемонтцевъ для возстановленія папы и великаго герцога тосканскаго. Къ папѣ даже послы отправились въ Гаэту для переговоровъ, да тотъ самъ не захотѣлъ съ Пьемонтомъ возиться. О Тосканѣ, разумѣется, и говорить нечего... Но какъ бы то ни было, при всемъ своемъ ребячествѣ и даже нѣкоторой ретроградности, идея либеральнаго Джоберти очень понравилась тогда консервативному Кавуру ... Черезъ десять лѣтъ возвратились было къ ней, предлагая Пьемонту охраненіе правъ святѣйшаго отца; но и Кавуру, подобно Джоберти, не суждено было вкусить осуществленія этой плодотворной идеи.

1850 годъ былъ для Кавура счастливѣе: въ самомъ началѣ года его выбрали въ парламентъ. Министерство д'Азелію, образовавшееся тотчасъ послѣ

Наварскаго пораженія, громко требовало поддержки страны; а кто же искуснѣе Кавура былъ въ поддержаніи всевозможныхъ министерствъ?.. На этотъ разъ, впрочемъ, Кавуръ былъ осторожнѣе, и даже явно сталъ склоняться на сторону болѣе либеральную. Говоря въ пользу проекта закона Сиккарди объ отмѣнѣ церковнаго суда, онъ порвалъ связи не только съ клерикальной партіей, но и съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ умѣренныхъ друзей, какъ Бальбо, Ревель и др. Въ эту же парламентскую сессію онъ выгодно обратилъ на себя вниманіе однимъ длиннымъ дискурсомъ, по поводу вопроса о продажѣ государственныхъ имуществъ. Здѣсь изложилъ онъ свои экономическія теоріи, свой взглядъ на управленіе финансами и на средства къ ихъ поправленію, — словомъ, произнесъ рѣчь о томъ, какъ бы онъ сталъ вести дѣла, если бы ему поручили министерство финансовъ. Этою рѣчью онъ рѣшительно поставилъ себя кандидатомъ въ министры, и дѣйствительно — ему не трудно было разсчитывать на министерское кресло въ кабинетѣ д'Азеліо: тутъ большею частью были люди его цвѣта. При томъ же въ этомъ году, когда палата по всеобщему согласію составлена была изъ людей самыхъ умѣренныхъ и министеріальныхъ, Кавуръ и въ палатѣ пріобрѣлъ себѣ единомышленниковъ, такъ что являлся даже представителемъ нѣкоторой партіи. До какой степени ничтожна была оппозиція, видно изъ того, что предводителемъ ея являлся Ратацци... Такимъ образомъ для Кавура дорога была открыта, и въ октябрѣ 1850 г., когда умеръ другъ его графъ Санта-Роза, министръ земледѣлія и торговли, — д'Азеліо предложилъ портфель его Кавуру. Говорятъ, что король Викторъ Эммануилъ,

утверждая назначеніе новаго министра, замѣтилъ. «Хорошо; но только смотрите — онъ всѣхъ васъ ссадитъ съ вашихъ мѣстъ».

Въ апрѣлѣ 1851 г. Кавуръ получилъ и желанное имъ министерство финансовъ, не оставляя однакожъ прежняго — земледѣлія и торговли.

Въ 1852 г. Кавуръ уже былъ душою министерства, которое даже и называть стали нерѣдко «кавуровскимъ». Нельзя въ самомъ дѣлѣ не видѣть вліянія Кавура въ распоряженіяхъ, особенно касательно внѣшней политики, принятыхъ въ это время въ Пьемонтѣ. Опасаясь за спокойствіе Пьемонта и повидимому не разсчитывая уже на его роль въ ближайшемъ будущемъ Италіи, министерство д'Азеліо сильно хлопотало о дружескихъ связяхъ съ сосѣдями, особенно съ Австріей и Франціей, — которой, послѣ 2 декабря, графъ Кавуръ окончательно пересталъ бояться. Въ этихъ видахъ предложено было приступить къ дѣятельному окончанію торговаго трактата съ Австріей, о которомъ давно велись переговоры, и кромѣ того, особенно, заключить условіе о взаимной выдачѣ контрабандистовъ, практикующихъ на тичинской границѣ. Ораторы лѣвой называли это «новыми колѣнопреклоненіями предъ австрійской политикой»; но имъ отвѣчали, что Пьемонту заниматься особенно нечего, что благоволеніе сосѣдей для него необходимо... Для Франціи дѣлали еще больше — измѣняли постановленія пьемонтской конституціи. Послѣ 2 декабря пьемонтская демократическая пресса не переставала осыпать упреками и насмѣшками новый порядокъ вещей во Франціи; это заставляло опасаться неудовольствія сильнаго сосѣда. Можетъ быть даже, что неудовольствіе и было ужъ высказано...

Министерство рѣшилось предложить измѣненія въ законъ о книгопечатаніи, въ запретительномъ смыслѣ насчетъ оскорбленія чужихъ правительствъ. По поводу этого предложенія возникъ въ палатѣ шумъ, какого и не ожидали. Шумѣли не столько либералы, отвергающіе измѣненіе, сколько крайніе правые, требовавшіе при сей удобной оказіи не только этого закона, но и вообще стѣсненія книгопечатанія, да и не только этого, — а ограниченія закона о выборахъ, уничтоженія національной гвардіи и т. п. . . . да и этого мало — просто кричали о передѣлкѣ всего пьемонтскаго статута въ смыслѣ новой наполеоновской конституціи. Кавуръ, разумѣется, не имѣлъ никакого резона желать такихъ перемѣнъ; министерство было въ затрудненіи и не знало что дѣлать. Въ этихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ Кавуръ показалъ въ первый разъ свою дипломатическую смышленость: онъ перевернулся и, либеральнымъ образомъ объяснившись съ лѣвымъ центромъ, пошелъ съ нимъ заодно противъ ретроградныхъ требованій правой, удерживая въ то же время предложеніе министерства. Въ это время ему представился случай сблизиться еще болѣе съ лѣвыми: президентъ палаты депутатовъ Пинелли умеръ. Надо было выбрать новаго. Кавуръ съ своими друзьями принялся хлопотать о выборѣ Ратацци. Это соединеніе такъ и осталось въ парламентскихъ лѣтописяхъ Пьемонта подъ именемъ перваго connubio Кавура. Ратацци точно былъ выбранъ слабымъ большинствомъ, — 74 противъ 52, и Кавуръ могъ теперь разсчитывать на постоянное большинство въ камерѣ. Но сами министры не совсѣмъ-то одобрительно смотрѣли на подвиги своего товарища, совершенные имъ рѣшительно безъ ихъ пол-

номочія... Возникли несогласія, министерство подало въ отставку; вмѣстѣ съ другими вышелъ и Кавуръ — и не возвратился. Король поручилъ составленіе новаго министерства опять тому же д'Азеліо, и д'Азеліо на этотъ разъ возвратилъ троихъ изъ прежнихъ министровъ, Кавура не пригласилъ... Вслѣдъ затѣмъ парламентъ былъ отсроченъ на четыре мѣсяца, — до ноября 1852 г.

Въ теченіе своего министерства Кавуръ успѣлъ заключить торговый трактатъ съ Австріей, добиться отъ парламента полномочій на пересмотръ тарифа и привести въ удовлетворительный видъ финансовую отчетность. Ясность и опредѣлительность его отечества за 1851 г. много облегчила, говорятъ, заключеніе въ 1852 г. пьемонтскаго займа въ 75 милліоновъ франковъ.

Оставляя министерство, Кавуръ, разумѣется, зналъ, что оставляетъ его ненадолго. Его удаленіе, въ которомъ всѣ невыгодныя видимости падали на министерство д'Азеліо, только усилило начинавшееся въ публикѣ сочувствіе къ ловкому министру, поэтому, не заботясь много о судьбѣ новаго министерства, графъ Кавуръ воспользовался своей свободой, чтобы съѣздить во Францію и въ Англію. Въ Парижѣ представился онъ императору и представилъ своего недавняго друга —Урбана Ратацци, тоже на сей разъ случившагося въ Парижѣ. Кажется, что Ратацци ничего не извлекъ изъ этого представленія, но Кавуръ вынесъ изъ свиданій съ императоромъ много поучительнаго для ума и сердца. Подробности свиданій неизвѣстны; но знаютъ, что Кавуръ уже заранѣе пользовался расположеніемъ императора за свои хлопоты о законѣ относительно книгопечатанія, что поэтому императоръ съ довѣрчи-

востью и благосклонностью выслушивалъ бывшаго сардинскаго министра, когда тотъ рисовалъ ему положеніе Пьемонта; что Кавуръ, поговоривъ съ Наполеономъ, убѣдился, что тотъ вовсе не врагъ здравой конституціи Пьемонта, пока она охраняется отъ разныхъ демократическихъ покушеній... Говорили тогда больше... говорили, что даже нѣкоторыя предположенія относительно Италіи были уже высказаны при тогдашнихъ свиданіяхъ... Но этого, разумѣется, никто съ достовѣрностью утверждать не можетъ...

Во всякомъ случаѣ — графъ Кавуръ возвратился въ Туринъ, въ октябрѣ 1852 г., полный глубочайшаго уваженія къ мудрости императора французовъ, и съ этого времени сближеніе съ Франціей дѣлается для него еще болѣе необходимымъ, чѣмъ прежде казалась дружба съ Англіей.

Между тѣмъ въ министерствѣ произошла комедія. Чтобы привлечь на свою сторону либеральное общественное мнѣніе, д'Азелію пустить въ ходъ проектъ закона о гражданскомъ бракѣ. Желаемый эффектъ былъ полученъ, законъ принятъ былъ; но римскій дворъ вступился за него и завелъ весьма энергическую переписку непосредственно съ королемъ. Министерство струсило и вышло въ отставку. Отъ короля, черезъ посредство архіепископа, потребовали, чтобъ онъ назначилъ министерство, не противное римскому двору, и именно желали Бальбо. Но Бальбо былъ теперь невозможенъ, да ужъ и самъ не хотѣлъ. Король обратился къ Альфьери, — тотъ отказался; къ д'Азелію — тотъ объяснилъ, что быть уполномоченнымъ римскому двору никакъ не можетъ. Король призвалъ тогда Кавура: тотъ пошелъ на сдѣлку съ архіепископомъ, уполномочен

нымъ отъ римскаго двора. Сдѣлка не удалась; и Кавуръ отказался. Попы продолжали требовать Гальбо . . . Въ городѣ начали ходить слухи, что король подпадаетъ подъ поповское вліяніе, что іезуитское министерство должно скоро все повернуть на старинный ладъ, и пр. Въ это время случилась въ Парижѣ смерть Джоберти, извѣстнаго противника іезуитовъ, и по этому случаю произошла такая сильная манифестація, которая убѣдила короля, что вліянія клира ему нечего опасаться и что чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ лучше. Въ этихъ расположеніяхъ призвалъ онъ опять графа Кавура и поручилъ ему составить министерство по его усмотрѣнію. Кавуръ взялся, и 4 ноября 1852 г. министерство было составлено.

Съ этого времени начинается блестящая эпоха жизни Кавура. Постараемся прослѣдить и ее съ прежнимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, то есть воздерживаясь по возможности отъ восторженныхъ дифирамбовъ.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, графъ Кавуръ не совершилъ еще ничего сверхъестественнаго: былъ недурнымъ министромъ въ двухъ министерствахъ, обнаружилъ стремленіе къ реформамъ и улучшеніямъ, но еще далеко не могъ претендовать на общеевропейскую или хотя бы общеитальянскую славу. Несмотря на то, вступленіе его въ министерство было встрѣчено вообще довольно благопріятно: знали, что при немъ по крайней мѣрѣ въ совершенную реакцію не бросится туринское правительство. А извѣстно, что большинство мирныхъ гражданъ, даже и въ мало благоустроенныхъ государствахъ, всегда находится между двумя противоположными страхами: какъ бы революція не вспыхнула и не

привела съ собой анархію, или какъ бы не придушила ихъ деспотическая реакція. Кто обѣщаетъ обезпечить ихъ отъ обѣихъ крайностей, тому и книги въ руки отдаются ими очень охотно.

Собственно, звѣзда Кавура загорѣлась своимъ яркимъ блескомъ только послѣ Парижскаго конгресса. Но нельзя не видѣть, что на конгрессѣ обнаружились только результаты, подготовленные въ предыдущіе годы. Поэтому нельзя оставить безъ вниманія и этихъ годовъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе ихъ произведено много перемѣнъ во внутреннемъ состояніи страны.

Разсказываютъ, что въ бытность свою въ Парижѣ графъ Кавуръ излагалъ однажды свои экономическія теоріи въ присутствіи нѣсколькихъ знаменитыхъ экономистовъ. Мнѣнія его въ особенности понравились г. Леону Фоше, — тому самому знаменитому Фоше, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ россійская публика познакомилась въ изслѣдованіяхъ г. Чичерина. Фоше былъ такъ восхищенъ, что воскликнулъ: «Вотъ превосходныя теоріи, но ихъ составляютъ предъ вступленіемъ въ министерство, а потомъ бросаютъ въ сторону». — Кавуръ съ чрезвычайной живостью возразилъ: «Можетъ быть, такова ваша политика, но за себя я даю честное слово, что достигши власти — я проведу мои идеи, или удалюсь отъ дѣлъ...» И дѣйствительно, графъ Кавуръ постоянно оставался вѣренъ своимъ экономическимъ и политическимъ взглядамъ, которые мы отчасти уже видѣли выше.

Главнѣйшія улучшенія, произведенныя имъ въ экономическомъ развитіи страны, были устроены въ принципѣ свободной торговли. Въ 1853 г. сдѣланъ былъ въ тарифѣ рѣшительный переворотъ.

Пошлина съ хлѣба отмѣнена, хотя казна теряла при этомъ около 4 милліоновъ франковъ; съ колоніальныхъ товаровъ пошлина понижена на 50 проц., съ желѣза — тоже. Вслѣдствіе этого, какъ утверждаютъ [1], капиталы пришли въ движеніе въ Пьемонтѣ, — завелись машинныя фабрики, которыхъ прежде не было вовсе, удвоилось въ нѣсколько лѣтъ шелковое производство, учетверилось хлопчатобумажное, усилился вообще ввозъ и вывозъ, торговля оживилась и, къ увѣнчанію всего дѣла, даже таможенные доходы, начиная съ 1856 г., получили приращеніе около 4 милліоновъ лиръ (франковъ) [2]. Правда, что народъ получилъ отъ этого какъ-то мало прибыли; но ужъ въ этомъ Кавуръ, разумѣется, не виноватъ: по всѣмъ экономическимъ теоріямъ, его мѣры должны были оказаться благодѣтельными для массъ. Усилилось производство, слѣдовательно должна была возвыситься заработная плата, а произведенія должны подешевѣть. Но вышло не такъ: заработная плата, возвысившись ненадолго, вскорѣ упала; мало того, фабриканты стали обременять работниковъ, произвольно увеличивая число рабочихъ часовъ и т. п. Доходило до того, что работники разбѣгались съ пьемонтскихъ фабрикъ, точно у насъ съ Волжско-Донской дороги, — что однакоже не улучшило ихъ положенія . . . А между тѣмъ дорогизна и въ Пьемонтѣ шла своимъ чередомъ, и теперь на нее жалуются въ Туринѣ точно такъ же, какъ въ Парижѣ.

Все это, конечно, не уменьшаетъ заслуги графа

---

[1] Точныхъ статистическихъ свѣдѣній мы не могли достать, да едва ли и существуютъ они за всѣ годы.

[2] „Le Piémont et le ministère du comte de Cavour", par F. Verosis, Paris 1857.

Кавура, и мы упоминаемъ здѣсь о народныхъ тяжестяхъ только потому, что за блескомъ внѣшнихъ и общихъ выводовъ очень часто оставляютъ эту сторону дѣла безъ всякаго вниманія. А для насъ эта часть вопроса представляется настолько важною, что мы даже не рѣшаемся здѣсь говорить о ней мимоходомъ, а надѣемся со временемъ представить читателямъ особую статью о томъ, въ какой мѣрѣ возвышеніе народнаго благосостоянія соотвѣтствовало въ Пьемонтѣ тѣмъ или другимъ общимъ измѣненіямъ, въ послѣднее десятилѣтіе.

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ Кавуромъ въ то же время, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ пониженіе почтовой и телеграфной таксы: въ короткое время корреспонденція въ Пьемонтъ такъ усилилась, что, несмотря на пониженіе платы, доходы съ почты и телеграфовъ замѣтно возросли.

Иниціативѣ Кавура надобно также приписать быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ въ Сардиніи. До 1858 г. было ихъ построено 872 километра (около 800 верстъ), частью самимъ правительствомъ, частью же приватными компаніями. Послѣднее оказалось удобнѣе: правительству каждый километръ обходился среднимъ числомъ 500 тыс. лиръ, а частнымъ компаніямъ по 150—170 тыс. Правда, впрочемъ, что различіе мѣстности значило тутъ очень много... Въ управленіи дорогами тоже оказалось лучшимъ — передать ихъ въ частныя руки, и теперь около двухъ третей сардинскихъ дорогъ сданы на откупъ. За всѣми издержками, правительству очищается отъ желѣзныхъ дорогъ чистаго дохода до 6.000,000.

Весьма большую важность придаютъ также проекту Кавура перевести флотъ изъ Генуи въ Спецію.

Планъ этотъ былъ задуманъ еще, когда Кавуръ былъ только министромъ коммерціи; но встрѣтилъ тогда сильную оппозицію, и только въ 1857 г. Кавуръ добился одобренія своего проекта отъ парламента. На работы въ Спеціи по этому случаю ассигновано было 24 милліона, и считаютъ, что эта сумма весьма легко покрывается уже одною выгодою, которую съ удаленіемъ флота пріобрѣтаетъ торговля генуэзскаго порта.

Какъ видите, характеръ дѣятельности графа Кавура во внутреннемъ управленіи былъ по преимуществу строительный и коммерческій. Нельзя, конечно, сказать, чтобы и въ этой части онъ дѣйствовалъ безукоризненно хорошо: одинъ изъ послѣднихъ его правительственныхъ актовъ, разорительная уступка неаполитанскихъ дорогъ французской кампаніи Талабо, возбудившая всеобщій протестъ въ неаполитанцахъ, доказываетъ, въ какія крайнія ошибки могъ впадать сардинскій государственный мужъ и экономистъ . . . Но чтобы судить о его дѣйствіяхъ въ этихъ случаяхъ строго, надо пускаться въ подробности, для которыхъ у насъ недостаетъ теперь ни терпѣнья, ни надежныхъ источниковъ. Поэтому намъ остается, по примѣру другихъ, похвалить Кавура за его дѣятельность, имѣя въ виду то, что другой на его мѣстѣ могъ бы и ровно ничего не дѣлать.

По части законодательной и административной, по части заботъ о правахъ и благѣ народа, о народномъ образованіи, и пр., и пр., дѣятельность графа Кавура далеко не можетъ быть названа столь энергическою, и также должна быть признана очень слабою и вялою. Въ этомъ сознаются даже тѣ изъ его біографовъ, которые восхищаются, напр., тѣмъ,

какъ онъ умѣлъ чуть ли не угоняться за второй имперіей въ развитіи государственнаго долга. До 1848 г. у Сардиніи было долга около 100 милліоновъ; войны 1848—49 гг. стоили до 200 мил.; а къ 1858 г., при всей мудрости финансоваго управленія, долгу было 725 милліоновъ фр. Затѣмъ займы пошли, вперемежку съ новыми пріобрѣтеніями, такъ быстро, что ихъ и сосчитать трудно [3]. Теперь итальянцы даже самаго министерскаго оттѣнка сознаются, что положеніе ихъ финансовъ можетъ быть сравнено только развѣ съ австрійскимъ. (Прибавимъ, что хуже австрійскаго они ничего не знаютъ.)

Но мы забѣгаемъ впередъ и между тѣмъ не оговариваемся, что хотя графъ Кавуръ и былъ душою министерства, но онъ все-таки былъ не одинъ, и слѣдовательно, часть отвѣтственности должна быть снята съ него и передана его сотоварищамъ. Для этого мы перескажемъ, въ нѣсколькихъ словахъ, съ кѣмъ раздѣлялъ онъ власть со времени своего водворенія въ министерствѣ. Самъ онъ постоянно былъ, разумѣется, президентомъ совѣта, и кромѣ того — въ 1852 г. взялъ министерство финансовъ и земледѣлія и торговли; въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Санъ-Мартино нынѣшній намѣстникъ Неаполя), иностранныхъ дѣлъ — Дабормида, военнымъ — Ламармора, юсти-

---

[3] [illegible] въ 1[illegible] г., еще [illegible] Тосканы и [illegible] 1,[illegible] милліоновъ долгу на Пьемонтѣ и [illegible] милліоновъ ежегодныхъ процентовъ по этому долгу (Allg. Stat., [illegible]). Недавно въ парламентѣ Феррари высчиталъ, что *итальянскій* долгъ въ 18[illegible] г. былъ — 1,81[illegible] милліоновъ, а теперь — 2,[illegible] милліоновъ, да еще къ этому министръ финансовъ представляетъ дефицитъ [illegible] милліоновъ. Теперь рѣчь идетъ о [illegible] милліоновъ, и Феррари замѣчаетъ, что съ такой финансовой системой Италія непремѣнно въ пять лѣтъ наживаетъ себѣ пять милліардовъ долгу.

ціи — Бонкомпаньи, народнаго просвѣщенія — Чибраріо, общественныхъ работъ — Палеокапа. Въ октябрѣ 1853 г. вмѣсто Бонкомпаньи вступилъ въ министерство Ратацци. Такой составъ министерства былъ встрѣченъ очень благопріятно, потому что большая часть министровъ извѣстны были или за хорошихъ спеціалистовъ, или за людей съ либеральнымъ направленіемъ. Но зато они не отличались особенной энергіей характера и силою политическихъ убѣжденій, — исключая, можетъ быть, Ратацци, который всегда досаждалъ Кавуру тѣмъ, что градуса на полтора казался ему почему-то либеральнѣе его. Впрочемъ онъ, при несогласіи товарищей, ничего значительнаго не могъ сдѣлать, и былъ удерживаемъ въ министерствѣ собственно затѣмъ, чтобъ его партія не мѣшала Кавуру въ парламентѣ. Въ январѣ 1855 г., въ самомъ разгарѣ переговоровъ съ Наполеономъ о крымскихъ дѣлахъ, Кавуръ принялъ на себя министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ апрѣлѣ того же года все министерство, вслѣдствіе новыхъ столкновеній съ римскимъ дворомъ, подало въ отставку. Это случилось въ то самое время, когда нужно было отправлять войско въ Крымъ. Никто не хотѣлъ на этотъ разъ довершать дѣло Кавура и брать на себя отвѣтственность. Король напрасно обращался къ нѣсколькимъ лицамъ, и возвратился опять къ Кавуру. На этотъ разъ, взявъ себѣ финансы, Кавуръ пересадилъ на мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ — Чибраріо, а на его мѣсто въ министры просвѣщенія пригласилъ Ланцу, Ратацци далъ министерство внутреннихъ дѣлъ, а на юстицію посадилъ Дефореста, военнымъ и морскимъ министромъ сталъ Дурандо, Палеокапа остался въ министерствѣ публичныхъ работъ. Очень

скоро Чибраріо оказался негоднымъ на своемъ мѣстѣ и вышелъ; Кавуръ принялъ министерство иностранныхъ дѣлъ въ свое вѣдѣніе; въ 1857 г. вмѣсто Дурандо опять вошелъ въ министерство Ламармора, едва возвратившійся изъ Крыма. Въ 1857 г. вышелъ Палеокапа и замѣненъ Бартоломеемъ Бона. Въ самомъ началѣ 1858 г. Ратацци не выдержалъ и оставилъ министерство, бывшее теперь уже слишкомъ покорнымъ Кавуру. Тогда Кавуръ устроилъ слѣдующую комбинацію: онъ взялъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ свои руки, на финансы перемѣстилъ Ланцу, сначала оставивъ за нимъ и просвѣщеніе [1], а потомъ на его мѣсто пригласилъ сенатора Кадорну. Это было сдѣлано для успокоенія лѣваго центра, который волновался изъ-за отставки Ратацци; Кадорна былъ другъ Ратацци, но въ то же время человѣкъ слишкомъ старый и больной, чтобы составлять въ министерствѣ серьезное противодѣйствіе Кавуру. Затѣмъ, какъ извѣстно, послѣ Виллафранкскаго мира министерство Кавура подало въ отставку, и на нѣкоторое время учредилось было министерство Ратацци. Но оно, какъ противное отчасти видамъ Наполеона, отчасти же ненавистное клерикальной партіи, не могло долго удержаться, и въ началѣ 1860 г. Кавуръ опять явился главою министерства, съ Фанти, Мингетти, Веджецци, Мамiани, Ячини и т. п. личностями, не очень замѣчательными.

О всѣхъ этихъ министерскихъ измѣненіяхъ на-

---

[1] Одинъ французскій [illegible] министерствѣ [illegible] того времени, нашелъ [illegible] въ характерѣ Ланцы [illegible] Cavour [illegible] zèle et dévouement» («Lettres italiennes», par Charles de la Varenne, стр. 37).

до сдѣлать одно общее замѣчаніе: выборъ графа Кавура падалъ обыкновенно на тѣ или другія лица не столько во вниманіе способности ихъ къ дѣлу, сколько по соображеніямъ ихъ сговорчивости. Нужно было, чтобъ они были руководимы, maneggiabili, какъ выражаются итальянцы. Это свойство графа Кавура — не терпѣть вокругъ себя людей самостоятельныхъ и способныхъ — признаютъ за нимъ всѣ рѣшительно. Хвалебные отзывы отличаются отъ безпристрастныхъ и противныхъ только характеромъ выраженій. Напр., еще въ 1854 г. Орсини писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Бѣдная Италія, если только отъ Ратацци или Кавура ожидаетъ своего спасенія и независимости! Одинъ — законоискусникъ и абсолютистъ, другой — смѣсь остраго ума и деспотическаго высокомѣрія. Онъ хлопочетъ о томъ, чтобы разжирѣть самому и обезкровить (dissanguare) націю. Шуты, которые охотятся за должностями, возносятъ его до небесъ и, льстя ему портятъ и ту малую частичку добра, какую вложила въ него натура». Далѣе Орсини приводитъ два примѣра, которыхъ мы тоже не опустимъ здѣсь, такъ какъ они касаются личностей, слишкомъ близкихъ къ Кавуру. «Можетъ быть, вы знаете не хуже меня, — пишетъ Орсини, — что сицилiянецъ Джузеппе Ла-Фарина, представлявшійся нѣкогда республиканцемъ, трется теперь въ переднихъ Кавура, и если бы тотъ сказалъ ему не знаю что, онъ все бы исполнилъ съ униженнѣйшею преданностью. Не говорю тебѣ о Луиджи Фарини: это ужасъ! Какъ онъ подлъ душою — это знаетъ вся Романья, видѣвшая, какъ онъ въ кардинальскихъ покояхъ добивался благоволенія Пія IX; и теперь онъ въ Пьемонтѣ, безобразною лестью промышляя себѣ долж-

ности и, можетъ быть, со временемъ, отличія»[5] ... Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ слишкомъ грустно оправдали жестокое сужденіе Орсини, хотя приверженцы «кавуріанизма» до сихъ поръ стараются придавать какой-то ангельски непорочный оттѣнокъ грязнымъ отношеніямъ Фарини и особенно Ла-Фарива къ Кавуру. Однакоже, сами эти господа не могутъ не сознаться въ томъ, что Кавуръ точно наклоненъ былъ окружать себя личностями ничтожными и преклонявшимися предъ нимъ. Не будучи столько развитыми, чтобы понимать всю пошлость такого поведенія, эти господа и не стараются скрывать его, а напротивъ, выставляютъ даже съ нѣкоторою похвальбою: «вотъ, дескать, нашъ-то баринъ каковъ!..» Такъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ панегиристовъ Кавура, профессоръ Роджеро Бонги, выражается слѣдующимъ образомъ: «Увѣренный въ своей цѣли и зная, что можетъ и сумѣетъ достичь ее, Кавуръ не знаетъ другихъ противниковъ, кромѣ тѣхъ, которые ему мѣшаютъ въ эту минуту; но онъ очень радъ сегодня воспользоваться тѣми, противъ кого возставалъ вчера, — если только сегодня они могутъ ему быть полезны... Въ товарищи по власти онъ, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, издавна привыкшими побѣждать и видѣть себя правыми, — предпочитаетъ людей, которые не могутъ заслонить его блескомъ своего имени, ни противиться ему энергіей своей воли или силою ума; точно такъ же въ исполнители своихъ рѣшеній онъ предпочтительно беретъ людей новыхъ, созданныхъ и управляемыхъ имъ самимъ»[6]. Не

---

[5] „Lettere intorno alle cose d'Italia" vol. II, стр. 138.
[6] Bonghi, стр. 76.

думайте, что профессоръ Бонги проговаривается, изъ желанія показаться безпристрастнымъ; нѣтъ, у приверженцевъ Кавура было принято хвалить его за то, что онъ *одинъ* и *самъ собою* управляетъ дѣлами; это было даже особымъ видомъ лести. Такъ, напримѣръ, сатирическій журналъ «Fischietto» (Свистокъ), усердный слуга Кавура и употреблявшій значительную долю своего остроумія на подличанье передъ нимъ, нерѣдко помѣщалъ карикатуры въ этомъ смыслѣ. Нарисуетъ, напримѣръ, министерскую комнату: столъ заваленъ портфелями, Кавуръ сидитъ на стулѣ, положивъ ноги на столъ, и пишетъ обѣими руками и обѣими ногами; на бумагахъ видны сдѣланныя имъ вычисленія, чертежи, ноты . . . подъ его стуломъ и подъ столомъ валяются прочіе министры спящіе, — подпись: «Кавуръ дѣлаетъ все, а прочіе — остальное». Это считалось сатирою на министерство, и никому, повидимому, не приходило въ голову спросить: зачѣмъ же Кавуръ набираетъ себѣ такую дрянь? . .

Приведемъ еще отзывъ человѣка совершенно безпристрастнаго, принадлежащаго къ *лѣвой* въ парламентѣ, но вовсе не раздѣляющаго крайнихъ тенденцій и безконечно уважающаго Кавура, какъ дипломата. Этотъ отзывъ принадлежитъ г. Петручелли делла Гаттина. Въ своихъ очеркахъ парламентскихъ личностей, превознесши дипломатическіе таланты Кавура и назвавъ его гигантомъ, г. Петручелли делла Гаттина продолжаетъ: «Во внутренней политикѣ мы находимъ въ немъ человѣка менѣе полнаго, менѣе совершеннаго. Кавуръ имѣетъ общее понятіе о дѣлахъ; идеи его — широки, очень либеральны и незапутаны; но ему недостаетъ практическаго умѣнья вести дѣла. Сверхъ того, часто

онъ бываетъ несчастливъ въ выборѣ людей: доказательство — рядъ агентовъ, которыхъ посылалъ онъ въ Южную Италію. Кавуръ чувствуетъ себя выше мелочей, которыя однакоже бываютъ очень важны въ администраціи; въ этомъ-то и состоитъ слабая сторона его политики, — потому что въ иностранныхъ дѣлахъ никто не оспариваетъ его превосходства . . .

«Есть и другая сторона, непріятно поражающая въ Кавурѣ, это — его личность. Кавуръ понимаетъ себя и понимаетъ людей, его окружающихъ; онъ цѣнитъ ихъ очень мало, и дурно дѣлаетъ, что даетъ имъ это чувствовать. Онъ не терпитъ равныхъ себѣ, не привыкши встрѣчать ихъ много. Все, чего онъ касается, должно сгибаться передъ нимъ, должно согласиться быть окаменѣннымъ въ этой могучей рукѣ. Самъ король уступаетъ его магнетическому вліянію. А кто не хочетъ уничтожиться передъ Кавуромъ, тотъ рѣшительно становится его врагомъ, или, лучше сказать, противникомъ.

«Прибавьте къ этому его манеры — рѣзкія, тяжелыя, безъ всякаго вниманія къ чужой щепетильности; саркастическую улыбку, кристализованную на его губахъ, привычку давать приказанія, его мѣщанскую фигуру, которая не даетъ никакихъ шансовъ успѣха даже его комплиментамъ и вѣжливости въ отношеніи къ тѣмъ, кого онъ хочетъ завлечь; его рѣчь отрывистую или вялую, его голосъ хриплый и металлическій [?], дурно дѣйствующій на васъ съ перваго раза, его жесть — нетерпѣливый и неровный, — и вы довольно полно представите себѣ этого человѣка, который мало привлекаетъ васъ самъ по себѣ, если вы не привязаны къ нему другими отношеніями.

«Въ парламентѣ Кавуръ держитъ себя совершенно какъ будто бы лѣвой стороны не существовало, какъ будто бы онъ находится въ своемъ салонѣ, среди своихъ, — особенно когда ему скучно. Онъ разговариваетъ, смѣется, оборачивается спиной къ своимъ сочленамъ, зѣваетъ, скоблитъ по столу своимъ куп-пенье, отпускаетъ эпиграммы; если бы онъ имѣлъ американскія привычки, онъ бы клалъ ноги на министерскій столъ... Онъ видитъ въ парламентѣ только большинство, то есть своихъ преданныхъ друзей».

А какъ онъ третируетъ этихъ друзей, на этотъ счетъ разсказываетъ забавный анекдотъ, между прочимъ, Брофферіо, въ 10-мъ томѣ своихъ записокъ: «I miei tempi». Разъ пришлось ему идти изъ парламента вмѣстѣ съ Кавуромъ, который хотѣлъ его уломать на что-то. Несмотря на серьезность разговора, Кавуръ поминутно оставлялъ Брофферіо, встрѣчая другихъ депутатовъ, и дѣлалъ имъ какія-то внушенія. Послѣ седьмого раза, Брофферіо замѣтилъ насмѣшливо: «Какъ трудно повелѣвать, графъ!..» На это Кавуръ отвѣтилъ: «О, это такія животныя (sono cosi bestie), что имъ поминутно надо повторять ихъ урокъ»... Брофферіо преспокойно напечаталъ это при жизни Кавура, да еще съ нѣсколькими пикантными замѣчаніями...

Но пора перейти къ тому, что составляетъ главнѣйшую заслугу и истинную славу Кавура — къ его дипломатической дѣятельности. Во внутреннемъ управленіи онъ былъ далеко небезукоризненъ, характеромъ тоже былъ не совсѣмъ ангелъ, — въ этомъ согласаются всѣ безпристрастные люди. Согласимся и мы, скрѣпя сердце, — ибо не можемъ представить достаточно фактовъ, которые бы до-

казывали величіе и геніальность Кавура, какъ администратора, и выставляли бы его дѣятельность чистою отъ эгоистическихъ расчетовъ и мелкаго самолюбія. Но намъ нужно во что бы то ни стало отыскать въ Кавурѣ великаго человѣка, о которомъ плачетъ цивилизація. Обратимся же къ Кавуру-дипломату и укажемъ его права на славу и на благодарность человѣчества.

Чтобы сдѣлать наши выводы болѣе прочными и такъ сказать нерушимыми, мы постараемся отдѣлить отъ истинныхъ заслугъ тѣ пустяки, которые имѣютъ важность въ глазахъ нѣкоторыхъ профановъ, но которые не могутъ служить серьезнымъ патентомъ на безсмертіе. Кавуръ — такой человѣкъ, что ему нѣтъ надобности въ мнимыхъ заслугахъ; у него и истинныхъ должно быть довольно, и «à un homme de cette taille l'admiration même doit la vérité», какъ прекрасно выразился г. Вильборъ [7].

Вотъ, напримѣръ, люди, которымъ въ диковинку всякая самостоятельная мысль, восхваляютъ Кавура за ловкое усвоеніе англійскихъ *идей*. Французскій біографъ Кавура, г. Ипполитъ Кастиль, выражается чрезвычайно наивно: графа Кавура всегда поражала обширность видовъ англійскихъ министровъ, холодная и разумная отвага, съ которою они шли впередъ... Графъ Кавуръ, какъ человѣкъ рѣшительный, сталъ *подражать* ихъ примѣру (imita leur exemple) и началъ давать Пьемонту это движеніе, которое потомъ уже не останавливалось». Положимъ, что это правда; положимъ, что Кавуръ принялъ свою систему дѣйствій, позарившись на англійскихъ министровъ, — вотъ, молъ, они об

[7] „Cavour" par Vilbort, стр. 30.

ширные виды имѣютъ, давай же и я буду имѣть обширные виды. Но скажите на милость, можно ли такъ компрометировать человѣка? Подражалъ обширности видовъ и холодной отвагѣ англійскихъ министровъ, — вѣдь это все равно, что сказать, что, напримѣръ, австрійскій поэтъ Яковъ Хамъ подражалъ возвышенности чувствъ и патріотизму русскаго поэта Аполлона Майкова! . .

Или вотъ другіе, имѣя способность восхищаться ловкими оборотами рѣчи и тонкими фразами, возносятъ къ небесамъ графа Кавура за его великолѣпныя дипломатическія ноты. Намъ кажется, что эти господа смотрятъ на Кавура точно такъ же, какъ смотрѣлъ на русскихъ писателей тотъ чиновникъ, который объ авторахъ, особенно ему нравившихся, отзывался слѣдующимъ образомъ: «славно пишетъ, канашка, — бойкое перо!»

Третьи восхваляютъ Кавура за либерализмъ его политики; объ этихъ ужъ и говорить нечего: имъ, какъ видно, и либерализмъ въ диковинку . . . Еще бы Кавуръ былъ реакціонеромъ, да его бы хотѣли возвести въ великіе люди! Довольно, кажется, и Меттерниха на этотъ случай.

Многіе, смотря на дѣло съ болѣе существенной стороны, увѣряютъ, что Кавуръ «создалъ Италію» и утвердилъ итальянское единство. Вотъ это другое дѣло, и если бы факты подтвердили это мнѣніе, тогда точно слѣдовало бы преклониться предъ геніемъ Кавура и предъ необъятностью его энергіи. Но и этой заслуги, конечно, самъ Кавуръ не могъ бы по справедливости приписать себѣ, какъ совершенно ему непринадлежащей . . . Зачѣмъ же брать чужое человѣку, у котораго есть такъ много своего! Впрочемъ это дѣло серьезное, и отъ него нельзя отсту-

виться безъ подробнаго разсмотрѣнія фактовъ. Поэтому мы и обратимся къ внѣшней политикѣ графа, чтобы видѣть, какую роль играло въ ней задуманное единство Италіи.

Мысль о единствѣ Италіи была благородною и отдаленною мечтою многихъ изъ лучшихъ людей ея. Выраженная еще Дантомъ и Макіавелемъ, мечта эта не затерялась въ теченіе вѣковъ; но для Италіи или такъ дурно, что ни у кого не хватало храбрости принять мечту единства какъ что-нибудь серьезное и осуществимое. Разсудительные и ученые люди отвергали ее, какъ нелѣпѣйшую утопію, дипломаты смѣялись надъ нею, ревностнѣйшіе патріоты хлопотали только о союзѣ итальянскихъ властителей противъ иноземныхъ вторженій. Но въ самой Италіи, какъ видно, вовсе не было такого страшнаго разъединенія между народами, — какъ обыкновенно увѣряютъ. Въ народѣ мысль политическаго единства должна была бродить безсознательно; это мы видимъ изъ того, что около 1830 г. могъ уже явиться въ Италіи человѣкъ, твердо и рѣшительно выразившій эту мысль и скоро привлекшій къ себѣ сильную партію. Этотъ человѣкъ былъ Джузеппе Маццини. О немъ у насъ разсказываютъ ужасы, благодаря тому, что всякая чепуха, разсказываемая о немъ и его партіи разными корреспондентами иностранныхъ журналовъ, у насъ подхватывается на-лету (ужъ не знаю ради какихъ интересовъ) и предается гласности безъ малѣйшихъ справокъ. Кто-нибудь хватитъ, что мацциністы зовутъ Мюрата въ Неаполь — и у насъ это перепечатаютъ; другой возвѣститъ, что Маццини убѣйцъ разсылаетъ по Европѣ — противъ разныхъ королей, — у насъ и этого не пропустятъ. Одинъ какой-то

французскій журнальчикъ, помнится, отличился оригинальнымъ выраженіемъ, что въ какихъ-то безпорядкахъ участвовалъ одинъ «бурбонскій мацциниcть» (а можетъ быть и наоборотъ: «мацциніевскій бурбонистъ»), — глядь, и это выраженіе какъ разъ въ русскихъ газетахъ!.. Поэтому у насъ Маццини считаютъ, кажется, какимъ-то кровожаднымъ чудовищемъ и знаютъ о немъ только-то, что онъ всегда былъ неудачнымъ заговорщикомъ. Но вматриваясь ближе въ ходъ итальянскихъ дѣлъ послѣдняго времени, нельзя не видѣть въ нихъ отдаленной, но рѣшительной инціативы Маццини. Человѣкъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно ошибался въ половинѣ своихъ идей, резюмированныхъ въ его девизѣ «Dio e popolo»; можно не сочувствовать нѣкоторымъ его воззрѣніямъ, но невозможно отказать ему въ удивленіи къ его неутомимой энергіи и неуклонной вѣрности своимъ идеямъ относительно созданія единой, независимой Италіи. Не мѣсто здѣсь разсказывать все, что имъ было дѣлано; замѣтимъ только, что его пропаганда была могущественнѣйшимъ двигателемъ итальянскаго общаго дѣла. Въ 1848 г. Венеція и Миланъ уже хотѣли соединиться съ Пьемонтомъ, мысль эта не совершенно чужда была и Тосканѣ, въ Римѣ и Неаполѣ народъ требовалъ, чтобы посланы были войска на помощь Карлу Альберту въ войнѣ *за Италію*... Графъ Кавуръ въ то время развивалъ въ своемъ «Risorgimento» идеи графа Бальбо о союзѣ властителей и о постепенномъ ослабленіи австрійскаго вліянія на полуостровъ. Когда было произнесено самонадѣянное, но благородно энергическое изреченіе: Italia farà da se, — графъ Кавуръ даже не понялъ, что тутъ значитъ «*Италія*», — онъ принялся

доказывать необходимость *для Пьемонта* союза съ Англіей. Онъ былъ, конечно, правъ по-своему... Прошло нѣсколько лѣтъ, онъ сдѣлался первымъ министромъ, и цѣлью его политики сдѣлалось возвышеніе Пьемонта на счетъ Австріи... Идея этой политики была не нова: антагонизмъ савойскаго дома съ габсбургскимъ, Сардиніи съ Австріей не былъ ни для кого тайной, по крайней мѣрѣ со времени Вѣнскаго конгресса. Въ 1848 г. антагонизмъ этотъ проявился въ войнѣ, кончившейся въ пользу Австріи; но послѣ войны всѣ очень хорошо понимали, что дѣло не кончено, а только отложено. Продолжать его было необходимо для здравой политики, и Кавуръ умѣлъ понять это. Но для достиженія цѣли были два средства, изъ которыхъ предстоялъ выборъ сардинскому министру, и въ своемъ выборѣ Кавуръ именно показалъ направленіе своихъ идей и степень обширности своихъ цѣлей.

Одно средство было національное, прямое, рѣшительное, разсчитывавшее на силы и участіе народа своей Италіи. Это средство съ 1832 г. постоянно было проповѣдуемо радикальной партіей. Въ немъ независимость Италіи не отдѣлялась отъ ея гражданской свободы и опиралась на политическое единство. Въ числѣ приверженцевъ этой политики были люди слишкомъ горячіе и опрометчивые, это правда. Напримѣръ, Брофферіо — тотчасъ послѣ Наварскаго пораженія требовалъ поголовнаго ополченія для продолженія войны; онъ не могъ найти поддержки своему требованію, и слѣдовательно, оно было по крайней мѣрѣ несвоевременно, и люди болѣе осторожные могли не принимать подобныхъ крайнихъ мѣръ. Но тѣмъ не менѣе программа радикальной партіи могла быть принята сардинской

политикой въ общихъ основаніяхъ. Основанія эти были: созданіе Италіи, какъ единой великой державы, освобожденіе ея не только отъ австрійскаго, но и отъ *всякаго* иностраннаго вліянія, организація государства съ предоставленіемъ самыхъ широкихъ правъ народу и съ устройствомъ самыхъ надежныхъ средствъ для дѣйствительнаго пользованія этими правами. Для достиженія этой цѣли требовалось слитіе Пьемонта съ Италіей, самоутвержденіе правительства въ отношеніи къ своимъ старымъ привилегіямъ, довѣріе къ народу и предоставленіе ему иниціативы, которая, разумѣется, и не замедлила бы высказаться, при пособіи радикальной пропаганды.

Программа эта имѣла для Кавура два неудобства: во-первыхъ, въ ней предполагались революціонныя средства, къ которымъ онъ всегда питалъ недовѣріе и отвращеніе. Правда, еще въ 1848 и 49 гг. выказалось самоотверженіе итальянскихъ республиканцевъ, которые жертвовали своими прямыми стремленіями для политическаго соединенія Италіи и признавали Пьемонтскую монархію. Примѣръ Манина доселѣ всѣмъ памятенъ. Поэтому графъ Кавуръ могъ бы не опасаться «разрушенія порядка» отъ принятія радикальной программы. Но онъ никогда не хотѣлъ вѣрить искренности республиканцевъ; ему все казалось, что его хотятъ надуть. Маццини въ 1859 г. писалъ о немъ: «Человѣкъ тактическихъ уловокъ, а не принциповъ, и способный осуществлять собственные планы посредствомъ обмана, онъ уже не вѣритъ и искренности другихъ». Это намъ кажется очень вѣрно и нисколько не оскорбительно для Кавура, какъ дипломата. Второе затрудненіе для Кавура въ программѣ радикаловъ состояло именно въ томъ, что она

обнимала *всю Италію*, тогда какъ онъ помышлялъ только о Пьемонтѣ. Прикладывая эту программу къ Пьемонту, онъ дѣйствительно имѣлъ право считать ее нелѣпою: Пьемонтъ никогда не могъ одинъ бороться съ Австріею, никогда не могъ претендовать *силою* вломиться въ семью великихъ европейскихъ державъ. Теперь уже было не то время, что, напримѣръ, при Фридрихѣ Великомъ — Пьемонтъ не могъ, оторвавшись отъ остальной Италіи, самостоятельно разыграть роль, подобную роли Пруссіи въ Германіи, хотя бы даже въ Туринѣ и явился свой Фридрихъ. Австрія сторожила движенія Пьемонта и окружала его со всѣхъ сторонъ своими превержениями, да и Франція была въ положеніи двусмысленномъ. Пьемонтъ не могъ выдержать борьбы — въ этомъ Кавуръ былъ совершенно правъ, и въ приложеніи къ одному Пьемонту программа радикаловъ точно оказывалась нелѣпостью. Нужно было выбрать другую.

Другая программа была гораздо уже и бѣднѣе, но по этому самому осязательнѣе, легче для исполненія и менѣе стѣснительна для значенія и привилегій пьемонтскаго министра и всего правительства. Это былъ дипломатическій разсчетъ парализировать на полуостровѣ вліяніе Австріи другимъ вліяніемъ — французскимъ, съ надеждою отвоевать у Австріи, при помощи Франціи, Ломбардо-Венеціанское королевство. Извѣстно (объ этомъ г. Осокистовъ даже нѣсколько статей написалъ), что Франція — естественная противница Австріи, и что Италія была постоянно между ними яблокомъ раздора. Преобладающее вліяніе на полуостровѣ одной изъ этихъ державъ всегда возбуждало безпокойство другой, и онѣ сейчасъ же готовы были лѣзть въ

драку другъ съ другомъ. Это знали всѣ; не могъ не знать и Кавуръ, и рѣшился этимъ воспользоваться. Сначала, какъ мы видѣли, онъ побаивался Франціи, — когда тамъ была республика, и предлагалъ даже обратиться къ Англіи, на томъ основаніи, что та вездѣ суется и, хоть вовсе не по пути, но могла бы заѣхать и въ Пьемонтъ... Но вскорѣ во Франціи выяснилось значеніе Людовика Наполеона, а послѣ coup d'état невозможны стали уже никакія сомнѣнія... Мы видѣли, какъ Кавуръ въ началѣ 1852 г. хлопоталъ о законѣ, чтобы преступленія печати противъ чужихъ правительствъ были преслѣдуемы судейскимъ порядкомъ, а не отдавались суду присяжныхъ, какъ прежде. Это прямо и почти исключительно относилось къ новому правительству Франціи. Потомъ, воспользовавшись кратковременнымъ удаленіемъ отъ дѣлъ, въ томъ же году Кавуръ посѣтилъ Парижъ, представился императору, и они — очень понравились другъ другу. Съ этихъ поръ вся дѣятельность Кавура въ иностранной политикѣ сосредоточена на возможно тѣснѣйшемъ сближеніи съ императоромъ французовъ и на снисканіи его пособія противъ Австріи.

Требовалось ли быть Колумбомъ, чтобы изобрѣсти такую политику и пуститься въ нее, закрывши глаза на послѣдствія, — это мы предоставляемъ разобрать читателямъ. А съ своей стороны приведемъ два мнѣнія объ этой политикѣ, — одно враждебное, другое похвальное.

Первое высказано Мацинни, и само собою разумѣется, что оно отзывается раздраженіемъ: «Упрямый больше, чѣмъ смѣлый, неспособный, по недостатку высоты сердца и высоты ума и вѣры, подняться до обширныхъ плановъ, Кавуръ прико-

валъ себя къ одному интересу — къ династическому интересу савойскаго дома. Отнять власть у папы, основать національное единство — у него и въ мысляхъ не было. Объ этомъ *говорили,* потому что это казалось хорошимъ средствомъ прельстить нѣкоторыхъ легковѣрныхъ. Но настоящіе планы Кавура никогда не преступали за предѣлы программы, неудавшейся въ 1848 г., — о королевствѣ *Сѣверной Италіи.* Италія была для Кавура средствомъ, а не цѣлью... При такихъ расположеніяхъ, путь, избранный имъ, былъ хоть и безнравственъ, но логиченъ. Пьемонтъ не могъ тогда, и никогда не можетъ *самъ собою* овладѣть всей Ломбардо-Венеціей. Нужно было, значитъ, искать союзника. Упорно отвергая союзъ народа, онъ долженъ былъ искать союзника тамъ, гдѣ существовали интересы, дѣлавшіе союзъ возможнымъ, и гдѣ можно было найти оружіе вмѣстѣ противъ Австріи и противъ революціи. Отсюда союзъ съ Бонапартомъ, — союзъ, который уже стоилъ Италіи осмѣянія и позора и еще будетъ стоить ей новой крови» [8].

Другое сужденіе принадлежитъ г. Петруччелли делла Гаттина. «Кавуръ, который, по несчастью, не всегда имѣетъ даръ угадывать людей, отличается способностью всегда угадывать *положеніе,* и даже болѣе *возможныя* стороны извѣстнаго положенія. Эта-то изумительная способность и помогла ему создать нынѣшнюю Италію. Министръ державы четвертаго порядка, онъ не могъ создавать положеній, подобно императору Наполеону, не могъ и опираться на великую національную силу, какъ лордъ

[8] Это писано было въ конц. 1850 г. Mazzini, „La questione italiana e i republicani", стр. 9.

Пальмерстонъ. Онъ долженъ былъ отыскать щель въ европейской политикѣ, проскользнуть туда, устроить мину и произвести взрывъ. Такимъ-то образомъ онъ и побѣдилъ Австрію, и обезпечилъ себѣ помощь Франціи и Англіи. Предъ чѣмъ отступили бы другіе государственные люди, — въ то Кавуръ бросился очертя голову, изслѣдовавши глубину и разсчитавши даже выгоды паденія. Крымская экспедиція, его поведеніе на Парижскомъ конгрессѣ, уступка Ниццы, вторженіе въ Папскую область прошлой осенью — были послѣдствіями крѣпкой рѣшимости его духа».

Въ этихъ двухъ отзывахъ я не нахожу рѣзкой разницы, что касается до фактическихъ основаній: оба признаютъ, что Кавуръ думалъ только о Пьемонтѣ, что онъ не могъ опираться на народную силу, что онъ искалъ только побѣды надъ Австріей и въ результатѣ промѣнялъ одно иностранное вліяніе на другое. А кто изъ двухъ авторовъ справедливѣе смотритъ на дѣло, — пусть опять рѣшатъ читатели. А наше дѣло — лѣтописное.

Послѣ сдѣланныхъ общихъ замѣчаній нѣтъ надобности распространяться объ общеизвѣстныхъ фактахъ, въ которыхъ выразилась политика графа Кавура. Прослѣдимъ ихъ коротко.

Въ 1853 г., опираясь на предполагаемое участіе Франціи, Кавуръ началъ дѣло съ австрійскимъ правительствомъ, по поводу конфискаціи въ Ломбардіи, вслѣдствіе волненія 3 февраля, имѣній нѣкоторыхъ пьемонтскихъ подданныхъ, большею частью ломбардскихъ же эмигрантовъ. Кавуръ писалъ очень рѣзкія ноты австрійскому кабинету, отозвалъ посланника, разсылалъ меморандумы ко всѣмъ державамъ, а въ парламентѣ вытребовалъ 400 ты-

сячъ франковъ на вознагражденіе семействъ, пострадавшихъ отъ конфискаціи. Въ Ломбардіи и Пьемонтѣ это имѣло очень хорошій эффектъ. Австрія отчасти удивилась внезапной храбрости Пьемонта, но не сдавалась и принимала угрожающее положеніе. Пьемонтъ, съ своей стороны, принялся за укрѣпленіе Алессандріи и Казале и за увеличеніе военныхъ средствъ... Между тѣмъ въ это самое время началась восточная война. Въ 1854 г. Сардинія была приглашена принять участіе въ союзѣ державъ противъ Россіи, и въ 1855 г. послала войско въ Крымъ. Этимъ фактически заявила она свое значеніе въ ряду европейскихъ государствъ...

Впрочемъ, здѣсь надо остановиться. Крымская экспедиція сардинцевъ представляется многими такимъ актомъ политической мудрости Кавура, такимъ геніальнымъ ударомъ, которому Италія рѣшительно одолжена чуть ли не всѣми благами, полученными ею съ тѣхъ поръ. Теперь мнѣ представляется очень дикимъ — считать единство Италіи слѣдствіемъ крымской экспедиціи сардинцевъ; но въ Италіи и во Франціи не проходило дня, чтобъ я не встрѣчалъ въ какой-нибудь газетѣ этого убѣжденія, выраженнаго совершенно какъ какая-нибудь аксіома. Самъ Кавуръ говорилъ въ парламентѣ то же, что министерскіе журналы писали на этотъ счетъ въ своихъ статейкахъ... Довели меня до того, что я если и не вѣрилъ связи итальянскаго единства съ битвою при Черной, но и не считалъ уже слишкомъ дикими фразъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «При началѣ восточной войны графъ Кавуръ съ радостью увидѣлъ, что представляется давно желанный случай — войти Пьемонту въ совѣтъ великихъ

державъ и тѣсно соединиться съ ними. Пьемонтцы пришли сражаться въ Крымъ, *и съ этого дня* Кавуръ получилъ право громко и торжественно говорить Европѣ о бѣдствіяхъ Италіи и объ австрійскомъ угнетеніи. *Съ этого дня* надо считать эту независимость Италіи» [9]. Послѣ такихъ штукъ, повторяемыхъ ежедневно, мнѣ не показалось даже необычайнымъ и другое, тоже французское предположеніе: что такъ какъ армія есть самое прямое выраженіе правительства, то «пьемонтская армія въ Крыму своей образцовой дисциплиной осязательно опровергла клеветы на Пьемонтъ, увѣрявшія, будто бы это — государство, преданное въ жертву анархіи, не признающее ни законовъ, ни Бога» [10]. Но я полагаю, что на человѣка свѣжаго всѣ подобныя выходки должны производить раздирающее впечатлѣніе, даже если онъ и не знаетъ хорошенько истиннаго хода тогдашнихъ дѣлъ.

А ходъ дѣлъ былъ таковъ. Наполеонъ хотѣлъ вовлечь Австрію въ войну съ Россіей. Австрія, ведя по обычаю двойную игру, отвѣчала, что она не можетъ согласиться на это въ виду угрожающаго положенія Пьемонта. Тогда императоръ французовъ взялся уладить дѣло и послалъ въ Туринъ такого рода депешу: «Для успокоенія подозрѣній Австріи, Пьемонтъ долженъ — или 1) распустить войска, или 2) допустить Австрію поставить гарнизонъ въ Алессандріи, или 3) послать 30,000 въ Крымъ». — Изъ этихъ трехъ условій, послѣднее было, разумѣется, наиболѣе благовиднымъ и наименѣе постыднымъ. Нечего дѣлать — сдѣлали заемъ въ 50 мил-

[9] Hipp. Castille, „le comte de Cavour", стр. 51.
[10] „Le Piemont", par Lerosis, стр. 23.

ліоновъ, снарядили 15,000 и послали [11]. Это было уже въ 1855 г.; война скоро кончилась, но сардинцы успѣли потерять до 4,000 человѣкъ. Зато при окончаніи войны, «Европа читала», по выраженію одного француза, слѣдующія слова въ «Moniteur Universel»: «Сардинская армія приняла участіе въ опасностяхъ: она раздѣлитъ честь и славу успѣха. Союзники въ войнѣ — правительства англійское, французское и піемонтское — будутъ соединены и въ переговорахъ, когда миръ будетъ завоеванъ ихъ оружіемъ. Опасности, почести, выгоды — все будетъ раздѣлено».

И точно, въ 1856 г. сардинскимъ уполномоченнымъ дозволено было участвовать въ Парижскомъ конгрессѣ. Правда, Піемонтъ ничего не получилъ себѣ за свое усердіе: *выгодъ* не были раздѣлены. Но зато при окончаніи конгресса графъ Кавуръ изложилъ предъ дипломатами нужды Италіи, которыя имъ вѣроятно были до того неизвѣстны. Нужды эти состояли въ томъ, чтобы уменьшено было австрійское вліяніе на полуостровѣ, произведены были реформы въ Папской области и положенъ конецъ антагонизму, существующему между итальянскими властителями. Дипломаты выслушали, сказали, что не имѣютъ на этотъ счетъ никакихъ полномочій, и конгрессъ разъѣхался. — Но графъ Кавуръ вручилъ таки на всякій случай докладную записочку графу Валевскому. Тотъ ее принялъ къ свѣдѣнію, и тѣмъ дѣло кончилось.

---

[11] Свѣдѣнія о толкахъ и переговорахъ Наполеона съ Кавуромъ по этому предмету были публичнымъ откровеніемъ въ одной рѣчи Кошутомъ, еще въ началѣ 1860 г., до собранія конгресса. Кошутъ говоритъ, что имѣетъ это изъ частныхъ источниковъ, и беретъ на себя полную отвѣтственность за достовѣрность факта. „Révélations sur la crise italienne", par Louis Kossuth, стр. 22.

Впрочемъ, кончилось оно не такъ скоро: въ теченіе всего 1856 г. журналистика Европы шумѣла объ открытіяхъ графа Кавура по итальянскому вопросу. Имя Кавура засіяло новымъ блескомъ и пріобрѣло популярность во всей Европѣ, до «Русскаго Вѣстника» включительно. Кавуру присылались адресы, посвящались бюсты и медали съ надписью «colui, che la difese con viso aperto» [тотъ, кто защитилъ ее (Италію) съ открытымъ челомъ], и пр. Говоря объ этомъ, Гверрацци замѣчаетъ, — съ обычною неблагонамѣренностью: «Кажется, впрочемъ, что графъ не можетъ претендовать на brevet d'invention въ дѣлѣ открытія золъ Италіи. Дипломаты и властители, предъ которыми говорилъ онъ, сами прежде его и много разъ говорили то же самое: дважды до этого державы увѣщевали папу править «по-христіански», за нѣсколько лѣтъ раньше въ англійскомъ парламентѣ неаполитанское правительство названо было отрицаніемъ Бога; не говоря ужъ объ Австріи и ея продѣлкахъ на полуостровѣ. Кому же сообщалъ свои открытія графъ Кавуръ? Не итальянцамъ ли? Въ самомъ дѣлѣ — можетъ быть слова Кавура дали знать итальянскимъ матерямъ объ ихъ казненныхъ сыновьяхъ; изъ словъ Кавура узнали мы о тысячахъ и тысячахъ родныхъ мученниковъ, пострадавшихъ отъ разныхъ тирановъ; безъ его словъ мы не знали, что мы терпимъ, не умѣли бы даже жаловаться! . . Но если такова заслуга графа, такъ поздно проигравшаго на флейтѣ предъ конгрессомъ мотивъ итальянскихъ бѣдствій, то какова же заслуга тѣхъ, которые съ разсвѣта своей жизни, за столько лѣтъ прежде, изо-дня въ день принялись громить утѣснителей Италіи и воплями истерзанной души призывали отмщеніе ея бѣд-

ствій?» [12]. На всѣ подобныя замѣчанія графъ Кавуръ отвѣчалъ, впрочемъ, очень хорошо въ парламентѣ, отдавая отчетъ о конгрессѣ: «Правда, — говорилъ онъ, — мы еще не достигли никакихъ положительныхъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе мы сдѣлали двѣ вещи, по-моему самыя существенныя: во-первыхъ, возвѣстили Европѣ о положеніи итальянскихъ дѣлъ и главное — не въ революціонныхъ, сумасбродныхъ, журнальныхъ выходкахъ, а съ приличной торжественностью, въ могучемъ собраніи высокихъ особъ; во-вторыхъ, — Европѣ внушено убѣжденіе, что уврачевать язвы Италіи нужно не только для самой Италіи, но и для всей Европы». Видите, значитъ, въ чемъ дѣло: и прежде знали то, что сообщилъ Кавуръ, но знали отъ сумасбродныхъ радикаловъ; Наполеонъ и Кавуръ не хотѣли, чтобъ полезныя свѣдѣнія приходили такимъ гнуснымъ путемъ, и потому перехватили ихъ и представили отъ себя, хотя нѣсколько и поздно. Это — разъ. А другое — опять важное обстоятельство: итальянскіе патріоты, для поправки дѣлъ въ Италіи, требовали только, чтобы Европа не вмѣшивалась въ эти дѣла; по изложенію же графа Кавура выходило, что именно Европа-то и должна вмѣшаться. Это опять объясняется тѣмъ же: для патріотовъ существовала Италія, а для Кавура — Пьемонтъ, патріоты хотѣли прогнать *всякое* чужеземное вліяніе, а Кавуръ — только австрійское. «Если бы политика Кавура была не сардинская только, а въ самомъ дѣлѣ національная, хотя и чисто монархическая, — говоритъ одинъ изъ патріотовъ, — то онъ не сталъ бы толковать съ дипломатами о реформахъ, которыя

[12] „La Patria e le elezioni", par Guerrazzi, стр. 36.

надо вынудить у разныхъ правителей итальянскихъ, и не упорствовалъ бы въ постыдной и безпримѣрной въ Европѣ системѣ — предавать свою страну произволу чужого вмѣшательства, преграждая ей всякую возможность собственной инициативы. Онъ сказалъ бы: въ Италіи готова и неизбѣжна общая революція; отвратить ее ничто не можетъ, но отъ васъ зависитъ сдѣлать ее болѣе или менѣе ужасною и гибельною для остальной Европы. Мы не вызываемъ революціи, мы — люди порядка; но когда она вспыхнетъ, мы, итальянскіе патріоты, должны принять и направить ее. Ваше вмѣшательство можетъ послужить электрической проволокой, черезъ которую движеніе сообщится остальной Европѣ; постарайтесь же изолировать это движеніе, удержитесь отъ всякаго вмѣшательства въ наши дѣла, предоставьте Италію самой себѣ. Пусть выйдутъ изъ Италіи и австрійцы и французы, пусть они сторожатъ только свои предѣлы. А если нѣтъ, то знайте, что Европа никогда не будетъ спокойна отъ Италіи; здѣсь всегда будетъ волненіе, возбуждающее къ безпокойствамъ и другія страны, здѣсь всегда найдетъ себѣ оружіе противъ другихъ державъ всякій честолюбецъ, обѣщающій помощь въ ея освобожденіи» [13].

Но Кавуръ не могъ говорить подобнымъ образомъ, потому что у него не было вѣры *въ Италію*, а *Пьемонтъ* не могъ обойтись безъ Франціи. Вотъ почему, возставая противъ австрійскаго занятія, онъ ни слова не смѣлъ сказать противъ занятія Рима французами. Да говорятъ, что и самая мысль объясниться съ конгрессомъ объ итальянскихъ дѣлахъ

[13] „La questioni italiana e i republicani", стр. 6.

была внушена Наполеономъ, которому нуженъ былъ очевидный предлогъ для вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Мнѣ разсказывалъ одинъ достовѣрный итальянецъ, что когда оказалась надобность изложить на конгрессѣ положеніе легатствъ, то Кавуръ погналъ курьера къ Мингетти, чтобы тотъ прислалъ ему записку объ этомъ: такъ мало, отправляясь на конгрессъ, былъ приготовленъ сардинскій министръ къ своему блестящему и внезапному подвигу.

Со времени Парижскаго конгресса протекторатъ Франціи надъ Пьемонтомъ былъ рѣшенъ. Австрія тотчасъ замѣтила это, и ея отношенія къ Франціи сдѣлались непріязненнѣй обыкновеннаго. Пьемонтъ слѣдилъ за этимъ, и по мѣрѣ возникновенія и разрѣшенія несогласій въ тянувшихся тогда окончательныхъ переговорахъ державъ, участвовавшихъ въ крымской войнѣ, усиливалъ или понижалъ тонъ своихъ нотъ съ Австріей. Въ началѣ 1857 г., по случаю путешествія Франца Іосифа въ Ломбардію и одновременной съ нимъ манифестаціи миланцевъ въ пользу Пьемонта, — возникла дипломатическая полемика, въ которой Кавуръ выражался очень рѣзко, но которую кончилъ довольно скромно. Въ томъ же году возникло знаменитое дѣло Кальяри: Пьемонтъ сначала храбрился, требовалъ отъ Неаполя вознагражденія, въ надеждѣ, что его поддержатъ; но Англія добилась вознагражденія для себя, а за Пьемонтъ хлопотала не очень, Франція не видѣла никакого интереса разрывать дружбу съ Неаполемъ для Пьемонта, — и въ 1858 г. Кавуръ отступился отъ своихъ требованій. Зато онъ выказалъ свое значеніе, посылая сильныя ноты по вопросу о Дунайскихъ княжествахъ: въ этихъ нотахъ онъ рѣшительно вторилъ Франціи, и потому не боялся

быть смѣлымъ. Въ то же время онъ успѣлъ войти въ дружескія сношенія съ Россіей и уступилъ намъ порть Виллафранки, — спросивъ, впрочемъ, предварительно позволенія у Людовика Наполеона. Тотъ, конечно, позволилъ, потому что въ это время уже рѣшился взять Ниццу. Лѣтомъ 1858 г. произошло знаменитое совѣщаніе въ Пломбьерѣ, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ итальянскую войну 1859 г.

Дальнѣйшихъ фактовъ мы не станемъ разсказывать: ихъ всѣ знаютъ, и въ Политическомъ обозрѣніи «Современника» постоянно указывалась надлежащая точка зрѣнія на эти факты. Сдѣлаемъ только общій выводъ, для связи.

Мысль объ основаніи единой Италіи даже и въ это время не была еще цѣлью политики Кавура. Странно, — но сомнѣваться въ этомъ невозможно, послѣ напечатанія дипломатическихъ документовъ относительно итальянскаго вопроса въ Англіи и Франціи и послѣ обнародованія нѣкоторыхъ интимныхъ фактовъ изъ того времени. Теперь ясно, что виллафранкскій миръ вовсе не былъ неожиданностью для Кавура, а неожиданностью было, напротивъ, упорное требованіе герцогствъ соединиться съ Пьемонтомъ. Первоначальной цѣлью войны было — съ одной стороны укротить революціонное движеніе, сдѣлавшееся уже слишкомъ сильнымъ на полуостровѣ, а съ другой стороны выполнить одну изъ «idées napoléoniennes» — основать королевство Центральной Италіи для принца Наполеона. Отсюда его женитьба на принцессѣ Клотильдѣ, отсюда французскіе агенты въ Тосканѣ, отсюда посылка Понятовскаго и Резе, запрещеніе Пьемонту принимать тосканское присоединеніе, запрещеніе даже принцу Кариньянскому принять предложенное ему регент-

ство . . . Своимъ рѣшительнымъ требованіемъ національнаго единства народъ въ герцогствахъ и въ Романьѣ парализовалъ всѣ усилія французской политики, и надо замѣтить, что твердость народа была сильно поддержана въ это время именно партіей радикаловъ и самимъ Мацциии. Нѣкоторые даже были недовольны Мацциии за то, что онъ требовалъ — возбуждать немедленное присоединеніе. А между тѣмъ онъ зналъ, что *союзники* только и хлопочутъ, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ его партіи . . . Видно, что онъ не всегда увлекался жалкими страстями, а подчасъ умѣлъ и жертвовать ими для общихъ цѣлей. Вообще радикальная партія вовсе не была обманута и громко говорила вслухъ всей Европѣ о томъ, чего она ожидаетъ отъ союза Пьемонта съ Франціей. Не разъ прилагали къ этому союзу выдержки изъ «Principe» относительно вообще союзовъ маленькихъ государствъ съ большими, влекущихъ за собою съ одной стороны требованія, съ другой — уступки и превращающихся въ протекторатъ сильнаго надъ слабымъ. Самыя условія союза, какъ они ни тайно были заключены въ Пломбьерѣ, не укрылись совершенно отъ зоркаго вниманія патріотовъ и были ими указаны печатно. По ихъ словамъ, было положено: устроить войну такъ, чтобы обезсилить въ одно время и Австрію, и революціонныя партіи; заплатить за Ломбардію уступкою Савойи и Ниццы; помогать устроенію королевства Центральной Италіи для принца Наполеона; не противиться, если бы въ Неаполѣ произошло движеніе въ пользу Мюрата; заключить миръ съ Австріей, если послѣ первыхъ побѣдъ она возобновитъ предложенія Гуммелайера въ 1848 г., и въ такомъ случаѣ оставить Венецію . . .

Изложивъ эти условія, одинъ изъ радикаловъ прибавляетъ: «Хочу думать, что Кавуръ принялъ ихъ не искренно, а надѣялся обмануть Наполеона; но надѣяться обмануть человѣка, который мастерски возвелъ обманъ въ систему и государственную науку, и при томъ всегда имѣлъ силу заставить выполнить свои требованія — было слишкомъ нелѣпо».

Странно становится всеобщее ослѣпленіе насчетъ цѣлей итальянской войны, когда въ итальянскихъ журналахъ передовой партіи читаешь предсказанія, исполнившіяся такъ буквально. Еще въ 1856 г. «Italia del popolo» предостерегала отъ союза съ Наполеономъ, говоря, что онъ съ Кавуромъ только и хотятъ, чтобы имъ предались слѣпо, и будутъ этимъ пользоваться для искуснаго подавленія національнаго энтузіазма и требованій свободы, такъ какъ они о единствѣ Италіи вовсе и не думаютъ, предполагая лишь королевство *Верхней Италіи*, которое не заключаетъ въ себѣ даже всей Ломбардо-Венеціи [14].

Вотъ еще нѣсколько цитатъ. Лондонскій журналъ передовой партіи, «Pensiero ed Azione», въ тотъ самый день, когда Людовикъ Наполеонъ произнесъ свое знаменитое привѣтствіе на новый годъ австрійскому посланнику, писалъ: «Предпріятіе, опирающееся на Людовика Наполеона, не можетъ имѣть цѣлью единство Италіи; оно не можетъ простираться дальше какого-нибудь территоріальнаго измѣненія, дальше освобожденія отъ Австріи, для извѣстныхъ цѣлей, какого-нибудь небольшого клочка земли. И они знаютъ это... Зачѣмъ же они лгутъ? Зачѣмъ болтаютъ объ *Италіи* массамъ, на-

[14] „Italia del popolo", 25 октября 1856 г.

клоннымъ къ легковѣрію? Зачѣмъ волнуютъ *бѣдную Венецію, уже холодно, обдуманно оставленную во власть врага?*» [15].

Тогда же, обращаясь къ итальянскимъ патріотамъ, тотъ же журналъ говорилъ: «Вы будете въ какомъ-нибудь уголкѣ Ломбардіи, вѣроятно между французами и королевскими войсками, когда заключенъ будетъ, безъ вашего вѣдома, миръ, которымъ предана будетъ Венеція [16].

И даже *прежде* знаменитыхъ словъ, предвѣстившихъ Европѣ войну, «Pensiero ed Azione» писалъ: «Для Италіи — миръ внезапный, разорительный, гибельный для возставшихъ, среди войны, новый Кампоформіо . . . Не успѣетъ Наполеонъ достигнуть того, что задумалъ, какъ приметъ первое предложеніе Австріи . . . Заставитъ короля сардинскаго отстать отъ дѣла, уступивъ ему частичку территоріи, и предательски оставитъ провинціи венеціанскія и часть ломбардскихъ» [17].

Въ то время, какъ это писалось, никто не хотѣлъ вѣрить: сверху, отъ министерства, шло мнѣніе о рыцарствѣ и великодушіи Наполеона, и не мало было охотниковъ распространять это мнѣніе . . . Послѣ же, когда мрачныя предсказанія оправданы были событіями, никто не хотѣлъ вспоминать осмѣянныхъ пророковъ, и всѣ вѣрили, будто Наполеонъ остановился въ Виллафранкѣ, потому что испугался коалиціи, будто бы составлявшейся противъ него за Австрію.

Ударъ былъ однакоже такъ внезапенъ и такъ противенъ общимъ надеждамъ, что самъ Кавуръ

---

[15] „Pensiero ed Azione", 1 января 1859 г.
[16] Тамъ же.
[17] Тамъ же, 15 декабря 1858 г.

счелъ за лучшее показать себя недовольнымъ и на нѣкоторое время удалиться отъ дѣлъ, пока пройдетъ общее раздраженіе. Вскорѣ онъ возвратился опять къ управленію, выставляя на видъ, что виллафранкскія пораженія достаточно вознаграждены присоединеніемъ къ Пьемонту герцогствъ и Романьи. Здѣсь опять Кавуръ проговорился и былъ уличенъ въ недостаткѣ итальянизма: «Если говорить только о Пьемонтѣ, — замѣчаетъ Гверрацци, — то въ этомъ резонѣ есть мысль; но ежели имѣть въ виду Италію, то здѣсь чистѣйшая безсмыслица, потому что Италія не увеличилась отъ соединенія герцогствъ съ Пьемонтомъ, а отъ уступки Ниццы и Савойи существенно уменьшилась, и отъ другихъ условій виллафранкскаго договора сильно пострадала въ своихъ стремленіяхъ и надеждахъ».

Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Кавура трудно уже, казалось, предполагать продолженіе прежняго недовѣрія къ единству Италіи. И однакожъ это недовѣріе отзывается во всѣхъ его дѣйствіяхъ до половины прошлаго года. Вѣроятно, теоретически онъ уже видѣлъ по крайней мѣрѣ при самомъ началѣ экспедиціи Гарибальди, — что единство Италіи не только возможно, но и близко. Но въ какой степени близко — этого онъ не умѣлъ сказать, и очевидно, что не вдругъ поверилъ его быстрому осуществленію. Онъ все боялся, что еще рано, и оттого старался не только не связываться въ предпріятіе Гарибальди, но даже всячески порицать его, даже препятствовать ему фактически. Извѣстно, какъ много затрудненія была первая экспедиція въ Сицилію распоряженіями изъ Турина. Нѣкоторые изъ враговъ Кавура приписывали это личной его ненависти

къ Гарибальди; но мы не предполагаемъ, чтобы Кавуръ былъ уже до такой степени низокъ душою. Другіе говорятъ, что онъ не хотѣлъ смуты, а предполагалъ достигнуть всего путемъ дипломаціи; но опять трудно допустить, чтобы такой опытный государственный мужъ могъ питать столь нелѣпыя надежды. Ныть, онъ зналъ, конечно, что пріобрѣтеніе Неаполя не обойдется безъ возстаній и крови, но это для него было дѣломъ очень отдаленнымъ и даже не совсѣмъ вѣрнымъ для Пьемонта. Во всякомъ случаѣ — инициативы онъ не рѣшался имѣть въ этомъ дѣлѣ. Воспользоваться — другое дѣло, и тотчасъ по очищеніи Сициліи бурбонскими войсками туда явились агенты Кавура, съ требованіями немедленнаго присоединенія Сициліи къ Пьемонту. А между тѣмъ въ то же самое время усиливались создать препятствія для перенесенія революціи на неаполитанскую территорію, и даже чуть не готовы были на союзъ съ Неаполемъ. Справлялись у тюильрійскаго кабинета, можно ли отвергнуть позорный и непопулярный союзъ; оттуда разрѣшили, видя свои виды на Неаполь, и тогда у туринскаго министерства прибавилось храбрости. Но зато Римъ и Венеція были положительно запрещены Франціей для Пьемонта, и вслѣдствіе того въ Ливорно, въ концѣ августа, захватывается партія волонтеровъ Никотеры, снаряженная, *съ согласія* тосканскаго губернатора Ricasoli, для вступленія въ папскія владѣнія, а въ сентябрѣ Франція предупреждалась, что революція преуспѣваетъ въ Италіи, и что для ея обузданія надо отправить въ Марки и въ Умбрію королевскія войска. Фарини въ Шамбери, полагая императору французовъ положеніе дѣлъ, говорилъ, что положеніе сардинскаго правительства становится опас-

нымъ: Гарибальди, въ которомъ нѣкоторымъ образомъ олицетворена революція, готовъ продолжать свободно свой путь черезъ римскія области, возстановляя населеніе, и если бы онъ перешелъ границу, было бы рѣшительно невозможно воспрепятствовать ему въ атакѣ на Венецію. Туринскому кабинету остается одно средство: войти въ Марки и въ Умбрію, едва приходъ Гарибальди возбудитъ тамъ волненіе, и возстановить тамъ порядокъ, не касаясь авторитета папы, — дать, если бы понадобилось, битву противъ революціи на неаполитанской территоріи и требовать немедленно конгресса для установленія судебъ Италіи [18].

Нѣкоторые хотятъ во всемъ этомъ видѣть уловку для того, чтобъ получить отъ Наполеона разрѣшеніе дѣйствовать въ папскихъ владѣніяхъ. Если бы это была правда, то слѣдовало бы пожалѣть о политикѣ, которая довела одну державу до такихъ безобразныхъ уловокъ и до такого унизительнаго положенія предъ другой державой. Но дѣло въ томъ, что здѣсь увѣренія туринскаго министерства были совершенно искренни. Во-первыхъ, оно и не рѣшилось бы такъ обманывать Наполеона, который тоже умѣлъ понимать положеніе дѣлъ; во-вторыхъ, прокламація къ народу южной Италіи, отъ 9 сентября, говоритъ то же самое. По словамъ прокламаціи, «вся Италія устрашилась, чтобы, подъ покровомъ одного популярнаго и славнаго имени, не водворилась партія, готовая пожертвовать близкимъ торжествомъ національнымъ для химеръ своего честолюбиваго фанатизма». Поэтому король принялъ

---

[18] Это [illegible] указано въ циркулярѣ Тувенеля 18 октября [illegible]. Напечатано въ оф[illegible]номъ с[illegible]раніи французскихъ дипломатическихъ документовъ.

на себя надзоръ за національнымъ движеніемъ и послалъ войска: «Я послалъ моихъ солдатъ въ Марки и Умбрію для разсѣянія этого сборища людей всякихъ странъ и разныхъ языковъ, которое составилось здѣсь, представляя собою новый видъ иноземнаго вмѣшательства, и худшій всѣхъ прочихъ . . . Я провозгласилъ «Италію итальянцевъ» и не позволю, чтобы она сдѣлалась гнѣздомъ космополитскихъ сектъ, которыя собираются здѣсь, чтобы составлять планы — или реакціи, или всеобщей демагогіи».

И эта прокламація отъ имени короля была писана *черезъ два дня послѣ* вступленія въ Неаполь Гарибальди съ этими опасными космополитами и демагогами, завевавшими цѣлое королевство для этого правительства. И прокламація говоритъ съ негодованіемъ объ иностранномъ вмѣшательствѣ, когда сама не могла явиться на свѣтъ безъ дозволенія чужеземнаго владѣтеля! Къ такимъ результатамъ привела политика графа Кавура.

Извѣстно, что затѣмъ послѣдовало: Гарибальди былъ остановленъ въ походѣ на Римъ, оскорбленъ въ лицѣ своихъ друзей, лишенъ возможности дѣйствовать самостоятельно даже въ Неаполѣ, и принужденъ былъ удалиться на Капреру, призывая Италію къ оружію на весну. Пьемонтцы тѣмъ временемъ занялись покореніемъ Гаэты, которому три мѣсяца мѣшалъ съ своей эскадрой Людовикъ Наполеонъ, совѣтовавшій однакоже Франциску уступить. Относительно Рима Кавуръ въ октябрѣ мѣсяцѣ увѣрилъ публично, что дипломатически уладитъ дѣло въ шесть мѣсяцевъ, — т. е. также къ веснѣ, и точно хлопоталъ много, но не съ блестящимъ успѣхомъ.

О Венеціи не было и рѣчи, если не считать праздныхъ толковъ о ея выкупѣ, возбужденныхъ одной французской брошюрой. Національное вооруженіе не только не было приготовляемо въ обширныхъ размѣрахъ, но было, напротивъ, всѣми мѣрами подавляемо. Не хотѣли даже устроить національныхъ тировъ, подъ предлогомъ, что нѣтъ въ казнѣ милліона франковъ, котораго требовалъ на это Биксіо. Преслѣдованіе и распущеніе гарибальдіевыхъ волонтеровъ получило печальную знаменитость во всей Италіи и въ Европѣ. Управленіе Неаполемъ и Сициліей было безсовѣстно небрежно, и кромѣ того — враждебно всему, что поддерживало въ народѣ энтузіазмъ свободы и дѣятельности. Національное движеніе было парализовано вездѣ, гдѣ только министерская партія могла подавить партію патріотовъ. Несмотря на кротость и покорность послѣдняго парламента, въ преніяхъ его было раскрыто, что положеніе южныхъ провинцій — ужасно, да и дѣла всей Италіи идутъ очень, очень нехорошо. И все-таки Кавуръ не хотѣлъ отстать отъ своей системы, все-таки Кавуръ не могъ выступить на путь болѣе либеральный. Преслѣдованіе гарибальдійцевъ онъ одобрялъ, въ министры бралъ попрежнему всякаго рода ничтожности (какъ доказало составленіе мартовскаго министерства), противодѣйствовалъ или дозволялъ противодѣйствовать даже избранію въ парламентъ людей радикальнаго образа мыслей, уничтожилъ декреты Гарибальди въ южныхъ провинціяхъ (даже возстановилъ лотерею, уничтоженную указомъ Гарибальди); о римскомъ вопросѣ отдѣлался въ парламентѣ фразами, почерпнутыми изъ статей книги Бальбо: «мы, говоритъ, войдемъ въ Римъ, когда успѣемъ убѣдить папу въ несовмѣстимости

свѣтской власти съ духовнымъ саномъ» [12]; прошеніе или адресъ итальянцевъ о выводѣ изъ Рима французскихъ войскъ не допустилъ даже до обсужденія и вотированія въ парламентѣ, а просто проглотилъ его, употребивъ канцелярскую фразу «принемъ къ свѣдѣнію». Наконецъ національное вооруженіе, предложенное Гарибальди, встрѣтило въ немъ горячаго противника. Гарибальди холодно и спокойно бросилъ въ лицо первому министру кровавый упрекъ, что онъ хотѣлъ возжечь «братоубійственную войну» противъ тѣхъ, кого по справедливости слѣдуетъ назвать освободителями Италіи. Укоръ былъ тѣмъ болѣе жестокъ, что былъ справедливъ и

---

[12] Въ одномъ карикатурномъ журналѣ, [illegible], была помѣщена партія, составленная изъ разныхъ оперъ, подъ названіемъ: „Открытіе парламента". Тамъ, между прочимъ, [illegible] примѣнена арія изъ „Нормы". Хоръ поетъ:

> Casto occhiole, che i nargenti
> Di Torin le antiche piante, — и пр.

Кавуръ отвѣчаетъ, пародируя арію Нормы:

> Sediziosi voci,
> Voci di guerra strombettar non vale.
> Dov' e il conte Cavour; nessuno presuma
> Dettar responsi al mio veggente occhiole
> E di Roma affrettare il fato arcano:
> Ei non dipende da potere humano.
> La nei volumi ascosi
> Leggo del cielo; in pagine di morte
> Del poter temporale è scritto il nome;
> *Esso un giorno morrà, ma non per noi,*
> *Morrà pe vizi suoi,*
> *Qual consunto morrà l'ora aspettiamo,*
> L'ora fatal, che compia il gran decreto.
> *Di Luigi e Cavour questo è il segreto..*

Приводимъ эту пародію, вѣрно рисующую отношенія [illegible] римскому вопросу, [illegible] итальянской [illegible], и потому не даемъ перевода стиховъ, кромѣ послѣднихъ, которые значатъ: „имя свѣтскаго владычества папы уже внесено въ книгу смерти; оно умретъ не отъ насъ, умретъ чрезъ свои собственные пороки, или истощенное умретъ; а мы подождемъ того часа, роковаго часа, съ которымъ исполнится великое рѣшеніе: [illegible] секретъ Людовика и Кавура".

очевиденъ для всѣхъ въ своей неумолимой правотѣ. Нечего было дѣлать — пришлось объясняться съ Гарибальди дружески и просить у него примиренія. Гарибальди, какъ всегда, поддался на хитрый зовъ, снизошелъ до объясненій, и хотя послѣ нихъ не хотѣлъ даже дать руку Кавуру, но все-таки министерскіе журналы, а за ними и всѣ почти французскіе, имѣли поводъ прокричать, что примиреніе совершилось. Слабыя души были успокоены. А Кавуръ на другой же день объявлялъ, что онъ ничего не уступаетъ, ни отъ чего не отказывается и намѣренъ продолжать совершенно такъ, какъ прежде... И какъ бы въ насмѣшку надъ безсиліемъ противной партіи, въ это самое время приняли видъ совершенной достовѣрности давно ходившіе слухи о переговорахъ относительно уступки Франціи острова Сардиніи. Кавуръ отрекался, но уже находились многіе, припоминавшіе, что такія же точно отреченія высказывались и предъ уступкой Ниццы... Смерть застала Кавура среди трехъ важныхъ предложеній, которыя онъ долженъ былъ провести въ парламентъ: заемъ въ 500 милліоновъ, проектъ національнаго вооруженія Гарибальди, искаженный министерской комиссіей такъ, что и тѣни его не осталось, и уступка неаполитанскихъ желѣзныхъ дорогъ французской компаніи Талабо. Всѣ эти предложенія по сущности своей не могли служить къ увеличенію его популярности, хотя, разумѣется, въ парламентѣ онъ и не могъ встрѣтить серьезной оппозиціи.

Умеръ онъ, какъ прилично истинному христіанину, напутствуемый утѣшеніями религіи. Это очень озлобило нѣкоторыхъ ярыхъ аббатовъ: «Какъ, онъ былъ столько лѣтъ противъ церкви, противъ св. отца и вдругъ умираетъ съ напутствіемъ

религіи! Да какой это священникъ смѣлъ пойти къ нему? Да онъ вѣрно хотѣлъ просто разыграть комедію, чтобы не быть лишеннымъ погребенія! . . » Въ отвѣтъ на грозныя нападки, братъ Кавура написалъ, что братъ его вовсе не игралъ комедіи, но былъ въ безпамятствѣ, когда послали за священникомъ, а что духовникомъ его былъ аббатъ такой-то, который и засвидѣтельствуетъ о благочестіи покойнаго. Гроза унялась . . .

Относительно послѣднихъ часовъ его жизни были уже различные разсказы, а подлинныхъ мнѣ не случалось видѣть. Извѣстно, что онъ былъ въ безпамятствѣ, и одни увѣряютъ, что онъ бредилъ все о славѣ Италіи и о южныхъ провинціяхъ; другіе сообщаютъ, что послѣднія слова его были tasse e bachi da seta (таксы и шелковичные черви).

Я припомнилъ главнѣйшіе факты послѣднихъ лѣтъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ выводъ о значеніи Кавура для Италіи. Но теперь мнѣ кажется, что и вывода нечего дѣлать: всякій его сдѣлаетъ для себя, сообразно съ своими воззрѣніями. Люди умѣренные, спокойные (съ которыми мнѣ всегда пріятно согласиться) видятъ въ Кавурѣ идеалъ, выше котораго едва ли можетъ быть поставленъ самъ Людовикъ Наполеонъ. Они его восхваляютъ именно за ловкость его пользоваться страстями партій и смутами народа, которыя онъ тотчасъ же умѣетъ укрощать и обуздывать. Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно нельзя не удивляться Кавуру; какъ блюститель порядка, какъ гонитель безпокойныхъ идей и поборникъ медленнаго прогресса, онъ долженъ быть поставленъ очень высоко. На этомъ пути его ничто не останавливаетъ: преданіе государства подъ покровительство чужой державы, сотни милліоновъ

ежегоднаго дефицита, безполезно пролитая кровь, связи съ людьми подобными Ла-Фаринѣ и Нунціанте, борьба съ такими личностями, какъ Гарибальди, — ему все нипочемъ... Съ этой точки зрѣнія удивленіе талантамъ и рѣшимости Кавура можно считать очень основательнымъ.

Другіе считаютъ его великимъ дѣятелемъ, всю жизнь посвятившимъ одной громадной задачѣ — достиженію единства и свободы Италіи... Читатель, можетъ быть, послѣ нашего очерка, не вполнѣ согласится съ такимъ мнѣніемъ.

Враги Кавура, напротивъ, находятъ, что онъ былъ человѣкъ, отлично видѣвшій у себя подъ носомъ, но вовсе не умѣвшій съ орлиной смѣлостью смотрѣть на солнце. Увѣряютъ, что итальянское движеніе совершилось мимо него, что онъ былъ ему скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, потому что онъ замедлялъ и затруднялъ его, да и потомъ, принявъ его въ свои руки, не умѣлъ имъ воспользоваться какъ слѣдуетъ. Приводятъ множество фактовъ, когда народныя, радикальныя партіи брались за дѣло, объявая повторить 1848 годъ и требуя только, чтобы Викторъ Эммануилъ послѣдовалъ примѣру Карла Альберта. На этотъ разъ успѣхъ былъ разсчитанъ вѣрнѣе, движеніе подготовлено обширнѣе; но Кавуръ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить и даже старался повредить радикальной партіи, распуская про нее чудовищные слухи. Его обвиняютъ также въ томъ, что онъ не хотѣлъ дать большого простора дѣятельности волонтеровъ итальянскихъ въ 1859 г., и вообще — что поставилъ себя къ Наполеону въ такое положеніе, которое сдѣлало возможною эту оскорбительную депешу: «Я заключилъ миръ съ императоромъ австрійскимъ; Австрія уступаетъ мнѣ

Ломбардію, а я дарю ее Сардиніи». Волнъ Адріатики и Средиземнаго моря мало, чтобы смыть позоръ этого подарка, — восклицаетъ въ негодованіи одинъ изъ радикаловъ. Но еще это бы ничего, если бы одинъ только позоръ; а еще хуже то, что съ помощью благодѣтельнаго союзника Венеція до сихъ поръ стонетъ подъ австрійскимъ игомъ, между тѣмъ какъ южная и центральная Италія, которымъ только мѣшали, а не помогали, давно уже успѣли освободиться . . . Вообще же путь, избранный Кавуромъ для его политики, привелъ Италію въ такое же положеніе передъ Франціей, въ какомъ до того была большая часть Италіи передъ Австріей. Въ Римѣ стоятъ на неопредѣленное время французскія войска, и подъ ихъ покровительствомъ работаетъ тамъ теперь реакція, постоянно возмущающая спокойствіе южныхъ провинцій, да нерѣдко забѣгающая и въ другія части полуострова. Въ Туринѣ же ничего не дѣлается безъ предварительнаго разрѣшенія тюльерійскаго кабинета. И выходитъ теперь, что вмѣсто того, чтобы идти дружно съ правительствомъ, народъ итальянскій долженъ употреблять свои силы на то, чтобы стеречься противъ какого-нибудь предательства его интересовъ.

Можетъ быть и враги Кавура, разсуждающіе такимъ образомъ, имѣютъ на своей сторонѣ долю правды. По крайней мѣрѣ въ послѣднихъ событіяхъ Кавуръ точно былъ слишкомъ остороженъ или, лучше, трусливъ. Его приверженцы говорятъ, напримѣръ, что онъ сдѣлалъ великое благодѣяніе для Италіи, остановивъ Гарибальди въ походѣ на Римъ. Тогда, — говорятъ они, — императоръ Наполеонъ прямо имѣлъ бы поводъ къ войнѣ съ Италіей, Австрія воспользовалась бы этимъ и вновь отняла Лом-

бардію, — герцоги и король Неаполитанскій были бы возстановлены, и освобожденіе Италіи было бы замедлено опять на много лѣтъ... Всѣ эти выводы логичны, но основаніе ихъ невѣрно: можно положительно сказать, что приходъ Гарибальди въ Римъ не могъ повлечь за собою войны съ Франціей. Въ октябрѣ, когда этого событія еще ждали, — я говорилъ съ французскими офицерами въ Парижѣ: они откровенно объявляли, что «императоръ не рискнетъ на такое безразсудство» (folie) — послать войско противъ Италіи, что подобная мѣра его самого очень уронила бы и даже, пожалуй, подвергла опасности. Потомъ распрашивалъ я французскихъ офицеровъ въ Римѣ: тѣ сознавались, что до самыхъ событій подъ Капуей, т. е. до вмѣшательства пьемонтцевъ, дѣло Гарибальди представлялось всѣмъ столько святымъ, энтузіазмъ къ нему былъ такъ силенъ, что для французскихъ войскъ въ Римѣ нравственно невозможно было итти съ нимъ на битву: «почти каждый изъ насъ счелъ бы для себя позоромъ легкую побѣду надъ волонтерами», — говорили они. Я повѣрялъ эти отзывы на многихъ, даже на журналахъ французскихъ, — и тамъ нашелъ, сквозь казенную оболочку, проблескъ внутренняго отвращенія къ идеѣ войны французовъ съ Гарибальди. И это продолжалось именно до того времени, когда Гарибальди шелъ *только* съ народомъ, не связывая себя ни съ какимъ правительствомъ. Такимъ образомъ Кавуру нечего было опасаться съ этой стороны. Да впрочемъ изъ депеши, приведенной выше, видно, что онъ и боялся совсѣмъ не этого, а совершенно противнаго, т. е. *успѣха* Гарибальди въ атакѣ на Римъ...

Но если такъ, то чѣмъ объяснить популярность

Кавура во всей Европѣ и особенно въ народѣ Италіи? Смерть его показала, до какой степени дорожили имъ. Торжественныя панихиды по немъ во всѣхъ городахъ привлекали тысячи народа, облеченнаго въ трауръ; въ день его смерти заперты были всѣ лавки въ Туринѣ, въ другихъ городахъ во всѣхъ домахъ выставляли черные флаги, нѣсколько муниципій уже открыли подписку на памятникъ ему, и подписки всѣ идутъ очень успѣшно, и пр. и пр. . .

На все это надо сказать, что народъ вообще очень добръ, муниципіи очень щедры, выраженія горести не такъ общи и сильны, какъ о нихъ пишутъ въ газетахъ, и что при всемъ томъ графъ Кавуръ былъ человѣкъ замѣчательный и полезный для Пьемонта, и вообще не лишенный многихъ достоинствъ, смерть же его приключилась именно въ тотъ моментъ, когда слава его достигла своего апогея, и затѣмъ скоро должна были идти къ упадку. Одинъ изъ итальянскихъ журналовъ въ некрологѣ Кавура прямо выразился: «Графъ Кавуръ умеръ во-время для своей славы и для и блага Италіи; для своей славы, потому что она не могла уже болѣе возвышаться, а для блага Италіи — потому, что съ его смертью должна прекратиться эта система, сдѣлавшая изъ Италіи орудіе чужеземныхъ замысловъ и покупающая свободу однѣхъ провинцій продажею другихъ» [20].

Довольно впрочемъ о Кавурѣ, какъ государственномъ человѣкѣ: судите о его заслугахъ, какъ хотите. Но, можетъ быть, вамъ любопытно также узнать его, какъ человѣка просто? На этотъ счетъ я вамъ не могу прибавить многаго. Развѣ обра-

---

[20] „La Democrazia", 18 іюня 1861 г.

титься къ «источникамъ»? Вотъ, напримѣръ, разсказы г. Марка Монье, о которомъ, помнится, г. Лыжинъ отзывается въ своихъ путевыхъ письмахъ такимъ образомъ: «весьма основательный писатель, тѣмъ болѣе, что съ самимъ Кавуромъ знакомъ». Г-нъ Монье говоритъ, что когда онъ, въ передней Кавура, припомнилъ все, что имъ сдѣлано, то спросилъ себя: «по какому праву хочу я, немощный и худой, войти въ это существованіе, столь обширное и полное» [21], и пр. Задавъ этотъ вопросъ, г. Монье хотѣлъ даже отступить отъ передней; но ему сказали, что графъ будетъ очень радъ принять его, онъ вошелъ и — «я былъ успокоенъ тотчасъ же, и совершенно: если бы я имѣлъ, какъ г. Тэнъ, талантъ и надобность формулировать въ одномъ словѣ мое впечатлѣніе, я бы написалъ, нѣсколько удивляя даже самъ себя:

„Графъ Кавуръ — это улыбка“ [22].

Затѣмъ г. Монье сообщаетъ любопытнѣйшія черты изъ своего разговора съ Кавуромъ, состоящія въ признаніи графа, что министерство въ Пьемонтѣ идетъ впереди страны, что оппозиція очень кротка и нимало ему не мѣшаетъ, что сектаторовъ онъ презираетъ, и т. п. Все это, по словамъ г. Монье, было произнесено съ граціей и любезностью восхитительною. Вотъ вамъ уже и есть одна черта Кавура, какъ частнаго человѣка, и вдобавокъ противорѣчащая всему, что до сихъ поръ вы представляли, судя по отзывамъ о его парламентскомъ поведеніи. Впрочемъ, надо припомнить характеръ самого

---

[21] Mon chef entrer dans cette existence si vaste et si pleine, — если г. Монье только хулиганъ, то онъ составилъ недурной каламбуръ.

[22] Marc Monnier, „L'Italie est-elle la terre des morts?“, стр. 118.

г. Монье, чуть не «отступившаго» изъ передней графа, отъ страха предъ его величіемъ.

Вотъ разсказы другого француза, котораго приводятъ вездѣ, даже въ «Кельнской Газетѣ», Плателя.

«Однажды показываютъ мнѣ на балконѣ одного дома человѣка въ красномъ халатѣ и желтыхъ туфляхъ, курившаго сигару, и сказали мнѣ: вотъ графъ!.. Онъ былъ тутъ, смотря на свой народъ, и народъ смотрѣлъ на него, въ лицѣ одного пьемонтскаго мальчишки... Въ палатѣ я тотчасъ узналъ моего балконнаго знакомца. Какъ онъ сидѣлъ — я этого не могъ понять; его манера сидѣть столь же неподражаема, какъ поэзія Данта: онъ скрещиваетъ одну ногу на другой. Можно бы сказать, что это воспоминаніе ростовщика. Весь Туринъ знаетъ манеру сидѣть своего перваго министра. Я видѣлъ, какъ люди очень почтенные, сотоварищи графа, пробовали подражать ему въ маленькомъ кружкѣ — невозможно!..» Далѣе Платель толкуетъ о томъ, какъ Кавуръ похожъ на Тьера grossi et grandi; что у него очень живое и тонкое выраженіе лица, и пр. Потомъ рисуетъ его манеру говорить, и замѣчаетъ: «когда обстоятельства серьезны, онъ кладетъ обѣ руки въ карманы, и тогда приготовьтесь услышать такую фразу: «если вы не вотируете этого закона, signori deputati, я считаю себя неспособнымъ болѣе управлять дѣлами и желаю вамъ счастливо оставаться». Всѣ перепуганы, и законъ вотируется... Графъ увлекается пѣньемъ, какъ женщина, онъ забывается, говоритъ то и это, и то бываетъ не всегда то же, что это, но никто не заставитъ его выразиться опредѣленно, когда онъ этого не хочетъ. Иногда его интерпеллируютъ на-

счетъ національной гвардіи, а онъ отвѣчаетъ о Монъ-Сенисѣ, или наоборотъ. Онъ имѣетъ удивительное искусство не сказать того, чего не хочетъ, и заставить другихъ говорить то, что онъ хочетъ... У него есть манія изъ всего дѣлать личности. Г-нъ Маміани интерпеллируетъ насчетъ бюджета; аргументъ въ отвѣтъ графа будетъ тотъ, что г. Маміани безобразенъ; иному онъ скажетъ, что тотъ слишкомъ старъ; г-на Боджіо попрекнетъ тѣмъ, что онъ молодъ, графу Ревелю скажетъ, что тотъ не носитъ подтяжекъ, — но скажетъ такъ, что бюджетъ будетъ вотированъ».

Если вы найдете этотъ разсказъ, при всей его видимой размашистости, еще болѣе холопскимъ, чѣмъ г. Монье, — такъ я въ этомъ не виноватъ. Мнѣ выбирать было не изъ чего: другихъ разсказовъ о частной жизни и свойствахъ графа не существуетъ — покамѣстъ.

Можно бы, правда, выбрать нѣсколько анекдотовъ изъ некрологовъ; но всѣ они такъ отзываются общимъ мѣстомъ, что скучно рыться въ нихъ. Однажды представили ему протестъ, несогласный съ его взглядами, — для представленія королю, и онъ былъ такъ честенъ, что не утаилъ, а передалъ; въ другой разъ пришелъ къ нему бѣдный человѣкъ, прося взять билетъ въ лотерею, — онъ взялъ всѣ билеты, а вещь оставилъ у владѣльца; одинъ авторъ клерикальной партіи прислалъ ему экземпляръ сочиненія, въ которомъ возставалъ противъ его политики, — онъ принялъ и отвѣтилъ автору очень любезнымъ письмомъ... Словомъ — анекдоты дешеваго, рутиннаго великодушія разсказываются въ изобиліи; не знаю, что они могутъ прибавить къ чьей бы то ни было характеристикѣ...

Въ заключеніе мнѣ хочется припомнить разговоръ съ однимъ сициліанцемъ, объяснявшимъ мнѣ политику и успѣхъ графа Кавура въ аллегорической формѣ. Выходило почти такъ:

«Дорога прогресса для Италіи, какъ и вообще для человѣчества, узка и трудна, и стерегутъ ее люди, заинтересованные въ томъ, чтобы народъ не шелъ по этой дорогѣ. Находится отважный человѣкъ, пробирается мимо сторожей, выбѣгаетъ на эту дорогу и зоветъ за собою другихъ. Таковъ былъ въ Италіи, положимъ, основатель общества «Юной Италіи». Его начинаютъ преслѣдовать, его ловятъ, въ него стрѣляютъ; онъ не сходитъ съ дороги и все зоветъ. Голосъ его доходитъ до согражданъ. Болѣе смѣлые кидаются по тому же направленію; но дорога затруднена хуже прежняго, стража умножена, по сторонамъ стоятъ крѣпости и батареи. Самые пылкіе бросаются впередъ, несмотря ни на что, и погибаютъ... Таковы были у насъ Бандьера, Пизакане и пр., и пр. За ними идутъ другіе, за другими третьи, всѣ сражаются, всѣ пролагаютъ дорогу, и послѣ многихъ неудачъ находятъ наконецъ своего Гарибальди, — рушатъ враждебныя крѣпости, овладѣваютъ батареями, прогоняютъ стражу и открываютъ всѣмъ дорогу. Тогда по ней идетъ толпа, предводимая Кавуромъ. Кавуръ — это благоразуміе. Покамѣстъ была опасность, онъ стоялъ въ сторонѣ и говорилъ: «не ходите — погибнете». Нѣкоторые не слушались, шли и погибали; толпа видѣла это и убѣждалась, что почтенный человѣкъ говоритъ правду. А онъ все больше и больше собираетъ около себя народу и увѣряетъ: «я знаю, когда надо будетъ идти; повѣрьте, что я васъ приведу во-время и безопасно: положитесь на меня».

И точно, пришло время, онъ сказалъ: пора! толпы прошли спокойно, и разсудили: «вотъ это — такъ человѣкъ! Прежніе головорѣзы — или погибали, или терпѣли страшныя потери, чтобы пройти, а этотъ — умѣлъ выждать время и какъ отлично провелъ насъ». И человѣкъ этотъ дѣлается въ глазахъ толпы истиннымъ вождемъ и спасителемъ, единственнымъ мудрецомъ, на котораго можно положиться... И многіе ли хотятъ подумать, что вѣдь онъ только воспользовался работою прежнихъ «сумасбродныхъ головорѣзовъ», мало того, — что онъ затруднилъ путь прогресса, собирая около себя праздныхъ зрителями — тѣхъ, которые безъ его увѣщаній, можетъ быть, пошли бы сами на дѣло, увеличили силу пробивающихъ тружениковъ и сдѣлали бой менѣе труднымъ, побѣду болѣе скорою и вѣрною... Если бы этотъ олиморазумный государь не удерживалъ вокругъ себя толпы, — можетъ, всѣ они бросились бы, и «безумное» предпріятіе головорѣзовъ оказалось бы не безумнымъ, и они сами не погибли бы, а увѣнчались успѣхомъ... Разсудите хорошенько и скажите, въ какой мѣрѣ нравственно и чисто можетъ быть успѣхъ этого воздержателя горячихъ стремленій и рѣшительныхъ мѣръ... Онъ окруженъ славою, почетомъ, о немъ кричитъ вся Европа, онъ создастъ Италію (упрочивая себѣ въ то же время состояніе въ 40.000,000 франковъ), ему удивляются, что онъ работаетъ по 14 часовъ въ день надъ дипломатическими нотами въ своемъ роскошномъ кабинетѣ... И въ то же время забрасываютъ грязью, позорятъ и осмѣиваютъ людей, которые идутъ завѣдомо всѣмъ къ той же великой цѣли, терпя на своемъ пути и нищету, и одиночество, и клевету, и изгнаніе, и тюрьму, и

при всемъ томъ сохраняя больше бодрости и вѣры, нежели могучій министръ, претендующій ворочать судьбами государствъ... И онъ самъ не совѣстится бросать въ нихъ камнемъ, — въ нихъ, которыхъ труды и страданія выростили для него такіе сладкіе плоды!».

Я ничего не отвѣчалъ моему сициліанцу. Да и стоитъ ли отвѣчать на подобныя аллегоріи?

Акт № 25/с
30
Гос. Публичная Б-ка

Собраніе сочиненій

А. И. ЛЕВИТОВА.

Съ портретомъ автора и вступительной статьей

А. А. Измайлова.

8 томовъ по 1 руб., въ изящн. переплетахъ 12 руб.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

В. В. МУЙЖЕЛЯ.

Съ портретомъ автора.

9 томовъ въ изящныхъ переплетахъ 14 руб. 25 коп.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

ВАС. И.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Подъ наблюденіемъ автора.

10 томовъ въ изящныхъ переплетахъ 19 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

Н. Ф. ОЛИГЕРА.

Подъ наблюденіемъ автора.

5 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. перепл. 8 руб. 75 коп.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

Н. М. ОСИПОВИЧА.

Подъ наблюденіемъ автора.

4 тома по 1 руб. 25 коп., въ изящныхъ переплетахъ 7 руб.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Каталогъ изданій Т-ва „Просвѣщеніе" высылается, по требованію, безплатно.

Акц. О-ва «Просвѣщеніе»
Цѣна 2 руб. — к.
112/54-7
4238/3

ЦѢНА 1 РУБЛЬ

Обращаемъ вниманіе подписчиковъ на изготовленные нами

изящные переплеты

для нашего изданія классиковъ.

По желанію, подписчики могутъ получать дальнѣйшіе томы уже переплетенными, чѣмъ ими будутъ сбережены издержки, которыя должны бы впослѣдствіи потребоваться на выписку и отдѣльную пересылку крышекъ и на вплетеніе въ нихъ книгъ.

Цѣна переплетеннаго тома на 50 коп. дороже цѣны книги. Цѣна крышки отдѣльно — 40 коп.

Товарищество
„Просвѣщеніе“

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д № 75.

119
m. VII /54-2